ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

Сборник статей

Москва 2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва 2004

Ответственный редактор *д-р ист. наук П.Н.Зырянов*

Редколлегия:

д-р ист. наук П.Н.Зырянов (отв. редактор.), канд. ист. наук А.Г.Гуськов (отв. секретарь), д-р ист. наук А.И.Аксенов, д-р ист. наук, проф. Н.М.Рогожин

> Работа подготовлена в Центре истории русского феодализма ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск нашего издания включает статьи по некоторым актуальным проблемам источниковедения отечественной истории XIII-XVIII вв. Сборник открывается обстоятельным исследованием Е.Н.Марасиновой о жизненном пути и воззрениях русского литератора и дипломата XVIII в. И.И.Хемницера. В основу исследования положен анализ его эпистолярного наследия, обширного и доселе мало изученного. Такого же рода источник, еще менее известный и изученный, — личная переписка царя Алексея Михайловича — использован в статье А.В.Гусева. Обе статьи дают возможность ещ раз убедиться, что личная переписка, в наши дни, к сожалению, уходящая в прошлое, — незаменимый источник для раскрытия внутреннего мира и умонастроений личности, а также для отображения повседневной жизни.

Другая крупная проблема, которую ставят авторы публикуемого сборника, — источниковедческая сторона изучения приказной системы управления. В статьях А.Г.Гуськова, Е.В.Ивановой, К.А.Изотовой, Д.В.Лисейцева анализируется делопроизводство Печатного и Посольского приказов и особо — Великого посольства 1697-1698 гг. В статье О.В.Новохатко рассматривается законодательство второй половины XVII в. о внутреннем распорядке приказов. В статье А.Д.Шаховой освещены жизнь и положение московских приказных дьяков.

Состав и эволюция правящей боярской верхушки XIII-XVII вв. стали объектом изучения в статьях А.В.Кузьмина и А.В.Карандеева.

Ряд статей (Е.Н.Ефремовой, Е.А.Тимохиной, И.Н.Шаминой) посвящн анализу массовой документации допетровской Руси как источнику по исследованию е социально-экономической истории.

Таким образом, статьи сборника анализируют источники о социальных структурах русского общества, отражают тенденции эволюции власти и права, а также личности при переходе от феодализма к новому времени.

ИОГАНН ХЕМНИЦЕР (Судьбы людей русского XVIII века)*

Хемницер достоин жить в памяти потомства.

Я.К.Грот

Висссарион Белинский однажды заметил, что царствование Екатерины II— это «драма, пестрая и яркая по разнообразию характеров, греческая трагедия по царственному величию и исполинской силе героев, создание Шекспира по оригинальности и самоцветности персонажей» Если действительно, следуя за воображением признанного критика, уподобить правление императрицы грандиозному театральному действу, то на авансцену выйдут прежде всего покоритель Тавриды Потемкин, легендарный Суворов, могучий поэт Державин и прочие «орлы» екатерининского царствования. Полузабытый баснописец Иоганн Хемницер окажется фигурой второго плана.

Первое прижизненное издание произведений Хемницера под заглавием «Басни и сказки N... N...» вышло в 1779 г. в Петербурге², последовавшая за ним в 1782 г. вторая публикация также была анонимной³. Разумеется, эти собрания сочинений не содержали никакой информации об авторе. Спустя 15 лет после смерти баснописца его друзья, литераторы Н.А.Львов и В.В.Капнист, издали «Басни и сказки И.И.Хемницера в трех частях»⁴. Книга сопровождалась очерком Львова «Жизнь сочинителя», представляющем из себя фрагментарные и порой курьезные сведения о баснописце, за которыми довольно сложно было обнаружить истинный образ. Тем не менее, почти во всех последующих изданиях басен Хемницера, а их вплоть до 70-х гг. XIX в. насчитывалось более 30-ти, очерк «Жизнь сочинителя» перепечатывался вновь и вновь⁵. Лишь незначительные добавления иногда вносились в воспроизводящийся на протяжении полувека текст⁶.

В 1873 г. знаменитый филолог и историк академик Я.К.Грот в процессе работы над биографией Державина не-

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 03-01-00134а.

ожиданно стал обладателем бумаг Хемницера, которые хранились у его внучатой племянницы, а также у потомков Капниста. Я.К.Грот немедленно издал большую часть этих рукописей. в том числе: письма Хемницера Львову; «записную книжку», дорожные заметки, сделанные во время путешествия в Западную Европу, журнал поездки в турецкий город Смирну, черновики, планы басен и некоторые другие материалы⁷. Публикацию Я.К.Грот снабдил библиографическим перечнем изданий Хемницера, выписками из статей о творчестве баснописца и его обстоятельной биографией, которая до сих пор остается самым полным и авторитетным жизнеописанием. Рукописи, ставшие доступными благодаря изысканиям Я.К.Грота, позволили, по словам самого издателя, увидеть Хемницера «посреди его вседневной жизни, в тесном приятельском кругу, непринужденно высказывающим все, что у него на душе» 8. Но несмотря на блистательную находку академика, значительных работ, посвященных жизни баснописца, в последующие годы не появилось.

Отчасти это было связано с уменьшением популярности жанра басни. В 30-40-е гг. XIX в., возможно под влиянием славы Крылова, произведения одного из первых русских баснописцев Хемницера издавались порой несколько раз в год, развозились по ярмаркам и даже считались предметом спекуляции⁹. В середине века интерес к басням и соответственно их авторам падает, сочинения Хемницера исчезают из книжной торговли¹⁰. А поскольку он привлекал внимание преимущественно литературоведов¹¹, которых жизненный путь писателя интересовал меньше, чем язык и стилистика его басен, то личность Хемницера оказалась практически преданной забвению.

Переиздания его произведений, биографические словари, учебные пособия по истории русской литературы содержали сведения из «Жизни сочинителя» Львова и очерка Грота¹². Авторы нескольких специальных статей о философских взглядах¹³ и социальной позиции¹⁴ Хемницера, воздействии его творчества на Крылова¹⁵ и особенностях восприятия Германии во время путешествия в Западную Европу¹⁶ концентрировали внимание на конкретных вопросах и не ставили своей целью воссоздать сложную духовную жизнь этого человека. Из одной биографии в другую так и переходит

невнятный образ рассеянного, несколько нескладного сочинителя басен с нежной душой и безыскусными шутками, горячо преданного дружбе и, видимо, не слишком удачливого в любви. Его фигура теряется за известностью Крылова и более знаменитых друзей — блистательного Львова, великого Державина, едкого Капниста. А между тем Хемницер имел по-своему уникальную судьбу, и сохранившиеся благодаря Я.К.Гроту рукописи дают возможность не только прикоснуться к внутреннему миру незаурядной личности, но и уловить в истории его жизни черты эпохи, которые не прочитываются по более типичным биографиям. Сам академик в предисловии к опубликованным материалам писал, что Хемницер «является в них лицом замечательным ... по необыкновенным обстоятельствам своей жизни» 17.

Иоганн Хемницер родился 5 января 1745 г. в Енотаевской крепости под Астраханью, в семье военного штаб-лекаря Иоганна Адама Хемницера (Johann Adam Chemnitzer¹⁸ (1715-1789)), который происходил из саксонского города Фрайбурга и еще в молодости поступил на русскую службу. Мать Хемницера, София (1721-1789), была родом из Кенигсберга. В 1742 г. она вышла замуж за Иоганна Адама и имела от него троих сыновей и четверых дочерей. В доме говорили на немецком языке и исповедывали лютеранство. Детство Хемницера прошло на южных окраинах России, где практически не было учебных заведений. Отец сам преподавал сыну немецкую грамматику, латинский язык и правила счета, от астраханского пастора Нейбауэра узнал он основы священного писания, инженерный офицер немного просветил его по части арифметики и геометрии, а специально нанятый грамотный человек научил читать и писать по-русски. В 1755 г. семья переехала в Петербург, где по настоянию отца Хемницер продолжил образование при врачебном училище. Однако медицина и особенно хирургия мало привлекали молодого человека, и в 13 лет он оказался в пехотном Нотебургском полку. Хемницер был на военной службе более 12 лет, прошел путь от солдата до поручика, участвовал в Семилетней войне на территории Пруссии, правда, как отмечено в выданном в связи с отставкой аттестате, «на баталии не бывал» 19. Детство и юность Хемницера были описаны в воспоминаниях отца, пережившего своего сына.

Вскоре Хемницер возвращается на службу, но уже в качестве гражданского лица. То ли благодаря покровителям отца, то ли при поддержке Львова, который приходился родственником начальнику горного ведомства М.Ф.Соймонову, а, может быть, используя оба благоприятствующие фактора, Хемницер устраивается в горное училище при Берг-коллегии. В качестве члена ученого собрания училища он переводит и редактирует труды по минералогии, обнаруживая не только глубокое знание предмета, но и явную склонность к научным изысканиям и лингвистике. По всей видимости после публикации в 1770 г. одного из первых своих стихотворений, «Оды на славную победу... при городе Журже»²⁰, Хемницер сближается с Львовым, Державиным, Капнистом и становится известным лицом среди молодых людей, имеющих тягу к занятиям изящной словесностью. Державин считал, что именно Хемницер помог ему в свое время вступить на путь самостоятельного творчества.

В 1776-1777 гг. Хемницер вместе с Львовым сопровождает своего начальника М.Ф.Соймонова в поездке по Западной Европе, куда тот отправился на лечение. Свои впечатления от посещения Германии, Голландии и Франции он записал в «Дневнике путешествия по Западной Европе». Сохранились также воспоминания Львова об этом вояже Хемницера. После возвращения в Россию все с большей очевидностью проявляется интерес Хемницера к литературе. В 1779 г. выходит первая книга его басен, он сотрудничает в журнале «Санктпетербургский вестник», где также публикует свои стихи. Вскоре появляется второе и последнее прижизненное издание его художественных произведений.

В 1781 г. М.Ф.Соймонов покидает Берг-коллегию, а Хемницер теряет покровителя и выходит в отставку. Сын военного штаб-лекаря, разумеется, не мог позволить себе жизнь «частного человека». Он настойчиво ищет новое место службы и через связи Львова получает в конце концов назначение генеральным консулом в турецкий город Смирну. Летом 1782 г. Хемницер выезжает в Порту, а 19 марта 1784 г. умирает от туберкулеза в далекой «Туречшине».

Менее чем за месяц до смерти он узнает, что избран в члены Российской Академии наук. От последнего периода

его жизни остаются *«Журнал поездки в Смирну»*, *«Записная книжка» и 15 писем Львову*.

Даже кратко изложенная биография Хемницера оставляет впечатление уникальности. Родившийся на нижней Волге, немец по крови и конфессиональной принадлежности, он вырос и сформировался как личность в России. Хемницер лишь дважды и то «по казенной надобности» бывал в германских землях, сначала в качестве солдата русской армии во время Семилетней войны, а затем как компаньон и помощник путешествующего начальника. Он никогда не проявлял особого интереса к своей «исторической родине» и не стремился попасть туда. В семье Хемницера говорили исключительно по-немецки, однако он не только в совершенстве овладел русским языком, но немало сделал для его обогащения и тонкой передачи стилистики народной речи в баснях. Не получив регулярного образования, Хемницер был очень знающим человеком и с легкостью писал стихи на нескольких европейских языках. По своему происхождению он не имел никакого отношения к российскому дворянству, но между тем вошел в круг интеллектуалов екатерининского времени и стал выразителем ценностей образованной элиты. Будучи лютеранином, генеральный консул самоотверженно отстаивал в мусульманской Порте интересы России и в том числе храмы местного православного населения. Честный исполнительный чиновник, он в действительности всегда тяготился государственной службой и с радостью отдавался поэзии. Слывя чувствительным и застенчивым, прославился, однако, как автор басен и эпиграмм.

Внутренние и внешние события этой незаурядной судьбы отразились в самых разнообразных документах. «Хемницер достоин жить в памяти потомства уже и одними своими баснями, — писал Я.К.Грот, — но мы позволяем себе думать, что он приобретает на это еще больше права теперь, когда образ его, как человека и писателя, яснее и полнее прежнего восстановляется перед нами из подлинных его бумаг и переписки»²¹. В сатирах отразилась повышенная восприимчивость Хемницера к порокам своего времени и часто пронзительное понимание человеческих нравов. Черновики, наброски и прозаические планы поэтических произведений приоткрывают его работу с языком и композицией будущей

басни. В дневнике путешествия по Европе и журнале поездки в Смирну запечатлелась избирательность восприятия Запада и Востока выросшего в России человека. Атмосферу в семье Хемницера доносят до нас воспоминания его отца. Но, на мой взгляд, наиболее емким свидетельством глубинных переживаний этого человека стали его послания Львову, написанные незадолго до смерти и вобравшие весь предшествующий опыт баснописца. Внимательное прочтение последних манускриптов Хемницера и сопоставление их с материалами других его документов дают шанс уловить сложные мотивы действий и реакций личности XVIII века.

Российский подданный

Первое из 15-ти сохранившихся писем Львову от 8 июля 1782 г. написано в городе Херсоне, откуда Хемницер направлялся на место своей службы в Смирну. Следующее письмо также было отправлено из Херсона. 8 августа Хемницер пишет другу уже из Константинополя, а 10-го — из Буюк-Дере, небольшого поселения близ турецкой столицы, где имели свои особняки полномочные представители различных стран, в том числе и российский посланник Яков Иванович Булгаков. Осенью 1782 г. Львов получает письмо уже из Смирны, и в течение года Хемницер исправно, практически каждый месяц, пишет другу. Затем почта прерывается в связи с тяжелой болезнью автора, а в марте 1784 г. Львов получает последнее послание, по всей видимости, когда Хемницера уже не было в живых.

Генеральный консул шутливо напоминал в письмах, что «приехал в Смирну удовольствовать любопытство» 22 своего заинтересованного адресата. И действительно, он подробно излагал другу обстоятельства своей службы, фиксировал реалии проводимой на Востоке политики, делился впечатлениями, которые на него производили нравы и образ жизни турецкого населения.

Хемницер получил место генерального консула в критический момент противостояния России и Порты. По заключенному в 1774 г. Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получала крепости Керчь, Еникале и Кинбурн со степью

между Бугом и Днепром; Крымское ханство объявлялось независимым от Турции, а Черное и Мраморное моря свободными для русских торговых судов. Султан не намерен был смиряться с потерей земель и влияния, а Россия не только закрепляла победы, активно осваивала Южное Причерноморье, но и явно претендовала на подчинение Тавриды. Установившийся непрочный мир был чреват новой войной, приближение которой сдерживалось лишь известным равновесием сил двух империй. В этой ситуации ключевая роль переходила от полководцев к дипломатам. Им предстояло, не раздражая турецкие власти и не давая Порте повод для возобновления военных действий, исподволь подвести крымского хана к мысли о добровольном присоединении к России, а турецкого султана к пониманию неизбежности окончательной потери Тавриды.

И при петербургском дворе, и в Коллегии иностранных дел понимали, что полномочные представители России становились в Порте заложниками рискованной внешнеполитической игры²³. Скрытая враждебность турецких властей усугублялась интригами европейских государств, противодействующих усилению русских на Востоке. Хемницер видел «зависть кипящую беспрестанно в толпе иноплеменных»²⁴, и порой ему казалось, что его окружают «змеи шипящие»²⁵.

В Порте, взбудораженной недавно законченной войной, было очень неспокойно. «Всякий день франки режут турок, а турки франков, а иногда и франки между собой режутся»²⁶. Константинополь встретил Хемницера пожаром, бушевавшим 60 часов и уничтожившим две трети города. «Чернь» вину «возносила» на русских, «что будто они зажгли по причине Крыма или лучше сказать, чтоб занять их кроме Крыма другим»²⁷. Незадолго до приезда Хемницера в Смирну «рагузейцы с славянами перерезались; мщение за мщение и наконец сделавшись война общею, славяне все бросились было к рагузейскому консулу в дом, которой по счастию успел спастись в доме голландского консула, где высидел он 2 недели карантину, пока все утихло»²⁸. Местные жители, особенно православные, с напряжением и страхом ожидали новой войны. Эта тревога накаляла обстановку и порождала мгновенно распространяющиеся слухи. Стоило вечером драгоману²⁹ и янычарам заехать к Хемницеру по незначительному и вовсе не секретному делу, как российского консула «успели уже иные турками повесить, другие в части изрубить, и как кому рассудилось». «При всем том, однако, о чем турки и не думали, теперь в голову прийти им может», — писал Хемницер о домысле, который мог показаться мусульманам Смирны не такой уж нелепой идеей. В этих условиях пребывание в Порте требовало от генерального консула большой выдержки, твердости духа и умения «наружно играть политического актера» 30.

Солдат, баснописец, специалист в области минералогии, он никогда ранее не сталкивался с дипломатической службой и в своей деятельности руководствовался не опытом, а пониманием или скорее интуитивным чувствованием политического интереса России. Хемницер сразу уловил, что первый глава открытого в Смирне российского консульства должен был прежде всего укреплять статус Петербурга в глазах турецких властей, местного населения и представителей европейских государств. Присущая дипломатии повышенная знаковость каждого штриха в придворный восемнадцатый век была особенно ощутима на Востоке³¹. Именно это имел в виду Хемницер, когда писал: «Турки ни что иное, как фарс, да и я в их земле — фарс»³².

Для престижа России была важна уже сама атмосфера полномочного представителя в Смирну. прибытия «Журнале поездки» Хемницер с пристрастием отмечает, что яхта с генеральным консулом на борту отбыла из Царьграда по именному повелению, дав в честь российского полномочного посланника 7 пушечных выстрелов. В Смирне их приветствовал сначала «цесарский купеческий корабль» пятью залпами, «потом салютацию делали все прочие» 33. Толпы народа собрались на набережной смотреть приезд консула из Петербурга. Стремление возвысить достоинство представителя России заставило Хемницера отказаться от нанятых для него «по комиссии из Константинополя» гостиничных номеров. Жить в трактире «по причине той, что это трактир, а я Российского Императорского двора генеральный консул, за благо не рассудил: просто Иван Хемницер жил бы»³⁴. На «свои родные денежки» он арендует дом за 750 пиастров. Неслучайно за несколько недель до этого Хемницер отметил в «Записной книжке», что дом и сад полномочного министра Я.И.Булгакова в Буюк-Дере «превосходят всех прочих огромностью и великолепием» 35 .

Хемницер быстро переломил привычку турков обращаться с консулами других государств, как с «оброчными крестьянами», и принимать от них поклоны - «нет, шалуны, ошиблись». Изящно отстранил он и попытку «великого учтивца», местного судьи (кадия), задобрить консула России, которая теперь сама диктовала свои условия Турции. «Кадий сыграл ныне со мною фарс, что прислал ко мне разные его женщинами вышитые ковры в ... подарок, хотя он и сказать велел, чтоб я это не счел в подарок, а принял бы так как работу его женщин; я все это и не принял в подарок, а как работу его женщин отправил к нему обратно с комплиментом, что я его благодарю за учтивость, что он мне показал работу своих женщин, которой я надивиться довольно не мог. Не знаю, что он подумал, а я думал, что подарок от кадия российскому консулу должен от российского консула назад к кадию возвратиться»³⁶.

Хемницер оказался деятельным, оборотистым чиновником. Подробные письма Львову о «штатских обстоятельствах», сохранившиеся записи «комиссий и исполнений», сделанные четким убористым почерком³⁷, толковые донесения в Коллегию иностранных дел и Коммерц-коллегию опровергают сложившееся о Хемницере представление как о рассеянном, плохо ориентирующемся в жизни человеке. «...Книги заведены, — писал он Львову, — приезжающие и отъезжающие суда с их экипажами и манифестами вписываются без запущения... Ссоры да споры судимы и разрешаемы без волокитства...»³⁸

Хемницер старался ничего не упустить для закрепления успеха российской политики на Востоке. Зная о темпах и масштабах освоения южных земель, он «сыскивает и уговаривает кого только можно, чтоб переселиться к нам в Россию»³⁹. При этом он учитывает тактику Екатерины в отношении запорожских казаков⁴⁰ и отказывается выслать их как беглых крестьян в русские земли — «гнездо» их неподалеку от Константинополя «трогать рассудил не за полезно: это дело особое»⁴¹. Способствуя расширению торгового присутствия русских на Черном море, Хемницер тщательно собирает для Коммерц-коллегии сведения о ценах на все ввозимые

и вывозимые товары, заставляет турок вернуть несправедливо взятую с греческого купца пошлину, собирается растолковать грекам, как «завести с Москвою торговлю». Он резко пресек слухи о нападении пиратов на русские торговые суда, которые распространяли французы, надеясь на бегство людей «с наших судов ... и по причине пресильной зависти, что наши корабли разъезжать стали»⁴².

Дипломатия России в Порте предполагала повышенное внимание к каждой детали во взаимоотношениях двух государств, делящих сферы влияния. Поэтому генеральный консул в Смирне, ревностно контролирующий соблюдение Кючук-Кайнарджийского договора, доводит дело о повешенном за убийство русском матросе до разбирательства в Константинополе. Российского подданного можно было «по капитуляциям» судить только в присутствии русских драгоманов в столице. В конце концов Хемницеру стало известно, что губернатор Смирны едва не поплатился жизнью за казненного матроса. «Если это будет, что ему либо голову отрубят или его задавят, то хоть верхом на здешних турок садись» 43, — писал он Львову.

Пристальное внимание дипломата усиливалось у Хемницера склонностью баснописца к наблюдению за человеческими нравами. Он тонко улавливал изменения в настроениях турецких властей и местных жителей и видел в них явные симптомы укрепления позиций России. «Турки мои с часу на час глаже становятся. <...> Теперь мой кади говорит: ...читайте указы, от Порты присланные о русских, и сердце у вас выскочит». Еще до заключения 10 июля 1783 г. нового коммерческого трактата с Турцией русская торговля начала происходить «почти безданно, беспошлинно. <...> ...наши боясь только Бога да стыдясь совести пошлину платят, и то только разве десятую часть. Только и твердят что Москов, то есть русских трогать не надобно». Достаточно было одного инцидента с русским моряком, от которого подвыпивший прохожий добивался ответа о национальности, чтобы, кадий, немедленно удовлетворив требование генерального консула, по всей Смирне расставил янычарские пикеты. «Таким образом имя российское защитою служит теперь и прочим» 44.

Хемницеру выпала возможность реально почувствовать возрастающий политический вес Петербурга и осознать свою

непосредственную причастность к ошеломившим Европу дипломатическим и военным успехам расширяющейся империи. Сам факт приезда российского консула в Смирну «всю тревогу здешнего народа о предстоящей по мнению их войне в ничто обратил». «Прочие консулы... под моею подпорою жить здесь ныне думают надежнее. Какова Россия?» 45

Как сатирик, Хемницер мог и не одобрять агрессию правителей, претендующих на расширение территории своих держав.

... А сколько государств, которые упали,
 Когда безмерное пространство получали?
 И я бы на совет такой
 Весьма охотно согласился,
 Что лучше дом иметь исправный небольшой,
 А нежели дворец, который развалился⁴⁶.

Он мог осудить несущие смерть и запустение войны и предпринимаемое после кровавых побед восполнение людских ресурсов за счет переселенцев. В планах басен есть образ льва, который «вознамерился» свой безлюдный околоток заселить соседями, обещая им привилегии. Стал он «богатее животным народом. Что ж? рассудись ему войну начать. Сраженье за другим через короткое время опустошило всю его область, и стало безлюднее прежнего. Теперь хотел бы я спросить: к чему же землю он старался населить?» Между тем практика повседневной жизни диктовала Хемницеру другие чувства. В баснях, предназначенных для печати, звучит ирония по поводу монархов, затевающих войны из одного честолюбия:

Причины, говорят, другой он не имел, Окроме той, что так хотел.

В дневнике, где по сложившейся привычке он исключительно для себя фиксировал внезапно возникшую мысль или поразившее его впечатление, а также в частных письмах Львову едкая сатира уступает место искреннему восхищению нарастающей экспансией Екатерины. «Так точно видеть мне случалось, что те, которые против разграбления целых государств шли, после туда же в помощники пристали» На уровне обыденного сознания в этом отношении Хемницер мыслил общепринятыми категориями русского XVIII века.

Проезжая через земли осваиваемого Причерноморья, он обращает внимание на возникающие в степи города, новые

военные и торговые корабли «на штапеле» 48, возводимые крепости, иначе говоря, конкретные элементы так называемой организации межимперского пространства⁴⁹, через которые проходили невидимые нити напряжения между соперничающими державами. «Ну, братец, Херсон, подлинно чудо. Представить нельзя чтоб в три года столько сделать можно было. Представь себе совершенную степь, где ни прутика не только дому сыскать можно было. Теперь крепость, и крепость важная такая, например, какие из лучших мы в Нидерландах видели» 50, — пишет Хемницер Львову. И примерно такую же, может чуть менее эмоциональную и более информативную, запись делает в дневнике. «Город сей, который... заложен 1778 г. в октябре, нашел я уже в большом успехе хотя он третий только год как заложен..., на степи бывшей Запорожской Сечи...; но город Херсон успехами своими, как крепостью, так и строением в самой крепости... заставляет о степи этой забыть»⁵¹.

Победа имперского оружия или успех петербургской дипломатии должны, по мнению Хемницера, производить радость и восхищение в «русской душе»⁵². Он абсолютно уверен в праве и возможности России «плавать да плавать из Черного моря в Средиземное, а из Средиземного в Черное»53. Заложенная еще Петром и достигшая своего апогея при Екатерине⁵⁴ идея великодержавности и пользы Российской империи владела и сознанием Хемницера. Вспышки праздничных фейерверков бросали свой отблеск на жизнь каждого подданного. Возвышающее чувство причастности к успехам огромной победоносной страны усиливалось на чужбине, в ситуации, когда отстаивание интересов России являлось главным смыслом службы, а статус российского консула - главной защитой от враждебного окруже-Пожалуй, государственное мышление, определяющее многие ценностные реакции Хемницера, можно считать основным наследством, полученным им от своего российского подданства⁵⁵.

Поражает на первый взгляд, что консул, находящийся практически во враждебной стране, отношения с которой балансировали на грани новой войны, не испытывает никакой личной неприязни к местным жителям и называет их почти ласково «мои турки». Он отмечает, что «гостеприимство у турок из числа первых добродетелей», и в

письме, отправленном сразу же по прибытию в Смирну, отзывается с искренней теплотой о приставленных к нему янычарах. «Янычары мои, бесполитичные души, меня очень полюбили. Я им сделал софу, говорю с ними, и эти добрые люди мне всякого блага (это их слова) желают. Сколько я турков в короткое время узнать мог, то нахожу, что этот народ, по крайней мере, что сказал, то и сделал»⁵⁶.

Отсутствие ненависти и агрессии к туркам было связано не с природным добродушием Хемницера⁵⁷, а объяснялось в значительной степени спецификой идеологического обоснования русско-турецких войн и в целом стратегии внешней политики Екатерины. В многочисленных рескриптах, или иначе говоря, «мудрых повелениях»⁵⁸, императрицы полномочному министру России в Константинополе и его подчиненным прямо была сформулирована высшая цель всех предпринимаемых усилий: «величие и польза Империи нашей»⁵⁹. Показательно, что эта главная государственная ценность легко заменялась рядом синонимов - «слава России» или «достоинство Престола Нашего», которые предполагали в конкретном контексте отношений с Константинополем «новые и многие выгоды для торговли» 60 , «приведение дел наших с Портою в решительное положение» 61 и «умножение инфлюенции в Европе»62. От Я.И.Булгакова и других представителей Петербургского двора в этой ситуации ожидалась «твердость, достоинству министра нашего сходственная» 63. В указах, реляциях, донесениях и других документах, обслуживающих каждодневную политическую практику, а также в частной переписке, дневниках и даже мемуарах современников, то есть в источниках, отражающих прежде всего обыденное сознание, оценки жесткого противостояния России и Порты лишены любых религиозно-исторических ций. Наказание неверных, освобождение православных изпод мусульманского ига, борьба за святыни завоеванной Византии и т.п. в действительности очень мало значили для полководцев и дипломатов. Они были вдохновлены «позитивной стратегией» расширяющейся империи и хорошо усвоили только одно — ничто «не может убедить нас уступить единый шаг из того, к чему мы право имеем» 64 или, говоря словами Хемницера — «пока моря да корабли будут, ездить станем»⁶⁵.

Для человека средневековой, московской Руси Царьград (Константинополь) был столицей Византии, от которой он воспринял свою веру. Падение второго Рима под натиском иноверцев наделяло особой харизматической ролью третий Рим, Москву, и превращало русскую землю в единственное прибежище истинного православия. Мусульманский Константинополь стоял на пути русских праведников в Святую землю, которую они воспринимали сквозь призму событий Ветхого и Нового Заветов 66 . С другой стороны, история вассала Порты, Крымского ханства, от набегов которого веками страдали южные земли, уходила корнями в катастрофу монголо-татарского нашествия на Русь. Казалось бы идеология борьбы с Турцией должна была апеллировать к сакральному сознанию русского человека и его исторической памяти. Однако блистательные успехи российской восточной дипломатии и две победоносные русско-турецкие войны последней трети XVIII в. свершились под лозунгами «ревностной службы императрице и Отечеству» и «славы российского престола». Выстраданный веками сокрушительный удар по Порте был нанесен людьми екатерининского царствования, которые особенно не задумывались над концепциями третьего Рима и истинного православия. И в этом заключался еще один парадокс русской истории.

Разумеется, в текстах с яркой идеологической направленностью - высочайших манифестах, указах о награждениях, воспевающих парадных одах, нотах европейским державам, торжественных богослужениях - отчетливо выражена мысль о высокой миссии России, духовной преемницы Византии в борьбе с «общим ненавистником имени христианского оттоманским правительством». Этими же идеями было проимператрицы никнуто И воззвание K балканским «славянским народам православного вероисповедания, в турецком подданстве находящихся», а также знаменитый «греческий проект» Екатерины, предполагающий воссоздание под эгидой православной России греческой империи. Трон этой будущей державы, призванной противостоять мусульманскому миру, она предназначала родившемуся в период особенно жесткой конфронтации с Турцией внуку, которому дала знаковое имя Константин.

Высочайше заявленная семантика была растиражирована в литературе того времени. В 1786 г. выходит «Описание Архипелага и варварийского берега» с посвящением великому князю Константину Павловичу: «Константин основал престол в Царьграде и посвятил Восточную империю. Константин потерял град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство»⁶⁷.

Сбывающееся пророчество о присутствии русских в «граде Константина», Константинополе, озвучено и в поэзии Г.Р.Державина.

Иль Россов идет дух военный, Христовой верой провожденный Ахеян спасть, агарян стерть? Я слышу, громы ударяют, Пророки, камни возглашают: То будет ныне или впред!

Далее поэт дает многозначительное примечание: «В Византии находятся камни с надписями ... которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя, мистически находя о том пророчества в Библии»⁶⁸.

Между тем в идеологической стратегии Екатерины доминировало не сакральное мышление, а прагматичное использование религиозных символов в политических целях. Если речь шла о поддержке греческой церкви или покровительстве православным подданным Оттоманской империи, то прекрасно работала мессианская роль Московии. Если же политическая целесообразность требовала защиты независимости Крымского ханства от Порты, о которой было объявлено в документах Кючук-Кайнарджийского договора⁶⁹, или присяге на верность российскому престолу мусульманского населения присоединенных территорий, то здесь включалась совершенно иная аргументация. «Вы можете внушить министерству оттоманскому в рассуждении единоверных им ныне под державу нашу присоединенных, - прямо заявлялось в рескриптах Булгакову, - мы желаем, чтоб подвластные скипетру нашему обязаны были их благоденствием единственно нашему об них промыслу ... а отнюдь не посторонним заступлениям и ручательствам»⁷⁰. Иначе говоря, в сфере политики первичным являлось главенство имперского начала и в духовных делах, а не вопрос о пагубной магометанской вере «басурман». Для блага «нашего престола» Екатерина могла

учитывать многоконфессиональность «вверенного» ей государства, провозглашать религиозную терпимость, использовать во время высочайшего посещения Казани специально выученные фразы на арабском и татарском языках, предоставить российским мусульманам право беспрепятственно возводить мечети⁷¹ и т.п.

Таким образом, религиозно-православная стилистика официальных посланий Петербурга европейским дворам и метафоры торжественных од, в которых «славный Росс» «темиров попирал ногою» 72, не были приложимы ни к реалиям политики, ни к спонтанно возникающим ассоциациям в практике повседневной жизни. Хемницер и Львов не касаются в переписке темы провидения, приведшего русских на берега Босфора. Зато адресат генерального консула требует уже в первый день вступления его на турецкую землю «послать сведения о здешнем месте, торговле и проч.» 73 Подробные «отчеты» Хемницера другу, а также «Журнал поездки в Смирну» отразили специфику восприятия человеком екатерининского царствования Порты и Восточного Средиземноморья.

Из Буюк-Дере, где Хемницер, дожидаясь яхты в Смирну, проживал в доме российского министра, как-то поздним вечером он отправляется в Константинополь на лодке, чтобы видеть столицу Турции во время мусульманского праздника рамазан. Его сопровождают итальянский ювелир Виченчи, свободно овладевший языком за 18 лет проживания в Порте, и секретарь российского посольства Иван Иванович Северин, с которым Хемницер уже успел сдружиться. Еще на подъезде к городу они увидели яркие огни, отражающиеся в воде канала. По случаю рамазана Константинополь был освещен расставленными по периметру мечетей многочисленными плошками с горящим маслом. Однако для петербургского жителя, привыкшего к ослепительным фейерверкам и салютам, эта иллюминация выглядела бледновато, хотя «вид» и был «изрядный». Спустившись на берег ночного города, Хемницер отправился в кафе, «чтоб странствуя попросту, без затей, ничего не пропустить». Все кофейни были забиты людьми, которым по мусульманскому обычаю в рамазан не разрешается пить и есть от восхода до заката. «Подали нам трубки и по чашке кофею»⁷⁴, традиционно без молока и сахара. Остаток ночи они с Севериным провели в доме у ювелира, а с утра отправились бродить по городу.

«Первое мое стремление было видеть церковь Софейскую», которая «показалась мне сокровищем архитектурным». Несмотря на то, что вход в храм был платный, присутствие там строго лимитировалось турецкими сторожами. «Не дают хорошенько насмотреться, а так и погоняют: вон, да вон... Согрешил я тут против турок; пожелал... весьма искренно чтоб их самих можно было из этой церквы когданибудь вытурить». Три магометанские мечети, «не малой огромности», также произвели на Хемницера впечатление своим величием. Кроме того он осматривает арсенал, правда только снаружи, где хранится «Магометово знамя», и посещает большую залу «дивана везирского», в которую приходят челобитчики, и «все департаменты собраны воедино». «Место это можно с нашим сенатом сравнить»⁷⁵. Привлекла внимание Хемницера богато украшенная шлюпка его султанского величества и адмиралтейство с разбросанными бревнами и пушками без лафетов.

Константинополь снабжался водой, поступающей в город по водопроводам, построенным еще при императоре Юстиниане. «Водоводы сии существованием своим, почти невероятным, одолжены римскому имени, ибо их с тех пор почти не починивали. Вода, по верху их текущая и капающая по стенам, и между камней по сводам пробивающаяся, составила во многих местах целые глыбы stalactita или капельника, коего я глыбу с собою взял»⁷⁶, — отмечает Хемницер в дневнике. Улицы и базары турецкой столицы оставили у него гнетущее чувство. Торговые ряды темны и узки, на грязных улицах (самая широкая — 6 шагов, а самая узкая — 2) всюду валяется падаль, а на заборах собираются сотнями кошки, которых кормят потрохами⁷⁷. В городе множество кладбищ, являющихся для турок излюбленным местом гуляния. «Да полно что кому по сердцу и по душе»⁷⁸, — тут же усмехается Хемницер.

По русской традиции, он называет Константинополь Царьградом. Однако в дневнике записывает: «Мне кажется, что российским словом Царьград все сказано, что только сказать о таком месте можно: но, по нынешнему строению и образу жизни людей, можно справедливее сказать Царь-

место»⁷⁹. Он приводит Львову курьезный случай с английским путешественником, который «не сходя с корабля своего проехал канал до самого устья его черноморского, поворотил и проехал Царыград вторично, и совсем опять в Белое море убрался; а в Царыград ни ногой, что бы после большого прекрасного зрелища не увидеть низкое и гнусное игрище»⁸⁰. Босфор и Дарданеллы потрясли и воображение Хемницера.

«Канал Цареградской! что это за вид! <...> ...описать не можно: а надобно его чудо видеть» 81 , — сообщает он Львову. Однако в дневнике баснописец сумел колоритно, емко, почти с операторской выразительностью дать картину «величественного вида» пролива, соединяющего «Черное море с Мраморным и Мраморное с Средиземным». «Подъезжая морем верст за сто начинают уже показываться страшные те возвышения и горы, с обеих сторон его вмещающие. <...> При каждом повороте канала сцена вообще переменяется и все величественнее становится. Горы, из-за гор видимые, больше и меньше ясны за воздухом, по мере большей или меньшей отдаленности, кажутся беспрерывно продолжающимися. ...Кажется, что природа в рассуждении величественного и разнообразием поражающего вида, все свои силы истощила на сие место. Сады, по чрезвычайной величине кедровых, а особливо кипарисных дерев и даже лавровых, кажется, существованием своим напоминают о первоначальных временах миросоздания»⁸².

Хемницер смотрит на Порту, ее столицу и народ глазами человека своего времени и своей среды — образованного российского дворянства эпохи Просвещения. Безо всякой конфессиональной враждебности и даже без особого гонора европейца воспринимает он нравы, образ жизни и традиции магометан. Его избирательный взгляд останавливается на государственных учреждениях и главных культовых зданиях, причем как христианских святынях, так и мусульманских мечетях. Малоазийское побережье, восхитившее Хемницера своей яркой природой, актуализирует его представления не столько о былом величии православной Византии, сколько об античном прошлом этих земель. Когда «...дошли до берега славной Трои, <...> ...не без движения я остался» 83. Такой ракурс восприятия ни в коей мере не связан с лютеранским вероисповеданием Хемницера, а напротив, объясняется его

принадлежностью к культурному пространству русского XVIII века, которое структурировалось вокруг античных образов. Взметнувшиеся обелиски, грянувшие оды и гимны, специально отчеканенные монеты, вспыхнувшие фейерверки в честь торжества победы над Портой также воспроизводили стилистику Древней Греции и Рима. Завоеванный Крым должен был превратиться по воле екатерининских придворных в новое Понтийское царство с Севастополем вместо Ахтияра, Симферополем вместо Ахт-Мечети и Феодосией вместо Кафы⁸⁴.

Собственно и назначение немца, лютеранина, сына штаблекаря из Фрайбурга на должность российского консула в Порте свидетельствовало об устойчивости имперского сознания, в котором растворились религиозные, национальные и даже сословные интересы. Ни чиновники Иностранной коллегии, ни канцлер Безбородко, ни Хемницер не задумывались над парадоксальностью этой ситуации. Представитель Петербурга в Смирне «с основательностью берется» не только отстоять права греков на ремонт православного храма, но и добиться строительства нового для прибывающих российских подданных. Поскольку «церковь каждая из прочих в Смирне находящихся наций европейских имеет», помимо того, что «двор наш по трактату Карнарджийскому и без упомянутого повода прямо требовать может»⁸⁵.

Сам же Хемницер, по всей видимости, не посещал протестантские службы и не испытывал в этом большой потребности. Он был далек от фанатичной бездумной приверженности обряду, которую высмеял в истории, сочиненной по пословице — «дурака заставь Богу молиться, он и лоб разобьет»: дурак во время поста ждал буквального прихода Царства Небесного и, увидев однажды отражение неба в колодце, бросился туда, и «там еще и теперь».

Церковь, требующая от человека жесткого подчинения ритуалу и насаждающая благонравие, оказалась повинной в инквизиции. «Полно католики один из догматов веры, то есть чистилище, и в том наблюдают, что сочинения жгут...» Цельный неделимый образ Создателя был раздроблен церковниками на конфессии, верования, секты. «Боже единый! Боже всемогущий! долго ли еще человечеству быть ослепляему лжеучением религий, в столь разных видах ему представляемых!

Да проповедуют только тебя единого все племена и языцы в равном понятии и да не делают зла друг другу»⁸⁷.

Антиклерикальные взгляды Хемницера, весьма характерные для мыслящего человека его времени, отразились и в литературных пристрастиях. Как все представители российской интеллектуальной среды, он хорошо знал произведения многих просветителей, и прежде всего Вольтера и Руссо. Автора «Орлеанской девственницы», которую, кстати, пытался переводить, он почитал прежде всего за дар сочинителя⁸⁸.

Все говорят: «Волтер божественно писал». Я этого не примечаю, А только знаю: Волтер божественно перу повелевал⁸⁹.

Однако наиболее близка эмоциональному настрою Хемницера оказалась утонченная духовность Руссо, который был интересен ему и как личность. «Тот, кто сможет читать Руссо, не почувствовав силу и истинность его чувств, без сомнения, сам ими не обладает» 90. Вспоминая совместное путешествие по Европе, Львов писал: «Живучи в Париже целую неделю, ходил он каждое утро стеречь, когда Жан-Жак выдет из дому своего, и увидев его один раз, мне уже покою не было, что я живучи с ним в одной комнате не видал Жан-Жака...» ⁹¹ В записной книжке Хемницера сохранился реестр книгам, которые он давал друзьям для чтения. В библиотеке баснописца, в частности, значились «Система природы» Гольбаха, изданный в начале XVIII в. атеистический «Трактат о трех обманщиках» анонимного автора, сочинения Делиля де Саля, за дерзкое содержание которых он был приговорен к жестоким наказаниям⁹².

Пережив охлаждение к официальной церкви, Хемницер не воспринял, однако, ни мистики масонов, также захватившей некоторых его современников 93 , ни атеистических идей «умов великих», которые

... весь свет случайным быть считают Со всем порядком тем, который в нем встречают, И лучше в нем судьбе слепой подвластным быть, Чем Бога признавать, решились?⁹⁴

В современном понимании он был верующим человеком, чуждым «дерзкого сомнения в противность творцу» и убежденным в духовной первооснове мироздания 95. Он размыш-

лял о сущности «Предвечного», о судьбе, о смерти, неслучайно отдав дань жанру эпитафии. Разумеется, личность этого глубокого, тонко чувствующего человека не исчерпывалась лишь государственной службой. Он находился в сложных противоречивых отношениях и с официальной сферой, и вообще с окружающей действительностью, и порой с самим собой.

«Хлеб мой насущный маленькими ломтями резан, да была бы только душа сытее»

Родившись в Енотаевской крепости, затерянной на далеких южных окраинах России, в 13 лет оказавшись солдатом в действующей армии, имея перед собой пример отца, который от штаб-лекаря дослужился до надзирателя петербургского сухопутного госпиталя, но всегда был беден, Хемницер не мог не усвоить жизненной философии разночинца.

В умеренности все блаженство состоит; А кто ее не знает, Мечты, не счастья, тот желает⁹⁶.

Он был лишен гонора потомков древних боярских родов, не стремился к безудержной роскоши и ее блистательным демонстрациям, столь типичным для русского поместного дворянства, совершенно очевидно, что не мечтал он и о «случае» женского царствования. Хемницер довольно спокойно воспринимал свою скромную, медленно продвигающуюся карьеру, а вернее «службишку» и не отождествлял состоятельность личности, в том числе и собственной, с чином.

Чины для дураков лишь только введены, Достоинства ж от них не будут усугублены.

Он довольно рано обнаружил в себе тягу к уединению, способность погрузиться в занятия наукой и обостренную, едкую восприимчивость к человеческим слабостям и несправедливости мира, присущую сатирикам.

Я полагал было себя определить, Чтоб сходно с склонностью моею век прожить: В науках, например, приятных упражняться И светских всех сует как можно удаляться, То с равнодушием об оных размышлять, А иногда пером их тайно осмеять⁹⁸.

Сходный идеал тихой пасторали и вольного поэтизирования был достаточно распространен в среде дворянских интеллектуалов⁹⁹. Хемницер пришел к нему довольно легко в силу своего происхождения, воспитавшей его семейной атмосферы и той особой внутренней сосредоточенности, которая либо дается человеку, либо нет. Многие же его современники разочаровывались в «суетах светских» и формулировали для себя новые ориентиры через горечь поражения в борьбе придворных партий, усталость от интриг, бессильное презрение затухающего рода к временщикам, ловко расхватывающим у престола чины и деревни. Немецкий баснописец на русской службе счастливо избежал тяжелейшего кризиса переоценки ценностей. Однако он столкнулся с другой губительной проблемой – необходимостью выбора между материальной необходимостью небогатого человека служить и настойчивой потребностью писать. «Вот каково служить: я например расположен писать что-нибудь, а вдруг встревоженный мой дух как будто на ухо мне скажет: "Нет, не до письма теперь: ты вот там-то и там-то давно на поклоне не был; ступай со двора туда"...» 100

Выход был найден Львовым с присущим только ему изяществом.

Да Львов мне не дал жить, как жить бы мне желалось (Отчасти он и прав, мне после показалось). «Послушай, — он сказал, — совета моего: Без денег ум не ум и знанье ничего, А от наук одних ты не разбогатеешь И потеряешь то еще, что ты имеешь. Стихам себя хотя утешно посвятить, Да бойся по миру ты от стихов ходить. Нет, сделай наперед себе ты состоянье» 101.

Перед отъездом в Смирну Хемницер запишет: «Я уезжаю, любезный друг, для занятия поста, который, говорят, даст мне возможность составить себе значительное состояние, впрочем совершенно честным и позволительным образом. Не имея состояния, я должен позаботиться, чем жить впоследствии» 102. Он действительно серьезно воспринял настояния друга и сам советовал В.В.Капнисту, который также в стихосложении «все блаженство находил», «жить в столичном городе, а не в деревне... ...наперед поставить себя на способную и твердую ногу...» 103

«Чтоб не таскаться по миру», он прошел через утомительное «выхаживание» «места и службы» 104, во всем полагаясь на советы Львова, лучше разбирающегося в хитросплетениях чиновной иерархии. Очевидно, что должность генерального консула, как, впрочем, и звание переводчика Берг-коллегии. стоило Хемницеру немалых усилий. «Разных родов должности и перевороты во время течения сих лет случались!» 105 Уже из Порты он сообщал другу о многочисленных услугах, оказанных полномочному министру Булгакову для приобретения «его благосклонности». «Я все делал, что мог ... даже не пропуская ничего: в Твери сыскал я дом сестры его и зятя, был у них, привез ему от них письма; в Москве был у отца его и от него также привез письма и посылки» 106. Заручившись рекомендательными письмами А.А.Безбородко и П.В.Бакунина, Хемницер всячески поддерживает столь необходимые связи с крупными сановниками, постоянно направляет им послания и преподносит так называемые подарки, например, «по боченку красного вина и Смирнского мускату каждому» 107. В книжке «Комиссии и исполнения» он записывает: «Для двора прислать также семена разные. Собрать в Смирне разное анатольское дерево, лавры, мраморы, кораллы, из коих не худо и ко двору посылать» ¹⁰⁸. Хемницер то и дело справляется у Львова, имеющего доступ к Безбородко, о реакциях на его донесения и приходит в восторг от благосклонных отзывов. «Боже мой, как меня порадовало что они обо мне вспоминают таким тоном...<...> Дай Бог и впредь угодить! <...> Начав служить с 1757 года, впервые службу исправил в 1783 году!» 109

Хемницер благодарит Львова за советы, беспокойно ожидает новых сведений об отношении к своим реляциям, отчитывается перед другом в настоятельных попытках добиться расположения вельмож, идет на обременительные для жалования подношения. И все это он делает с каким-то чувством опустошающей усталости, которую плохо удается скрыть в письмах и от Львова, и от себя. Хемницеру была тяжела противоестественная его натуре роль искателя мест. Он искренне удивляется, когда удается написать дельное письмо «только по внушению чувств» 110. Внутреннее напряжение он пытался снять через едкие басни и хлесткие сатиры. Может

быть именно унижению, испытанному в приемных «больших бояр», обязаны мы лучшими строками Хемницера.

«Ступай, ступай, скоряй!» — повсюду слышен звук, И топот лошадей, и лишь каретный стук. Вся сила конская в пары уж исчезает И город облаком, как мраком, покрывает. И все на тот конец, поклон чтоб развести, Как будто чтоб себя тем от беды спасти¹¹!.

Хемницер не был циничен, когда одним пером строчил прошения и обличительные стихи. В его сатирах больше горечи собственного опыта, чем язвительности стороннего наблюдателя.

Уж для меня и то уж скукой мнится быть, Чтобы по городу поклоны разносить И, выпуча глаза, пешком или в карете, Поклоны развозить к боярам на рассвете, И время в суете столь гнусной провожать, И беспокоиться, досадовать, скучать¹¹².

Браня «беспутства и дурости» 113, он не столько упражнялся в остроумии или пытался бороться с пороками, сколько снимал накипь с собственной души. Неслучайно, выпустив довольно слабые в поэтическом отношении оды, он только после длительных уговоров друзей, и то анонимно, издал свои басни, которые были написаны прежде всего по внутренней потребности и не были рассчитаны на быструю публикацию. Автобиографичные сатиры Хемницера, воспроизводящие пережитые им ситуации, приоткрывают сложную логику взаимосвязи реальности и литературы. В сатире же особенно очевиден зазор между строкой писателя и его повседневностью.

И взятки кто берет подьячего важняе? Тут с осторожностью ты должен поступить И думать, чем и как пристойней подарить, В руках которого твой иск тогда случится, Чтобы за что-нибудь не мог он прогневиться, Чтоб за обиду он не мог себе почесть, Что хочешь взятков ты каких ему поднесть, Которых гнусностью правленье почитает, И сам он в виде их как взяток не примает. И для того дай вид подарку своему, Что будто ты даришь из дружбы то ему¹¹⁴.

Он не мог изменить социально заданных обстоятельств своей судьбы, как не мог преодолеть высмеянные им отношения

в чиновной среде. В его власти было лишь в стихах и мечтах прекратить «доискивания» и бросить «идолослуженье».

Нет, друг мой, мочи нет, я город оставляю И все намеренье свое переменяю. Чтоб место где-нибудь служить себе сыскать, Уж скучно стало мне здесь больше хлопотать.

Нет, благодарен я советам всем твоим. Не выманишь меня в неволю ты из воли. И не хочу своей переменить я доли.

Блаженнейшая жизнь в свободе состоит...¹¹⁵

Написав эти строки и вернувшись к реальности, Хемницер отправляется в Смирну, в надежде, что генеральное консульство поможет ему в конце концов достичь хотя бы относительной свободы и возможности предаться изящной словесности. Но очень скоро он понял, что был прав, когда писал:

Не думаешь ли ты по службе счастлив быть, Коль будешь ревностно и верно ты служить, Когда прямою ты, служа, пойдешь дорогой И будешь истины ты наблюдатель строгой?¹¹⁶

Положенного ему жалованья оказалось мало не только на обеспечение самого скромного состояния, но даже на достойную для статуса российского консула жизнь. Он сам оплачивает «подарки, янычар и всю визитную историю» 117. Однако какое-то внутреннее целомудрие и врожденная порядочность не позволили Хемницеру в век, когда еще были очень сильны традиции местничества, превратить новую свою должность в «доходное место». Одна мысль о «гнусных взятках» вызывала в нем отвращение.

Я лучше соглашусь несчастливо прожить, Как жизнь счастливую бесчестием купить¹¹⁸.

Помимо уже упомянутой истории с коврами кадия, он был готов отказаться и от так называемых консульских денег, представляющих из себя 3 процента стоимости со всех ввозимых и вывозимых товаров. Как выяснилось, средства эти были очень приличными и заменяли представителям некоторых государств жалованье. Брали трехпроцентный налог все консулы, но только Хемницер не мог без специальной инструкции от Коллегии иностранных дел пойти на такое прибавление к довольно скудным деньгам, с перебоями поступающими ему из Петербурга.

Небольшое жалованье и сомнительные перспективы повышения должны были лишить место консула всякой привлекательности в глазах Хемницера, который к тому же проявил равнодушие к чинам и не имел не малейшей склонности к дипломатической службе, тем более на чужбине, во враждебной Порте. Но несмотря ни на что, он «сколько есть силы» старается «распоряжаться и действовать с энергией»¹¹⁹. После его смерти Булгаков писал Екатерине: «Находящийся в Смирне, Вашего Императорского Величества генеральный консул, коллежский советник Иван Хемницер по долговременной и почти беспрерывной болезни 19 минувшего марта умер ... Канцлеру тамошнего поста дал я все нужные наставления, предписав по делам прилагать старание на том же основании, как оные производились при покойном консуле ... Потеря сего человека, яко усердного Вашему Императорскому Величеству раба, заслуживает быть замечена и тем чувствительнее, особливо для меня, что во всю его в Смирне бытность я был спокоен: ни от правительства, ни от частных людей жалоб на поведение его не слыхал и должен отдать, хотя уже ему теперь бесполезную справедливость...»¹²⁰

Хемницер отличался качеством, в той или иной степени присущим многим деятелям екатерининского царствования. Помимо жажды обладания чином, деревнями, орденами, расположением императрицы и ее приближенных, то есть различными знаками социального престижа, помимо внутренней зависимости от догмата «преданности интересам государыни и престола», помимо экзальтированного восторга от причастности к победам могучей империи, в мотивационной сфере личности дворянина присутствовал еще один важный компонент. Десятилетиями культивируемый авторитет государственной службы порождал готовность самоотверженно выполнять обязательства не за награды и милость, а даже ценой их потери. «Ибо, как писал Суворов, за исход боя я отвечаю» 121. Чувство индивидуальной ответственности часто блокировало нелепые указы и непрописанные инструкции, подавляло интриги конкурирующих сановников и личные обиды обойденного по службе полководца 122. Подобное независящее от ситуации уважение к делу в конечном счете таило некую опасность для самовластия, но без

чувства гражданской порядочности был бы не возможен блистательный прорыв России XVIII столетия. «Торжественно извещаю, что если бы в самом деле и важнее бывших и нынешних по службе дел что исполнил, то это истинно по одному честолюбию и по понятию которое я о слове честь имею» 123 , — писал Хемницер Львову.

Между тем он надеялся, что место генерального консула все же улучшит его обстоятельства, как свойственно вообще надеяться человеку, и предчувствовал беду, как могут ее предчувствовать только люди, наделенные интуицией поэта. Он напишет «на меня самого» полушутливые эпитафии, которым суждено будет остаться на бумаге, поскольку могила Хемницра затерялась где-то в бывшей Смирне на кладбище, вероятно, уже не существующем 124. В «Надгробной моей» и «Надгробной на меня самого» он с усмешкой скажет об обреченности вечно служить и вечно бедствовать и обнаружит глубокое понимание тщетности всех предпринимаемых им усилий.

Жив честным образом, он весь свой век трудился, Но умер также наг, как был, когда родился¹²⁵.

И во время дороги в Смирну, и все полтора года пребывания в Порте его мучают «припадки ипохондрии», переходящие в «тягостную мрачность». Еще в Херсоне почувствовал он необъяснимую тревогу, лишившую его душевного равновесия и только ему присущей просветленности, которая исходила от него в минуты внутреннего покоя. «Только знаешь ли ты, что я уже сам примечаю, что я на себя не похожу. Я подвергаю пытке свою голову, заставляю ее размышлять, соображать, обдумывать, сколько есть у меня сил 126. Странное дело, сколько обстоятельства умом и духом нашим поворачивать могут! Нет, уж не написал бы ты теперь такова письма, в котором бы ты меня небесным Иваном назвал» 127. Хемницера волнуют не новые для него служебные обязанности и не условия жизни в далекой Турции, а собственное эмоциональное состояние, которое он никак не может предугадать и с которым боится не справиться. «...живу все еще между надежды и отчаяния, не зная что со мною будет. Не должность, ни дела меня тревожат, но протчие обстоятельства как будет жить. Поверь что голова не мало кружится. Разве судьба невидимо какими нибудь чудесами исправит, или лутче

сказать мою думу и старания, где только употребить последнее можно будет, обратит в пользу»¹²⁸.

Ожидая яхты в Смирну, он бродил по берегу моря и напряженно всматривался в даль, как будто там пытался разглядеть свое будущее. «Теперь сижу я у моря и жду погоды; однако все это не без скуки. <...> ...я, как говорится, сколько спекуляции ни делаю, однако не вижу еще, что будет» 129. Как всякий человек с неотступной мыслью, он воспринимает действительность через призму своей тревоги и во всем видит знаки, подтверждающие его нарастающие опасения. Остро и болезненно реагируя на любые сведения о жизни дипломатов в Порте, он специально ищет «людей, которые прямо о Смирне знают». При этом он остается глух к положительным отзывам и невольно накапливает в себе только негативную информацию. «Все говорят что место прекрасное, только все говорят также, что моего звания люди живут совершенно на ноге цареградских министров, если не пышнее. Признаюсь тебе, что это мне мало покою дает» 130. Он непрерывно думает о «проклятой язве», эпидемии которой «никак не утихали» в Порте, вносит в записную книжку сведения о константинопольской и левантской чуме, с плохо скрываемым за шуткой беспокойством сообщает Львову анекдот о местных эскулапах. «Ко мне все здешние эскулапы приходили... <...> Один из них всеми силами навязал на меня еликсир бальсамической от всех на свете болезней... и говорит что он отвечает если кто, употребляя этот эликсир, умрет: однако я точность его поручительства испытать не намерен»¹³¹. Разумеется, Хемницера настораживало и то, что секретарь посольства И.И.Северин «наскучил до крайности Царемградом»¹³², а венецианскому посланнику один год пребывания в Порте «заменяется за три. Вот каково Венециане о житье турецком думают!» 133

Измученный предчувствиями, он уже торопит развязку и хочет поскорее попасть в неизвестное, пугающее и неотвратимое место, называемое Смирна. «Видать ли, чтоб уж до Смирны доехать: по крайней мере на деле увижу, что со мною будет и чего быть не может. Право дума проклятая меня мучит. Да и только» 134.

Нагнетаемые опасения и страхи Хемницера не могли не подтвердиться, и сразу после приезда на место службы пере-

росли в подавленное состояние. Не успев поселиться в Смирне, он уже почувствовал усталость, и несколько недель, проведенных в Порте, показались ему вечностью. В декабре 1782 г. Хемницер писал Львову: «То подлинно, что мне в каждом из ваших писем кажется надобно превеликие перемены услышать, потому что мне кажется, что я с вами несколько уже лет расстался. И если подумаю, что только с 6 июня, так сам не знаю как промаячить то время, которое еще здесь остаться должно будет» 135. Тоска разъедала его изнутри, и порой он терял не только ощущение времени, но и собственной личности. «Скажешь не раз: где я? и что я? скажите мне кто-нибудь! Никто не отвечает. А если какойнибудь голос где и отдается, так этот голос такой, от которого больше с дороги сбиться, нежели по настоящей путь свой продолжать можно». Он пытался заглушить боль и рациональными доводами, и усилием воли, но все более убеждался, что сделать это очень сложно. «Снести боль, когда она есть, не охнув ни разу, кажется и ты не потребуещь» 136, писал он Львову. Луша его была зажата страданием, и сильное внутреннее напряжение мешало выплеснуть накопившуюся черноту в стихи. «Басни тебе прислать? <...> Кто в Туречшине басни пишет! ...ни одной еще выправить не удавалось, да и духу не было» 137.

Хемницер искал причину столь тяжелого для него психологического сбоя. Он винил сырую зиму в Порте, чужую страну, «новую и никогда известной не бывшую перспективу должности и дел» 138, а перед глазами вставали строчки из письма Капниста. «Не забыть мне сказанное в письме Вас. Вас., писанном ко мне в Петерб., когда узнал он что я в Смирну еду: "Да подумал ли ты хорошенько, что ты сделал? Да ты таки без друзей там с ума сойдешь". Типун бы ему на перо!» 139 Он с трудом переносил своеобразный эмоциональный вакуум, создавшийся вокруг него в Порте. «Надобно вообразить: что один одинехонек, не с кем слова молвить, а слов то оченьочень много; все что думаешь, скрыть в себе самом. Один дома, один вне дома, один везде» 140.

В только что открытом консульстве в Смирне он действительно был оторван даже от российской миссии, которая находилась в Константинополе. Круг его знакомых ограничивался в основном консулами других государств и канцеляри-

ей кадия. С этими людьми он не мог «податься на знакомство», поскольку «не предвидел поводов к заключению дружбы». «Нет способу, не могу пристать, не могу привыкнуть; к кому бы ты думал? К людишкам здешним» ¹⁴¹. Его приводило в отчаянье любое проявление эмоциональной невосприимчивости и «бесчувственности». В «Смирнских записках» есть небольшая история про француза, который за тысячи верст от Парижа с тупым равнодушием взирал на неизвестный план родного города, специально показанный ему Хемницером. «Я, если б не из любопытства, то по крайней мере по привязанности к своему отечеству, я бы затрепетал от радости; я чуть не сошел бы с ума... ...но мое размышление, следствие моей чувствительности и сочувствия ко всему, плохо было вознаграждено» ¹⁴².

Безусловно, депрессивное состояние Хемницера, усугубляемое частым недомоганием, было связано с особенностями его эмоционального склада. Близко знавшие Хемницера люди воспринимали его несколько упрощенно и нередко видели лишь ту или иную сторону сложной натуры этого человека. В воспоминаниях отца он остался тихим, меланхоличным, но в то же время очень любознательным, смешливым ребенком и «чувствительным благородным» юношей. Во время встречи в Кенигсберге, где стоял Нотебургский полк Хемницера, отец пытался узнать у сына об обижавшем тринадцатилетнего мальчика офицере, «обманщике и злодее». «Я должен, – пишет отец, – искренне похвалить его скромность в отношении к его гонителю, о поступках которого я имел верные сведения. Когда я заводил о том речь, он только отвечал: "И, батюшка, слава Богу, что я опять с вами!"» 143 Львов видел в Хемницере «добродушие, нерасторопность и всегдашнюю рассеянность мыслей, противоречащую его наблюдательному уму, причины и действия испытующему»¹⁴⁴. Державин писал в рекомендации, данной другу, отправляющемуся в Смирну: «Хотя своими добродетелями и любезным поведением он несомненно приобретет благоволение и приязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствах, скажу вам: Се истинный Израиль, в нем же лести нет»¹⁴⁵. А в письмах М.Н.Муравьева, сержанта Измайловского полка, в будущем известного писателя и наставника великого князя Александра Павловича, Хемницер — очень милый, живой, веселый человек, который всякий раз в маскараде, в костюме таком, что его не узнать, танцует до утра и уходит в числе последних 146 .

В Хемницере действительно странным образом соединились пылкость, пронзительный взгляд сатирика, мгновенно изобличающий человеческую слабость, и мудрое умение простить ее, которое часто принимали за простодушие. Рассеянный чудак никогда бы не написал таких строк:

Воззря на тьму неистовств сих, На страшны действия людские, На гнусность дел и мыслей их, На их сердца и души злые, Я человечества страшусь; Сам человек, себя боюсь, И тени страшны мне людские.

Он постоянно наблюдал за человеческими нравами, стараясь не упустить ни одного неожиданного поворота, ни одного интересного сюжета, которые подбрасывала ему жизнь. Он видел в людях больше, чем они могли предположить.

...Не раз, а часто мне приметить удавалось, Хотя со мной самим того и не случалось...¹⁴⁷

Он думал о том, как уловить в повседневности жанровую сцену и тему будущей басни. В Париже знакомится он с французским живописцем Грезом и посещает его мастерскую, где внимательно рассматривает полотна, изображающие порой пугающую реальность человеческих отношений и человеческой натуры. В Люксембургской галерее долго стоит перед картиной Рубенса, восхищаясь точной передачей тончайших оттенков чувств и страстей. «...Распятие, писанное Рубенсом во весь рост: Богоматерь в сокрушенном отчаянии по правую сторону, а Мария Магдалина по другую. Лица их изображены совершенными в сем страдании и такими, какими видится лицо, совершенно расплаканное, и коего черты совсем тогла изменены бывают» 148.

Басни Хемницера лишь внешне кажутся незамысловатыми. «Подражание природе», простота в творчестве и жизни были его осознанной позицией.

Кто все увертками и хитростью живет, Скорее пропадет, Как тот, кто все прямой дорогою идет¹⁴⁹. Он очень ценил естественность в человеческих отношениях и спонтанность проявления чувств. «Об одном тебя прошу, — писал он Львову, — Бога ради не теряй, естьли когда и в вышнем степене министра будешь, ту приветливость и развязанность души которую ты имеешь. Тебе сказывать нечево сколь полезно ето для себя и для людей приятно. Куды как скверно быть букою! Однако ето не до турок касается». Неслучайно в Константинополе наибольшее впечатление произвели на него «двое турок», которые, «рассуждая о чем-то, от искреннего сердца рассмеялись; и вот первой смех или первая наружная веселость души, которую я, ходя целый день и видев не одну тысячу людей, по лицу и по подобию так называемых, встретить случай имел» 150.

Очевидно, что столь тонко чувствующий человек с искрящимся юмором и трепетным воображением, глубоко понимающий жизнь и, как все сатирики, сосредоточенно всматривающийся в самые печальные ее стороны, был склонен к эмоциональным перегрузкам и депрессивным состояниям. Острая потребность в общении с близкими по складу людьми оказалась, пожалуй, наиболее уязвимым местом в душевной организации Хемницера.

В вынужденной своей изоляции на «Туречшине» у него обостряется чувство родины и развивается тяжелый недуг, который принято называть ностальгией. Отъезжая из Херсона, он с болью думает о том, что покидает «берег отечества и всех тех, которые жизнь приятною делали». «Должен буду воображать, как будто не на одном уже мире со мною» 151. Несколько позже, в Порте, он обнаружит, что «многие в нашем отечестве живучи не чувствуют своего блаженства столько, сколько чувствовать должны» 152, и придет к неутешительному выводу — «кроме отечества и самого Петербурга для меня нет спасения» 153. Знаком утраченной родины станут для него «христианская, то есть нравственная земля, друзья и родные». Иными словами, Хемницер больше всего будет тосковать по особой атмосфере глубокого понимания, взаимного интеллектуального обогащения и приятельской раскованности, которая присутствовала в так называемых дружеских кружках, возникающих в среде интеллектуального образованного дворянства России второй половины XVIII в. В этих обстоятельствах письма Львова станут для него

«единственной радостью», самым светлым событием в унылом ожидании конца только что начавшейся службы. Именно своеобразный эпистолярный разговор с другом долгие месяцы поддерживал Хемницера и давал ему ощущение собственной личности. «Тут спрошу я: где я? и что я? а письмо твое мне и даст ответ. Слава Богу, теперь хоть с письмами посоветовать да побеседовать можно» 154.

«Только у меня и праздника что письма от тебя»

Николай Александрович Львов, поэт, архитектор, живописец, музыкант, механик, издатель летописей и народных песен, специалист в области глинобитных строений, добычи каменного угля и воздушных печей, был весьма заметной фигурой царствования Екатерины. Но несмотря на столь разностороннюю одаренность, Львов не создавал шедевров и не снискал славы русского Леонардо. Его имя чаще всего упоминается рядом с именами крупнейших писателей того времени – Державина, Капниста, Хемницера, которые составили литературный кружок, где Львов, обладавший утонченным чувством изящного, слыл за главного критика и ценителя произведений друзей. Пожалуй, этот кружок и является главным достижением его жизни. Львов принадлежал к небогатому роду тверских дворян и довольно скромно начал службу в бомбардирской роте Измайловского полка. Но благодаря своей коммуникабельности, легкости в общении и востребованности в галантный век роскошествующих вельмож он сблизился с очень влиятельным тогда канцлером А.А.Безбородко, поселился в его доме и получил место в почтовом управлении Коллегии иностранных дел, куда со временем пристроил Капниста и Хемницера.

В исследовательской литературе встречаются самые полярные оценки взаимоотношений двух друзей. Мнения разнятся от признания Львова «добрым гением» Хемницера 155 до уличения его в интригах, необоснованной ревности, преднамеренном искажении образа баснописца в воспоминаниях. В некоторых работах Львов даже обвиняется в гибели друга, которому он сознательно подыскал должность консула в далекой Смирне 156. Из одной биографии Хемницера в

другую переходят никак документально не подтвержденные сведения, о том, что он был влюблен в Марию Алексеевну Дьякову, сватался к ней, не зная о ее тайном венчании 157 с Львовым, и получил, разумеется, отказ. Львов якобы, не долго думая, отправил незадачливого соперника подальше от Петербурга, а когда того не стало, написал анекдотичные воспоминания, оставив миф о внешнем безобразии баснописца, который легко был воспринят на веру потомками. Не пытаясь оправдать Львова и представить более счастливой невеселую долю Хемницера, я бы все же остереглась сводить финал длительной дружбы к банальному любовному треугольнику и примитизировать духовно и интеллектуально наполненные отношения кружка литераторов, трое участников которого, Львов, Державин и Капнист, были, кстати заметить, женаты на родных сестрах Дьяковых.

Возможно, Хемницер и пережил увлечение Марией Алексеевной, восхищавшей многих современников своей красотой. Она была радушной хозяйкой их кружка-салона, мыслящей образованной женщиной, наделенной поэтическим даром. Ей посвятил он первое издание своих басен, которые, как сказано в обращении, умоляли автора не оставлять их один на один с публикой, не прощающей иронии и сатиры:

Отдай Дьяковой нас в покров и защищенье.
Тогда хоть мы от злых услышим поношенье,
Что станем правду говорить,
Но в Ней не гнев найдем, увидим снисхожденье:
Ее одно в том утешенье,
Один закон, одно ученье,
Чтоб правду слышать и любить.
Она нас иногда от клеветы избавит,
А именем своим тебя и нас прославит,
И наших недругов заставит, может быть,
Еще нас и любить¹⁵⁸.

На посвящение анонимного издания последовал поэтический ответ, написанный вероятно не без участия Львова, в архиве которого был найден автограф следующих строк¹⁵⁹:

По языку и мыслям я узнала, Кто басни новые и сказки сочинял: Их Истина располагала, Природа рассказала, Хемницер написал. Перед отъездом в Турцию, встретив Дьякову на Васильевском мосту, Хемницер взял с нее обязательство «награждать своими письмами», особенно когда «за недосугами» будет молчать Львов¹⁶⁰. Уже в Смирне получил он от Марии Алексеевны в подарок «петлицу на шляпу», которая сразу же стала «обновкою... на свадьбе шведского поверенного в делах при Порте... Вот, сударыня, какой этой петлицы debut будет»¹⁶¹. Он всегда был рад любым вестям от Дьяковой. «Покорно благодарю вас, сударыня, что вы обо мне помнить изволите: я же виноват перед вами, думая иногда в ипохондрических моих припадках, что вы меня забыли»¹⁶².

Однако Хемницер не имел с Марией Алексеевной собственно личной переписки. В своих посланиях Львову он кланялся его «подруге» и лишь иногда обращался непосредственно к ней в самых изысканных, галантных, учтивоигривых выражениях и, как правило, по-французски. Порой Хемницер писал сразу обоим своим друзьям, воспроизводя атмосферу дружеской беседы: «Твоя подруга, говоришь ты, подле тебя, тихонько прерывает тебя в дружеских размышлениях, которые ты мне посвящаешь, искренно уверяет меня в своей привязанности ко мне и посылает мне петлицу. Право, с вашей стороны очень любезно, что вы, м [илостивый] г [осударь], и вы, м[илостивая] г[осу]д[а]рыня, будучи наедине друг с другом, вспоминаете о третьем лице, вашем приятеле. <...> Как бы я желал описать вам чувства, которые теснились во мне при чтении этих строк в вашем письме! О дружба! – Прощайте!» По всей видимости, Львовы нередко вместе читали письма от Хемницера и вместе составляли ему ответы. «Так, милостивая государыня Марья Алексеевна; он, этот о н, много ко мне написал, между тем как вы, припавши к нему на ушко и на плечо, возле него сидели, и дожидались: когда он писать кончит, чтобы вам начать»¹⁶³.

За все время переписки друзья не позволили себе ни одной оскорбительной двусмысленности, на которую, по видимому, не было и оснований. Хемницер знал о тайном венчании Львова и поздравлял супругов, когда отец Дьяковой согласился признать брак. «Вам милостивая государыня Марья Алексев на, уже без страха Львова, скажу, что я вашим письмом теперешним где вы уже без страха подписались Львовой, как быть как водится до-

волен был»¹⁶⁴. Позволю себе предположить, что Мария Алексеевна Дьякова была не роковой и не единственной привязанностью пылкого баснописца, который умел ценить женское обаяние и под утро уходил с бала. Только во время путешествия в Европу имел он несколько любовных приключений.

Муж сердится, что я к жене его хожу, А я ни малой в том вины не нахожу: Ведь я с него ж труды сбавляю. За что ж он сердится, совсем не понимаю 165.

K супружеским узам относился он с некоторым опасением, осуждал брак ради денег, а злой жены боялся не меньше «дел подьяческих и спорных» 166 .

Проверенные годами отношения двух друзей также противоречат предположениям о мнительной ревности одного из них. Львов всегда пытался помогать Хемницеру, и, кажется, нет причин подозревать его в неискренности. Используя связи с М.Ф.Соймоновым, П.В.Бакуниным и А.А.Безбородко, а также умение ориентироваться в чиновной сфере, Львов стремился обеспечить карьеру и Хемницеру, и другому своему близкому приятелю, В.В.Капнисту, которого он устроил служить по почтовому отделению. Некоторые исследователи полагают, что Львову было не трудно подыскать там же место и Хемницеру, не вынуждая его покидать Петербург 167. Однако оба друга полагали, что безусловно престижная должность генерального консула скорее и радикальнее улучшит материальное положение Хемницера, который в этом нуждался значительно больше, чем полтавский помещик Капнист. В торжественные дни воздвижения «Медного всадника» Фальконе уже из Смирны Хемницер с недоумением спрашивал Львова: «Скажи мне, пожалуйста, кому я одолжен присылкою мне по высочайшему повелению медали серебряной при письме от вице-канцлера на случай открытия монумента»¹⁶⁸.

Весь период пребывания Хемницера в Порте Львов был главным его адресатом. Еще не отработанная деятельность только что открывшегося консульства осуществлялась в значительной степени через личные письма Львова, которые заменяли иногда и газеты. Имея постоянный контакт с Безбородко и Бакуниным, он сообщал другу мнения начальст-

вующих вельмож, вел финансовые дела и всю корреспонденцию Хемницера, который через друга передавал весточки родственникам и друзьям. «Приложенные незапечатанные письма, если хочешь, прочти; а потом отправь их пожалуйста» 169. Львов был и тем человеком, которому тактичный от природы Хемницер позволял себе рассказать о невзгодах. «К домашним моим писать мне на сей почте некогда. Если кого увидишь из них, то скажи им что я здоров, хотя, между нами сказать, грудь у меня и очень побаливает. <...> Не проговорись пожалуйста моим старикам о здешних проказах...; а то они перетревожатся. Я им ни слова» 170.

Львов не только помогал Хемницеру правильно выдержать тональность официальных доношений, но и пристально следил за духовным состоянием друга, зная его подвижную и ранимую эмоциональную структуру. Некоторые фрагменты писем Хемницера создают представление о посланиях Львова, которые, к сожалению, пропали в Смирне вместе с другими бумагами умершего консула. Львов просил друга писать «обо всем», «не плакать», «не тужить», «не унывать», «не уставать». «Совет твой философической или умной, сравнивая силы наши с ниткою упругою, которую с лишком тянуть нельзя, чтобы не прорвалась, так на тебя похож! Сколько прочих твоих дружеских советов и умных размышлений я при этом вспомнил!» ¹⁷¹ Перемежающиеся длительным молчанием последние письма Хемницера не на шутку встревожили Львова. «Теперь не говори, мой друг Николай Александровичь, что я безответен и о себе как о безделье писать к тебе не намерен. <...> ...теперь внемли раба своего Ивана; коли ж так по щастию моему случилось, что ты обо мне тревожишься: в сутерп ли мне здесь и проч. то скажу тебе что очень и очень не в сутерп» 172, — писал за месяц до смерти Хемницер. Узнав о кончине друга, Львов с поразительной проницательностью понял, что тот погиб не от «простудной лихорадки». Спустя 15 лет после смерти Хемницера он напишет: «Может статься, перемещение из холодного севера на знойный юг способствовало к расстройке здоровья его; но без сомнения главнейшей тому причиной было удаление от друзей, которых общество сделалось истинной его стихией»¹⁷³.

Львов и Капнист предпримут первое посмертное издание стихов друга. Они высоко ценили его талант и были инициаторами нескольких прижизненных публикаций произведений баснописца. Именно «стараниями» Львова Хемницер был избран в члены Российской Академии, а его книга попала в королевскую библиотеку Франции. Переиздание басен потребовало от друзей серьезной работы и немалых усилий. Разобрав частично уцелевший архив Хемницера, они включили в новую книгу неизвестные произведения, в соответствии с рукописями автора исправили некоторые уже публиковавшиеся басни, а отдельные стихи, по сложившейся в кружке Львова традиции, отредактировали сами. Издание предполагалось сопроводить обстоятельной биографией баснописца, для составления которой друзья обратились к старику Хемницеру с просьбой написать воспоминания о сыне. Работа шла неравномерно, с большими перерывами и растянулась более, чем на десять лет. Львов был уже болен и обременен заботами о Безбородко, когда-то могущественном канцлере, а теперь умирающем старом вельможе. Взявшийся за дело Капнист так и не успел написать о друге, в результате чего остались не использованными специально составленные Львовым «Заметки для биографии Хемницера» и воспоминания отца. «Басни и сказки» 1799 года вышли лишь с небольшим очерком Львова «Жизнь сочинителя», который до сих пор вызывает недоумение и является едва ли не главной причиной, порождающей сомнения в его отношении к другу.

Бегло перечислив в очерке «скромные происшествия» из жизни Хемницера и набор его добродетелей, Львов подробно описывает несколько анекдотов и казусов, случившихся с баснописцем. Во время представления в парижском театре, когда знаменитый Лекен показался на сцене, «то пораженный величественною осанкою его он поклонился в забывчивости, что весь театр обратил на себя». После уже упоминаемой истории о самоотверженном стремлении Хемницера увидеть своего кумира, Руссо, Львов вместе с другом случайно встречают классика. «Уверил я его, что это не Жан-Жак, а учитель графа Строганова, и по возвращении уж только в Спа признался ему, что это была шутка». «Когда он купил кошелек, и я на нем написал 1748-го года, и он поверил, что он стар». Однажды на обеде он машинально положил в кар-

ман вместо платка салфетку и, обнаружив конфуз, «в смятении оборотясь» к Львову, «с сердцем говорил»: «Ты меня вечно в дурачества вводишь ... тебя, братец, не надобно никогда слушать». Но потом «сердце его прошло», и он «зачал смеяться и был уже весел» 174 .

Эти забавные, несколько нелепые истории могут показаться странным материалом для предисловия к собранию сочинений. В них не столько идет речь о личности автора, сколько воспроизводятся эпизоды отношений, наполненных шутками и розыгрышами. Такая избирательность воспоминаний Львова объясняется вовсе не стремлением тайного недоброжелателя выставить умершего друга в пародийном свете. Причину повышенной восприимчивости к юмору скорее следует искать в особой атмосфере дружеских кружков, которые спонтанно возникали в среде образованного, независимо и остро мыслящего дворянства.

Письма Хемницера, тоскующего по привычному кругу людей и общению, далеки от бесконечных жалоб подавленного человека. Даже печальные или проникнутые тревогой строки его посланий заканчиваются нередко снимающей напряжение шуткой. «Не успел я приехать сюда как тотчас вышла история смертоубийства. <...> с нашего одного судна вздумалось четверым напасть на турку и зарезать его... <...> Может быть сим героям хотелось ознаменить приезд сюда российского консула, однако я таковых праздников не желая...» 175.

Стремительные, перебивающие друг друга фразы писем не просто имитировали живую разговорную речь, но и передавали интонации, динамику, наполненные скрытым смыслом паузы, всегда возникающие в беседе двух близких людей. И сам Львов не столько читал, сколько слушал вести от друга, улавливая тембр его голоса и скрывающееся за ним настроение. «Голос мой если переменился, в продолжении писанного тогда письма... в меньше унывный, этому быть не мудрено было... Ты, помнишь, и сам примечание это сделал, что я, как бы пасмурен к тебе когда ни приходил, всегда уходил веселее: тоже самое видно со мною происходит когда теперь через письма с тобою говорю» 176.

Разумеется, установленные письмовниками каноны эпистолярного жанра не вызывали у друзей ничего, кроме иронии и игры с чопорным скучным трафаретом. «Наперед все-

таки у тебя спрошу, здоров ли ты, даром что ты и это за церемониал считаешь» ¹⁷⁷. Однако снисходительно посмеявшись над формуляром, Хемницер обнаружил, что его тяготит собственно общение через почту, когда «ловчее рассказать, нежели написать» ¹⁷⁸. Живое слово застывало вместе с высыхающими под пером чернилами, и он вносит эффект присутствия в запыхавшийся ритм своих строк. «Здравствуйте, сударыня Марья Алексеевна, с новопожалованным! Это я вам не пишу, а как сумасшедшей вбежав к вам в комнату, прокричал. Здравствуйте же сударыня — ох! досадно что всево сказать нельзя! быть сглонуть, пока сам вас увижу» ¹⁷⁹.

Часто начальные строки письма являлись продолжением непрерывающегося разговора и подхватывали последнюю реплику из послания адресата. «Ну, а в протчем каково? "Слава Богу, все хорошо"! Ну так и я скажу: хорошо. И в самом деле лутче нежели было» 180. Внутренний диалог, присутствующий с той или иной степенью отчетливости в любом эпистолярном документе, вводится прямо в текст писем Хемницера. Он или переносит на бумагу фразы из писем Львова, или сам отвечает за друга, несколько утрируя манеру его речи. «Послушай, Николай Александровичь. "Пошел, ну!" Да нет, слушай! <...> ...нельзя не поздравить тебя, что Александр Андреевичу Владимира первого класса дали. Ты говоришь чтоб я, получа ту ведомость, не плакал; я думаю что и ты не печалился» 181. Иногда в разговор вступает их общий приятель Капнист, как правило, с характерным для него словечком «в прочем коли ж», которое Хемницер целенаправленно употребляет и подчеркивает в письмах. Тогда эпистолярная беседа двух друзей превращается чуть ли не в шумную вечеринку литературного кружка. «В протчем коли ж ты устал об турецшине слушать, так мы и о другом заговорим. <...> ...В протчем коли ж что нужно, так нужны твои и вообиие *наших* письма» 182.

Послания Хемницера ценны не только тем, что в них отразилась эволюция жанра письма, закономерно идущая от застывших стандартных форм к эмоционально напряженной переписке, разрушающей любые клише. Уникальность эпистолярного наследия баснописца заключается в том, что его письма доносят стилистику общения и сложную ткань устной речи, звучавшей в среде дворянской элиты второй поло-

вины XVIII в. Острословие и афористичность фразы были не просто индивидуальными качествами балагуров, счастливо наделенных чувством юмора. Изысканная легкость разговора становилась концепцией поведения, затрагивающей даже унылую чиновную бюрократию. Искушенный Львов знал, какой эффект на образованного сановника может произвести удачная шутка, мастерством которой он владел в совершенстве.

«Ты говоришь для чево я иногда в письмах моих к сим господам к стате пристойно не подшучу? Друг мой, ты знаешь что я только я с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут сам ты знаешь шутить не ловко: да ничего и на ум не припадет» 183. Однако Хемницер, первоначально намеревающийся посвятить свое первое издание П.В.Бакунину, писал в так и не дошедшем до вельможи «К басням моим приношении впредь»: «Давно мне хочется вам угодить, милостивый государь. Вы меня принимали всегда так милостиво; все, кои тем же самым приемом пользуются, по крайней мере угождают вам остротою своих разговоров... <...> я никак не способен беседу вашу увеселить. Но чтобы хоть сколько-нибудь вам угодить и милость вашу заслужить, так я нашлю на вас басен моих...» 184

Не слишком ловкий на слово с придворными Хемницер абсолютно не страдал косноязычием в приятельской беседе и в письмах к друзьям. Он не упускал ни каламбуров, ни игры на смысловых и стилистических контрастах, ни маркировки слов. «Сказал бы я тебе здравствуй с новым годом; да ты не любишь поздравлений; и так нет тебе ничего. А здравствуйте вы, сударыня Марья Алексеевна! Здравствовать право нужно: этот рецепт между протчим хорош и для тех, кто на желчь жалуется: перескажите пожалуйте, сударыня, его Николаю Александровичу... – или быть уж так, добро, поговорить самому с ним. <...> Желчь твоя или горечь, хоть бы камень ей на шею. <...> Однако я бы тебе советовал пожаловать лекарств больше не принимать..., чтоб не сделать из себя аптеки» 185. Естественно, друзья не смогли пройти мимо названия города Смирна. «Не очень у нас смирно говорят у вас? и у нас тоже говорят» 186, — сообщал Хемницер Львову. «Радуюсь, что наш друг уже в Смирне; желаю искренно,

чтоб там все смирно было и с стороны Едикуля и с стороны чумы» 187 , — писал ему же Капнист.

Тонкая шутка, понятная иногда только в узком кругу избранных, порождала чувство принадлежности к особой корпорации и возвышала над непосвященными, вездесущим государственным началом и даже обстоятельствами. Сопутствующая юмору ересь свободного духа провоцировала друзей на конфликтное пересечение торжественного стиля и разговорной стихии приятелей-литераторов, что снижало патетику величественного официоза. Уже упоминаемая триумфальная сцена встречи российского консула действительно вызвала у Хемницера горделивое чувство причастности к имперскому могуществу, но ироничный голос интеллектуала-фрондера, посмеивающегося и над важностью русской миссии, и над всей придворной дипломатией, тут же шепнул: «по улицам смотреть зеленого осла кипит народу без числа». «Съехав в первой раз с яхты на берег, вся набережная покрыта была народом собравшимся смотреть меня. Согрешил я тут, что вспомнил о собственных стихах» 188. Львов подхватывает озорное сравнение и шлет «зеленому ослу» поклоны, Хемницер не остается в долгу и уже спустя несколько месяцев после прибытия в Смирну благодарит друга «за припев зеленому ослу счастья. Кабы да вашими устами мел пить!» 189

Издевательства друзей над подьячими распространялись на всю имперскую канцелярию и жалкий неповоротливый язык чиновников. Выбивая обещанные деньги для российского консула, Львов вместо вразумительного ответа получил бессмысленный набор заскорузлых бюрократических штампов. «... тебе превеликое ИБО сказали, спасибо тебе. Конечно, так, без ибо доказательства по канцел. делам привесть ни на что нельзя... Это "ибо говорят они", как ты пишешь, меня на весь день рассмешило. Тут много и посторонних воображений столкнулось: представлял я себе и того, кто это ибо сказал... для тово только чтоб соблюдению формы по ево мнению больше силы придать» 190.

Осознание элитарной замкнутости сквозило и в постоянном цитировании строк из собственных творений и произведений «всех наших», и в нарочито грубоватом тоне, который могут позволить себе не просто близкие люди, а вольно обращающиеся с языком стилисты. «Видишь что я теперь весел; а все от того, что ты меня рожей назвал ... Что доношением моим довольны были, слава Богу: дай Бог и впредь угодить! Да только на тебя урода все не угода <...> Помилуй государь раба своего! Тфу пропасть!» За полстолетия до саркастических монологов Чацкого они потешались над смешением французского с нижегородским, называли Львова, имеющего усадьбу под Торжком, «Моп cher Новоторжец» и даже употребляли острые французские словечки с Марией Алексеевной.

«...немножко пбошло, особливо в письме к красавице, но по мне, на этот раз в высшей степени изящно... <...> Извините, что я письмом моим на шалуна похож; ну да ведь не плакать же стать...» 192

Для просвещенных современников Чацкого этот юмор покажется, конечно, простодушным и безыскусным острословием старика прошлого века, шутившего «отменно тонко и умно, но нынче несколько смешно». Однако высокая культура светского разговора «без пошлых тем, без вечных истин, без педантства» оттачивалась именно в table-talk «за полночь» и в письмах участников кружков, подобных кружку Львова – Державина – Капниста – Хемницера. Эти никак не санкционированные властью объединения литераторов, наряду с возникающими салонами и масонскими ложами, были теми нервными точками, через которые проходили невидимые, но мощные силовые линии самоопределяющейся культуры дворянства. Зреющее за раскованной, искрящейся юмором беседой внутреннее интеллектуальное напряжение вспыхнет в XIX веке онегинской строфой, каламбурами под горячий пунш и катастрофой Сенатской площади.

* * *

Заложенная Петром крепнущая и расширяющаяся Российская империя к правлению Екатерины имела уже свою четкую идеологическую доктрину, эффективно воздействующую на сознание подданных. Непререкаемая ценность «государственной пользы» подчинила и растворила в себе конфессиональные различия, национальную самоидентификацию и даже сословные притязания.

Выросший в России сын лекаря из Фрайбурга не только овладел русским языком, как родным немецким. Он воспринял пафос имперского патриотизма, конфессиональную терпимость и мечты просвещенного помещика-интеллектуала в отставке. Хемницер никогда не был землевладельцем и практически не имел крепостных, за исключением разве подаренного ему Капнистом мальчика-слуги, который сопровождал его до Смирны и о судьбе которого генеральный консул ни разу не упомянул в письмах. Между тем он прекрасно усвоил складывавшуюся веками систему мышления крепостника — исчислял богатство душами, «пребывающий в рабстве народ» сравнивал с «диким зверем на цепи» и идеализировал пастораль усадебной жизни.

Амбивалентная культура русского дворянства позволила адаптироваться и немцу, и лютеранину, и безземельному баснописцу. Углубляющийся во времена екатерининского правления ее внутренний разлом обнаружится лишь в первой половине XIX в. и станет драмой идейной поляризации высшего сословия. Пока же скрытая конфликтность его исторического развития проступала в обстоятельствах жизни отдельных людей. Судьба Хемницера оказалась одной из тех судеб, которые попали в водоворот невидимых, но мощных подводных течений духовной эволюции сословия, достигшего апогея своего стремительно завершающегося «золотого века».

Культура российского дворянства возникла по приказу царской власти, была сосредоточена при дворе и призвана воспевать успехи победоносной империи. Однако военные триумфы оказались для монархии делом более легким, чем сохранение роли интеллектуального лидера. Престолу становилось все труднее удерживать под контролем усложняющуюся интеллектуальную жизнь дворянства. Просвещенная элита постепенно освобождалась от давления официозной доктрины. Происходила девальвация общепризнанных ценностей, пересматривалось содержание социального престижа, сводимого к чинам и высочайшей милости. Эмансипация культуры, не замыкающейся на отрицании, выразилась и в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата и светской массы. Наиболее образованная часть дворянства отшатнулась от верховной власти и попыталась осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия государственных ценностей.

Дворянин, который «потерял силу и охоту достигать лавры», «истинное счастье сыскивал в уединении, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы», «в самом приватном обществе», в поэтических упражнениях, поиске «истинного масонства» и «заведении школ для бедных» 194 и т.д. Хемницер с его нежеланием и неумением «развозить поклоны» и любовью к изящной словесности также искал свою нишу. Однако в силу известных обстоятельств он потерял и то, что имел, лишившись дружеского общения, которое давало ему импульс и для жизни, и для творчества. Он самоотверженно работал на будущее, переступал что-то в себе, терпел, надеялся, но не рассчитав своих эмоциональных и физических ресурсов, сгинул в далекой Смирне, оставив в письмах легкую горчинку скрываемого страдания.

¹ *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 53.

² Басни и сказки N... N... СПб., 1779.

³ Басни и сказки N.N. СПб., 1782.

⁴ *Хемницер И.И.* Басни и сказки И.И.Хемницера в трех частях. СПб., 1799.

⁵ См.: Грот Я.К. Библиографический перечень изданий Хемницера // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биографической статьей и примечаниями. СПб., 1873.

⁶ См., например: Сахаров И. Иван Иванович Хемницер // Басни и сказки И.И.Хемницера. СПб., 1838; Бантыш-Каменский Д.Н. Хемницер // Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 3. СПб., 1847.

⁷ К сожалению, Я.К.Грот издал не все документы из доставшегося ему наследия Хемницера. Многочисленные заметки, выписанные цитаты из книг, записи остались неопубликованными. В настоящее время эти бумаги находятся в рукописном отделе Института российской литературы (Пушкинском доме) в Петербурге (ИРЛИ, архив Грота 15957/XCVIII, б. 13). Некоторые из них вошли в «Полное собрание стихотворений» Хемницера. (Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963).

⁸ Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. III.

⁹ Там же. С. 34.

Даже в столетнюю годовщину смерти Хемницера вышло лишь несколько небольших статей о его литературном творчестве и был опубликован ответ директора Московского главного архива

- Ф.Бюлера на запрос Министерства иностранных дел о месте захоронения баснописца (См.: *Терновский И.М.* И.И.Хемницер и язык его басен: (Памяти столетней годовщины его 1784-1884). Воронеж, 1885. Отдельный оттиск из журнала «Филологические записки»; *Бюлер* Ф., барон. О месте погребения Хемницера. М., 1884. Отдельный оттиск).
- 11 См., например: Терновский И.М. И.И.Хемницер и язык его басен; Иван Иванович Хемницер и его басни. СПб., 1889; Бобров В. Очерки из истории новой русской литературы. Баснописец Иван Иванович Хемницер. [Б.м., б.г.]. Отдельный оттиск из сборника учено-литературного общества при императорском юрьевском университете, т. XIV, 1909.
- 12 См.: Степанов Н.Л. Вступительная статья // Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений; Модзалевский Б.Л Хемницер // Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901.; Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1998.
- 13 Вацуро В.Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964.
- 14 Боброва Л.Е. О социальных мотивах басен И.И.Хемницера // Ученые записки / Ленинградский государственный педагогический институт. Т. 170. Кафедра русской литературы. Л., 1958; Она же. Сборник И.И.Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи» // Там же. Т. 168. Ч. 1. Кафедра русской литературы. Л., 1958.
- 15 Десницкий А.В. Крылов и Хемницер // Там же.
- Busch W. Dichterische Erkenntnisse Ivan Chemnicer und Gavrila Derzavin // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklaerung. Band 2. Muenchen, 1992.
- 17 Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 34.
- 18 Сам Хемницер латинскими литерами свою фамилию писал как «Chemnizer».
- 19 Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 7.
- Затем последуют другие оды и посвященный Н.А.Львову перевод «Письма Бранвеля к Труману» из «героиды» французского поэта Дора.
- 21 Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 34.
- ²² Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 78.
- Булгакову и Хемницеру было, конечно же, прекрасно известно, как в 1768 г. великий визирь потребовал от российского посланника Обрезкова отмены всех постановлений февральского сейма в Польше по вопросу о диссидентах. Русский посланник таких гарантий дать не мог, и тут же был подвергнут аресту. Тем самым России была объявлена война. Пройдет несколько лет, и в 1789 г., в момент очередного обострения отношений с Турцией, султан объявит чрезвычайного посланника России Я.И.Булгакова мусафитом, т.е. гостем блистательной Порты, и заключит его в Едикуль (Семибашенный замок), где будет 12 недель содержать под строгим надзором.

- ²⁴ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 декабря 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 70.
- ²⁵ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 92.
- ²⁶ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Там же. С. 64.
- ²⁷ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 57.
- ²⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря, 1782 г. Смирна // Там же. С. 75.
- 29 Переводчик с восточных языков.
- ³⁰ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 июля 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 84, 86.
- 31 Замечу, что и во время путешествия по Европе Хемницер с типичным для своего времени пристрастием фиксировал чисто внешние декоративные атрибуты государственной власти: смотр полков французской гвардии, открытый ужин в Версале, ритуал приветствия короля в придворной церкви и т.п.
- 32 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 февраля (1 марта) 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 82.
- ³³ *Хемницер И.И.* Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 401-402.
- ³⁴ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. Октябрь 1782 г. Смирна // Там же. С. 61.
- 35 *Хемницер И.И.* Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 398-399.
- ³⁶ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 февраля (1 марта) 1783 г. Смирна // Там же. С. 81, 83.
- 37 Специалисты, знакомые с подлинниками рукописей Хемницера, также отмечают продуманную точность во всех его бумагах: записи всегда сделаны очень аккуратно и легко читаются, несмотря на то, что содержат много поправок и написаны очень мелко. (См. об этом: Боброва Л.Е. Сборник И.И.Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи». С. 8).
- ³⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 декабря 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 70. Хемницер столь же требователен был и к своим подчиненным, особенно к переводчикам с турецкого языка, и тщательно подыскивал себе добросовестного знающего драгомана.
- 39 Там же. С. 71.
- 40 Военная помощь запорожских казаков царскому правительству в борьбе с турками и татарами заставляла считаться с Сечью даже некоторое время после заключения Кючук-Кайнарджийского договора.
- ⁴¹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 декабря 1782 г. Смирна // // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 71.
- 42 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря 1782 г. Смирна // Там же. С. 75.

- 43 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 февраля (1 марта) 1783 г. Смирна // Там же. С. 81.
- 44 Там же. С. 81-82.
- 45 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. Октябрь 1782 г. Смирна // Там же. С. 63.
- ⁴⁶ *Хемницер И.И.* Басни и сказки // Там же. С. 227.
- ⁴⁷ *Хемницер И.И.* Планы басен // Там же. С. 288-289, 294.
- ⁴⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 июля 1782 г. Херсон // Там же. С. 48.
- ⁴⁹ См. об этом, например: *Лурье В.С.* Российская империя как этнокультурный феномен и ее геополитические доминанты (Восточный вопрос, XIX век) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. ІІ. М., 1993.
- 50 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 июля 1782 г. Херсон // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 48.
- 51 *Хемницер И.И.* Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 396-397.
- 52 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 91.
- 53 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря, 1782 г. Смирна // Там же. С. 75.
- 54 Хемницера поразила точность слов одного турка о величественной осанке Екатерины в делах международной политики. «Да Она дарит все что хочет». Я и вспомнил словеса: рече и быст. Нутка господа академики (то есть не наши), скажите что нибудь похожее». (Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 22 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 88.)
- 55 По своим ценностным ориентациям и предпочтениям Хемницер не был иностранцем на русской службе, подобно многочисленным в то время европейцам, занимающим места на всех уровнях чиновного аппарата. В высочайших пожалованиях этим волонтерам ничего не говорилось о ревностно выполненном долге перед отечеством и государыней. Так, награждая принца Карла фон Вюрттемберг орденом святого апостола Андрея за участие в русско-турецкой войне, Екатерина писала только об «усердии, доброй воле и храбрости». (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand G 263. Bueschel 1.)
- ⁵⁶ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 56.
- ⁵⁷ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Там же. С. 63.
- 58 См.: Письмо Я.И.Булгакова А.А.Безбородко. 13 июля 1781 г. Херсон // Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 2.
- ⁵⁹ См., например: Рескрипт императрицы Екатерины II Я.И.Булгакову. 3 октября 1783 г. Петербург // Там же. С. 91.
- ⁶⁰ См., например: Донесение Я.И.Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября 1781 г. // Там же. С. 6.

- 61 См.: Рескрипт императрицы Екатерины II Я.И.Булгакову. 3 октября 1783 г. Петербург // Там же. С. 90.
- 62 См., например: Донесение Я.И.Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября 1781 г. // Там же. С. 6.
- 63 Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову. 3 июля 1782 г. Петергоф // Там же. С. 33.
- 64 См.: Рескрипт императрицы Екатерины II Я.И.Булгакову. 5 марта 1782 г. Петербург // Там же. С. 20.
- 65 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря 1782 г. Смирна // Грот К.Я. Сочинения и письма Хемницера... С. 76.
- 66 См. об этом подробней, например: *Данцие Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; Иерусалим в русской культуре. М., 1994; и др.
- 67 См. об этом подробней: *Смилянская И.М.* Восточное средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5.
- 68 Державин Г.Р. На взятие Измаила // Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1947. См. об этом также: Смилянская И.М. Восточное средиземноморье в восприятии россиян. С. 72.
- 69 «Поведение шаха Шагин-Гирея в рассуждении ... блистательной Порты было основано на ... независимости державы его, что никто не может доказать ему поступков, противных вере его», писала Екатерина Булгакову. (Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову. 3 июля 1782 г. Петергоф // Сб. РИО. Т. 47. С. 34.)
- 70 Рескрипт императрицы Екатерины II Я.И.Булгакову. 3 октября 1783 г. Петербург // Там же. С. 91.
- 71 См. об этом, например: Письма Екатерины Вольтеру // Там же. 1872. Т. 10. С. 347, 353; 1874. Т. 13. С. 60, 146, 263 и др.
- 72 Державин Г.Р. Ода на взятие Измаила // Державин Г.Р. Стихотворения.
- 73 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 76.
- 74 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 53-54.
- 75 Там же. С. 54-55.
- 76 Хемницер И.И. Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 401.
- 77 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 55-56.
- ⁷⁸ Там же. С. 56.
- 79 Хемницер И.И. Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 400.
- 80 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 56-57.

- 81 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 августа 1782 г. Константинополь // Там же. С. 52.
- 82 *Хемницер И.И.* Журнал моей поездки в Смирну генеральным консулом // Там же. С. 399.
- 83 Там же. С. 401-402.
- 84 См. об этом также: *Смилянская И.М.* Восточное средиземноморье в восприятии россиян. С. 76-79.
- 85 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 66.
- 86 Хемницер И.И. Планы басен // Там же. С. 287.
- 87 Рукописный отдел ИРЛИ. Архив Я.К.Грота. 15933/ХСVIII6 13. Л. 1. См. об этом подробнее: *Вацуро В.Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера. С. 136.
- 88 В то же время Хемницер с иронией отзывался о тенденциозности, которую проявил Вольтер во время работы над заказанной ему русским двором «Историей государства Российского в царствование Петра Великого».
- 89 Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 220.
- 90 Рукописный отдел ИРЛИ. Архив Я.К.Грота. 15933/XCVIII6 13. Л. 1 об. Перевод В.Э.Вацуро. См.: *Вацуро В.Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера... С. 142.
- 91 *Львов Н.А.* Заметки для биографии Хемницера // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 41-42.
- 92 См. об этом: *Вацуро В.Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера. С. 131.
- 93 Профессиональные занятия минералогией, познания в естественных науках и явная склонность к рационалистическому мышлению заставили Хемницера скептически отнестись к предпринимаемым в XVIII столетии поискам «философского камня». Неслучайно в научных переводах он приводит результаты опытов, проведенных близко знакомым ему сослуживцем по Горному институту Карамышевым, хорошо известным своими резкими, порой эпатажными материалистическими взглядами. (См. басню «Лжец» и примечания к ней Я.К.Грота: Хемницер И.И. Басни и сказки // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 138-140).
- 94 См. басню «Муха и паук»: Хемницер И.И. Басни и сказки // Там же. С. 285.
- 95 См.: *Вацуро В.Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера. С. 134-135.
- ⁹⁶ *Хемницер И.И.* Планы басен // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 291.
- ⁹⁷ См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 92.
- Уемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 235. См. также: Там же. С. 179.

- 99 См. об этом подробнее: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999.
- 100 *Хемницер И.И.* Планы басен // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 351-352.
- 101 Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 179.
- 102 Хемницер И.И. Планы басен // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 352-353.
- 103 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 86-87.
- 104 См. «Сатиру на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»: Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 167.
- 105 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 сентября (22 августа) 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 88.
- 106 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 59.
- ¹⁰⁷ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. Октябрь 1782 г. Смирна // Там же. С. 61.
- 108 Хемницер И.И. Комиссии и исполнения // Там же. С. 395.
- ¹⁰⁹ См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 59, 76, 88.
- 110 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 июля 1782 г. Херсон // Там же. С. 49.
- ¹¹¹ См. «Сатиру на поклоны»: *Хемницер И.И*. Полное собрание стихотворений. С. 174.
- 112 См. «Сатиру на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»: Там же. С. 165-166.
- 113 См. «Сатиру на прибыткожаждущих стихотворцев» // Там же. С. 173.
- 114 См. «Сатиру на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»: Там же. С. 168.
- 115 См. «Сатиру на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства» и «Сатиру на поклоны»: Там же. С. 165, 174.
- 116 См. «Сатиру на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»: Там же. С. 169.
- 117 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. Октябрь 1782 г. Смирна // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 62.
- 118 См.: Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 161, 233.
- 119 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 67.
- 120 Цит. по: *Бюлер* Φ ., *барон*. О месте погребения Хемницера. С. 8.
- 121 Письмо А.В.Суворова И.М.Рибасу. Август 1788 г. // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 169.
- 122 Неслучайно А.В.Суворов восхищался мужественным благородством М.М.Голицына, одного из крупнейших полководцев времен Северной войны. Ради интересов Отечества он

пренебрег личной обидой. На вопрос Петра I о награде за одержанную над шведами победу Голицын просил простить А.И.Репнина, разжалованного за поражение при Головчине. «"Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?" — спросил Петр. "Знаю, — был ответ, — и прошу ради пользы отечества, ибо Репнин военное дело знает, а хороших генералов мало"». «К[нязь] М.М.Голицын (Генерал-Майор), победя, выпросил ему милость. Здесь достоинство!» — писал А.В.Суворов. (см.: Суворов А.В. Письма. С. 527-528. См. также: Там же. С. 229.)

- 123 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 сентября (22 августа) 1783 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 88.
- 124 См. об этом: *Бюлер* Φ ., *барон*. О месте погребения Хемницера.
- 125 Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 231.
- 126 Выделенный текст в подлиннике на французском языке.
- 127 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 июля 1782 г. Херсон // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 47.
- ¹²⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 августа 1782 г. Константинополь // Там же. С. 51.
- 129 См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 56. См. также: Там же. С. 47.
- ¹³⁰ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 июля 1782 г. Херсон // Там же. С. 47.
- 131 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Там же. С. 67-68.
- 132 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 августа 1782 г. Константинополь // Там же. С. 61.
- 133 Хемницер И.И. Записки Смирнские // Там же. С. 403.
- 134 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 56.
- 135 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 декабря 1782 г. Смирна // Там же. С. 69.
- 136 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 78-79.
- 137 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 сентября (22 августа) 1783 г. Смирна // Там же. С. 89.
- 138 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 78.
- 139 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 91.
- 140 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Там же. С. 67.
- ¹⁴¹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 91.
- ¹⁴² *Хемницер И.И.* Записки Смирнские // Там же. С. 404.
- 143 Cм.: Записка отца Хемницера // Там же. C. 43-45.
- ¹⁴⁴ *Львов Н.А.* Жизнь сочинителя // Там же. С. 37-39.

- 145 См.: Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 17. В данном случае Державин перефразировал слова Иисуса к Нафанаилу: «Се воистину израильтянин, в нем же льсти несть» (Иоанн. І. 47). Может быть в этом замечании есть намек и на то, что Хемницер имел еврейскую кровь. Во всяком случае фамилия Сhemnitzer дает право сделать такое предположение.
- ¹⁴⁶ См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
- 147 См. Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. С. 183. См. также: Там же. С. 168.
- 148 Хемницер И.И. Дневник путешествия по Западной Европе // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 381.
- ¹⁴⁹ *Хемницер И.И.* Планы басен // Там же. С. 292.
- 150 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 августа 1782 г. Буюк-Дере // Там же. С. 56-57.
- 151 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 июля 1782 г. Херсон // Там же. С. 49.
- 152 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 декабря 1782 г. Смирна // Там же. С. 69.
- 153 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 91.
- 154 См.: Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 78-79.
- 155 См., например: Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 10-12, 24.
- 156 См., например: Десницкий А.В. Крылов и Хемницер. С. 34-37 и др.
- 157 Обер-прокурор сената Алексей Афанасьевич Дьяков был против брака дочери с небогатым и малоизвестным тогда молодым человеком, увлеченным изящными искусствами.
- 158 Хемницер И.И. Басни и сказки // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 108.
- 159 См.: *Коплан Б.И*. К истории жизни и творчества Н.А.Львова // Известия АН СССР. 1927. 7-8. С. 722.
- 160 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября, 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 67.
- ¹⁶¹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 80.
- 162 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря 1782 г. Смирна // Там же. С. 74.
- 163 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 79.
- 164 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 92.
- ¹⁶⁵ *Хемницер И.И.* Полное собрание стихотворений. С. 224.
- 166 *Хемницер И.И.* Планы басен // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера... С. 291.
- 167 См., например: Десницкий А.В. Крылов и Хемницер.

- 168 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря 1782 г. Смирна // Грот Я.К. Сочинения и письма Хемницера... С. 74.
- 169 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 80.
- ¹⁷⁰ См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 83, 87.
- ¹⁷¹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 77.
- ¹⁷² Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 29 (18) февраля 1784 г. Смирна // Там же. С. 91.
- 173 *Львов Н.А.* Жизнь сочинителя // Там же. С. 38.
- 174 Там же. С. 38-42.
- 175 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 20 ноября 1782 г. Смирна // Там же. С. 64.
- 176 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 76.
- 177 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 8 июля 1782 г. Херсон // Там же. С. 46.
- ¹⁷⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 22 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 88.
- ¹⁷⁹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 84.
- ¹⁸⁰ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 18 февраля (1 марта) 1783 г. Смирна // Там же. С. 81.
- 181 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 31 декабря 1782 г. Смирна // Там же. С. 73.
- 182 См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 83. См. также: Там же. С. 68.
- ¹⁸³ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С.77.
- ¹⁸⁴ *Хемницер И.И.* Басни и сказки // Там же. С. 112.
- 185 См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 66-67. См. также: Там же. С. 73.
- ¹⁸⁶ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 85.
- ¹⁸⁷ Письмо В.В.Капниста Н.А.Львову. 19 декабря 1782 г. Обуховка // Там же. С. 85.
- ¹⁸⁸ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. Октябрь 1782 г. Смирна // Там же. С. 62.
- ¹⁸⁹ Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 10 (21) января 1783 г. Смирна // Там же. С. 76.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 78.
- ¹⁹¹ См. письма И.И.Хемницера Н.А.Львову: Там же. С. 76, 89.
- 192 Письмо И.И.Хемницера Н.А.Львову. 2 июля 1783 г. Смирна // Там же. С. 84. Выделенная фраза в подлиннике по-французски.
- ¹⁹³ *Хемницер И.И.* Планы басен // Там же. С. 293.
- 194 Цитируется лексика эпистолярного наследия элиты русского дворянства второй половины XVIII в.

ЗОЛОТОПИСЦЫ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1645-1676 гг.) И ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676-1682 гг.)

Золотописцы являлись вспомогательными служащими Посольского приказа, в чьи обязанности входило оформление красками, золотом и серебром дипломов и грамот, посылаемых с посольствами. Со временем они стали принимать участие в изготовлении рукописных книг, жалованных грамот, полковых знамен и т.п.

Впервые о данной категории служащих внешнеполитического ведомства стало известно после издания сочинения Г.К.Котошихина¹. С.А.Белокуров зафиксировал постоянный рост числа золотописцев в приказе². З.Е.Калишевич и И.М.Кудрявцев разбирали их участие в выполнении работ, не связанных с непосредственной деятельностью Посольского приказа³. Однако по происхождению, финансовому положению золотописцев и привлекаемых специалистов смежных профессий специальных исследований не проводилось.

Исследование этой категории служащих усложняется тем фактом, что старший и младшие золотописцы упоминаются в разных документах. Основная информация по старшим золотописцам содержится в приходо-расходных книгах Посольского приказа и дополняется ведомостями на выдачу жалования и праздничных дач подьячим; данные по младшим золотописцам находятся в Окладной книге поместных дач... переводчикам, толмачам, золотописцам, а также в ведомостях на выдачу годового оклада и поденного корма толмачам и переводчикам. Помимо этого, ценная информация по участию золотописцев в издательской деятельности Посольского приказа находится в столбцах фондов «Приказные дела старых лет» (№ 141) и «Приказные дела новой разборки» (№ 159) Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА).

Золотописцы встречаются в приказе с 1613 г. и первоначально служат по одному. В начале рассматриваемого периода — это Павел Иванов Шапкин (1637-1645 гг.), однако «после Рождества Христова» 1645 г. ему «велено быть на Чаронде с приписью, а в ево место в Посольском приказе велено быть сыну Фильке»⁴.

Пребывание в приказе Филиппа Павлова Шапкина оказалось непродолжительным: поступив в начале 1646 года (первая праздничная дача получена им 17 марта на именины царя Алексея Михайловича⁵), он покидает его осенью 1647 года (последний раз деньги на праздник им получены в сентябре на Рождество Богородицы⁶). Судя по всему, мастерство отца и сына не было оценено начальством, что и явилось, по-видимому, причиной перевода Павла Ивановича в подьячие с приписью (это соответствует положению дьяка там, где он был не положен). Говорить о расстройстве здоровья золотописца как об основании для перевода вряд ли возможно. Напрашивается предположение, что отца и сына Шапкиных вытеснили более талантливые в своем деле специалисты.

1 марта 1646 г. для «листового письма» в приказ взяты Григорий Благушин и Пимен Иванов⁷. Необходимо остановится на термине «листописец», словари не содержат его объяснения. Г.Благушин и П.Иванов первоначально зачислены в штат подьячих приказа. П.Иванов и оставался в этой должности до 1654/55 г., когда его имя исчезает из документов. Известно, что в 1647 г. он взят с другими подьячими к «Сыскному делу» (по-видимому, во временно создаваемый приказ)8. Г. Благушин на протяжении 1646-1647 г. именовался то золотописцем, то подьячим и окончательно золотописцем становится с сентября 1647 г. В документах приказа «листописец» встречается еще один раз, когда о золотописце Матвее Андрееве в 1670/71 г. написано: «он же листописец»⁹. В 1677 г. его имя упоминается среди писцов, взятых для создания большого Евангелия¹⁰, однако впоследствии он заменен другим специалистом¹¹. Необходимо сказать еще, что в одном из документов о П.Иванове и Г.Благушине сказано, что они взяты для «литовского письма» 12. Это можно рассматривать как простую описку или, возможно, как указание на то, что они знали литовский язык (устный и письменный). Таким образом, можно утверждать, что листописцами иногда в Посольском приказе называли писцов, обладавших красивым почерком и умевших писать в лист, т.е. на целом листе бумаги, что было необходимо при подготовке парадных посольских документов.

Имя Григория Антонова Благушина (служил в приказе в 1646-1683 гг.) открывает яркую страницу в истории золотописцев Посольского приказа. По уровню мастерства он стоял значительно выше всех своих предшественников. С его прихода в приказе начинают оформлять жалованные грамоты и дорогие книги, создававшиеся для царя. В 1647 году Г.Благушин украшал жалованную грамоту дьяку Назару Чистому, греческий Синодик, книгу «Учение о хитрости ратного строя пехотных людей»; в 1649 г. – два экземпляра «Службы и жития Саввы Острожского»; в 1662/63 г. грамоту из прикавселенским патриархам; в 1665/66 г. за Тайных KO лел «листы и узоры на аламы и чепрашные и к полковым знаменам клеймы», жалованную грамоту на гетманство Ивану Брюховецкому; им же были созданы «образцовые листы» оформления дипломатических грамот и дипломов¹³, их описание приводит в своем сочинении Г.К.Котошихин¹⁴. Помимо этого, в 1646-1647 гг., без точной датировки, он писал золотом вотчинную грамоту боярину Борису Ивановичу Морозову, начальные слова у крымских грамот (ранее их оформляли переводчики татарского языка), а также в своей челобитной утверждает, что книгу «Учение о хитрости ратного строя...» до него «никаков писец писать не взялся» 15.

Об интенсивности работы золотописца можно судить по следующим данным — с 8 июня по 11 сентября 1649 г. Г.Благушиным создано 25 грамот 16 . Значительное увеличение объемов работ привело к структурному изменению института золотописцев — 13 февраля 1661 г. взят в Посольский приказ «для научения Григорием Благушиным шведский полоняник новокрещенец Федор Лопов» (1661-1692 гг.) 17 . Тем самым обеспечивалась преемственность мастерства. В 1665/66 г. в золотописцы взят Матвей Андреев (1665/66-1692 гг.) 18 .

Таким образом, теперь в приказе служили одновременно три золотописца. Сохранился список их совместных работ:

«три книги гербовых, две в верх, третья в приказе ("Титулярник"), три книги родословных ("Родословие великих Московских князей и прочея всея России непобедимых монархов"), книгу огородного строения в Оптеку, две книги чиновных з гербами и персонами с клеймами и с заставцы с чернью и с цветами ("Чин венчания на царство царя Федора Алексеевича" и "Чин венчания царей Ивана и Петра Алексеевичей"), да ныне пишут в Посольском приказе книгу "Александрия" в лицах и приказные листы, на которых государственные грамоты пишут во окрестные государства... да в Стрелецкий приказ писали семидесяти знамен разные образцы» 19. Помимо этого, Г.Благушин принимал участие в создании «Василиологиона», оформляя клейма и заставицы 20.

С 1672 г. в Посольском приказе создавались и другие дорогие книги, однако не найдены документы, подтверждающие участие в их оформлении золотописцев приказа. Да это и маловероятно, так как в рассматриваемый период (60-70-е годы XVII в.) одновременно велась работа над несколькими книгами²¹, и золотописцы просто не имели времени на эту работу. Так, два дополнительных экземпляра «Титулярника» созданы за четыре месяца, при этом три золотописца (Г.Благушин, Ф.Лопов, М.Андреев) за этот период выполнили 254 клейма и герба, в среднем по два в сутки²². Известно, что Ф.Лопов в 1663/64 г. расписывал красками шкафы для хранения архива Посольского приказа²³.

В 1681/82 г. в золотописцы из иконописцев взят Федор Юрьев 24 , то есть их число возросло до четырех.

Что касается доходов золотописцев, то они являлись самыми сложноструктурированными среди всех служащих приказа. Судя по всему, первоначально они относились к подьячим. На это указывает тот факт, что до середины 70-х годов XVII в. старший золотописец (а первоначально и единственный) получал годовой оклад совместно с подьячими, он так и назывался — «подьячим окладом» («кроме подьячих окладов» (1677/78 г.), «раньше давали вместе с подьячими» (1672/73 г.))²⁵. Как следствие этого составляющие доходов золотописцев и подьячих очень близки друг к другу. Вышесказанное относится к трем золотописцам — отцу и

сыну Шапкиным, а также к Г.А.Благушину.

Годовой оклад

По своим размерам он равнялся в разное время окладам средних и старых подьячих. Оклад Павла Иванова в 1643-45 гг. составлял 30 руб. 26 , Филиппа Павлова в 1646-47 гг. — 15 руб. 27 При поступлении в приказ Григорий Благушин получил 15 руб. $(1646 \, \Gamma.)^{28}$, однако уже на следующий год (1646/47) происходит увеличение до 20 руб. 29 , после этого оклад возрастал на протяжении всей службы: в $1650/51 \, \Gamma.$ — 25 руб. (?), в $1651/52 \, \Gamma.$ — 30 руб. 30 , в $1666/67 \, \Gamma.$ — 35 руб., в $1672/73 \, \Gamma.$ — 40 руб. 31

Праздничные дачи

Этот вид жалованья также связан с вознаграждением, выплачиваемым подьячим, и выдавался одновременно с ним. При этом часто золотописцы даже не выделялись из списка подьячих в ведомостях. Первоначально праздничные дачи были строго фиксированы и составляли 1 рубль на праздник. Эта ситуация изменилась с появлением в приказе Григория Благушина: он получал по два рубля. Постепенно праздничные дачи возрастали и на различные праздники составляли 2,5; 3; 3,5; 4 рубля. В 1666 г. Г.Благушин в своей челобитной просит на все праздники по 4 рубля, что и было удовлетворено³². После этого никаких изменений в данном виде доходов не происходило.

Хлебные и соляные дачи

Сохранилась челобитная Г.Благушина, датированная 4 января 1651 г., в которой он просит поверстать его хлебным жалованием. В справке по этому делу отмечается, что Миня Быков получал с 1613 г. по 15 четей хлеба, Богдан Перфирьев с 1615/16 г. и Павел Иванов с 1636/37 г. — по 20 четей 33.

Документально подтверждено наличие этого вида жалования у Г.Благушина с 1656/57 г. — 20 четей «ржи и овса тож»³⁴. В 1672/73 г. хлебная дача увеличена до 35 четей³⁵, а в 1673/74 г. до 40 четей³⁶ и с этого момента имеет привязку к годовому окладу.

Соляное жалованье упоминается с 1675/76 г. и составляет 8 пудов³⁷. Его появление, по-видимому, связано с установлением этого вида дач для подьячих (1675 г.).

Поместный оклад

Упоминание о поместном окладе встречается только по отношению к Григорию Благушину, начиная с 1675/76 г. Составлял он 300 четей 38 .

Однако доходы других золотописцев существенно отличались от вышеприведенных. Показательно, что они отображены в документах о жаловании переводчиков и толмачей и занимают промежуточное положение между ними. Это разделение произошло потому, что Федор Лопов получил назначение в золотописцы из толмачей. Федора Степанова, сына Лопова, взяли в плен в Ливонии под Юрьевым Ливонским, в Москве он стал человеком стрелецкого головы Степана Семенова Коковинского, который крестил его и «выучил грамоте русской». В конце 1659 г. или начале 1660 г. С.Коковинский умирает, и Лопов получает свободу, одновременно с этим теряя средства к существованию. Тогда, 8 февраля 1660 г., он подает челобитную с просьбой о верстании в Посольский приказ в качестве специалиста по цесарскому языку. Однако, когда его проэкзаменовал переводчик В.Боуш, то оказалось, что владеет он лифляндским языком. Все же Ф.Лопова взяли в приказ толмачом с 13 февраля, дали на платье 10 рублей и учинили годовой оклад и поденный корм против учеников при переводчиках³⁹. В 1661 г. его отдали для научения Г.Благушину, но он еще долго получал годовой оклад и поденный корм с толмачами. Однако в своей челобитной на дачу на дворовое строение он пишет: «нашей братье иноземцом Посольского приказа переводчиков которые иманы вновь»⁴⁰.

При появлении других золотописцев (Матвей Андреев и Федор Юрьев) в приказе им автоматически определили то же место в служебной структуре, что и Федору Лопову.

Составляющие доходов этой части золотописцев и толмачей во многом были идентичными.

Годовой оклад

Годовой оклад этой категории золотописцев меньше, чем у ранее разобранных. Федор Лопов при определении в приказ (1661 г.) получил 10 руб. 41 , однако вскоре его оклад начал расти и составил в 1665/66 г. 12 руб. 42 , в 1667/68 г. - 15 руб. 43 , в 1669/70 г. - 17 руб. 44 , в 1673/74 г. - 18 руб. 45 Новичный оклад Матвея Андреева в 1665/66 г. равнялся 8 руб. 46 , в 1667/68 г. - 15 руб. 47 , в 1673/74 г. - 17 руб. 48 , в 1675/76 г. - 18 руб. 49 Взятый в приказ в августе 1682 г. из иконописцев Федор Юрьев (1682-1692 гг.) получил годовой оклад в 20 руб. 50

Поденный корм

Поденный корм фактически имел большее значение для этой категории золотописцев, чем годовой оклад, так как был значительно выше последнего. Как правило, он выплачивался с периодичностью в один — четыре месяца, так же, как переводчикам и толмачам. Его размеры зависели, хотя и не абсолютно, от величины годового оклада.

При поступлении в приказ в 1661 г. Федору Лопову назначено 6 коп. 51 поденного корма, в 1665/66 г. -7 коп. 52 , в 1668/69 г. -9 коп. 53 , в 1673/74 г. -10 коп. 54 Матвей Андреев первоначально на каждый день получал по 5 коп. 55 , с 1672/73 г. -8 коп. 56 , с 1673/74 г. -10 коп. 57 Федору Юрьеву в 1682 г. назначено 12 коп. «поденного корму» 58 . Первоночально корм давался на каждый день, однако в 1681 г. велено «корм давать как будет дело» 59 .

Хлебное и соляное жалованье

Хлебное жалованье упоминается впервые у младших золотописцев в $1665/66~\mathrm{r}.^{60}$, однако, по-видимому, оно существовало и раньше. Первоначально Ф.Лопов и М.Андреев получали по 10 четвертей овса и ржи, а с $1673/74~\mathrm{r}.-$ по 15 четвертей 61 , тогда же младшие золотописцы стали получать по 5 пудов соли на rog^{62} . Ф.Юрьеву также велено давать по 15 четвертей хлебного и 5 пудов соляного жалований 63 .

Теперь необходимо рассмотреть источники доходов, в одинаковой степени касающиеся всех золотописцев.

Дачи на избное строение и пожарное разорение

Это наиболее общий для всех категорий приказных служащих вид жалованья, не являлись исключением и золотописцы. Его размеры напрямую зависели от годового оклада. Известно, что в 1646 г. Г.Благушин получил 10 руб. на избное строение при годовом окладе в 15 руб. Для младших золотописцев сумма, исходя из которой назначались эти дачи, исчислялась путем сложения годового оклада и поденного корма. 18 мая 1667 г. Федор Лопов получил 15 руб. при годовом окладе 12 руб. и поденном корме 7 коп., что в сумме давало 37, 55 руб., при этом для примера взяты дачи иностранцам — переводчикам 65, на толмачей они не распространялись.

К сожалению, не сохранились данные о владении дворами по всем золотописцам. Известно, что в 1638 г. Павел Иванов не имел своего двора и нанимал место у вдовы Ульяны Ждановской Кондыревой в районе Сретенских ворот⁶⁶. Дворы Григория Благушина и Федора Лопова находились между Тверской и Никитской улицами и погорели во время большого пожара 1664 г., золотописцам были выплачены деньги на пожарное разорение, однако размеры дач не сохранились⁶⁷.

В 1670 г. Ф.Лопов на пожарное разорение получил 25 руб., М.Андреев — 20 руб. 68 Их суммарное жалованье в этот период равнялось 49,85 и 33,25 руб. соответственно.

Дачи «стола вместо»

Документы сохранили только одно упоминание о даче золотописцам «стола вместо» после поздравления царя с Воскресением Христовым. В 1660 г. Г.Благушин получил «4 чарки вина двойного, ведро без чети меду обарного, на мелкое гривна» (10 коп.)⁶⁹.

Разовые дачи

Непосредственной работой золотописцев являлось оформление дипломов и грамот, посылаемых с иностранными посольствами, а за выполнение иных заказов они могли рассчитывать на дополнительное вознаграждение. Сохранившиеся документы позволяют почерпнуть интересные сведения о его размерах.

Известно, что Г.Благушин получил в 1662/63 г. 100 руб. за грамоты «ко вселенским патриархам», в 1665/66 г. за «листы и узоры на аламы и чепрашные и к полковым знаменам клейма»— 50 руб., в том же году за жалованную грамоту «на гетманство Ивану Брюховецкому» 20 руб. да «сукно лундыш добрый» $(\Phi. Лопов тогда же получил 10 руб.). В 1666/67 г. за то, что$ «знаменил» Государственную новую печать - 20 руб., «сукно лундыш, камка адамашка, ему ж с Дворца запасы», 5 июля за оформление «Титулярника» – 15 руб. да сукно лундыш (М.Андрееву и Ф.Лопову дали по 10 руб.)⁷⁰, за создание еще двух списков «Титулярника» меньшего размера 1 февраля золотописцы получили такую же дачу, да. помимо Г.Благушин — камку адамашку (6 аршин) 71 , а Ф.Лопов и М.Андреев – по сукну «аглицкому»⁷². За «строение» большого Евангелия (создавалось с 1 августа 1677 г. по 30 марта 1678 г.) Г.Благушину дали на тафту 5 руб., Ф.Лопову и М.Андрееву – по 3 руб. 73, за создание малого Евангелия (создавалось с 15 апреля по 11 августа 1678 г.) Ф.Лопов и М.Андреев получили по тафте и сукну «аглицкому»⁷⁴.

Необходимо отметить, что при создании «Титулярника» (первая книга) золотописцам по челобитной выданы деньги «на

харч»: Г.Благушину — 5 руб., младшим золотописцам — по 3 руб. 75

На основании вышесказанного можно сделать выводы о том, что на протяжении второй трети XVII в. наблюдается постоянное увеличение нагрузки на золотописцев Посольского приказа из-за возрастания дипломатической активности государства и качественное расширение сферы деятельности в связи с использованием их умений и навыков в книжном «строении». Это, в свою очередь, потребовало увеличения штатов от одного человека в 1645 г. до четырех в 1682 г. При этом в оплате их труда намечаются две противоположные тенденции. С одной стороны, постоянно возрастают размеры официального жалования, что следует рассматривать как вознаграждение за возрастающее мастерство. И, наряду с этим, происходит снижение размера дач за выполнение заказов, непосредственно не относящихся к приказу, чему, судя по всему, способствует общее увеличение числа специалистов, владеющих данными навыками. Увеличение количества золотописцев потребовало выделения из них одного, старшего, имевшего составляющую доходов, одинаковую с подьячими, из среды которых он выделился. Остальные золотописцы сближались в этом с переводчиками и толмачами.

Интересно, что после смерти Г.Благушина старшим золотописцем стал Карп Иванов Золотарев (1683 — 1692 гг.)⁷⁶, ученик Богдана Ивлевича Салтыкова (см. ниже), человек со стороны, хотя и работавший золотописцем с 1667 г.⁷⁷ Судя по некоторым документам, он принимал участие в художественных работах под эгидой Посольского приказа еще в 1680 г. (золотил иконостас для Устюжской четверти), однако датировка этого документа вызывает сомнение⁷⁸. Интересно, что еще в 1680/81 г. в приказе разбиралось дело о выборе золотописца, по-видимому, старшего, взамен состарившегося Г.Благушина, и тогда выдвинули кандидатуру Ф.Лопова⁷⁹.

В целом же к началу 80-х годов XVII в. сложились как структура этой категории служащих Посольского приказа, так и составляющие их жалования⁸⁰. Однако с появлением К.Золотарева должно было поменяться общее направление художественной деятельности этого учреждения, как наибо-

лее отражающее новые придворные вкусы⁸¹.

Постоянно возрастающие заказы, не связанные с дипломатическими функциями приказа, требовали время от времени привлечения сторонних специалистов, как золотописцев, так и обладателей смежных профессий. Первое упоминание о них относится к ноябрю 1649 г., когда Г.Благушин и типографский знаменшик (мастер-рисовальщик) Григорий Аблесимов оформляют два экземпляра книги «Служба и житие Саввы Острожского»82. Летом 1654 г. «государевым серебрянным мастерам Приказу Серебряного и Золотого дела и Оружейные палаты и Серебряных рядов мастеровым людям» велено сделать металлические детали для 39 книг (повидимому, все Евангелия). По каким-то причинам в эту работу включился Посольский приказ: 16 июня «взято в Посолской приказ Барашские слободы тяглеца у Макара Иванова на 16 евангелистов застежек резных с петли..., евангелистов басемных на 11 евангелиев... И те застежки и евангелисты отнесены в Оружейный приказ...» 83 Данный заказ следует отождествлять с требованием царя Алексея Михайловича, находящегося Вязьмы, изготовить В ставке близ 130 благославенных крестов и 70 серебриных окладов на Евангелия для православных церквей, создаваемых на землях, присоединенных в ходе русско-польской войны 1654-1667 гг., последовавшей за присоединением Украины к России⁸⁴. В 1666/67 г. Г.Благушин «знаменил государственную новую печать с мастером Серебряной палаты Гаврилой Овдокимовым». За это выдано: Благушину — 20 руб., Овдокимову — «сукно лундыш, камка адамашна, ему ж с Дворца запасы» 85. 24 июня 1667 г. в Посольский приказ взят знаменщик Василий Григорьев. Ему назначено 5 коп. поденного корма (18,25 руб. в год). Сведения о его жаловании встречаются в списках переводчиков и толмачей, из чего можно сделать вывод о том, что во внутриприказной иерархии он близок к младшим золотописцам. Судя по всему, в составе служащих Посольского приказа он находился долго, известно, что в 1667-1668 г. В.Григорьев знаменил лекарственные травы в гербарии, создаваемом для Аптекарского приказа⁸⁶. На следующий год его фамилия пропадает из документов.

Значительная часть привлечнных специалистов связана с книжным строением, осуществлявшемся в Посольском приказе. С 1672 г. по инициативе и при непосредственном надзоре начальника приказа А.С.Матвеева начинается особенно интенсивная работа над «строением» рукописных книг, которая увенчалась созданием целой серии роскошно оформленных изданий, предназначенных для царской фамилии и дипломатических нужд Посольского приказа.

Первой в этой серии стала книга, известная под своим кратким названием - «Титулярник». Она содержала в себе сведения: «Великих князей и государей царей российских корень откуды изыде, также великих князей и государей царей, и святейших Вселенских и Российских патриархов, и папы и цесаря Римских, и королей Гишпанского, Францужского, Аглинского, Датцкого, Полских, Свейского, и Грузинского царевича, и князей Флоренского, и Венецейского, и Оранского, и шаха Персидского, и салтана Турского, и ханов Китайского, Бухарского, Юргенского, Крымского персоны и родословия, также Российского государства и тех всех государей гербы в клеймах, и ссылки, у которых великих князей и государей царей с которыми государи окрестными и мусулманскими в которых годех были и с которого году учали ссылки быть, и как к ним, великим князем и государем царем, так и от них, государей, через послы и посланники и гонцы писывано, — 180 год»⁸⁷. Столь значительный объем работ требовал привлечения дополнительных специалистов. Поэтому, помимо трех штатных золотописцев, были привлечены: золотописец, человек боярина и князя Н.И.Одоевского Дмитрий Квачевский 88, иконописцы Иван Максимов и Дмитрий Львов, мастер Серебряной палаты Данила Кузьмин «с товарыщи» 89. За свою работу они получили вознаграждение из приказа: Д.Квачевский — 3 руб. «на харчь» и 8 руб. ⁹⁰, И.Максимов — 15 руб. и сукно кармазин да «давано в те месяцы, как он был v его, великого государя дел... по 6 алтын по 4 денги (20 коп.) на день», Д.Львов -10 руб. и сукно «аглинское» 91. Время изготовления этой книги датируется по участию в работе золотописцев и иконописцев – с 19 февраля по 21 мая 1672 г., однако известно, что Д.Квачевский принят к работе с 13 января по челобитью

польских послов; что касается завершения его работы, то здесь встречаются две даты: 3 апреля и 2 мая⁹². Переплетал книгу иностранец, капитан Яган (Иоган) Эленкуз (Элквис)⁹³.

По завершении работы царь приказал сделать «в Верх» еще два экземпляра «Титулярника» меньшего размера, дополненные новыми миниатюрами. Это вновь потребовало привлечения дополнительных сил иконописцев - Макара Потапова и Федора Юрьева⁹⁴. Работа над книгами проходила с 22 августа по 12 декабря 1672 г.⁹⁵, и, по завершении, ее создателей наградили так же, как и за создание первого экземпляра «Титулярника». Вновь взятые М.Потапов Ф.Юрьев получили по 10 руб. И.Максимову дополнительно дали 6 аршин камки адамашни⁹⁶. Можно предположить, что, помимо этого, золотописцы и иконописцы во время работы получали поденный корм или единовременно выданные деньги «на харч», как в случае с Д.Квачевским и И.Максимовым. Переплетал книги тот же переплетчик – капитан Иоган Эленкуз⁹⁷. Металлические части переплета вновь делал мастер Серебряной палаты Данила Кузьмин «с товарыщи» 98.

С 14-19 июня 1672 г. по 25 января 1673 г. в приказе создавалась книга «Хрисмологион, сиречъ книга пророченнословная от пророчества Даниилова сказание сония Новоходоносорова...» В ее создании принимали участие писец старец Маркел¹⁰⁰, живописец И.Максимов¹⁰¹, переплетчик И.Эленкуз¹⁰².

В то же время, с 14 июня по 15 сентября 1672 г. «стро-илась» в двух экземплярях «Книга избранная в кратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» 103. Книга создавалась тем же коллективом: книгописец старец Маркел 104, живописец И.Максимов и, возможно, переплетчик И.Эленкуз 105. Известно, что за работу старец Маркел с 14 июня по 7 августа получал по 15 коп. поденного корма, а с 8 августа по 15 сентября — по 20 коп. 106 Это дает возможность предположить, что при создании «Хрисмологиона» он получал по 15 коп. поденного корма. Поденный корм И.Максимова по-прежнему составлял 20 коп. 107

6 июля 1672 г. в приказе велено писать «Книгу о избрании великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России». До 17 августа писец Иван Верещагин написал на «александрийской бумаге большой руки, в целый

лист, мелким писмом» 9 тетрадей, оставляя места на «лица». Эти «лица» 8 ноября велено писать И.Максимову, Сергею Васильеву (Рожкову) — живописцу Оружейной палаты, Анашке Евдокимову и Ф.Юрьеву¹⁰⁸. Металлические детали переплета и сам переплет делали те же мастера. За работу они получили: мастера Серебряной палаты «за дело и за позолоту, что они делали к Государственным четырем книгам наугольники и средники и застежки прорезные, 5 рублей», И.Эленкуз за переплеты двух книг — «О избрании Михаила Федоровича...» и «О сивиллах» (см. ниже) и за материалы — 5 руб. 109 Закончилось оформление этой книги к апрелю 1673 г.

«Книга о сивиллах, колика быша и киими имяны и о предречении их» «строилась» с 22 августа 1672 г. до 18 апреля 1673 г. 110 Известно об участии в работе над ней писца Ивана Верещагина 111, иностранца, живописца Оружейной палаты Богдана Салтанова (Иван Ивлев Салтанов) 112, переплетчика И.Эленкуза 113. Б.Салтанов написал серебром и красками на полотне 12 пророчиц сивилл; он же написал на полотне 26 персон «ассирийских, перских, греческих, римских царей и великороссийских великих князей и великих государей царей» для книги «Василиологион». Ему заплатили сразу за оформление двух книг и выдали в приказ соболей на 30 руб., 4 аршина сукна лундыш и 8 аршин камки кармазин 114.

«Василиологион» представлял собой сочинение, целью которого было поставить московских царей в один ряд с великими правителями прошлого и тем самым укрепить их международный престиж. Книга создавалась с 6 мая 1673 г. по 30 июля 1674 г., и, помимо Б.Салтанова, в ее создании принимали участие писец И.Верещагин и переплетчик И.Эленкуз, последний за работу и переплет получил 5 руб.

После того, как книгу поднесли царю, поступило распоряжение «построить» еще два экземпляра. Их писцом являлся тот же И.Верещагин. Документы не сохранили имена других ее создателей, но вполне логично предположить, что это те же мастера, что трудились над первой книгой 115.

«Александрия» — переводная повесть о деяниях Александра Македонского — создавалась с 25 июля 1675 г. по середину 1676 г. Писал книгу Иван Верещагин, иллюстрировали ико-

нописцы Дмитрий Иванов, Иван Петров, Ф.Юрьев и И.Максимов. За работу И.Максимов получал по 15, а его товарищи — иконописцы — по 10 коп. «поденного корму» 116 .

Следующей книгой, созданной в Посольском приказе, стало «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей...» Лаврентия Хурелича. Распоряжение о «строении» книги дано 1 августа 1675 г., а завершена работа в октябре того же года. Книгописцем являлся подьячий Лазарь Лазарев. Известно, что с 1 сентября за работу ему давалось по 6 коп. на день. Переплетал книгу И.Эленкуз, 25 октября за работу он получил 3 руб. 117

В 1676 г. в приказе создается богато украшенная книга «Чин венчания на царство царя Федора Алексеевича». В документах отмечается участие в этой работе подьячего Посольского приказа Прокопия Возницына, за что он получил «сукна кармазину 5 аршин да атласу 10 аршин». И.М.Кудрявцев считает, что он исполнял обязанности книгописца, и путем сличения почерков делает вывод, что П.Возницын писал и лицевое Евангелие в 1678 г. 118

Это Евангелие создавалось в Посольском приказе с 1 августа 1677 г. по 30 марта 1678 г. Задуманное как одно из самых роскошных изданий, оно содержало 1200 миниатюр, оклад изготовлен мастерами Золотой палаты и алмазного дела 119. Это самая масштабная работа подобного рода в Посольском приказе, и для ее выполнения мобилизовали крупные силы мастеров как в самой Москве, так и за ее пределами. Документы сохранили 27 фамилий иконописев. Среди них костромичи: Василий Осипов, Петр Аверкиев, Федор Евстафьев, Василий Миронов, Фома Ермилов, Гурий Никитин 120, Василий Григорьев¹²¹; ярославцы: Семен Холмогоров¹²², Василий Ананьин, Дмитрий Семенов, Иван Игнатьев, Дмитрий Плеханов, Федор Карпов, Андрей Иванов, Карп Михайлов 123; москвичи: Сергей Рожков, Федор Юрьев, Иван Максимов¹²⁴, Федор Облесимов¹²⁵ (о нем сказано, что он тяглец Огородной слободы), о троих – Дмитрии Григорьеве 126, Максиме Иванове¹²⁷, Павле Никитине¹²⁸ – данные отсутствуют; Иван Анкундинов и Артемий Петров названы московскими иконописцами, но о них же сказано, что это вологжанин и нижегородец соответственно 129; точно так же Макар Потапов, Сидор Логин, Семен Павлов и Василий Григорьев в одном месте упоминаются как москвичи (или «сысканы на Москве») 130 , а в других местах: Потапов — как осташковец 131 , Логин и Павлов — как ярославцы, Григорьев — как костромич 132 . Может быть, Семен Холмогоров и Семен Павлов — это одно лицо.

Сроки работы иконописцев над Евангелием были различными. Так, в сводной ведомости отмечается, что 6 костромичей (Г.Никитин, В.Осипов, П.Аверкиев, В.Миронов, Ф.Ермилов, В.Григорьев) работали с 17 октября 1677 г. по 28 января 1678 г., все 10 ярославцев — с 8 февраля 1678 г. до завершения работы 133, однако в другом месте о С. Павлове, А.Перове, С.Логине сказано, что они «сысканы на Москве» 18 февраля 1678 г.¹³⁴; осташковец М.Потапов работал с 1 октября 1677 г. ¹³⁵ Все иконописны получали поленный корм за дни работы. Сохранились данные о поденном корме 22 иконописцев: Иван Максимов получал по 18 коп. 136; Г.Никитин, П.Никитин, М.Потапов, В.Ананьин, Д.Семенов, И.Игнатьев, Д.Плеханов, А.Петров, Ф.Карпов, Д.Григорьев, С.Павлов – по 15 коп.; В.Осипов, П.Аверкиев, Ф.Евстафьев, Ф.Юрьев, А.Иванов – по 12 коп.; С.Рожков – 10 коп.; В.Миронов, Ф.Ермилов, С.Лодыгин — 9 коп. 137; М.Иванов — 6 коп. в феврале¹³⁸ и 9 – в марте 1678 г. 139 По завершении работы 6 иконописцев получили дополнительные дачи: Ф.Евстафьев, С.Рожков - «аглинское сукно»; П.Никитин, Ф.Юрьев, И.Максимов – сукно гамбургское; М.Иванов – 1 руб.¹⁴⁰

Писцами при создании евангелия работали жилец Василий Сказин, дьячки Федор Яковлев и Лазарь Лазарев¹⁴¹, подьячий приказа Большого Дворца Григорий Галицкий¹⁴². Они получали по 0,5 руб. за каждую написанную тетрадь. По завершении работы писцам выдали вознаграждение: Ф.Яковлеву — сукно «аглинское» в рубль, В.Сказину — сукно полукармазин в 3 руб.; остальные также подали челобитные с просьбой о награде, но результаты неизвестны. Переплетал Евангелие сын священника церкви Пречистой Богородицы у нового гостиного двора Ларион Дементьев, за работу он получил сукно¹⁴³.

Работа над данной книгой выходила за обычные рамки

уже потому, что при этом трудились 35 человек: золотописцы, иконописцы, писцы и переплетчики. Необходимо было координировать их общие усилия, решать организационные вопросы. Известен факт, что Макар Потапов в январе 1678 г., по каким-то причинам, без позволения, уехал из Москвы, и кто-то должен был заниматься его поиском и возвращением. Эти функции выполняли Иван Федоров Рыкачев и подьячие Посольского приказа Прокопий Возницын и Иван Нехорошев. Двое последних получили за работу сукно (П.Возницын – «сукно полукармазин ла тафту»)¹⁴⁴. И.М.Кудрявцеву не были известны эти данные, поэтому он и сделал ошибочное предположение о работе П.Возницына писцом¹⁴⁵. Подобное тем более невозможно, что к этому времени последний уже являлся старым подьячим с годовым окладом в 50 руб. Иван Нехорошев был подьячим средней статьи 146. Кто такой И.Ф.Рыкачев, неизвестно. Однако показательно, что он стоял первым в списке осуществляющих надзор за мастерами. На основании наблюдения И.М.Кудрявцева об идентичности почерков в Большом Евангелии и «Чине венчания на царство царя Федора Алексеевича» можно утверждать, что над «Чином венчания...» работал как минимум один из четырех перечисленных писцов¹⁴⁷. Также на основании этого можно говорить, что не позднее чем с 1676 г., средние и старшие подьячие Посольского приказа осуществляли контрольные функции над процессом создания книг.

После завершения Большого Евангелия поступило распоряжение о создании «другова Евангелия», значительно скромнее оформленного, работа над которым осуществлялась с 15 апреля по 11 августа 1678 г. Это делали те же писцы, что трудились над Большим Евангелием. Судя по всему, оплата также производилась по-тетрадно. Известно, что Ф.Яковлев написал 12 тетрадей, В.Сказин — 7, Л.Лазарев — 21, Г.Галицкий — 10. По завершении работ Сказин получил 2, а Яковлев — 1 руб. дополнительных дач. Евангелистов писал Ф.Юрьев и получил за работу 6 руб. Трое штатных золотописцев приказа не справлялись с работой из-за жесткости графика, тогда ими «для скорости» был нанят на три дня, за 0,5 руб. в день, крепостной человек боярина князя Н.И.Одо-

евского — золотописец Дмитрий Степанов, впоследствии государство компенсировало им эти затраты¹⁴⁸.

В 1682 г. в Посольском приказе создаются еще две книги «Чин венчания на царство царей Ивана и Петра Алексеевичей» и второй список «Чина венчания на царство царя Федора Алексеевича». О них известно только то, что обе книги писал один и тот же человек. Работой над первой книгой руководил подьячий Посольского приказа Максим Алексеев, принятый И.М.Кудрявцевым за писца. Он не мог быть им потому, что в своей челобитной ссылается на дачу П.Возницына 149.

Необходимо проанализировать состав лиц, используемых в издательской деятельности Посольского приказа. Всего за данный период встречается 51 имя, из них несколько раз упоминаются 14. Рассмотрим более подробно последних.

Я.Эленкуз. О нем известно, что он иноземец, капитан, талантливый переплетчик, постоянно употребляемый для переплета книг с 1672 г. Его вознаграждение за этот период не претерпели изменений и составляли 5 руб. при работе со своими материалами и 2-3 руб. при работе с материалами из приказа.

Иван Максимов, иконописец, ученик Симона Ушакова. Первоначально числился в штате Пушкарского приказа. В сентябре 1673 г. зачислен в служащие Посольского приказа с окладом «денежной и за хлеб сорок рублев». В дни работы он получал поденный корм: в 1673/74 и 1674/75 гг. по 20 коп., в 1675/76 г. по 15 коп. 12 марта 1677 г. он затребован назад в Пушкарский приказ. Упоминается его ученик Иван Парфеньев 150.

Иван Верещагин. С середины 1672 г. работает книгописцем при «строении» книг в Посольском приказе. Летом 1673 г. по каким-то причинам (по мнению И.М.Кудрявцева, из-за тяжелого материального положения) бежит в Галич, откуда вытребован назад. 16 сентября 1673 г., по челобитной, зачислен в состав подьячих Посольского приказа. При этом все время присутствия в приказе оставался неверстанным. В 1674 г. его переводят во Владимирскую четь, но он продолжает работать над книгами, создаваемыми в Посольском приказе 151. В справочнике С.Б.Веселовского упоминается Верешагин Иван Васильевич — подьячий Владимирской чети

(сентябрь 1674 г.), подьячий в Темникове (22.9.1678 г.), подьячий Конюшенного приказа (16.3.1686 г.), откуда 2 июля 1692 г. он пожалован в дьяки и назначен в Ярославль, где находился до 26.4.1694 г., в 1696/97 г. — дьяк Дворцового судного приказа, в 1696/97 — 1697/98 гг. — дьяк Московского судного приказа 152 .

 Φ едор Юрьев. Начиная с 1672 г. постоянно используется в Посольском приказе как иконописец. С августа 1682 г. назначается золотописцем приказа из иконописцев Оружейной палаты, при этом по величине оклада является вторым в списке 153 .

Данила Кузьмин «с товарыщи». По-видимому, три человека. Мастера Серебряной палаты с 1672 г. по 1676 г. постоянно использовались для создания металлических деталей переплетов.

Лазарь Лазарев. Неверстанный подьячий и книгописец Посольского приказа (с августа 1675 г. по 1676 г.). В 1677/78 г. он продолжает участвовать в создании книг, но уже упоминается как дьячок.

Маркел. Чернец, писец Посольского приказа. Возможно, в 1679—80 гг.— архимандрит Свенского Успенского монастыря, в 1680—81 гг.— епископ Суздальский, с 1681 г.— митрополит Псковский, с 1690 г.— митрополит Казанский. Он был хорошо образован, знал латинский, французский, итальянский языки. Петр I в 1690 г. пытался выдвинуть его в патриархи, но он был обвинен в ереси. Умер в 1698 г. 154

Дмитрий Квачевский, Дмитрий Степанов. Крепостные люди боярина князя И.Н.Одоевского. Возможно, одно и то же лицо. Использовались при золотописных работах в приказе по найму.

Сергей Васильев Рожков. Иконописец, живописец Оружейной палаты. Работал в Посольском приказе достаточно нерегулярно.

Прокопий Богданович Возницын, Иван Нехорошев, Максим Алексеев. Штатные подьячие Посольского приказа. Осуществляли контрольные функции над процессом создания книг. Можно предположить, что от них зависел подбор специалистов и контроль за расходованием денежных средств. В пользу последнего говорят пометы П.Возницына на документах о расходных материалах для создания Большого Евангелия¹⁵⁵.

Богдан Салтанов (Иван Ивлев Салтанов). Иноземец, живописец Оружейной палаты. Его участие в издательской деятельности Посольского приказа обусловлено необычным способом оформления книг — иллюстрации выполнены на холсте масляными красками. Это можно рассматривать как определенную тягу к западному искусству: портреты, вышедшие из-под кисти Б.Салтанова, значительно отличались от произведений русских иконописцев. Выбор материала, по-видимому, в данном случае обусловлен тем, что Б.Салтанов не имел навыков работы на бумаге.

Таким образом, издательская деятельность Посольского приказа с момента его возглавления А.С.Матвеевым переходит на качественно новый уровень, который в целом, хотя и в меньших объемах, сохранился и после его отставки. На этот период приходится и наибольшее количество специалистов, привлекаемых со стороны.

¹ Котошихин Г.К. О России в царстве Алексея Михайловича. 4-е изд. СПБ., 1906.

² *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 55-56.

З Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в.: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 392-411; Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и Материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 179-244.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 13. В Посольском приказе подьячие и старшие золотописцы получали праздничные дачи от 4 до 10 раз в год на Рождество Богородицы, Рождество Христово, Пасху, именины царя, царицы и царевича.

⁶ Там же. Л. 194.

⁷ Там же. Д. 1672/18. Л. 37.

⁸ Там же. Д. 1645/5. Л. 203.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 84 об.

¹⁰ Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1725.

¹¹ Там же. Д. 1874. Л. 43.

 $^{^{12}}$ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 70, 77.

¹³ *Калишевич З.Е.* Указ. соч. С. 397.

¹⁴ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 200.

- 15 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1647/1. Л. 57, 264.
- 16 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1848. С. 48.
- 17 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1664/10. Л. 57.
- 18 Там же. Д. 1666/2. Л. 32.
- 19 Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2100.
- ²⁰ Калишевич З.Е. Указ. соч. С. 397.
- ²¹ *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 179-244.
- ²² Дополнения к Актам историческим... Т. VI. СПб., 1851. С. 194.
- 23 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Посольский приказ 1. Л. 453, 458 об.
- 24 Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1682/20. Л. 136.
- ²⁵ Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1743. Л. 1; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 83.
- 26 Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 6. Л. 22; Д. 7; Оп.1. Д. 1645/5. Л. 24.
- 27 Там же. Д. 7; Д. 8; Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 22.
- 28 Там же. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 97.
- 29 Там же. Л. 144.
- ³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 12 а.
- 31 Там же. Оп. 1. Д. 1674/6. Л. 68.
- 32 Там же. Д. 1667/26. Л. 43.
- 33 Там же. Д. 1647/1. Л. 264-269.
- 34 Там же. Д. 1657/12. Л. 43.
- 35 Там же. Д. 1672/18. Л. 73.
- ³⁶ Там же. Л. 115.
- 37 Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 16.
- 38 Там же. Л. 15-16.
- 39 Там же. Оп. 1. Д. 1661/7. Л. 100, 115-121.
- 40 Там же. Д. 1666/2. Л. 114-115.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 50 об.
- 42 Там же. Оп. 1. Д. 1666/2. Л. 115.
- 43 Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 69 об.
- 44 Там же. Л. 84 об.
- ⁴⁵ Там же. Оп.1. Д. 1674/6. Л. 69.
- 46 Там же. Д. 1666/2. Л. 32.
- 47 Там же. Д. 1668/12. Л. 2.
- 48 Там же. Оп. 2. Д.12. Л. 132.
- ⁴⁹ Там же. Д. 18. Л. 47.
- 50 Там же. Оп. 1. Д. 1682/20. Л. 136.
- 51 Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 69 об.
- 52 Там же. Оп. 1. Д. 1666/2. Л. 5.
- 53 Там же. Д. 1670/4. Л. 42.
- 54 Там же. Д. 1674/6. Л. 69.
- 55 Там же. Д. 1666/2. Л. 5.
- 56 Там же. Д. 1673/5. Л. 2.
- 57 Там же. Д. 1674/6. Л. 67.
- 58 Там же. Д. 1682/20. Л. 63.

- 59 ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 25.
- 60 Там же. Д. 1674/6. Л. 67.
- 61 Там же. Л. 69.
- 62 Там же. Д. 1678/3. Л. 68.
- 63 Там же. Д. 1682/20. Л. 136.
- 64 Там же. Д. 1645/5. Л. 117.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1666/2. Л. 114-117.
- 66 Росписной список Москвы 1638 года // Тр. / Рус. Воен.-Ист. О-во. Моск. Отд. Т. 1. М., 1911. С. 78.
- 67 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1669/8. Л. 109-112.
- 68 Там же. Д. 1670/20. Л. 9.
- ⁶⁹ Там же. Д. 1658/8. Л. 76.
- ⁷⁰ Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 190.
- 71 Там же. С. 194.
- 72 Там же. С. 197.
- 73 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1874. Л. 42.
- 74 Там же. Л. 75.
- ⁷⁵ Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 189.
- ⁷⁶ *Белокуров С.А.* О Посольском приказе... С. 134, 138.
- 77 Калишевич З.Е. Указ. соч. С. 395.
- 78 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2106.
- 79 Там же. Д. 2100.
- 80 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе... С. 131-166.
- 81 Павленко А.А. Карп Золотарев и московская живопись последней трети XVII в. // Памятники культуры: новые открытия, 1982: Ежегодник. М., 1984. С. 301-316.
- 82 *Калишевич З.Е.* Указ. соч. С. 397.
- ⁸³ *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 224.
- ⁸⁴ *Селезнева И.А.* Золотая и Серебряная палаты. М., 2001. С. 83-84.
- 85 Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 190.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1666/2. Л. 147 147 об; Д. 1667/8. Л. 2-3; Оп. 2. Д. 12. Л. 53 об.
- ⁸⁷ *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 183.
- 88 Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 189.
- 89 Там же. С. 193-194.
- 90 Там же. С. 189.
- 91 Там же. С. 194.
- 92 Там же. С. 189.
- 93 Там же. С. 194.
- 94 Там же.
- 95 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 187-188.
- ⁹⁶ Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 194.
- 97 Там же. С. 198-199.
- 98 Там же. С. 193.
- ⁹⁹ *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 191.
- 100 Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 191.

- 101 Там же. С. 195.
- ¹⁰² *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 190.
- 103 Там же. С. 194.
- ¹⁰⁴ Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 198.
- 105 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 194.
- 106 Там же. С. 193.
- 107 Там же. С. 194.
- 108 Там же. С. 195.
- 109 Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 194.
- 110 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 199.
- 111 Там же. С. 198.
- ¹¹² Дополнения к Актам историческим... Т. VI. С. 199.
- 113 Там же. С. 194.
- 114 Там же. С. 197.
- 115 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 200-201.
- 116 Там же. С. 202.
- 117 Там же. С. 205-206.
- 118 Там же. С. 206-207.
- 119 Там же. С. 225-226.
- 120 РГАЛА, Ф. 159, Оп. 2. Л. 1874, Л. 2-3.
- 121 Там же. Л. 43.
- 122 Там же. Л. 7.
- 123 Там же. Л. 43.
- 124 Там же. Л. 42.
- ¹²⁵ Там же. Л. 8.
- ¹²⁶ Там же. Л. 37.
- 127 Там же. Л. 3.
- 128 Там же. Л. 2.
- 129 Там же. Л. 8.
- 130 Там же. Л. 32, 36.
- ¹³¹ Там же. Л. 6.
- ¹³² Там же. Л. 32.
- ¹³³ Там же. Л. 42-43.
- 134 Там же. Л. 36.
- ¹³⁵ Там же. Л. 43.
- 136 Там же. Л. 16.
- 137 Там же. Л. 3, 16, 32, 36, 37.
- ¹³⁸ Там же. Л. 3.
- ¹³⁹ Там же. Л. 37.
- 140 Там же. Л. 42.
- 141 Там же. Л. 43.
- 142 Там же. Д. 1725.
- ¹⁴³ Там же. Д. 1874. Л. 43-53.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 42-45.
- ¹⁴⁵ *Кудрявцев И.М.* Указ. соч. С. 206-207.

- 146 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 83. Л. 11, 12.
- 147 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 206-207, 226.
- 148 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1874. Л. 69-70.
- 149 Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 206-207.
- 150 Tам же. C. 240-241.
- ¹⁵¹ Там же. С. 239-240.
- 152 Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 91.
- 153 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1682/20. Л. 136, 139, 144.
- 154 Словарь книжников и книжности и Дневной Руси. Вып. 3: (XVII в.), ч. 2. СПб., 1993. С. 335-336.
- 155 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1874.

ПИСЬМА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В последние годы для российской историографии характерен активный интерес к истории массового и индивидуального сознания, в частности, мировоззрения людей средневековья. В условиях «центробежности» гуманитарной науки, когда «повсеместно происходит смещение интереса исследователей от "центральных" областей действительности к "периферийным": от высокой политики — к повседневной жизни, от науки — к вере и оккультизму, от сознания — к бессознательному и т.д.», 1 особую значимость приобретают новые исследования источников личного происхождения.

Роль частной переписки для гуманитарных исследований трудно переоценить. Письма являются своеобразным голосом ушедшей эпохи, рисуют нам повседневную жизнь, внутренний мир их создателей. Они являются неотьемлемой частью той культурной среды, в которой созданы. Значение писем не ограничивается информацией, которую хотел сообщить автор адресату: форма писем, случайно употреблиные слова и устойчивые выражения, некоторые скрытые, но подразумеваемые факты и явления — вс это в целом рисует «портрет эпохи», передат е дух. Ведь, как писал А.Бьюргер, «чтобы понять общество, необходимо обойти то, что оно открыто о себе заявляет»².

Одним из интересных комплексов источников личного происхождения являются письма царя Алексея Михайловича. Изучение этих писем дат возможность исследовать особенности самооценки, представлений второго Романова о человеке и мире, а также общие черты русского мировоззрения XVII в. Изучение комплекса писем важно и потому, что специальная задача исследования мировоззрения царя Алексея Михайловича в историографии пока не ставилась.

XVII в. — время формирования частного письма как особого вида источника. Поэтому довольно трудно отделить частные письма от официальных посланий. Критерием отбора писем для исследования является факт личного участия Алексея Михайловича в их создании. Статья представляет анализ полно-

стью собственноручных писем, посланий, имеющих авторскую правку и индивидуальный стиль речи, значительно отличающийся от официального. На сегодня выявлено 158 писем царя Алексея Михайловича. Они адресованы семье, родственникам, друзьям, патриарху Никону, приближенным боярам и воеводам. Практически вся переписка царя Алексея Михайловича хранится в фонде 27 РГАДА. В архиве представлены две формы документов: непосредственно письма и их черновые отпуски. Именно по черновикам, иногда представляющим собой несколько вариантов текста с личной правкой, можно проследить особенности творчества, процесс редакционной работы царя Алексея. Хронологически письма охватывают почти вс царствование (с 1646 до 1675 г.), хотя наиболее полно представлен период 1650-х гг. Эпистолярное наследие царя Алексея Михайловича органично связано с другими его произведениями³, документами, происходившими из государева двора⁴.

В поле зрения весь комплекс данных об источнике. Прежде всего, это формуляр писем, устойчивые выражения, которые на стадии формирования и трансформации имеют важный содержательный смысл, показывают особенности мировоззрения. Особое внимание привлекают собственноручно написанные части документов и авторская правка. Анализ этих элементов дат представление о круге непосредственных интересов царя Алексея, показывает степень его активности и компетентности в различных областях жизни, представления о своих функциях и возможностях. Огромное значение имеет изучение содержания и объма писем, с учтом всего круга и тематики документооборота.

Царь Алексей Михайлович с юности проявлял склонность к собственноручному созданию документов. Самые ранние из известных писем относятся к 1646 г. Ощущение необходимости срочно и собственноручно излагать мысли выражалось в том, что рядом с ним всегда находился подьячий Приказа тайных дел с письменными принадлежностями⁵. Алексей Михайлович писал тврдым крупным почерком. Буквы выписывал довольно чтко, почти печатно, слова, за исключением некоторых (например, «г(о)с(у)д(а)рь», «ц(а)ревна»), как правило, не сокращались и не имели выносных букв. Это была энергичная скоропись, имевшая, несмотря на

сравнительную чткость, «родственное сходство» с неразборчивым почерком Петра I. Дело в том, что почерк царя сильно отличается от почерка профессиональных писцов. Поэтому при сравнении фрагментов, написанных почерком писца, и собственноручных записей царя возникает впечатление неразборчивости последних. Особо сложными для чтения являются места, написанные в процессе «многоэтажного» редактирования текста, когда автор над одним словом или фразой писал по 3-4 других варианта. Процесс создания писем — постепенно формирующееся

явление. Особенно ярко он виден на письмах из военного похода 1654-1656 гг., формуляр которых менялся не только год от года, но и в зависимости от места написания, успешности проведнных военных действий и политических настроений царя. Для раннего периода жизни Алексея Михайловича характерно собственноручное создание документов. Позже царь Алексей писал меньше: либо самым доверенным, близким людям, подтверждая особую расположенность, либо по особым делам. В письмах, записанных писцом, непременным элементом были собственноручные проставления даты и дня недели, а также небольшие по объму приветственные приписки. Тем самым, Алексей Михайлович фиксировал личное участие в создании документа, присутствие в опосредованном общении с адресатами. Собственноэлементы придавали письмам особый «царских». После Смуты, подорвавшей авторитет не только власти, но и документов, исходивших от не, государево, даже незначительное по объму дополнение «рукою своею» играло роль доказательства достоверности. О значении собственноручных приписок свидетельствуют послания в Кирилло-Белозерский монастырь 6 и 29 августа 1648 г. о Б.И.Морозове. В первом из них автор пишет: «И вам бы сей грамоте верить...а грамотку сию покажити ему, приятелю моему»⁶. Приписка ко второму письму ещ более содержательна: «и сю грамоту ему покажите, и верьте ей, а вверху приписал я государь царь своею рукою у сей грамоты...и печять моя у сей грамоты, и вам бы верить сей грамоте»⁷. Б.И.Морозов, безусловно, знал почерк царя, и демонстрация ему грамоты была доказательством авторства. С другой стороны, царские собственноручные приписки – это и проявление

процесса рождения индивидуальности, происходившего в разных областях человеческой деятельности XVII в., развития авторского самосознания.

Во время военного похода 1654-1656 гг., по-видимому, изначально Алексей Михайлович планировал писать семье только собственноручно. Первое письмо, от 24 мая 1654 г., полностью написано царм. В следующем послании читаем такой автограф: «Ла не покручиньтеся, государыни мои, светы, что не своею рукою писал, голова тот день болела, а после есть лехче»⁸. 6 июля причиной несобственноручного создания письма названы «недосуги и дела многия»⁹. Потом автор отказывается от намерения писать вс письмо собственноручно и ни разу после 6 июня 1654 г. не извинялся, что писал не сам. Из 70 писем семье лишь 2 полностью собственноручных: от 26 мая 1654 года из Можайска¹⁰ и от 17-18 августа 1656 года из Кукейноса 11. Речь в последнем идт об уникальном событии – явлении царю святых братьев Бориса и Глеба, повелевавших праздновать память царевича Дмитрия Ивановича. Остальные письма семье имеют различные по объму царские приписки, расположенные после текста, написанного писцом, а также фразу «государыням моим сстрам» на оборотных сторонах. 15 писем семье также имеют особый знак -«подпись», представляющий собой монограмму из букв «аз» и «кси». От позднего периода жизни сохранилось много черновиков-автографов. Во 2-й половине 50 — начале 70-х гг. Алексей Михайлович сам писал в основном тексты поучительного характера, содержащие библейские цитаты и философски-этические размышления. Например, одно из писем Г.Г.Ромодановскому, представляющее собой целый трактат о том, каким следует быть моральному облику воеводы, начинается словами: «Писал сие письмо вс многогрешный царь Алексей рукою своею» 12.

Процесс создания писем, как и многое в придворной жизни, был похож на церемониал. Алексей Михайлович обращал особое внимание на круг лиц, которые имели право писать ему от сестр. 23 мая 1656 г. он отмечал: «А грамоты кому изволите, тому и велите писать. А окроме бы тех, которые оставлены у вас, нихто бы не писал; и подьячему, и дьяку писать не пригоже» 13.

Рассмотрим структуру писем царя Алексея Михайловича семье. Первым элементом «семейных» писем на протяжении всего периода было приветствие с точным поимнным перечислением всех членов семьи по старшинству. Оно занимает от 25 до 70% общего объма. Следующим элементом формы писем является приветствие, выражаемое фразами: «Брат ваш царь Алексей челом быт», «Здравствуйте, светы мои, на многие лета!», «Как вас, светов моих, Бог милует?» Затем следовало сообщение автора о себе. Эти сообщения стандартны по форме и переходят из одного источника в другой. В них царь описывает основные военные действия 1654-1656 гг. и другие явления и факты, обратившие на себя его внимание. Сообшения о себе вволятся словами: «Извольте про меня ведать...» (в 4 письмах 1654 г.), «А мы, великий государь...» (в 10 письмах 1654 г.), «А об нас бы вам не печаловаца...» (в 46 письмах 1655-1656 гг.). В 4 письмах, написанных после 1660 г., специальных вводных формул к сообщениям автора о себе не установлено. Наиболее устойчивым элементом писем является указание даты создания документа. Формулу этого элемента можно обозначить так: «Писан ... в городе нашем ... лета ... года, месяца ... в ... день». Другая формула такова: «(месяц) в... день в (город)... дал Бог здорово». Во многих источниках, полностью написанных рукой писца, число и иногда день недели вписаны лично царм. Структура собственноручных писем, безусловно, содержит перечисленные выше элементы, характерные для всего комплекса, но содержание их более эмоционально. В собственноручных фрагментах ярче излагаются чувства: «А потом всем-всем с любовию поклон и челом бью всею душею и со всем сердечным своим хотением и радостию. Многолетствуйте, светы мои, на многие лета» 14. В послании от 17-18 августа 1656 г. образно описан взятый у неприятеля город: «...град, а крепок безмерно, ров глубокой, меншей брат нашему кремл вскому рву, а крепостию сын Смоленску граду: ей, через меру крепок» 15.

Содержание «семейных писем» в определенной мере разрушает сложившееся в общественном сознании представление об униженном положении женщины в русском обществе XVII в. Выросший в женском окружении Алексей Михайлович с вниманием и теплотой относится к сстрам, делится с ними размышлениями о военных и других событиях. Поимнное обращение к сестрам в письмах на первом месте сохраняется и тогда, когда уже родились мальчики — наследники престола, что свидетельствует об их особом положении при государе 16 .

Другая часть комплекса – письма к Афанасию Ивановичу Матюшкину, двоюродному брату царя по матери. Алексей Михайлович и А.И.Матюшкин находились в близкой дружбе с 1634 г. Комплекс включает в себя 26 писем, хронологически охватывающих 1646-1662 гг. Главная тема этих писем охота. По сравнению с «семейными», письма царя к А.И.Матюшкину написаны в более свободном стиле. Форма обращения царя определяется отношениями: с одной стороны, дружескими и родственными, с другой – царя и подданного. В 21 письме оно сформулировано так: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии стольнику нашему Афанасию Ивановичу Матюшкину». Лишь 3 письма начинаются со слова «Брат!» 17, два другие – сразу с изложения просьб к А.И.Матюшкину¹⁸. По содержанию основной части письма к Матюшкину можно разделить на две группы. Первая – 13 писем с изложением просьбы, требования, поручения. Вводная формула к основной части таких писем: «как к тебе ся наша грамота придт и тебе б ...», далее следует изложение требования. Другая группа – 12 писем с впечатлениями и свелениями о событиях. Начало основной части большинства из них: «от нас, великаго государя, милостивое слово». В своих «милостивых словах» от 13 марта $1655 \, \Gamma$. 19, 12 октября $1658 \, \Gamma$. 20, 7 июля $1660 \, \Gamma$. 21 автор сообщает о произошедших военных действиях как на основе собственных впечатлений, так и со слов других людей. Показателен пример письма из Колязина от 11 июня 1660 года, написанного на 6 листах, полностью посвященного полтам птиц, их особенностям, добыче, способам подготовки и т.д. 22 Концовка писем Матюшкину крайне упрощена, освобождена от традиционных этикетных оборотов. Во всех письмах, за исключением двух с оборванными концами и трх собственноручных, она включает указания места и даты создания источника: «Писан (место) лета (год, месяц) в (число) день». Форма собственноручных писем царя А.И.Матюшкину более проста, что определяется их содержанием: это записки с поручениями съездить к сстрам, узнать у Чудовского архимандрита «о спасении», купить «иглиц хвостовых челяговых» и т.д. Живым, не скованным придворным этикетом, языком описан бой Матвея Шереметева с «немецкими людьми», выражено отношение автора к поражению: «А о Матвее не тужи: будет жив, вперед ему к чести, радуйся, што люди целы, а Матвей будет по прежнему»²³. Уникальным по своей форме является небольшое письмо, написанное акростихом. По первым буквам можно прочитать: «Брат! Как тебя нет, так меня хлебом з закалою и накормить некому», но форма его такова: «Борис, Родион, Андрей, Трофим, ърм, Карп, Андрей, Трофим, ърм, Карп, Андрей, Каллист, ърм, Трофим, Енох, Борис, Янос ...» и т.д.²⁴

Небольшой комплекс царских писем адресован митрополиту, а затем патриарху Никону. Два из трх рассмотренных писем относятся к 1652 г., когда отношения царя с Никоном были еш дружественными. Форма обращения к новгородскому митрополиту сильно отличается от употребляемой во всех других письмах. Автор начинает сво письмо с перечисления духовных качеств архиерея: «Крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, безлобливому...»²⁵ Другая фраза обращения характеризует отношение: «О крепкий воине и страдальче царя небеснаго, о возлюбленный мой любимче и содружебниче, святый владыко, моли за мя, грешнаго, да не покроет мя тимения глубины грехов моих, твоих ради молитв святых»²⁶. Приветствие также высокопарно: «Как тобя, света душевнаго нашего, Бог сохраняет? А про нас изволишь ведать...» Обычная в этом месте формула челобития здесь выражена так: «...а по своим злым, мерским делам, не достоин и во псы, не токмо в нари»²⁷.

Большой комплекс писем Алексея Михайловича адресован боярам, воеводам, архимандритам крупнейших монастырей. Это 46 посланий, хронологически охватывающих 1648-1672 гг. Адресаты — власти и монахи Троицкого, Кирилло-Белозерского и Саввино-Сторожевского монастырей, Н.И.Одоевский, В.П.Шереметев, Г.Г.Пушкин, И.В.Морозов, А.Н.Трубецкой, Ю.А.Долгорукий, Я.К.Черкасский, А.С.Матвеев, А.Иванов, И.Ф.Бутурлин, сокольник П.Тоболин, В.В.Бутурлин, Ф.М.Ртищев, Ф.Б.Долматов-Карпов, И.И.Лобанов-Ростовский, В.Б.Шереметев, А.Л.Ордин-Нащокин, Г.Г.Ромодановский. Столь ши-

рокий и разнообразный круг адресатов и большой хронологический охват позволяют сделать интересные обобщения по форме и содержанию всего исследуемого комплекса. Следует отметить жанровое разнообразие таких писем. Например, письмо Н.И.Одоевскому было послано 3 сентября 1653 года в Казань, где князь в то время находился в качестве воеводы. Письмо – яркое свидетельство того, что царь был не только знатоком, но и мастером агиографического жанра. Он подробно и образно описывает перенесение в Москву мощей митрополита Филиппа, происходившие в связи с этим чудеса. Интересно письмо А.Л.Ордину-Нащокину 1660 года. Тогда его сын, Воин Афанасьевич, бежал из России к польскому королю Яну-Казимиру. Афанасий Лаврентьевич, восприняв это событие как порочащее, просил царя об отставке. В ответ на прошение Алексей Михайлович написал пространный ответ. Уже форма обращения к подданному должна была подчеркнуть расположение и глубокое уважение к нему государя. Царь обращается к нему как к «...христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворя-Афанасию Лаврентьевичу Ординунину воеводе Нащокину»²⁸.

Отличительной чертой писем царя Алексея Михайловича можно назвать многомерность их содержания: в каждом из них освещено несколько событий, изложены мысли по разным проблемам. Исследование содержания источника также позволяет нам получить интересные выводы для характеристики мировоззрения второго Романова.

Исследование писем показывает, что Алексей Михайлович имел представление об особых личностных возможностях монарха, определнных свыше и являющихся необходимым признаком носителя власти. Среди них — способность охватывать своим вниманием и деятельностью всю территорию государства, царский взор, необыкновенные «пресветлые очи», особое значение, придававшееся встрече с царм. Сакрализация и самосакрализация носителя власти характерны для менталитета XVII в., когда многие люди из различных слов общества считали себя носителями сакральных черт, визионерами и пророками последних времн. Сакральные

качества не только присваивались царю окружающими, но и культивировались им. Так, Алексей Михайлович создат сакральную, понятную только посвящнным, систему знаков. В архиве приказа тайных дел сохранилось множество тайнописных азбук и текстов. Охота, церемонии, организация придворного театра, царское строительство, активное развитие придворного церемониала имели не только функциональное или развлекательное, но и символическое значение, подчркивающее неземное происхождение и характер сти. Особой составляющей царской харизмы, судя по произведениям царя Алексея Михайловича, была возможность распространять «царскую милость». Милость царя ассоциировалась непосредственно с милостью Бога. Получение царской милости было одной из высших наград для подданного в средневековой системе ценностей. Одна из функций переписки — быть каналом для распространения милости и поддержание е действия. Милость – главное и фактически единственное условие стабильного положения человека при дворе. Алексей Михайлович чаще, чем другим, напоминает о милости незнатным по происхождению придворным, только благодаря милости и поднявшимся к вершинам власти. Например, А.С. Матвееву и А.Л. Ордину-Нащокину.

Царь может вс — таково убеждение Алексея Михайловича: ходить на войну, управлять всеми областями жизни страны, видеть то, что не видят другие и свидетельствовать об этом, наиболее благочестиво исполнять христианский обряд. Мир в понимании царя Алексея не статичная неизменная данность, а объект, который можно изменять силами человека. Активность и высокий темп деятельности для царя Алексея необходимое условие преобразования окружающего мира, определившее участие царя в решении самых разнообразных вопросов.

Принципиальной чертой мировоззрения царя Алексея, определявшей особенности его самооценки и этических взглядов, следует назвать отрицательное отношение к печали. «Бояр, окольничьих и думных дьяков и всех людей от печали обвеселить и утешить» — одна из главных обязанностей носителя верховной власти. Не «кручиниться» — способ угодить Христу, спасти свою душу. Царь пишет сстрам 17 марта 1655 г.: «Здравствуйте, светы мои, и со мною в ны-

нешней день, в 17 день; а не кручиньтеся для Христа. Уповайте на Бога, Той соблюдет вас. Да для Христа не покиньте жены и детей моих и живите в совете; не опечальте меня до конца»²⁹, в письме от 26 мая 1654 г.: «Да не покручиньтеся для Христа, уповайте на Бога»³⁰, подобные фразы встречаем и в других письмах³¹. Вынужденная разлука с семьей — причина глубокой печали. В 46 письмах семье 1655-1656 гг. встречаем формулу: «А об нас бы вам не печаловаца...»

Важнейшим компонентом мировоззрения следует назвать особое отношение Алексея Михайловича к системе понятий «человек – царь – Бог». Содержание писем показывает, что вся деятельность царя - это служба Богу, а потому она неизбежна. Так, в письме от 29 октября 1670 г. читаем: «А мы в спасителеве деле так же и всего нашего государства на великом смотре октября в 29 день, в суботу, дал Бог здорово» 32. В письме от 29 мая 1655 г. царь, описав сложности передвижения в походе, завершает его решительным заключением: «и того ради дела Божия не оставим»³³. Для царя Алексея характерна прямая ассоциация своих действий с выражением и совершением Божьей воли. В письмах его слова часто представлены как Божье благословение. В письме Г.Г.Ромодановскому невыполнение царского военного приказа Алексей Михайлович расценивает как измену Христу, прямую службу Сатане. Царь уверенно пророчествует своему воеводе: «И (ты) дело Божие и наше государево потерял, потеряет тебя самово Господь Бог и жена и детки твои будут в полону и сам *треокаянной...*»³⁴ Алексей Михайлович воспринимал себя священником на троне, исполняющим определнные священные функции, особые действия в отношении церкви, прежде всего, руководство духовной жизнью подданных. Именно в этом заключается принципиальное расхождение его взглядов и массового народного сознания, лишавшего монарха права регулировать духовную жизнь людей, вмешиваться в процесс «спасения душ»³⁵. Это расхождение стало одним из идейных оснований раскола.

В письмах царя проявляется несколько тем, важных для характеристики его религиозных воззрений и церковной деятельности. Особое место в мировоззрении царя занимало осознание необходимости выполнять патримониальные функции. Выражение этого — регулярные походы в Троице-

Сергиев монастырь, постоянный контроль за жизнью московских обителей, особый интерес к Саввино-Сторожевскому монастырю. Алексей Михайлович фактически руководил всеми процессами, происходившими в монастыре после обретения в 1652 г. мощей св. Саввы, вникая в каждую мелочь³⁶. Личное стремление контролировать церковную жизнь, участие в церковных реформах, издание комплекса указов исключительно церковного содержания, наконец, фактическое руководство церковью в 1658-1666 гг. — все это реализация мировоззренческих позиций Алексея Михайловича. Он воспринимал себя главным организатором церковной жизни России. Особенно ярко это видно после оставления престола патриархом Никоном в 1658 г. Уже в июлеавгусте 1658 г. царь начинает сам решать все вопросы, относящиеся к ведению патриарха. Показательна в этом отношении грамота властям Кирилло-Белозерского монастыря от 17 августа 1658 г.: Алексей Михайлович дважды называет Никона бывшим патриархом, подчркивает добровольное оставление им престола: «оставил престол святыя соборныя апостольския церкви и свое патриаршество своею волею и пошел по своему обещанию». Суть грамоты в том, что бывший патриарх ещ до своего ухода «запрещенных черных диаконов Киприана и Иону простил и разрешил». Царь сообщил это решение и велел им жить в Кирилловом монастыре «до нашего, великого государя, указу» ³⁷. О выполнении распоряжения следует отписать «нам великому государю». Характерно, что «отписку» о выполнении царских распоряжений следует передать сугубо светским лицам – боярину А.Н.Трубецкому, окольничему Р.М.Стрешневу и дьяку Александру Дурову.

В письмах конца 50— начала 70-х гг. резко увеличился объм богословских рассуждений, проповедей и нравоучений, цитат из Писания и церковной литературы. Многие из них представляют собой целые богословские трактаты. 30 сентября 1658 г. он пишет Ю.А.Долгорукову, каким святым следует «учинить пение» и перед какой именно иконой за неделю или за день до военного наступления. Но этим религиозно-распорядительная роль царя не исчерпывалась. Он просит воеводу «сказать» ратным людям, как следует молиться: с умилением, со слезами, с сокрушением сердец, а

также распоряжается окропить солдат святой водой. Самостоятельной проповедью звучат строки из послания И.И.Лобанову-Ростовскому от 25 марта 1659 г. Скорее моральный, нежели военный проступок воеводы, солгавшего о точном количестве жертв и не сообщившего о предстоящем штурме города Мстиславля, вызывает у Алексея Михайловича приступ богословского красноречия³⁸.

Важный компонент мировоззрения Алексея Михайловича – особое избирательное отношение к прошлому. Культивируется то, что необходимо по определнным конъюнктурным, политическим соображениям. Прошлое, по убеждению царя Алексея Михайловича, должно служить интересам настоящего. Не случайно в этой связи развивавшееся отрицание исконных традиций и обрядов, особенностей общественных отношений, стереотипов поведения в пользу новых политических и философских воззрений. Почитание предков, поминальные богослужения - одно из проявлений отношения к прошлому. Нюансы и особенности поминальных богослужений показывают больше, чем просто следование традиции. В более ранний период жизни царь Алексей основное внимание уделял поминанию видных политических и духовных лидеров России. Отдельное место в «поминальной политике» царя Алексея занимал культ митрополита Филиппа. Особое внимание уделялось персонажам русской истории, ставшим жертвами борьбы за власть, чья смерть стала началом неурядиц в государстве: князей Бориса и Глеба, царевича Дмитрия. В поздний период жизни, особенно после смерти 4 марта 1669 г. царицы Марии Ильиничны, 18 июня 1669 г. царевича Симеона Алексеевича и 17 января 1670 г. царевича Алексея Алексеевича, резко возрастает количество царских панихид по родственникам, а поминание деятелей истории отходит на второй план.

Один из компонентов мировоззрения Алексея Михайловича, во многом созвучный с установками массового сознания XVII столетия, — это ощущение опасности со стороны самозванцев. Много места в деятельности и творчестве Алексея Михайловича занимала борьба с принципиальной возможностью существования этого подрывающего статус государственной власти и новой династии явления. Особенным было положение, в которое Алексей Михайлович ставил

своих наследников престола. Царевич Алексей Алексеевич был введн в политическую жизнь почти сразу после рождения. От его имени издавались обязательные к исполнению всей Россией указы уже в 1655 г., во время военного похода царя. Вскоре имя царевича Алексея Алексеевича стало частью формуляра писем по случаю крупнейших военных и дипломатических побед. Например, крупнейшая победа В.П.Шереметева, захватившего Витебск 22 ноября 1654 г., была совершена «изволением» Бога, «заступлением» Богородицы, молитвами патриарха Никона, «а нашего великого государя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя Росии самодержца и сына нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя Росии счастьем», промыслом боярина В.П.Шереметева и прилежной службой ратных людей. Часто малолетний наследник представлен в качестве основного просителя о смягчении участи врагов, например, витебской шляхты, которой за «многие неправды *и непристойные речи*» по приговору бояр следовала смертная казнь. Но «по упрошенью сына нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя Росии пожаловали вас, велели дать вместо смерти живот, а велели сослать в Казань, а животы отдать солдатом за их службу по разсмотренью, денги, а рухледь всякую, кроме денег, чево нельзя роздать, прислать к нам»³⁹. Объективно ни о каких «уговорах» со стороны годовалого царевича говорить нельзя. Но указание имени наследника с титулом имело большое внешнеи внутриполитическое значение.

ощущение людей XVII в., что они живут Обшее «последнее» время, выражалось в жизни Алексея Михайловича в стремлении спешить, восприятии времени как дробной, быстро изменяющейся категории, ощущение его скоротечности и дробности. Высокий ритм жизни, насыщенность событиями, стремление многое успеть, точное указание времени создания документа, постоянные требования от подданных скорости исполнения заданий - черты, видимые из писем Алексея Михайловича. Автор, как правило, лично указывает не только дни, но и часы, а иногда части часа. Лексика царских писем наполнена терминами, ориентироскорость действий. вавшими на письме В.А. Чоглову царь требует выслать солдат к В.П. Шереметеву

«тотчас, не мешкая ни часу, а будет не поспеют по нынешнему зимнему пути, и тебе быть от нас, великого государя, в жестоком наказанье, безо всякие пощады» 40. В одном из ранних писем (1645-46 гг.) просит А.И.Матюшкина «приехать бы тебе ко мне тотчас, да купить бы тебе иглиц хвостовых челиговых сокольих, да прислать ко мне тотчас»⁴¹. 3 апреля 1646 г.: «взять в Золотой полате на окне трои обносцы да запечатать и прислать ко мне тотчас» 42 , 26 июня 1655 г.: прислать конного псаря «тотчас не мешкая», «а велеть ему ехать наскоро безо всяково мотчания»⁴³. Интересно собственноручное уточнение в письме от 14 июля 1655 г. о том, что оно послано с В.И.Стрешневым «того жя дня и числа»⁴⁴. Стряпчий конюх Елистратка Кобылин послан к И.И.Лобанову-Ростовскому с государевыми грамотами «наскоро» 45. Показателен случай четырх писем И.В.Морозову. Два из них - от 15-го, другие — от 19-го и 21-го января 1655 г., т.е. все письма отправлены в течение недели. Алексея Михайловича сильно возмущает не только неподлинность и неполнота сообщаемой ему информации, но и медлительность е передачи. Часто ответ должен привезти либо «тот же гонец», либо «нарошный гонец». Ощущение скоротечности времени определяет отношение царя к потехам. Материал царских писем позволяет согласиться с позицией И.Е.Забелина, что знаменитую фразу из «Урядника сокольничья пути» следует понимать как «делу время и потехе час», где время и час — синонимы, а не антонимы. Специфика восприятия царм Алексеем категории «время» породила его требование ко всем подданным быть в постоянной готовности к «службе», действовать максимально энергично. Организованные царм и часто проводившиеся смотры войска были гарантией готовности и мобильности исполнения служебных обязанностей.

Исследование писем Алексея Михайловича дат представление об его особом отношении к информации. Его постоянно волнуют проблемы владения, передачи сведений, скорости коммуникации, качество ответов на задаваемые вопросы. Потребность в обновлении информации порождала необходимость в постоянной обратной связи. Не ответить царю или дать неточную информацию рассматривалось как серьзное преступление подданного. Вовремя сообщить ца-

рю о происходящих событиях и своих планах – гарантия получения «указа», единственно возможного руководства к лействию, а также царской милости в самых разных е формах. Осенью 1658 г. воевода Ю.А.Долгорукий оказался в сложной ситуации. 11 октября у с. Верки под г. Вильно он одержал крупную победу над польским войском гетмана Гонсевского, но, не сообщив об этом царю, сам принимал дальнейшие решения. В частности, 7 ноября ушл с войском из-под Вильны к Шклову⁴⁶. Алексей Михайлович отреагировал на поступки воеводы очень характерной грамотой 17 ноября. По мнению автора, Ю.А.Долгорукову открылась особая милость Божия, но он о своей победе не сообщил, царь узпроизошедшем «OT сторонних люлей». нал Ю.А.Долгоруков и добился успеха, но то, что он без государева указа пошл - «великое бесчестье». Царь хотел бы похвалить воеводу, но поскольку нарушен порядок коммуникации, то нельзя оказывать милость. «Отписки от тебя неведомо, против чево тебе». За совершнное писать K «бесчестье» воеводу у Москвы встретит только один стольник, а не три, как могло быть для героя, одержавшего столь значительную победу. Царь, судя по контексту его посланий, должен обладать абсолютно всей информацией по всем вопросам, в том числе и тайной информацией, и, кроме него, нет и не должно быть ни одного человека, который бы обладал всей информацией. Получение сведений от государя, о событиях его жизни – награда для подданных. 6 декабря 1656 г. Алексей Михайлович сообщает о важнейшей дипломатической победе - заключении договора об избрании его на польский и литовский престолы по смерти Яна Казимира - боярину Фдору Борисовичу Долматову-Карпову. На первый взгляд, может показаться странным, почему новость, которую сам Алексей Михайлович узнал от Н.И.Одоевского ещ 30 октября, передат только 6 декабря. Смысл письма становится ясным из собственноручной царской приписки: «Хотя все тебя позабыли, аднако мы, государь, за твою работу прежнюю к нам и нынешнюю не позабыли за милостию Божиею и впредь не покинем»⁴⁷. Таким образом, письмо — это награда старому царскому слуге. Система передачи царской информации усложнена, близка к церемониалу.

Из содержания писем видно, что царь Алексей Михайлович хорошо знал и понимал особенности природы. Автор интересно описывает погодные условия для охоты, охотничьи приметы, внешний вид и поведенческие особенности охотничьих и промысловых птиц. Отношение царя Алексея к природе характеризуется не только знанием и наблюдением. Он считал возможным активно влиять на природу. Верой в возможности подчинить силы природы практическим потребностям объясним и интерес царя к строительству подземных ходов под дном рек, и стремление собрать в Москве все виды флоры и фауны в зверинце, Измайловском хозяйственном комплексе. Идея этого комплекса базируется на убеждении, что в силах царя, собрав у себя растения из других климатических поясов, организовав усилия знающих садовников, акклиматизировать любые растения. Верой в возможности поправлять здоровье человеческими усилиями и знаниями объяснимо большое внимание, которое он уделял медицине. Особенности природы использовались Алексеем Михайловичем для подчркивания своего исключительного положения в обществе. Царские имения в Коломенском, Воробьве, Саввино-Сторожевский монастырь расположены на высоких набережных холмах.

Письма царя Алексея — важный источник о его этических взглядах. В письмах царя Алексея Михайловича чтко просматривается его отношение к людям, друзьям, семье, подданным. Приветствия, вопросы о здоровье из писем имеют не только этикетное, но и глубоко искреннее личное значение. Поддержка постоянного контакта с семьей, напоминание о себе и свом внимании к близким в период разлуки — вот главная мысль, определяющая и форму, и содержание писем.

Прежде всего, просматривается чуткое и внимательное отношение к семье и к людям вообще. В своих посланиях он называет старшую сестру Ирину «матерью», «матушкой». Постоянно спрашивает о здоровье семейства: «Да пожалуйте, государыни мои, пишите о сво м здоровье, а мне бы слыша про ваше здоровье радоватися» 48 или «Да пишите светы мои ко мне про сво здоровье почасту и здравствуйте, светы мои...» 49 Царь постоянно напоминает домашним, как одиноки они в мире и что им следует заботиться друг о друге: «Хто у вас по

Бозе? Ей никово нет! А чаю и у вас по Бозе кроме нас нет же»⁵⁰, «Да пожалуйте не покиньте моей жены, а своих племянников и племяница моих детей»⁵¹. В письме от 24 апреля 1655 г.: «А у нас только и племяни, что вы, светы мои»⁵². Алексей Михайлович выражает тяжесть переживания разлуки с семьй. Он так отвечает на сообщение о приезде к нему близких: «А что едете ко мне и зело о том радуюся и жду вас светов моих как есть слепой свету рад!»⁵³ В письме же от 7 декабря 1655 г. пишет: «А я наскоро еду: готовтеся с радостию восприяти меня грешнаго», а внизу письма прибавляет: «с радостию ждите»⁵⁴. Не меньшую радость царь выражает, получив в подарок пасхальные яйца, 15 мая 1655 г.: «А ящом вашим зело обрадовался и целовал с радостными слезами вместо самих вас»⁵⁵.

Для царя Алексея Михайловича было характерно особое восприятие подданных. Основой для положительной оценки подданного является набор критериев: правдивость информации, поступки, совершаемые «со всяким раденьем», «отложа всякую гордость и спесь», «без самовольства». Только человек, послушный царю и Богу, не уповающий на сво «человечество и доротство», может заслужить царское уважение. О таких людях царь лично заботится как в земной жизни, так и обустраивая их похороны, обеспечивая благочестивый переход в мир иной. Для царя Алексея значимым является и процесс умирания подданного, и его посмертная судьба. Жизнь каждого верного подданного, даже простого солдата – на личном бдительном контроле у царя. Часто о разных людях царь спрашивает в собственноручных приписках. В одном из ранних писем А.И.Матюшкину автор спрашивает: «Да отпиши ко мне: Ульяна и кнеиня Настасья у сестер они ли нет и были ль оне бес тебя и сколь долго были? Да и сестра твоя тут ли или нет. Да спрошай от меня о здоровья Ульяны Собакиной да сестры своеи Онисьи»⁵⁶. В письме от 3 апреля 1646 г. просит Матюшкина: «Да съезди к Василью Сергееву, да от меня спроси о здоровя»⁵⁷.

«Думным людям», «природным холопам» противопоставлены «воры», «ябедники». В отношении последних царь Алексей — жесткий и безжалостно карающий судья, подобный Ивану Грозному. Доказательство тому — массовые казни участников московских бунтов и разинского восстания. Судя

по посланиям, царь Алексей был уверен в возможности воспитать, изменить человека к лучшему призывами, проповедью норм и правил поведения, обращения к христианским образам поведения. Даже такое качество, как склонность к брани, а иногда и рукоприкладство в отношении подчинных — все служат цели их нравственного исправления, становления из них истинных и верных подданных — «думных людей».

Письма царя Алексея Михайловича — важнейший источник сведений об особенностях его мировоззрения, понимании им базовых элементов. Для мировоззрения Алексея Михайловича характерны такие элементы средневекового провиденциализма, как вера в Бога, сверхъестественные качества, приобретаемые монархом вместе с венчанием на царство, самосакрализация. В то же время мировоззрение царя Алексея Михайловича — целостная система взглядов, основанная на активном отношении к жизни, вере в возможности преобразования мира человеческими стараниями и усилиями.

История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 38.

² Там же. С. 33.

^{3 «}Повесть о преставлении патриарха Иосифа», «Послание к мощам митрополита Филиппа», «Сказание об успении Пресвятой Богородицы», «Урядник сокольничья пути», «Потешная челобитная боярам», «Записка, о каких делах говорить боярам», «Мысли о ратном строе», «Статьи о расспросе С.Разина», «Записки о церемониях, происходивших при дворе по случаю объявления похода против Яна Казимира».

⁴ Например, такой малоизученный источник, как «Дневальные записки приказа тайных дел». Они в общей сложности содержат сведения о 2297 днях из 13-ти лет жизни царя Алексея Михайловича. Причм, 1662, 1666, 1667 годы представлены полностью; в 1657, 1660, 1663, 1668, 1673 годах представлены месяцы с января по август; в 1659, 1661, 1665, 1672, 1674 годах — с сентября по декабрь. Царь Алексей Михайлович был инициатором создания «записок», контролировал их ведение, в связи с чем в них подробно отражн образ его жизни, что позволяет использовать «записки» в исследовании как личный дневник второго Романова.

⁵ Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в свом хозяйстве. Пг., 1917. С. 267.

Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути. М., 1856. С. 244.

- Курсивом в статье выделены собственноручные фразы царя Алексея Михайловича.
- ⁷ Там же. С. 246.
- ⁸ РГАДА. Ф. 27. Д. 91. Л. 18 б.
- ⁹ Там же. Л. 24.
- ¹⁰ Там же. Л. 34.
- ¹¹ Там же. Л. 36.
- ¹² Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 2. СПб., 1861. С. 770.
- 13 РГАДА. Ф. 27. Д. 91. Л. 60.
- ¹⁴ Там же. Л. 34.
- ¹⁵ Там же. Л. 66.
- ¹⁶ Там же. Л. 74.
- ¹⁷ Там же. Д. 51. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Л.1-2.
- ¹⁹ *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 52.
- ²⁰ Там же. С. 60-61.
- 21 Там же. С. 64-65.
- 22 РГАДА. Ф. 27. Д. 51. Л. 4-9.
- ²³ Там же. Л. 11.
- 24 РНБ. ОР. Эрм. собр. Д. 480. Л. 2.
- ²⁵ *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 151.
- ²⁶ Там же. С. 152.
- ²⁷ Там же. С. 153.
- ²⁸ Изборник: Сборник произведений Древней Руси. М., 1969. С. 573.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 27. Д. 91. Л. 2.
- 30 Там же. Л. 34.
- 31 Там же. Л.18
- ³² Там же. Л. 73.
- ³³ *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 28.
- 34 Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 2. С. 772.
- 35 Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000. С. 218.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 27. Д. 77. Л. 33.
- ³⁷ *Аполос*, архимандрит. Начертание жития и деяний святейшего патриарха Никона. М., 1859. С. 213.
- 38 РГАДА. Ф. 27. Д. 150. Л. 23 об.-26 об., 24.
- 39 Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 2. С. 737.
- 40 Там же. С. 738.
- 41 РГАДА. Ф. 27. Д. 51. Л. 1.

- 42 Там же. Л.3.
- ⁴³ *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 47.
- 44 РГАДА. Ф. 27. Д. 91. Л. 44.
- ⁴⁵ Там же. Д. 150. Л. 14.
- ⁴⁶ Соловь в С.М. Сочинения. Кн. 6. М., 1990. С. 44.
- 47 Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 2. С. 740.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 27. Д. 91. Л. 34.
- 49 Там же. Л. 20.
- ⁵⁰ Там же. Л. 1.
- 51 Там же. Л. 34. Подобная фраза и на л. 10.
- ⁵² Там же. Л. 13.
- ⁵³ Там же. Л. 18.
- 54 Там же. Л. 57.
- ⁵⁵ Там же. Л. 16.
- 56 Там же. Д. 51. Л. 1.
- 57 Там же. Л. 3.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ВЕЛИКО-ГО ПОСОЛЬСТВА 1697-1698 ГГ.: ЧЕРНОВОЙ СТА-ТЕЙНЫЙ СПИСОК

Великое посольство Петра I оказало значительное влияние на становление личности будущего реформатора. Оно оставило след не только в истории нашего государства, но и всего европейского сообщества. Однако если о самом путешествии, его предпосылках и последствиях написано множество исследований, то источниковедческая характеристика материалов миссии до сих пор остается белым пятном. Кроме статей Н.А.Баклановой и А.И.Андреева¹ (первая из которых посвящена разбору приходно-расходной книги посольства, а вторая — поездке Петра I в Англию с анализом всех материалов), существуют лишь краткие общие обзоры источников, приводимые авторами в начале своих работ.

Интерес исследователей к разным видам источников был далеко неравноценен. Наибольшей популярностью пользовались материалы мемуарного и эпистолярного жанров. Они первыми начинают использоваться историками и оказываются, в связи с этим, наиболее изученными. Не меньший интерес вызывали официальные акты и грамоты, имевшие важное значение не только для данного исторического периода, но и для последующих времен. Из делопроизводственных документов основное внимание обращалось на посольские книги и Походные журналы Петра I, как на сборники достоверных фактов о поездке.

Одним из самых интересных и важных документов, отложившихся в архиве Посольского приказа после поездки, является черновой статейный список² Великого посольства³. Он представляет собой книгу из нескольких десятков тетрадей (осталось — 35) в 4 $^{\circ}$ по 4-12 листов. В основной текст во многих местах вклеены столбцы⁴ и отдельные листы. Первоначальные записи велись одним из подьячих Великого посольства, заносившего информацию о событиях в виде дневниковых заметок почти за каждое число. Затем в текст вклеивались черновики или отпуски документов, вносилась

правка. К сожалению, сохранилась лишь часть списка, включающая информацию за февраль — ноябрь 1697 г.

Основная часть статейного списка написана двумя типами скорописи (1 – текст, 2 – исправления) со множеством вклеенных или вшитых дополнений другими почерками. В тексте огромное количество правки, часть листов целиком или почти целиком перечеркнута: 12, 12 об., 15, 16, 16 об., 17 об., 28, 31 of., 42 of., 53 of., 62 of., 63, 65-69 of., 77-78, 94 of., 136 об., 140, 142 об., 144-147 об., 202-204, 345. В книге не хватает двух первых тетрадей и окончания. Дело сильно перепутано, хронология в комплектации документов не соблюдается, лист с названием дела вставлен между листами 67 и 68. Кроме того, между отдельными фрагментами и абзацами предусматривалась вставка документов, которые в ЧСС вкладывались отдельно. Поэтому даже абзацы с одного листа, при переносе их в посольскую книгу, иногда оказывались на разных страницах. После подробного сопоставления с посольской книгой 45* появилась возможность выявить правильный хронологический порядок расположения листов и отдельных фрагментов в ЧСС: 1-46, 83-84 об., 85-93 об., первые две трети 46 об., 94-113, конец 46 об., 50-60, 47, первые две трети 47 об., 48, 49 об., 49, конец 47 об., 61-63, 114-121, 63-первая половина 69, 122-123 об., 70 — начало 72 об., вторая половина 69 об., 73-74, вторая половина 72 об., 75-82 об., 128, 124-127 об., 129-133 об., 136, первая половина 137, 138-139 об., вторая половина 137, 134-135, 140 об., 142, 141, 142 об.-226 об., 226 об., 228, 227, 227 а-б, 228 об.-249 об., 251, 250, 250 а-ж, 251 об. – начало 261, 263 об., середина 261, 262-263, окончание 261-261 об., 264-291, 292, 294 а, 294-305 об., первая половина 314, 306-313, вторая половина 314-332 об., первая половина 338, 333-334, вторая половина 338, 335-337, 338 об.-375 об., 382-383 об., 388, 388 об., 384 — первая половина 384 об., 376-381, вторая половина 384 об.-387 об.

Сплошной связный текст в ЧСС хронологически оканчивается октябрем 1697 г., далее идут отдельные отрывки «дневника» и документы за 5-28 ноября 1698 г.: 1) столбец со

^{*} РГАДА. Т. 32. Оп. 1. Кн. 45. Далее - Кн. 45.

встречей великих послов и Х.Бозе 25 ноября (л. 376-381); 2) отписка великих послов в Посольский приказ за 5 ноября, содержание указа за 5 ноября о «непосылке» посольскими людьми писем в Москву в обход общей почты, события 14 ноября (л. 382 — начало 383); 3) начало перевода грамоты от Августа II к Петру I, врученной Х.Бозе великим послам 17 ноября (окончание л. 383-383 об.); 4) окончание беседы Х.Бозе и великих послов 24 ноября, содержание письма от адмирала Кармартена к великим английского (л. 384 — первая половина 384 об.); 5) получение 25 ноября, во время разговором с Х.Бозе, почты из Москвы (вторая половина л. 384 об.); 6) «триумф» 28 ноября у великих послов в честь победы над турками, фрагменты отправления А.Вейде в Англию (л. 385-387 об.); 7) начало беседы Х.Бозе с великими послами 24 ноября (л. 388, 388 об.). Видимо, здесь мы имеем дело с остатками несохранившейся части ЧСС. Архивариус, систематизировавший дела во второй половине XVIII в., свел воедино оставшийся столбец ЧСС, подшив к нему разрозненные фрагменты, и проставил сплошную цифровую нумерацию. Причем он даже не позаботился их систематизировать. Таким образом, вторая половина чернового статейного списка с событиями за декабрь 1697 – сентябрь 1698 г., вероятно, была утеряна еще в первой половине XVIII столетия.

Весь список можно условно разделить на три части: 1) «дневник», содержащий первоначальный текст в тетрадях; 2) дополнения с исправлениями к нему; 3) вспомогательные бумаги.

К первой части относятся листы: 1, 4, 6-7 об., 9-20 об., 24-26, 28-31, 34, 36-37, 39-44, 46-48, 50-53, 55-56, 58, 62-63, 65-67 об., 68-69, 75-83, 94-95 об., 124-127, 129-136, 138-140, 142-155, 157-231, 233-235, 238-241, 246-249, 251-261, 265-291, 303-305, 314-332, 338-340, 343-350, 356-375, 382-388; причем на некоторых из них сохранились номера тетрадей: «4» — на л. 13, «6» — на л. 43, «7» — на л. 53, «8» — на л. 61, «9» — на л. 77, «10» — на л. 124, «11» — на л. 136, «12» — на л. 140, «13» — на л. 153, «14» — на л. 162, «15» — на л. 170, «16» — на л. 178, «17» — на л. 186, «18» — на л. 194, «19» — на л. 198, «20» — на л. 206, «21» — на л. 214, «22» — на л. 224, «23» — на

л. 233, «24» — на л. 241, «25» — на л. 254, «26» — на л. 265, «27» — на л. 273, «28» — на л. 281, «29» — на л. 289, «30» — на л. 316, «31» — на л. 324, «32» — на л. 332, «33» — на л. 347, «34» — на л. 360. «35» — на л. 370. «37» — на л. 382. В основной текст вкраплены копии отдельных документов, не отличающихся по почерку. Можно выделить л. 134-135 с памятью за 23 июня 1697 г. к А.Никитину, л. 138 – 139 об. с письмом за 2 июня к кардиналу Радзиевскому и всей польской знати, οб. C наказом И проезжей 148-151 грамотой 10 июля Б.Б.Приставу, направившегося с 71 человеком в Любек, л. 154-155 об., 157 с грамотой за 6 июля к саксонскому курфюрсту Фридриху Августу (позднее польский король Август II), л. 169-170 с верющей грамотой за 16 июля для А.Никитина, л. 170-171 с указом за 16 июля А.Никитину, л. 171 об.-172 с особым письмом к А.Никитину, л. 172-174 с грамотой за 16 июля к датскому королю, л. 174 об. – 176 с письмом за 1 августа от Ф.Я.Лефорта к шведскому сановнику Б.Оксенстерну, л. 177-78 об. с проезжей грамотой Г.Кобылину с тов., отправившихся для изучения морских и воинских наук, л. 179 об.-182 об. с переводом ответного письма за 9 июля от куявского епископа к Петру I, полученного 6 августа, л. 205 с грамотой за 21 августа от датского короля к послам, полученной 3 сентября в Амстердаме, л. 210 об.-212 об. с переводом грамоты за 19 августа от новоизбранного польского короля Августа II к Петру I, полученной от А.Никитина 9 сентября, л. 213 об.-215 с переводом ответной грамоты за 30 июля от цесаря к кардиналу Радзиевскому об избрании короля в Польше, л. 281 - 283 с переводом латинской грамоты за 18 сентября от цесаря Леопольда I к Петру I, л. 304 об. с копией грамоты от Петра I к кн. Ф.Ю.Ромодановскому, снятой для Х.Бозе.

Вторая часть включает⁵: л. 27; 32-33 — новое описание въезда посольства в Кенигсберг; 35, 38, 45 — расширенный вариант ответной речи бранденбургского министра Э.Данкельмана; 49, 54, 57, 70 — отпуск памяти посланнику в Польше А.Никитину; 71-72 об. — список грамоты от Петра к кардиналу Радзиевскому, посланное А.Никитину; 73-74 — отпуск памяти за 12 июня А.Никитину; 114-123 об., 128, 137, 141, 232, 236-237, 244-245, 262-264, 350 об. — перевод с

письма за 20 сентября от шведского дворянина К.Генстера к послам, полученного 23 октября; 351-352 — перевод с латинского письма за 5 июня из Вены от цесаря Леопольда I к Петру I, которое привез А. Вейде в Амстердам и отдал послам 25 октября; 352-353 — перевод с листа за 27 февраля от курляндского князя Фридриха Казимира к Петру I, привезенного А.Вейде; 353-353 об. — сообщение о прибытии А.Вейде и поездке послов 26 октября в Гаагу для просмотра салюта; 354-355 — отпуск письма за 27 сентября от Ф.Я.Лефорта к шведскому сановнику Б.Оксенстерну; 355 об. — перевод листа с сообщением о вступлении персидского шаха в войну против Турции; 376-381 — о встрече 25 ноября послов с представителем польского короля Х.Бозе.

В третью часть входят: л. 2-3 с грамотой за 9 апреля от послов к курляндскому князю; л. 5 с отпуском проезжей грамоты А.Михайлову с 15 товарищами; л. 8 с отпиской за 11 апреля от Ф.Я.Лефорта на имя Петра I о ходе путешествия; л. 21-22 с письмом за 19 ноября от первого министра курляндского князя Е. фон Данкельмана к послам; л. 23 с отпуском благодарственного письма за 9 мая от послов к курляндскому князю за помощь при проезде; л. 59-60 с грамотой за 1 июня от бранденбургского курфюрста, полученной послами при отъезде; л. 61-62 с грамотой за 8 марта⁶ к голландским штатам с просьбой принять послов; л. 64 с письмом за 14 июня (н. ст.) от курляндского князя Фридриха Казимира к послам, получено 7 июня; л. 84 со списком любительной грамоты от Петра I к бранденбургскому курфюрсту; л. 85-93 с выписками из писем за 29 апреля, 8, 11, 19 мая от гетмана к Петру I, полученных 6 июня в Пилау; л. 96-99 с проектом статей о дружбе, поданным советниками бранденбургского курфюрста послам; л. 100-113 с ответными статьями послов за 31 мая; л. 156 с памятью за 14 июля от посланника в Польше А.Никитина; л. 227 а-б с сообщением о приезде гонца из Вены с известием о победе австрийских войск над турками 3 сентября при Центе; л. 242-243 с переводом письма за 25 августа от шведского сановника Б.Оксенстерна к Ф.Я.Лефорту, поданного 19 сентября; л. 250, 250 а-ж с предложениями короля Августа II, переданными послам польским представителем в Гааге Х.Бозе;

л. 257 а-ж с текстами речей великих послов на приеме их Генеральными штатами 25 сентября; л. 292-300 с выписками о переговорах послов и Генеральных штатов; л. 301-302 с переводом письма за 12 октября (н. ст.) от Х.Бозе к послам, поданного 3 (13) октября; л. 306-313 с продолжением выписок о переговорах послов и Генеральных штатов; л. 333-334 с выписками из перевода мемориала за 24 октября (н.ст.), поданного в Гаге на имя великих послов от английской делегации о возобновлении торговли и прежней дружбы между Россией и Великобританией; л. 335-337 с продолжением выписок о переговорах послов и Генеральных штатов; л. 341-342 об. с переводом листа за 19 октября от Генеральных штатов к Петру I, врученного послам при официальном отпуске.

«Дневник», лежащий в основе чернового статейного списка, несколько раз подвергался редактированию. Особый интерес, в связи с этим, представляет первоначальный вариант отчета (далее — 1 вариант), создававшийся во время поездки под непосредственным впечатлением от происходящих событий. После изменений его взяли за основу при составлении посольской книги. Ниже данные варианты (до и после правки) сопоставляются во всех наиболее значимых случаях.

В описании приема в Риге значительно модифицированы слова губернатора Э.Дальберга.

«А при том оговаривался, «И	И выговаривался, чтоб они,
мочные послы, не погневились, естли им в дороге в чем какова довольства не исполнено, чтоб они в том досады и поречения не имели. А им	еликие и полномочные послы, а него не погневились, что сам к не встретил, потому что боен; да у него же де умерла того дни дочь ево. А он де во всем м, великим и полномочным ослом, служить будет» ⁷ .

Т.е. объяснения реальных причин скудности встречи и сопровождения проезда послов по рижской земле заменили упоминанием смерти дочери генерала, случившейся в действительности лишь через год после описываемых событий⁸.

Недовольство приемом в Риге проявилось в рассказе о выезде из Риги.

1 вариант	Поздний вариант
«И за перевоз через Двину-	«И за перевоз через Двину-
реку и за постоялые дворы	реку и за постоялые дворы
великие и полномочные по-	великие и полномочные по-
слы платили; а только и что	слы платили большую цену, и
кому дано, и то писано в рос-	кормы и запасы покупали до-
ходных книгах имянно».	рогою ценою» ⁹ .

Сокращены или опущены описания географических достопримечательностей, особенности и реалии культуры и быта средневековой Европы, некоторые эпизоды поездки: «У княгине (курляндской. – $A.\Gamma$.) на голове убор по-французску с диалметами, зело богато убрана; а одежда верхняя долгая: подол держали три девицы» и далее абзац; вечернее лье у великих послов в Митаве¹⁰; «Не доезжая Либавы, озеро великое впало в море; а сама Либава стоит близь моря»; «Того же числа (30 апреля. – $A.\Gamma$.) приносил камендор и 2-й десятник ко второму послу из оптеки дива морские розных родов в склянках, налиты спиртом для показу, а иные и наруже; междо теми и саломандр-зверок, о котором сказывали, что в огонь входит»¹¹; прием в Мемельском замке¹²; часть беседы бранденбургского церемониймейстера с великими послами¹³; «в котором (город Тапец. – $A.\Gamma$.) два замка: один – Большой, другой – Малой Мальбурок. В том Мальбуроке здание прежних владетелей давно. Сказывают, что и казна тех прежних владетелей есть запечатана многая» 14; часть приема и отпуска бранденбургским курфюрстом великих послов с описанием внутренних покоев дворца¹⁵; беседа 28 мая 1697 г. Э.Данкельмана с великими послами о статусе звания «генерал и воинской комиссарий», о строительстве нового городка под Азовом, о канале Волга-Дон¹⁶; шторм на море, обеды великих послов и другие события 13-15 июня 1697 г.¹⁷; часть визита Э.Данкельмана 15 июня, содержание писем от А.Никитина с польскими новостями и

предложениями де Конти к польским вельможам, полученных 16-17 июня 1697 г., приход в Пилау яхты бранденбургского курфюрста с известием об отсутствии пиратов на Балтике¹⁸; вечерня в походной посольской церкви 18 июня и святая литургия в честь Иоанна Предтечи 20 июня 1697 г. 19; пиршество у бранденбургского курфюрста в замке под Пилау²⁰; подробности отъезда посольства из Пилау, плавания по морю до Гданьска и далее за 1-4 июля 1697 г.21; проезд по бранденбургским владениям, сопровождавшийся иногда с торжествами в честь посольства - «стреляли ис пушек, и так поздравляли. Когда великие послы и в поле уже выехали, многие там ядра падающие видны были», «в город (Mагдебург. - A.Г.) въезжали вечером, смотрящих людей зело много было А по скаске старосты лененбурского Яцыка (который ехал с послы), что одному салдату, в поле идущему, ногу ядром ненарочно оторвало», «едучи от Магдебурка до Гренина видимы три город, два в стороне, а через третей проехали. А где послы стояли – полат зело много зделаны около всего замка, изрядные и великие и все молеваные и писаны местами золотом; перспективы, двери, лавки - все доброй работы; полы аспидные, печи в полы железные и аспидовидные и на них изображены страсти господни и иные притчи»²²; возвращение П.Вульфа, ездившего к курфюрсту с жалобой на грубых сановников, причем монарх обещал, что «тех де людей он по достоинству накажет»²³; визит миссии в Кистрин²⁴; часть приема посольства епископом Гильдесейским (возможно, Γ ильдербергский. — $A.\Gamma$)²⁵; события 28-29 июля – о получении почты и о посылке в Берлин, Кольберг и Кистрин писем с просьбой о розыске пропажи у П.Б.Возницына²⁶; пребывание в городе Сантен, где «после обеда 2-й великий и полномочный посол ходил в кирху и присматривался многих старинных вещей», въезд в город вы и визит местного губернатора²⁷; часть переписки великих послов с английским королем — «И он ожидает с великим желанием в Гаге, дабы такового великаго монарха возмоч видеть и их, великих и полномочных послов, принять з достойною честию» (из письма Вильгельма III), «А о персоне великого государя, его царского величества, что он в сих странах обретается, некто донес неправду»²⁸; перечисление

подарков бранденбургским чиновникам²⁹; плавание по пути к Амстердаму с заездами в города³⁰; из жизни в Амстердаме — фейерверк 19 августа 1697 г. в честь посольства, посещение 21 августа сиротского дома³¹; обстановка дома в Утрехте, где останавливались царь и великие послы³²; из визита Вильгельма III Оранского к царю и великим послам описание внешности короля, его одежды и свиты, фрагменты разговора³³; посещение «лекарственного огорода»³⁴; отъезд 12 сентября 1697 г. священника посольства — «Того ж числа отпущен к Москве священник Василей Григорьев, которой с Москвы ехал с столником с князь Данилом Черкаским. И дана ему во Псков к воеводе отписка»³⁵; часть шествия при въезде в Гаагу³⁶; свидетельства недоброжелательства русской стороны к анкирскому архиепископу Петру Павлу де Пальма из беседы последнего с великими послами³⁷; «Сентября в 20 день присылал к великим и полномочным послом дацкого короля посол двух своих секретарей с поздравлением. Взаимно и великие послы их поздравляли и отпустили»³⁸; беседа Н.Витзена с великими послами 22-23 сентября³⁹; шествие на аудиенции у Генеральных штатов в Гааге⁴⁰; внешний вид и одежда бранденбургских и английских послов во время их визитов в миссию 28 сентября⁴¹; часть беседы Х.Бозе с великими послами 1-2 октября 42: просьба голландских депутатов подать предложения о торговле в письменном виде 43 ; «Октября в 11 день приходили к великим послом из статов четыре человека депутатов, Эссен с товарыщи, и с послы обедали» 44; посылка Петра Лефорта к Генеральным штатам для устранения «умаления чести» царя в документах - «чтоб они в соотвествующем своем листу великого государя титла и иные речения, которые написаны не по достоинству, переправили» ⁴⁵; часть отпуска Великого посольства у Генеральных штатов ⁴⁶. Часто правщик вымарывал целые страницы текста, не всегда добавляя на полях, оборотах, между строк или вклейках модифицированную информацию.

Изъята фраза «Апреля в 28 день приехал к великим послам из Либавы от камендора Александр Кикин с письмом, чтоб они, великие послы, ехали в Либаву, не мешкав», которая свидетельствует о лишь номинальном главенстве послов в миссии⁴⁷. Хотя официально Ф.Я.Лефорт и являлся руково-

дителем посольства, но реально распоряжался всем царь, сохранявший, однако, свое инкогнито.

Убраны или заменены почти все прямые и косвенные упоминания участия Петра I в поездке.

1 вариант	Поздний вариант
1 вариант «Апреля в 29 день от Дурбина, проехав 2 мили, // близь замка Грубина встретился с великими и полномочными послы Андрей Михайлов, сам-третей, в коляске. И, вышед из коляски, великих послов поздравлял, и вместе поехали в замок, в которой приехав, в полатех потчивал десятник (царь. − <i>А.Г.</i>) великих послов рейнским, из Либавы привезенным; и, переговоря с	Поздний вариант «Апреля в 29 день приехали в замок Дурбин и пополудни пошли в Либаву» 48.
послы тайно, обедали». «Первой и второй (послы. — $A.\Gamma$.) — на яхту, 3-й — на карабль, валентеры — на галиас, маеор Иван Шмит с салдаты — на другой галеас поехали. И, отъехав от Кеннезберха с четверть мили, против двора, на котором изволил стоять в.г. (так в тексте. — $A.\Gamma$.)49, стали, и стояли там два дни»	«И стояли против двора, на котором стояли Преображенского полку начальные люди и салдаты» 50.
«Июля в 8 день ис Кольберской пристани з галеота к великим и полномочным послом, прибыв, П[етр] М[ихайлов] с салдаты на карабль поздравлял послов с праздником Пресвятые Богородицы» «Того ж числа были великие и полномочные послы на Ос-	«И того числа к великим и полномочным послом, прибыв, из начальных людей знатные особы поздравляли их послов с праздником Пресвятые богородицы» ⁵¹ «Того ж числа были великие и полномочные послы на Ос-
тинском дворе и поздравляли П[етра] М[ихайлова] с салдаты	тинском дворе Преображенского полку у началных людей для

1 вариант	Поздний вариант
счастливам приездом на тот двор, понеже он с приезду сво-	того, что они в тот дом приеха- ли для учения морскаго дела» ⁵²
его в Амстердам стоял на ином»	
«Августа в 31 день (1697 г. – А.Г.) изволил в[еликий] г[осударь] прибыть к послом и в вечеру с великими и полномочными послы изволил ехать до Утрехта на яхте. Ехали во всю ночь до света и в Утрехт приехали на розсвете»	«Августа в 31 день великие и полномочные послы до Утрехта на яхте ехали во всю ночь, и в Утрехт приехали на росвете» 53

Зачеркнуты: в рассказе о визите 27 мая 1697 г. великих послов к бранденбургскому курфюрсту – «ис того дому П.М. (Петра Михайлова. – $A.\Gamma$.)⁵⁴ с комендором пошли в малой яхте гулять»⁵⁵; события 30 мая 1697 г. с описанием приезда великих послов к царю для празднования его дня рождения — «и поздравляли его (Петра Михайлова. — $A.\Gamma.$) с днем рождения и обедали; тут же был и курфюрст. И имели между собою многие розговоры В тот день из замка многая ис пушки была стрельба»⁵⁶; при отправлении из Бранденбурга - «Июня в 8 день к великим и полномочным послом принесли курфюстова жалования на отпуске секретарь да переводчик Эрнест под Кенизберхом, где стоял в еликий 1 Γ [осударь] на дворе»⁵⁷; обед 15 июня 1697 г. – «После да в[еликий] г[осударь] пошел ис Пилавы в Королевец водою малым судном»⁵⁸; поездка 18 июня 1697 г. в Пилау – «Того ж числа изволил в[еликий] г[осударь] из Конихзберха приити в Пилау, а возвратился за противным ветром сухим путем»⁵⁹; часть приема Великого посольства бранденбургским курфюрстом под Пилау - «И салдаты с курфюрстом сидели и обедали за одним столом. Стол был долгокругловатый среди полаты. Курфюст сидел по левую руку сторону П[етра] М[ихайлова] в креслах красного бархату в бархатном зеленом немецком кафтане. С правую сторону П[етр]а М[ихайлов]а – курфюстов брат В саду $\Pi[erp]y$ М[ихайлов]у курфюст челом ударил с своих перс звезду алмазную, и любезно друг друга целовали в уста»⁶⁰; информация о присылке курфюрстом 24 июня 1697 г. «П[етр]у

М[ихайлов]у» кавалерийского знака «крест с алмазы»⁶¹; события 27 июня 1697 г. – «Июня в 27 день, т.е. в неделю (воскресенье. – A.Г.), $\Pi[етр]$ М[ихайло]в был с великими и полномочными послы у святой литургии а обедали у перваго посла. И за столом 1-му послу П[етр] М[ихайлов] говорил, чтоб он адмиральства своего чин, каков он высок, здал и тому присматривался не ленясь; и многие с великими послы имел розговоры о разных делах. А первому послу якобы из далека приводил самую правду»⁶²; поездка царя из лау в Колберг - «Тоя ж ночи, против 30-го числа июня, ис Пилавы П[етр] М[ихайлов] с неболшими салдаты тайно, не сказав великим послом, изволил пойти на галеоте морем до Кольберха з благополучным ветром»⁶³, «и подали великим послом письмо, в котором написано, что П[етр] М[ихайлов] с салдаты, Божиею благостию, прибыл в Кольберх»⁶⁴; эпизоды проезда по бранденбургским землям - «Там (местечко Карцик. — $A.\Gamma$.) П[етр] М[ихайлов] с великими послы ужинали в полатах курфирстовых», «не доезжая Нейдам, самой дороге влеве мельница, на которой дрова трут, а в Нейдаме мельница бумажная. Тех мельниц смотрел П[етр] М[ихайлов] с салдаты и похвалял, что зделаны изрядно», «в той кирхе (напротив которой остановилось посольство. – $A.\Gamma$.) изволил быть П[етр] М[ихайло]в и великие и полномочные послы и смотрили всех тамошних вещей», «к той горе з дороги П[етр] М[ихайло]в с салдаты ходил в Остелвине великие и полномочные послы две ночи начевали для того, что ожидали П[етр]а М[ихайлов]а с салдаты», «и зело великих послов принял (епископ Гильдесейский. – $A.\Gamma$.) радостно, а наипаче, что изволил ево посетить Π [етр] М[ихайло]в Тут же за столом тайно силел П[етр] М[ихайлов] с салдаты. И после стола при немногих людях тайно явился и привитался з бискупом», «Июля в 29 день из Миндена от докуки тамошних народов П[етр] М[ихайлов] с салдаты выехал и дожидался великих и полномочных послов, отъехав три мили»⁶⁵; визит Н.Витзена в Амстердаме — «Того ж числа (16 августа. — $A.\Gamma$.) был у великих и полномочных послов в вечеру по призыву тайным обычаем амстердамской бурмистр Николай Витцен. А у великих послов в тож время изволил быть в[еликий] г[осударь]. И тому бурмистру объявлен, которой в[елико]му г[осударю] зело за милостивые ево государские грамоты бил челом и

ся» 66 ; из визита Вильгельма III к Петру I и послам — фраза «с в[еликим] г[осударем] и с ними великими и полномочными послы» после «видетца с ними приватне», вся малоизвестная беседа правителей, в которой «И в малых сенях у дверей великий государь ево короля встретил и привитався, с ним вшел в полату. И, пришед в полату, друг друга поздравя, говорили, стоя немалой час (о войне с турками, о взятии Азова. — $A.\Gamma$.) и те все вопросы великий государь соответствовал аглинскому королю зело премудрыми и пространными словами» 67 ; приезд великих послов с гадальщиком к царю на Ост-Индийский двор 6 сентября 68

Расширен показ торжественного въезда Великого посольства в Кенигсберг.

1 вариант	Поздний вариант
«Потом три роты курфю-	«Потом последовала курфюстова
стовых рейтар во друженых	гвардия в трех ротах: первая — на
и нарядных на добрых ло-	серых лошадях, вторая — на воро-
шадях. Перед всякою ротою	ных, третья – на гнедых. Перед
по литаврщику да по 2 тру-	ними ехал литаврщик, да перед
бача».	всякою ротою по два трубача.
	Первую роту вел генерал-майор
	и комнатной фон Тентоу, за нею
	поручик Дебрий.
	Вторую вел полуполковник и
	комнатной фон Зилбрук.
	Третью роту вел полковник и
	комнатной фон Гроте».
«Потом ехали верхи кур-	«Потом ехали дворецкой над
фюстовы и посольские па-	пажами, а за ним двенатцать кур-
жи».	фюстовых, да шесть посольских
	пажей.
	В середине всякой шеренги по
	одному посольскому».
«Да пешие шли москов-	«Потому шло 40 человек салдат
ские салдаты с ружьем в	пеших московских в десяти шерен-
зеленых строевых кафтанах,	гах с началными людьми» 69 .
а с ними два человека сер-	
жантов в красивом платье; у	
всех на руках плащи сереб-	
ряные».	
_	

Вместо подробной росписи поминок, врученных бранденбургскому курфюрсту, с указанием цен, оставлено простое перечисление подарков 70 .

Вычеркнуты щекотливые моменты, которые могли ухудшить взаимоотношения с нужным союзником или «умаляющие» честь посольства: «и зело послов за обедом подчивали, толко губернатор показался послом груб и неласков: до обеда повидался с великими послы и от обеда ушел и послы не обедали» — при проезде через бранденбургские земли⁷¹; «в большие розговоры не вступают и ответу совершенного не чинят» — при контактах с Генеральными штатами⁷².

В знаменитом эпизоде о встрече Петра I и двух курфюрстин все упоминания «П[етр] М[ихайлов]» изъяты и лишь в одном случае заменены на «один Преображенского полку человек» 73 .

Беседа в Клеве передана в несколько ином ракурсе.

1 вариант	Поздний вариант
«что видетись с его коро- левским величеством они, великие и полномочные послы, рады, толко не вскоре; а особы великого государя с ними, великими послы, в Клеве нет»	«за обсылку нежели изволит им королевское величество дать очи свои видеть, и они то с радостию хотят получить; а великого государя, его царского величества, при посолстве нет» ⁷⁴

Если в начале говорилось, что царя просто нет в настоящий момент в городе, то в окончательной редакции прямо утверждается отсутствие его в составе Великого посольства.

В описании въезда в Амстердам добавлено к «чести» великих послов: «И мимо которых городов великие и полномочные послы шли и с тех изо всех была стрельба ис пушек и из мелкого ружья, и з берегов множественным народом, поздравляя, кричали виват», но сокращен показ торжественного шествия⁷⁵. В беседе 20 сентября 1697 г. Х.Бозе с великими послами вместо обсуждения местоположения соперника Августа II в борьбе за польский престол принца де Конти вставлены требования русских о письменном оформлении просьбы нового короля о военной помощи⁷⁶.

В отдельных случаях первоначальное содержание «дневника» дополнялось подробностями. Расширены: беседа великих послов с берлинскими чиновниками, обеспечивавших встречу миссии 77 , въезд миссии в Нимвенген 78 , разговор X.Бозе с великими послами 20 сентября 1697 г. 79

Копирование документов в ЧСС из столбцов не всегда полностью соответствовало первоисточнику. При переписывании проезжей грамоты А.Михайлову с 35 товарищами в ЧСС включили полные титулы царя и курляндского князя, но сократили описание внешнего вида подлинника⁸⁰.

Анализ текстов речей великих послов на приеме 25 сентября 1697 г. у Генеральных штатов позволяет понять механизм движения некоторых документов в делопроизводстве Посольского приказа. Запись речей находится на отдельном столбце, вклеенном в ЧСС⁸¹. Однако он представляет собой не специальный отчет, созданный для статейного списка, а переправленный фрагмент либо Наказа, либо памятки, помогавшей говорить в ходе аудиенции. Документ сначала был написан в будущем времени, а затем внесена правка в прошедшем времени с небольшими дополнениями и сокращениями.

Первоначальный вариант	Окончательный вариант
«И поклонитись по обычаю рядовым поклоном»	«И поклонились рядовым поклоном».
«И как статы спросят». «И генералу, комисарию и наместнику Сибирскому Федору Алексеевичю сказать»	«Потом Галанские статы спросили». «И генерал, комисарий и наместник Сибирской Федор Алексеевич ска- зал» ⁸²
«в добром здравии».	«в добром здравии. И статы за милость великого государя били челом и кланялись в пояс» 83.
«А потом подать статом великого государя грамоту генералу и адмиралу Францу Яковлевичю. А говорить»	«А потом подал статом великого государя грамоту генерал и адмирал Франц Яковлевич. А говорил» ⁸⁴
«И подать статом поминки без цены по росписи А как от великого государя великие послы статом поминки явят, после подносить свои дары. А явить их переводчику».	«И подали статом поминки без цены по росписи А после поднесли свои дары. А явил их переводчик» 85.

В результате можно сделать следующие выводы. Речи, которые послы должны были говорить на аудиенции, заносились в Наказ для данной страны. С них писалась своего рода памятка или шпаргалка, по которой зачитывалось выступление. Затем подьячий, писавший отчет о поездке, ради экономии времени или бумаги, а возможно и того, и другого, просто вносил нужную правку в уже имевшийся документ. В таком виде информация о событии вклеивалась в черновик статейного списка, а позже переписывалась набело в посольскую книгу.

Сохранилось еще два столбца, возможно, относящиеся к утерянной части чернового статейного списка⁸⁶. В них находится описание визитов графа Кинского к великим послам и Петру I в июне — июле 1698 г. Текст написан одним почерком, но разными перьями (толщина линий неодинакова), что свидетельствует о разновременности написания столбцов. Наличие в тексте правки, характерной для основной части ЧСС, говорит о схожести документов. О том же свидетельствует учет всех изменений в соответствующей части посольской книги⁸⁷. Редактирование носит важный фактологический характер: вымараны все упоминания о «великом государе» Петре I, который, несомненно, сам принимал участие в беседах.

Первоначальный вариант	Окончательный вариант
«Великий государь указал своим	«по указу великого государя,
царского величества великим	его царского величества,
послом приказати»	великие послы приказали»
«И великий государь изволил	«И ему един первой гово-
ему (в смысле: для Кинского. –	рил» ⁸⁸
$A.\Gamma$.) говорить»	
«И великий государь говорил»	«И ему говорено» ⁸⁹

В дополнение хочется сказать, что после чернового статейного списка в архивном деле находится фрагмент документа за август — сентябрь 1671 г., неизвестно по каким причинам туда попавшего⁹⁰. В нем идет речь о конфликте, произошедшем в районе Архангельска между воеводой Офонасьем Ивановичем Нестеровым и купцом из Голландии Томасом Кельдерманом с Володимером Ворониным. Отрывок неизвестного происхождения, возможно, отписка. Напи-

сан на листах с оборотами в тетради подчерком середины XVII в. Края листов сгнили и часть текста утрачена, поэтому многое из него непонятно. Окончания нет. Озаглавлен: «К Семену Потапову с товарищи». Конфликт разгорелся из-за попытки воеводы или досмотреть, или не пустить караван кораблей (5 — торговых, 1 — военный) с купцами, вошедший в устье Двины и поднимавшийся к Архангельску. Причем на одном из кораблей («опасном») находилась «государева казна». В результате произошла перестрелка.

Вероятно, отрывок случайно был положен посольским подьячим в папку с ЧСС, а позднее архивариусы не составляли себе труда просматривать все дело целиком при ревизиях.

В целом, анализ чернового статейного списка Великого посольства говорит о его полной невостребованности в качестве источника о деятельности Петра I за рубежом. Вычеркнутые эпизоды позволяют узнать много новой информации о пребывании первого русского императора за границей, подробности его общения с различными политическими деятелями. Документ обладает не меньшим значением и в области изучения истории самой миссии 1697-1698 гг. В изъятых фрагментах содержатся сведения о ходе поездки, о посещении великими послами многочисленных культурных и исторических памятников и архитектурных сооружений. Характер основной массы изменений свидетельствует вовсе не об ошибочности первоначальных записей. Правка происходила либо под влиянием политических и идеологических причин, либо с целью сокращения текста. Кроме того, он имеет немаловажное значение для изучения особенностей функционирования Посольского приказа. С помощью анализа способов корректирования «дневника», включения в него новых документов, изменения столбцов познается механизм делопроизводственной деятельности данного учреждения.

¹ Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947. С. 63-103; Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697-1698 гг.: (Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Там же. С. 3-62.

² Далее для удобства будет использоваться аббревиатура — ЧСС (черновой статейный список).

³ РГАДА. Ф. 32 «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 1-388 об.

- ⁴ Там же. Л. 96-123, 250, 250 а-ж, 257 а-ж, 292-302, 306-313, 333-334, 376-381.
- 5 Номера листов без содержания указывают на дополнения с основным текстом статейного списка, остальные случаи оговариваются особо.
- 6 Официальная дата, но на самом деле грамота написана в июне.
- ⁷ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 1. Ср.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 45. Л. 16.
- 8 О времени смерти дочери Э.Дальберг пишет сам в письме к шведскому королю.
- ⁹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 9. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 22.
- 10 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 14 об.-15.
- 11 Там же. Л. 18 об.
- ¹² Там же. Л. 25 об.
- 13 Там же. Л. 28, 29 об.
- 14 Там же. Л. 30.
- 15 Там же. Л. 39-40 об.: 47 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 53 об.
- 17 Там же. Л. 75 об.-76.
- 18 Там же. Л. 77-78.
- ¹⁹ Там же. Л. 78, 78 об.
- ²⁰ Там же. Л. 81 об.-82.
- 21 Там же. Л. 144-145 об.
- 22 Там же. Л. 152-153 об., 162 об., 163.
- 23 Там же. Л. 153.
- 24 Там же. Л. 157 об., 158.
- ²⁵ Там же. Л. 164 об.
- ²⁶ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 167 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 144 об.
- ²⁷ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 183-184 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 158-158 об.
- ²⁸ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 185 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 160, 160 об.
- ²⁹ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 187 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 162.
- ³⁰ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 188-191. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 162 об.-163 об.
- ³¹ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 195, 195 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 165 об.
- ³² Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 199 об.-200. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 171.
- ³³ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 201-204 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 171 об.-172 об.
- ³⁴ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 208, 208 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 178 об
- 35 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 228 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 193 об.
- ³⁶ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 233-234.

- ³⁷ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 239-240 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 203 об.-205 об.
- ³⁸ Там же. Д. 10 (1697 г.). Д. 244. Ср.: Там же. Кн. 45. Д. 209 об.
- 39 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 251. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 224.
- ⁴⁰ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 255-257. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 226-228.
- 41 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 266-267 об.
- 42 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 288. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 262.
- 43 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 294. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 268.
- 44 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 321 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 225.
- ⁴⁵ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 343, 343 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 313.
- ⁴⁶ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 344 об.-350. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 314-318.
- ⁴⁷ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 17.
- 48 Там же. См. также: Там же. Л. 17 об.
- ⁴⁹ Под сокращением «в.г.» имелся ввиду «великий государь».
- 50 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 62, 62 об.
- 51 Там же. Л. 147.
- 52 Там же. Л. 195 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 165 об.-166.
- 53 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 199 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 171.
- ⁵⁴ Под сокращением «П.М.» имелся в виду Петр Михайлов, под этим именем, в свою очередь, скрывался царь Петр I.
- 55 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 52.
- 56 Там же. Л. 55.
- 57 Там же. Л. 64.
- 58 Там же. Л. 76, 76 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 77 об.
- 60 Там же. Л. 81, 81 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 140.
- 62 Там же. Л. 140-140 об.
- ⁶³ Там же. Л. 143-143 об.
- 64 Там же. Л. 146.
- 65 Там же. Л. 153 об., 157, 162 об.-163, 164, 164 об.-165, 166 об.
- 66 Там же. Л. 192 об.
- 67 Там же. Л. 200 об.-204 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 207, 207 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 31 об., 32.
- ⁷⁰ Там же. Л. 42, 42 об.
- 71 Там же. Л. 157 об.
- ⁷² Там же. Л. 292. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 267 об.
- ⁷³ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 165 об.-166 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 143 об.-144 об.
- ⁷⁴ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 185 об. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 159 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 191-192. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 163 об.-164.

- ⁷⁶ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 245 об.-246. Ср.: Там же. Кн. 45. Л. 211, 211 об.
- 77 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 158 об.-159.
- 78 Там же. Л. 186, 186 об.
- 79 Там же. Л. 245.
- 80 Там же. Д. 27 (1697 г.). Л. 5-7; Д. 10 (1697 г.). Л. 5, 5 об.
- 81 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 257 а-ж.
- 82 Там же. Л. 257 а.
- 83 Там же. Л. 257 а об., 257 б.
- 84 Там же. Л. 257 в.
- 85 Там же. Л. 257 в-г.
- 86 Там же. Д. 43 (1697 г.). Л. 49-54, 55-56.
- 87 Ср.: Там же. Д. 43 (1697 г.). Л. 49; Кн. 45. Л. 626-631 об.
- 88 Там же. Д. 43 (1697 г.). Л. 49.
- 89 Там же. Д. 43 (1697 г.). Л. 50-51 (три раза).
- ⁹⁰ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 389-394 об.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРСКОГО ПОСАДА В 20-Е ГГ. XVIII ВЕКА (По материалам 1-й подушной переписи)

Конец первой четверти XVIII в. — время проведения в России податной реформы, заменившей подворное обложение подушным, и реформы городского управления. Важнейшим следствием этих мероприятий явилось изменение социальной структуры русского города. В данной статье мы попытаемся проследить, какие изменения произошли в составе и численности городского общества Твери под влиянием петровских преобразований 20-х гг. XVIII в.

Проведение налоговой реформы было начато с подушной переписи населения, которая должна была учесть всех налогоплательщиков. Именной указ 26 ноября 1718 г. «О введении ревизии и о распределении содержания войска по числу ревизских душ» в общих чертах наметил характер и цель предстоящей переписи¹. Указ 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного сословия, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ» определил категории населения, подлежащие ревизии. В частности, переписи подлежали крестьяне, бобыли, задворные и деловые люди². Впоследствии перечень переписываемого населения был расширен. Так, указ 5 января 1720 г. предписывал включить в перепись дворовых и церковных людей, указ от 23 августа 1721 г. — кабальных людей³.

Указом 28 февраля 1721 г. к переписываемому населению были отнесены «посадские и разночинцы, живущие на посадах и в слободах»⁴. С посадских надлежало взять сказки, в которых указать «по именам мужеска полу людей и у них детей, свойственников, прикащиков, сидельцов, крепостных и наемных людей порознь по именам с летами».

Правительство планировало провести перепись в два этапа. На первом этапе предполагалось собрать сказки о податном населении, обработать полученные данные и определить размер подушного оклада. Эти мероприятия заняли по времени три года — 1719-1721 гг. На втором этапе — 1722-1727 гг. — на местах проверялась правильность данных переписи 5 . Ревизию подушной переписи 1719-1721 гг. проводили девять переписных канцелярий или «канцелярий свидетельства душ» 6 .

В Твери первая подушная перепись населения также проводилась в два этапа. На первом этапе были собраны сказки о посадских людях, дворовых людях и работниках. В июне 1722 г. Тверской провинциальной ратушей генерал-майору и лейб-гвардии майору Михаилу Яковлевичу Волкову, возглавлявшему работу канцелярии по ревизии Петербургской губернии, была представлена переписная книга посадских людей, дворовых людей и работников г. Твери, составленная на основе сказок «о душах мужеска полу и о их детях и о свойственниках и о прикащиках и о лавошных сидельцах и о купленых и о наемных работниках и о прочих всякого чина людех», собранных в 1721 г.7

В сохранившейся переписной книге 1722 г. описание ведется по посадам, внутри посадов - по приходам. В конце описания посадов приведены сведения о лицах, причисленных после проведения последней переписи, а в конце книги – о выбывших на жительство в другие города и уезды. В основе описательной статьи лежат сведения о главной единице ревизского учета – душе мужского пола (дмп). При проведении ревизии сначала в сказку, а затем и в переписную книгу, включались сведения об имени и возрасте главы семьи, его детей и родственников, крепостных и наемных работников, занятых в его хозяйстве. В начале описательной статьи приводятся данные о главе семьи, его детях и родственниках, затем перечисляются крепостные дворовые люди и, наконец, наемные работники. Сведения о зависимом населении посада не выносилось в отдельную часть книги, как будет при проведении последующих ревизий. Это обстоятельство говорит о близости формуляров первой подушной переписи населения и переписей времен подворного обложения, описательная статья которых содержит в себе сведения о всех лицах мужского пола, проживавших на дворе, независимо от их сословной принадлежности.

В ходе ревизии, т.е. на втором этапе проведения переписи, снова собирались сказки городского населения, составлялись

подворные и именные росписи. Повторный сбор сказок посадских людей и разночинцев Твери был осуществлен капитаном Копорского пехотного полка Матвеем Хотяинцовым в 1722-1723 гг. Окончательное освидетельствование сказок посадского населения г. Твери было проведено в марте 1724 г. Свидетельство сказок приказных и домовых служителей, церковнослужителей, солдат, рассыльщиков и кирпичников г. Твери, собранных в 1721 г., проводилось в сентябре 1723 г. генерал-майором М.Я.Волковым, капитанами С.Л.Игнатьевым и М.Хотяинцовым.

На основе освидетельствованных сказок в 1726-1727 гг. были составлены две переписных книги — книга посадских людей и купцов г. Твери и книга служителей тверского архиерейского дома, приказных служителей и их дворовых людей, положенных в подушный оклад на Копорский и Ренцелев пехотные полки.

Таким образом, материалы первой подушной переписи посадского населения Твери, отложившиеся в фонде 350 (Ландратские книги и ревизские сказки) Российского государственного архива древних актов, представлены переписной книгой посадских людей, дворовых людей и работников 1722 г., сказками посадских людей, ремесленников, мастеровых людей и разночинцев 1722-1723 гг., сказками приказных и домовых служителей, церковнослужителей, солдат, рассыльщиков и кирпичников 1722-1723 гг., переписной книгой служителей тверского архиерейского дома, приказных служителей и их дворовых людей, положенных в подушный оклад на Копорский и Ренцелев пехотные полки, 1726 г. и переписной книгой посадских людей и купцов 1722-1727 гг.8

Наибольший интерес представляют первичные материалы переписи — сказки, составлявшиеся на отдельное лицо или семью. При проведении переписи правительством не было разработано единых формуляров ревизских документов, поэтому сказки 1-й ревизии, составленные в различных регионах страны, могут иметь свои особенности.

Сохранившиеся сказки населения тверского посада датированы 1722-1723 гг. и относятся ко второму этапу проведения переписи. По наблюдению М.Я.Волкова, сказки посадских людей, собранные на втором этапе проведения переписи, существенно отличаются от сказок 1721 г. Одним из су-

щественных отличий, отмеченных автором, является то обстоятельство, что при ревизии переписи посадские были обязаны обосновать свое право проживать в городе и свою принадлежность к определенному сословию. Это обоснование они должны были сделать в отношении себя, родственников, крепостных и наемных работников. В тех случаях, когда посадский человек или его предки числились в посаде по переписи 1678 г., то он или ссылался на эту перепись, или указывал, что его дед, отец и он старинные посадские люди этого города. В других случаях посадские люди давали более или менее полную историю своей жизни, связанную с переходом на новые места жительства, из одного сословия в другое, со сменой занятий9.

Например, посадский человек г. Твери Иван Иванович Зубчанинов в своей сказке сообщил переписчикам, что «... дед и отец мои были за боярином Никитою Ивановым сыном Романовым жители села Свистунова и в прошлом 157-м году по указу императорского величества и по строелным книгам по выводу выводчика и строелщика Ивана Истленьева с прочими с таковыми ж ис того села Свистунова жители по торговым промыслам и по ремеслам выведены и причислены к тверскому посаду и в переписных книгах 186-го году он, отец мой Иван, також и я, Иван, во тверской посад написан, а дед мой Козма не написан для того до оных переписных книг умре ...» 10

Эта информация чрезвычайно важна при проведении генеалогического исследования, так как позволяет без привлечения дополнительных источников определить время появления в городе предков взятой для исследования семьи, место прежнего жительства и социальное происхождение.

Важной особенностью сказок жителей Твери 1722-1723 гг. является наличие сведений о роде занятий посадского населения, а для купечества и сведений о размере капитала. Так, купец третьей статьи И.И.Зубчанинов в своей сказке указал: «торгую крупами и толокном на пятьдесят рублев»¹¹. Эта информация крайне важна для определения уровня социально-экономического развития Твери первой четверти XVIII в.

Таким образом, сказки населения тверского посада, собранные в 1722-1723 гг., содержат сведения о: 1) составе муж-

ской половины семьи (имя, возраст, указание на степень родства с главой семьи); 2) предках главы семьи — происхождение (чин, прежнее место жительства) и время появления в городе; 3) характере торгово-промышленной деятельности — «на сколько имеет торг или какое ремесло».

Среди сохранившихся материалов 1-й ревизии г. Твери выделяются две категории сказок — сказки податных и неполатных сословий.

К первой категории можно отнести сказки посадского населения и разночинцев Твери 1722-1723 гг. 12 Сказки систематизированы переписчиками по трем большим группам: 1) 266 сказок купечества; 2) 320 сказок мастеровых и ремесленных людей; 3) 395 сказок «посадских людей, которые кормятся черной работой и Христа ради мирским подаянием и письменной работой», вернувшихся из бегов тверичей и разночинцев.

Подводя итог переписи посадского населения Твери, переписчики отнесли к этой группе купечество, ремесленников, чернорабочих и людей, занятых письменной работой, всего 2532 дмп (981 сказка), включая крепостных работников и разночинцев — «определенных в посад из разных чинов людей». В Твери число разночинцев, согласно сказкам 1722-1723 гг., было незначительно — 86 дмп (45 сказок).

Вторую категорию сказок составляют сказки неподатных групп населения, которые подверглись переписи ввиду того, что законодательство недостаточно четко обозначило сословия, подлежащие ревизии. Впоследствии состав податного населения был уточнен и в оклад были положены только податные категории, выполнявшие различные государственные повинности еще до проведения 1-й ревизии. Дворянство же, духовенство и отставные воинские чины, освобожденные от уплаты государственных повинностей, были исключены из числа ревизских душ¹³.

Сказки представителей неподатных сословий Твери 1722-1723 гг. собраны в отдельную книгу, которая включает в себя 280 сказок (871 дмп, включая 154 дворовых): 1) 32 сказки приказных служителей (52 дмп); 2) 160 сказок служителей тверского архиерейского дома (дьяки, подьячие, дети боярские, сторожа, конюхи, приставы, повара, столяры, гвоздари, портные и т.д.) (384 дмп); 3) 23 сказки солдат тверского

гарнизона (55 дмп); 4) 8 сказок рассыльщиков (19 дмп); 5) 43 сказки священнослужителей (180 дмп); 6) 14 сказок каменщиков и кирпичников (27 дмп) 14 .

Однако ко времени составления переписных книг 1726-1727 гг. представители целого ряда неподатных сословий, перечисленных выше, были обложены подушной податью. Так, к тверскому посаду в подушный оклад было приписано 128 дмп: солдат тверского гарнизона — 55, каменщиков и кирпичников — 24, «певчих и свистунов, что называются Весна», — 21, рассыльщиков — 15, солдатских детей — 7, отставных сторожей — 6 дмп¹⁵.

В этот же период в подушный оклад на Копорский пехотный полк, расквартированный в Тверском уезде, была положена большая часть служителей тверского архиерейского дома $(314~\rm{дмп})^{16}$: дети боярские — 51, церковные сторожа — 125, конюхи — 29, скотники — 3, приставы — 23, повара — 4, столяры и плотники — 5, закройщики и портные — 10, гвоздари — 4, иконописцы — 5, шорники — 2, оконники — 3, истопники — 2, кузнецы — 2, звонарь — 1, пономарь — 1, хлебный сторож — 1, а также дворовые люди — 43 дмп 17 .

Каково же было общее количество населения г. Твери по итогам 1-й ревизии? В литературе и письменных источниках фигурируют различные оценки численности населения Твери конца первой четверти XVIII в.

По мнению М.Я.Волкова, к постоянному населению города необходимо относить всех людей (с членами их семей), которые проживали в данном населенном пункте и были приписаны к нему по службе, отправлению религиозного культа и в податном отношении 18. Исходя из этого определения, к горожанам следует относить как податные, так и неподатные группы населения посада. Сведения о количестве податных и неподатных горожан содержат в себе сказки 1722-1723 гг. Так, согласно сказкам, в Твери проживало 3403 дмп - 2532 дмп податных и 871 дмп неподатных сословий. Однако, данная цифра не включает в свой состав ямщиков, которых в Твери до 20-х гг. XVIII в. насчитывалось 651 дмп¹⁹. Таким образом, общее количество населения тверского посада должно было составлять порядка 8,5 тыс. горожан обоего пола, что довольно близко к цифре, приводимой $M.Я. Волковым^{20}$.

Другой, более поздний по времени источник, сообщающий сведения о посадском населении Твери, — переписная книга посадских и купцов 1722-1727 гг. Однако в отличие от сказок 1722-1723 гг. переписная книга содержит сведения только о податном населении города.

Это обстоятельство связано с тем, что в ходе ревизии правительство постоянно уточняло группы населения, подлежащие переписи, в результате чего в итоговых документах были учтены только податные слои населения. Поэтому, рассматривая итоги переписей населения 1719-1858 гг., нужно принимать во внимание, что приведенные в них сведения о количестве городского населения относятся только к его податной части и не включают данные о неподатных категориях горожан (дворянство, духовенство и т.д.).

Составители переписной книги 1722-1727 гг. выделяют следующие категории податного населения тверского посада: 1) купечество первой, средней и меньшей статей – 686 дмп; 2) ремесленники 21 – 912 дмп; 3) чернорабочие – 73 дмп; 4) посадские, которые «кормятся Христа ради мирским подаянием», - 39 дмп; 5) посадские, которые «кормятся письменной работой», - 8 дмп; 6) прописные и вернувшиеся из бегов тверичи – 36 дмп; 7) дворовые люди, причисленные к посаду после 1721 г., - 60 дмп; 8) «свистуны и певчие, что называются Весна», причисленные в подушный оклад в 1726 г., - 21 дмп; 9) приписные к купечеству по торгам и промыслам – 24 дмп (10 крестьян, 1 стрелецкий сын, 8 церковников, 5 иностранных выходцев); 10) приписные в цех -147 дмп (4 крестьянина, 21 церковник, 2 стрелецких детей, 13 иностранных выходцев, 55 солдат тверского гарнизона, 7 солдатских детей, 15 рассыльщиков, 24 каменщика и кирпичника, 6 отставных сторожей); 11) «разных городов посадские люди, которым повелено быть во Твери до указу в подушном окладе», -39 дмп 22 .

Таким образом, согласно переписной книги 1722-1727 гг., в Твери проживало 2853 дмп посадских и разночинцев, включая 205 дворовых.

Данные, довольно близкие к сведениям переписной книги, приводит И.К.Кирилов — $2828~{\rm дмп}^{23}$. А.А.Кизеветтер, говоря о количестве населения тверского посада, ссылается на Генеральную табель $1738~{\rm r.}$, согласно которой итоговая

цифра 1-й ревизии посадского населения Твери — $2846~\rm{д} Mm^{24}$. Кроме того, автор сообщает еще целый ряд итоговых цифр 1-й ревизии, в частности: $2716~\rm{д} Mm$ и $2871~\rm{д} Mm$ (включая $225~\rm{k}$ крепостных работников) по документам Главного магистрата и $2857~\rm{д} Mm$ по ведомости $1728~\rm{r}$., составленной в Тверской ратуше 25 .

Разница в цифрах, сообщаемых различными источниками, вполне объяснима. Дело в том, что выверка сведений, собранных в ходе 1-й ревизии, проводилась вплоть до начала 2-й ревизии (1743-1747 гг.) и количество ревизских душ постоянно уточнялось.

Первый окончательный итог 1-й ревизии для податных сословий был подведен в 1724 г. после освидетельствования сказок. Так, в Твери податное население составило 2532 дмп 26 . Затем эта цифра несколько увеличилась. По данным переписной книги посадских и купцов 1722-1727 гг., составленной не ранее 1726 г., в тверском посаде насчитывалось 2853 дмп 27 .

Однако надо иметь в виду, что, кроме посадских, за сбором подушной подати с которых должен был наблюдать магистрат, представители некоторых податных городских сословий были положены в раскладку на полки. В частности, согласно переписной книги 1726 г., в подушный оклад на Копорский пехотный полк было положено 314 дмп служителей тверского архиерейского дома и 51 крепостной человек приказных служителей Тверской провинциальной канцелярии²⁸.

Таким образом, общее количество податного населения Твери по переписным книгам 1722-1727 гг. и 1726 г. составляло 3218 дмп.

В 1747-1749 гг., когда уточнялись результаты 2-й ревизии и производилось их сличение с проверенными еще раз данными 1-й ревизии, была составлена «Краткая ведомость коликое число в городе Твери с уездом подлежащих к положению в подушный оклад мужеска полу душ и каких званием по нынешней ревизии явилось и что по прежней переписи состояло...»²⁹ Согласно этой ведомости, численность податного населения Твери по результатам 1-й ревизии составила 3257 дмп, что довольно близко к суммарному результату показателей численности податного населения тверского поса-

да по материалам двух переписных книг 1722-1727 гг. и 1726 г. Именно ведомость 1747-1749 гг. использует М.Я.Волков, определяя количество и состав податного населения Твери в 1722-1727 гг. 30

Довольно интересные наблюдения удалось сделать, анализируя данные сказок 1722-1723 гг., переписной книги посадских и купцов 1722-1727 гг., ведомости 1747-1749 гг. и материалов 2-й ревизии городского населения Твери. Эти наблюдения помогут раскрыть содержание терминов «посадские», «разночинцы», «купечество» и «купечество в цех», применяемые в делопроизводстве 20-40-х гг. XVIII в.

Регламент Главного магистрата 1721 г. разделил горожан на две части - «регулярных граждан», образовавших две купеческие гильдии, и «подлых людей» — работников по найму и чернорабочих. К первой гильдии Регламент отнес банкиров, знатных купцов, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют, городских докторов, аптекарей, лекарей, шкиперов купеческих кораблей, золотарей, серебренников, иконников, живописцев: ко второй — граждан, которые мелочными товарами и харчевыми разными товарами торгуют, а также ремесленников: резчиков, токарей, столяров, портных, сапожников и сим подобных³¹. С образованием в 1722 г. цехов из состава «регулярных» граждан были выделены цеховые³². Инструкция Магистратам 1724 г. к числу граждан отнесла «подлых людей», а также те категории разночинцев, которые не занимались торгово-промышленной деятельностью, но были в ходе реформы положены в оклад по данному городу³³.

Таким образом, в результате реформы городского управления население города, положенное в подушный 40-алтынный оклад, было разделено на две категории — купечество и цеховых.

Далее мы попытаемся проследить трансформацию старых форм социальной организации городского населения (посад) в новую социальную форму — городское гражданство (в повседневной практике купечество).

Выше уже отмечалось, что сказки 1722-1723 гг. и переписная книга 1722-1727 гг. называют посадскими людьми: купечество первой, средней и меньшей статей, ремесленников, чернорабочих, горожан, которые «кормятся Христа ради

мирским подаянием и письменной работой», а также их крепостных людей. Общее количество посадского населения, согласно переписной книге 1722-1727 гг., составляет 2573 дмп, а за вычетом 139 дмп дворовых — 2434 дмп. Это число практически повторяет цифру, приведенную в ведомости 1747-1749 гг. для купечества г. Твери, — 2436 дмп³⁴.

Таким образом, при сравнении числовых показателей двух источников напрашивается вывод о том, что под купечеством времен проведения 2-й ревизии (1743-1747 гг.) понимались те же категории населения, которые в первой четверти XVIII в. обозначались термином «посадские». Единственное отличие купечества 40-х гг. XVIII в. от посадских первой половины XVIII в. заключалось в том, что в его состав не были включены дворовые люди, которые теперь выносились в отдельную группу горожан.

Рассмотрим подробнее, что представляло из себя торговопромышленная верхушка тверского посада (купечество трех статей), которая вместе с другими посадскими в ходе проведения ревизии вошла в новую категорию населения — купечество.

Торгово-промышленную верхушку посада переписчики подразделяют на «главное тверское купечество, которое имеет торги и промыслы от тысяч до ста рублев,» — 31 семья (76 дмп), купечество средней — 13 семей (37 дмп) и меньшей статей — 222 семьи (573 дмп). Таким образом, купечество всех трех статей было представлено 266 семьями (686 дмп). Необходимо отметить, что сказки посадских 1722-1723 гг. и переписная книга 1722-1727 гг. сообщают абсолютно идентичные сведения о составе и численности купечества тверского посада.

Выше уже отмечалось, что несомненную ценность представляют сведения сказок 1722-1723 гг. о характере предпринимательской деятельности горожан — роде занятий и размере капиталов, находящихся в обороте купечества.

Так, по первой статье объявлен 31 капитал от 110 до 6250 руб., при этом 1 совместный — Якова Ивановича и Дмитрия Дмитриевича Кириловых. Всего 30410 руб. Капиталы в 1000 руб. и выше объявили 7 тверских купцов: братья Матвей Григорьевич и Алексей Григорьевич Арефьевы — по 6250 руб. каждый, Козьма Федорович Ворошилов — 5000 руб., братья Иван Васильевич, Алексей Васильевич и

Семен Васильевич Янковские — по 2500 руб., 1300 руб. и 1000 руб. соответственно, Семен Андреевич Волочанинов — 1000 руб. Капиталом в 700 руб. располагал Герасим Федорович Седов, в 650 руб. — Петр Михайлович Вагин, в 600 руб. — Василий Андреевич Волочанинов. Основным занятием названных купцов являлся торг хлебом и пенькой. А.Г.Арефьев, кроме прочего, торговал кожами и салом.

Судя по размеру капитала, вышеназванная группа первостатейного купечества Твери занималась оптовой торговлей «к Питербурху и другим портам», хотя прямое указание на торговлю со столицей имеется только у двух купцов — С.В. и А.В.Янковских.

Торг хлебом являлся основным занятием еще 18 семей первостатейных купцов, капитал которых составлял от 110 до 500 руб. Кроме хлеба торговал рогожами 1 купец, рыбою — 1, пенькой — 3, ращением и продажей солода (промысел и торговля) занималось 2 человека. В качестве подрядчиков, нанимавшихся «отправлять у купецких людей водяным путем припасы до Питербурха» и «в извоз государева провианта», названы 7 тверитян. В лавках и на площадях города торговало 7 купцов первой статьи. Основными предметами их торга являлись хлеб, вино, пряники, сапоги и мелочные товары.

Основываясь на материалах сказок 1722-1723 гг., можно сделать вывод, что торговля хлебом была основным занятием для 28 семей (кроме 3-х торговавших в лавках) первостатейных купцов Твери, независимо от того, какой характер она носила — оптовый или розничный³⁵. Наиболее богатые купцы, капитал которых составлял от 600 руб. и выше занимались оптовой торговлей хлебом и пенькой к портам.

Нужно отметить, что купечество первой статьи довольно активно использовало труд крепостных работников. Согласно переписной книге, за ними числилось 82 дмп крепостных.

Купечество средней статьи объявило 13 капиталов размером от 50 до 100 руб. — всего 1005 руб. Торговлей хлебом занималось 6 семей, хмелем — 2, ращением и продажей солода — 2. Торг в лавке и на площади вели 5 купцов: мелочным товаром — 2, рыбой — 1, шапками — 1, иконами — 1. Трое купцов средней статьи занимались подрядами и «нанимались у купецких людей возить товары и провиант до

Питербурха», при этом для Матвея Ивановича Янковского это занятие было единственным (капитал 50 руб.).

К меньшей статье отнесли себя 222 семьи³⁶, объявившие капитал от 1 до 50 руб.: 11 семей — по 50 руб., 3 — по 45 руб., 10 — по 40 руб., 1 — 35 руб., 22 — по 30 руб., 1 — 25 руб., 45 — по 20 руб., 18 — по 15 руб., 44 — по 10 руб., 44 — по 5 руб., 10 — по 3 руб., 6 — по 2 руб., 5 — по 1 руб.³⁷ Всего 3682 руб. Купцы меньшей статьи торговали хлебом — 33, овсом и сеном — 18, хмелем — 5, пенькой — 1, калачами и пряниками — 15, квасом — 3, скотом — 4, сапогами — 4, лаптями — 2, шапками — 1, рукавицами — 1, замками и гвоздями — 2, щепьем — 1, кожами — 1 семья. Среди купцов, торговавших в лавках, преобладали торговцы мелочным товаром — 51, а также рыбой и мясом — 41 семья. Ращением и торговлей солодом занимались представители 14 семей. 3 купцов, кроме торговли, нанимались в подряды к купеческим людям. Торговлю по деревням Тверского уезда мелочным товаром в разнос практиковали 17 человек, торг в харчевне — 2 семьи³⁸.

Таким образом, основными предметами торговли тверского купечества, составлявшего торгово-промышленную верхушку посада, являлись разные сорта хлеба, солод, пенька, мясо. Главным занятием первостатейного купечества являлась оптовая торговля к портам, что было вполне закономерно с учетом того, что Тверь являлась важным промежуточным пунктом в торговле центральных районов страны с Петербургом и заграницей³⁹.

В основе же деления торгово-промышленной верхушки посада на три статьи лежал принцип тяглоспособности, т.е. разница в хозяйственном положении — размерах «живота» хозяина⁴⁰. На примере тверского посада эта разница четко прослеживается по размерам торговых капиталов купечества: первая статья — от 110 до 6250 руб., средняя статья — от 50 до 100 руб., меньшая статья — от 1 до 50 руб.

Возвращаясь к вопросу о социальном составе городского общества, необходимо отметить, что, согласно указа от 28 февраля 1721 г., кроме посадских людей переписи подлежали и «разночинцы, живущие на посадах и в слободах» 41. По мнению В.М.Кабузана, разночинцы в XVIII в. представляли собой несколько неопределенную группу населения, в

состав которой входили отставные приказные и воинские чины, иностранные выходцы, дети воинских чинов и т.д. 42 М.Я.Волков разделяет разночинцев на две группы — «чиновных» и «безчиновных», относя к первым стрельцов, казаков, драгун, городовых солдат, канцелярских служителей, пушкарей, воротников, казенных ремесленников, ямщиков, ко вторым — пришлых людей, как правило, крестьян, покинувших своих владельцев 43.

Какие же категории населения составили данную прослойку тверского посада? Судя по материалам 1-й ревизии городского населения Твери, под разночинцами понимались «разных чинов люди», записанные в посад после первого сбора сказок посадских жителей, проведенного в 1721 г. По сказкам 1722-1723 г., в Твери было 86 разночинцев, причисленных к посаду в купечество, цех или в черную работу. Из 45 случаев записи в тверской посад «разных чинов людей» 11 случаев приходится на выходцев из церковнослужителей, 7 — на иностранных выходцев (польской и шведской нации), 5 — на крестьян, по одному случаю — на выходцев из монастырских слуг и стрелецких детей, 20 — на «разных чинов людей, которым повелено быть в Твери до указу»⁴⁴. Последняя группа является наиболее многочисленной среди разночинцев (36 дмп) и целиком представлена выходцами из числа жителей других городов.

По переписной книге посадских и купцов Твери 1722-1727 гг., в разночинцах числилось уже 231 дмп, из них: 24 дмп приписаны к купечеству, 147 дмп — в цех, для остальных 60 дмп принадлежность к купечеству или к купечеству в цех не указана. Книга относит к разночинцам выходцев из следующих категорий населения: 29 церковнослужителей, 18 иностранных выходцев, 14 крестьян, 39 жителей других городов, а также представителей ранее неподатных сословий — 55 солдат тверского гарнизона, 7 солдатских детей, 15 рассыльщиков, 24 каменщика и кирпичника, 6 отставных сторожей, 3 стрелецких детей и 21 дмп «свистунов и певчих, что называются Весна», причисленных к посаду в 1726 г.

Однако в ведомости 1747-1749 гг. разночинцы уже не упоминаются. Что же стало с данной категорией населения к моменту окончательного подведения итогов 1-й ревизии?

Анализируя данные 2-й ревизии податного населения г. Твери (1743-1747 гг.), мы сделали следующее наблюдение: из 231 дмп, записанных в купечество в цех по 2-й ревизии, 146 дмп являлись представителями семей разночинцев, которые были причислены к посаду еще по 1-й ревизии. Среди них выходцы из: солдат и солдатских детей — 36, жителей других городов — 35, кирпичников — 23, церковников — 19, иностранных выходцев — 15, рассыльщиков — 8, «певчих и свистунов» — 6, стрелецких детей — 1, отставных сторожей — 1 дмп⁴⁵.

Интересно, что по материалам 2-й ревизии среди цеховых числятся и выходцы из «свистунов и певчих» и жителей других городов, которые хотя и были причислены к посаду в подушный оклад по 1-й ревизии, но при этом переписная книга 1722-1727 гг. не сообщает об их принадлежности к цеховым. Проведя пофамильный анализ материалов переписных книг податного населения Твери 1-й и 2-й ревизий, мы установили, что по 2-й ревизии к цеховым были отнесены представители 14 из 23 семей, числящихся по 1-й ревизии в выходцах из других городов, и представители 4 из 10 семей бывших «свистунов и певчих».

Можно сделать предположение, что представители этих групп населения или по крайней мере их большая часть были записаны в цех еще по 1-й ревизии, несмотря на то, что переписная книга 1722-1727 гг. об этом не упоминает. В соответствии с вышесказанным получается, что на момент составления книги в Твери числилось 207 дмп цеховых с учетом 60 дмп «разных городов посадских людей, коим повелено быть во Твери до указу в подушном окладе» и «свистунов и певчих», которые предположительно тоже были отнесены к купечеству в цех. Довольно близкую цифру сообщает ведомость 1747-1749 гг. — 199 дмп, записанных в цех.

Таким образом, к моменту окончательного подведения итогов 1-й ревизии разночинцы были распределены между купечеством и цеховыми, при этом большая их часть была причислена именно в цех. Разряд цеховых составили причисленные в подушный оклад в ходе проведения 1-й ревизии ранее неподатные группы населения — солдаты тверского гарнизона, каменщики и кирпичники, рассыльщики, солдатские дети, отставные сторожа, свистуны и певчие.

В заключении необходимо отметить, что материалы 1-й подушной переписи населения тверского посада дают прекрасную возможность проследить изменения в социальной структуре городского общества, которые произошли в ходе реформ 20-х гг. XVIII в., — исчезновение старых и появление новых категорий городского населения.

В результате петровских реформ 20-х гг. XVIII в., население города, положенное в подушный 40-алтынный оклад, было разделено на две категории — купечество и цеховых. Если в посадском обществе под купечеством понималась только его торгово-промышленная верхушка, то при новом делении понятие купечество вобрало в себя практически все городское гражданство — купечество трех статей, ремесленников, чернорабочих, а также людей, «кормящихся черной и письменной работой». В итоге в рядах «купечества» оказалось немало людей, не обладающих ни средствами, ни какой-либо собственностью и промышлявших «черной работой».

¹ ПСЗ. Т. V. 3245.

² Там же. 3287.

³ Там же. 3481, 3817.

⁴ Там же. 3747.

⁵ Волков М.Я. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в. // Проблемы источниковедения. Вып. XI. М., 1963. С. 268.

⁶ ΠC3. T.VI. 3873, 3901, 3983.

⁷ РГАЛА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3530. Л. 1-152.

⁸ Там же. Д. 3530-3532, 3535-3536.

⁹ *Волков М.Я.* Материалы первой ревизии... С. 272-273.

¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3530. Л. 536 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 3530-3531.

¹³ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 51.

¹⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3532.

¹⁵ Там же. Д. 3535.

¹⁶ Из всех служителей тверского архиерейского дома в подушный оклад не были положены только дьяки и подьячие, а также причт соборной церкви г. Твери.

¹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3536.

- 18 Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 36.
- 19 Там же. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- 21 Ремесленники расписаны по 30 профессиям.
- 22 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3535.
- ²³ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. Ч. II. М., 1831. С. 162-173.
- ²⁴ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 89.
- ²⁵ Там же.
- 26 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3530-3531.
- 27 Там же. Д. 3535.
- 28 Там же. Д. 3536.
- 29 Там же. Д. 3542. Л. 947.
- 30 Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья... С. 40.
- 31 ПСЗ. Т. V. 3708.
- ³² *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740-1860-е гг. Л., 1990. С. 162.
- 33 Середа Н.В. Городское гражданство России в законодательстве Петра I // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь, 1992. С. 100.
- 34 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3542. Л. 947.
- 35 Исключение составляет Г.Ф.Черницын, который, кроме торговли на площади разным хлебом на 110 руб., занимался еще и ремеслом шил шапки.
- ³⁶ М.Я.Волков ошибочно приводит цифру в 213 дворов (см.: *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья... С. 74).
- 37 Сказки на 2 купеческие семьи не сохранились, поэтому установить размер капитала и характер их предпринимательской деятельности не представляется возможным.
- 38 Две последние группы относятся к наиболее бедным представителям купечества меньшей статьи с капиталом от 1 до 5 руб.
- ³⁹ *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960. С. 56.
- 40 Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 124.
- ⁴¹ ПСЗ. Т. V. 3747.
- ⁴² *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 51.
- ⁴³ *Волков М.Я.* Материалы первой ревизии... С. 271-272.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3531. Л. 907-1044.
- 45 Там же. Д. 3539. Л. 211-242.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ПЕЧАТНОГО ПРИКАЗА (1613-1649)

Исторические исследования по истории государственных учреждений XVII в. посвящены по большей части изучению приказного строя Московского государства, отдельных приказов и их документации. Среди многочисленных приказов XVII в. Печатный приказ до настоящего времени остается одним из наименее исследованных объектов внимания историков. Не стоит путать Печатный приказ с приказом книгопечатных дел. Свое название Печатный приказ получил, вероятнее всего, от слов «печать», «запечатывать» либо по наименованию должности лица, хранящего государственную печать, — «печатник».

Печатный приказ заметно выделяется среди других приказов XVII в., действующих на основе отраслевого или территориального принципов. Это учреждение обладало функциями государственного нотариата в масштабах всей страны, а служащие приказа занимались юридической, финансовой и канцелярской работой. В Печатном приказе велась регистрация всех документов, выдаваемых светским и духовным лицам от имени царя и государства. Глава приказа — печатник — прикладывал к документу государственную печать и ставил свою подпись, таким образом придавая документу юридическую силу и подлинность. За подобную операцию в приказе взимались печатные и подписные пошлины, что позволило И.И.Вернеру причислить Печатный приказ к фискальным учреждениям XVII в. 1

Удостоверяемые документы регистрировались в книгах, которые изначально служащие приказа разделили на два типа: пошлинные и беспошлинные. Соответственно в пошлинных книгах находятся сведения о зарегистрированных документах и их владельцах, которые уплатили печатные и подписные пошлины, в беспошлинных книгах — информация о документах и лицах, освобожденных от этих платежей. Интересно, что Н.П.Лихачев в лекциях по дипломатике дает обзор дел, хранящихся в МАМЮ, и упоминает о делах Печатной конторы. Он указывает на то, что беспошлинные

книги «относятся по большей части к канцелярскому делопроизводству названного учреждения»², что совершенно не отвечает сведениям, заложенным в беспошлинных книгах.

В связи с этим в данной статье автор ставит своей целью дать основные отличительные характеристики документам Печатного приказа, раскрыть информационный потенциал, заложенный в них, указать на массовость и разноплановость документации приказа как исторического источника. Книги Печатного приказа могут служить источником для изучения самых разных событий и сторон исторического развития России XVII в.

Документы Печатного приказа хранились в составе делопроизводства Печатной конторы и Преображенского приказа МАМЮ. В настоящее время книги Печатного приказа выделены в ф. 233 РГАДА, насчитывающий 818 единиц хранения. В фонде сосредоточены книги приказа с 1613 г. по 1723 г., т.к. Печатный приказ под другим именем действовал и при Петре I.

Заявленный в названии статьи хронологический период с 1613 г. по 1649 г. объясняется тем, что документы Печатного приказа сохранились лишь с 1613 г., а Соборное Уложение 1649 г., а именно его XVIII глава, подводит итог работы Печатного приказа за весь предшествующий период, фиксирует юридически правомочия приказа.

В ф. 233, оп. 1 за данный период содержатся 52 приходные книги печатных пошлинных денег, записи в которых начинаются с 27 февраля 1613 г. и по 1649 г. включительно. Беспошлинных книг за этот же период значительно меньше — 24, где первая запись сделана 12 августа 1613 г.

Записи в книгах производились каждый рабочий день, таким образом, книга заводилась в среднем от одного до трех месяцев или от 8 месяцев до года. Средний объем каждой пошлинной книги — 200-300 листов. Однако в исследуемом периоде (36 лет) наблюдаются значительные пробелы: полностью отсутствует документация Печатного приказа за 1615-1618 гг., 1623-1624 гг., 1627-1628 гг. и 1638 г. Помимо этого, в соответствии с тем, что записи точно датируются вплоть до числа месяца, удалось установить отсутствие информации в разные годы на протяжении всех 36 лет. В суммированном виде отсутствующей информации накопилось

более чем на 10 лет. В итоге, за 1613-1649 гг. до сегодняшнего времени информации в записных пошлинных книгах Печатного приказа сохранилось менее половины.

Отсутствующие записи в пошлинных книгах частично покрываются записями 24 беспошлинных книг. В этих книгах отсутствуют записи за 1616-1621 гг., 1638-1640 гг. Следовательно, в фонде Печатного приказа не следует искать сведений, касающихся 1616-1618 гг. и 1638 г. Беспошлинные книги велись на протяжении нескольких лет, по объему они были аналогичны пошлинным.

Документы Печатного приказа должны привлекать исследователей разнообразным содержанием актов, нашедших отражение именно в этих записных книгах. Это полный спектр документов, имевших хождение в XVII в.: жалованные грамоты на вотчины, отказные и ввозные на поместья, отдельные и передельные, межевые, дозорные; сыскные про поместья, беглых крестьян; грамоты об управе на разные дела (в боях, в грабежах, в воровстве, в насильстве, в проестях, в волоките, в долгу, в поклажеях и т.д.); бережельные и откупные грамоты, судные и уставные; грамоты на жалованье и о поверстании, о назначении на должность и масса других подобного рода документов.

Записи делались по определенному шаблону, хотя говорить о том, что в приказе существовал особый формулярник, в соответствии с которым составлялся текст, не приходится. В записях писцов проглядывается некая несогласованность в написании терминов и понятий. Например, жалованная грамота называлась в записях по-разному и в разных комбинациях, но единого написания не было: жаловальная - жаловальная грамота – грамота жаловальная – жаловальная вотчинная грамота — грамота жаловальная вотчинная — грамота жаловальная на вотчину и т.д.³; либо «отказная на помесе» – «отказная на старое помесе» – отказная грамота на старое поместье – отказная на поместье по прежней даче – «отказная на прежнюю дачю» - «отказная на прежнюю дачю царя Василья» - «на старую дачю: отказная» - «велено отказати старое помесе» — «велено им землею владеть по прежнему» и т.д. ⁴ Те же интерпретации можно встретить в именовании других формул. Это свидетельствует о том, что в сознании писцов Печатного приказа не существовало твердых, установленных юридических форм и формулировок. Главное на данном этапе развития нотариальной практики было засвидетельствовать акт сделки. В этой связи непременными атрибутами регистрации документа было:

- дата (число, месяц, год) указывается один раз в начале очередного рабочего дня;
- неизменная формула, с которой начинается каждая запись: «Запечатана грамота» (в начальной формуле сразу может быть указано количество запечатанных грамот, если все они адресованы в одно место, например, «запечатаны 4 грамоты в Переславль Резанской»);
- указывается населенный пункт, куда отправляется запечатанный и зарегистрированный документ (город или уезд, иногда добавляется деревня, стан);
- по чьему челобитью выдана и запечатана грамота: записывается имя челобитчика или челобитчиков, степень родства (брат, вдова, сын, дочь), принадлежность к какой-либо социальной категории (детишко боярский, подьячий, стрелец, казак, пушкарь, кузнец и др.), определено место оседлости (мецненин, пошехонец и т.п.);
- очень краткое содержание документа, которое иногда укладывается в паре слов (о управе, о дозоре, о хлебе и т.д.);
- далее в пошлинной книге идут неизменные слова «пошлин», где указывается количество взимаемой пошлины; в беспошлинных книгах — «пошлин для бедности», это означает, что указанная сумма взята не будет;
- последняя фраза, знаменует собой конец записи по данному делу: в пошлинных книгах— «взято», в беспошлинных— «не взято».

В конце каждого месяца на полях подсчитывается общая сумма взятых в казну денег или потерянных вследствие списания «по бедности и разорению». За сентябрь 1613 г. Печатный приказ направил в государственную казну 391 рубль 11 алтын 6 денег. За этот месяц было запечатано и зарегистрировано 425 актов и грамот за 21 рабочий день⁵, т.е. в среднем через Печатный приказ каждый день проходило около 20 документов различного характера.

До сих пор внимание автора статьи было сосредоточено на записных книгах Печатного приказа как основной документации нотариального характера. Вместе с тем в ф. 371, оп. 2

Преображенского и Семеновского приказов заключены столбцы Печатного приказа. Они содержат текущую рабочую информацию, более развернутую, нежели представленная в книгах. В рамках исследуемого периода (1613-1649) обнаружено 56 столбцов самого разного объема (от 1800 склеек (д. 27) до 53 (д. 17)).

По большей части столбцы охватывают челобитные, поступившие в Печатный приказ от разных лиц, с просьбой об освобождении их от платежа пошлин за грамоты, выданные им на поместья и вотчины (д. 1, 5, 7-8, 14, 16-17, 20, 22, 24-25, 27-28, 35, 41-42, 44-49, 51-53, 55-56). Видимо, на основании представленных челобитных происходило освобождение от платежа пошлин и дело в виде краткой записи заносилось в беспошлинную книгу.

Другие дела отражают сведения, стекавшиеся в Печатный приказ из разных мест о взыскании печатных пошлин с откупщиков (д. 36-37, 43, 50), памяти воеводам разных городов о взыскании пошлин за приложение печати и присылке их к Москве в Печатный приказ (д. 31, 43, 54), памяти, направленные в приказ, об отсылке собранных пошлинных денег в разные места на жалованые служилым людям, на строительство, на царские нужды и т.д. (д. 9, 26, 36, 38-39), а также поступившие в Печатный приказ запросы справочно-информационного характера из Поместного приказа, Судного, Разрядного (д. 13, 21, 37).

В сущности, столбцы Печатного приказа представляют собой практически всю «входящую» документацию. В них сосредоточено все то, что было направлено в Печатный приказ из других учреждений или от частных лиц. В этом смысле записные книги Печатного приказа есть документ, отражающий непосредственно делопроизводственную работу приказа как государственного учреждения, они фиксировали конечный результат деятельности. Именно по книгам наводились справки по запросам из других приказов.

Значение и главная ценность документов (архива) Печатного приказа для того времени в основном состояла в его справочно-информационной роли. Тематика запросов касалась взимания пошлин и приложения печатей к грамотам, уточнения дат и подтверждения фактов. Во всех фондах центральных приказов имеется переписка с Печатным приказом

по этим вопросам. Информация, выдаваемая приказом, краткая, емкая, способна сразу же удовлетворить потребность любого запрашивающего.

Поступая практически изо всех приказов, эта информация превращает архив Печатного приказа в «единую справочную всей системы центральных органов».

До сегодняшнего дня ценность архива Печатного приказа не падает. Историки XIX и XX в. заинтересованы в изучении документов Печатного приказа по двум причинам.

Во-первых, эти документы выступают как непременные источники для изучения истории деятельности самого Печатного приказа как государственного учреждения приказного типа.

Во-вторых, эти документы способствуют более глубокому проникновению исследователей в проблемы аграрной, социальной, экономической и политической истории Московского государства.

Интерес к деятельности Печатного приказа возник в конце XIX — начале XX в. Для своих исследований столбцы Печатного приказа использовали И.Е.Забелин 6 , Д.В.Цветаев 7 , Е.Сташевский 8 .

Первая публикация комплекса столбцов Печатного приказа и подробный анализ значения этих документов для историков принадлежит Л.М.Сухотину⁹. Он опубликовал столбцы с марта по август 1613 года и обосновал возможность привлечения такого рода источника для исследования деятельности правительства Романова.

Его работу продолжил С.Б.Веселовский, полностью издав пошлинные и беспошлинные книги Печатного приказа с 1613 по 1615 год 10 .

Е.Сташевский использовал документы пошлинных и беспошлинных книг как источник по аграрной истории начала XVII в. Ему принадлежит высказывание: «Не имея под руками более надежного и полного материала для сопоставления земельных раздач отдельным социальным группам, можно, кажется, для этой цели воспользоваться теми сухими цифрами, которые дают т.н. книги Печатной конторы» Записные книги приказа 1613 и 1614 гг. были подвергнуты статистической обработке. Е.Сташевский пришел к следующим результатам: с февраля по август 1613 г. было выдано более

546 грамот на новые поместья, общий фонд раздач превысил 33 тыс. четвертей, в следующем году было роздано в новые поместья около 39 тыс. четвертей более чем 400 лицам. Сташевский верно заметил, что данный источник очень краток, однако книги Печатного приказа позволяют выяснить:

- средний размер дач в поместья и в вотчины;
- общее количество земельных раздач в период царствования первого Романова;
- районы и источники пожалований;
- социальные группы, получавшие поместья или вотчины;
- количество новых дач в соотнесении с перерегистрированными старыми владениями;
- районы, в которых получали поместья и вотчины определенные социальные группы, и многие другие вопросы, стоящие перед исследователями феодального землевладения.

Историк советского периода В.А.Фигаровский ссылался на документы Печатного приказа при исследовании крестьянских движений 1614-1615 гг¹². Фигаровский подсчитал, что с 28 февраля по 15 июня 1613 г. Печатный приказ собрал пошлины с 326 грамот, выданных на старые поместья. Наряду с этим за этот же период было зарегистрировано 264 грамоты на новые поместья и вотчины. Это подтверждает тот факт, что на повестке дня особенно остро стоял вопрос о регистрации земельной собственности.

Л.М.Сухотин подверг детальной обработке челобитные, поданные в Печатный приказ за 1613 г. Он наметил основные направления для изучения столбцов Печатного приказа. По тому, жители каких городов просили не брать пошлин, Сухотин судил о пределах разорения страны к началу правления нового царя. Такие документы содержат ряд подробностей о состоянии края, источниках, характере и размере разорения. Таким образом, челобитные различных слоев населения представляют целостную картину разорения государства. На их основании можно с картографической точностью определить районы разорения и их степень.

Анализируя эти же челобитные, Сухотин черпал сведения о набегах литовских людей и о размерах причиненного ими ущерба, о том, кто входил в оппозиционный лагерь, кто руководил осадой города. Можно точно проследить план передвижения Заруцкого и нанесенного им разорения.

Л.М.Сухотин задается сложным вопросом, когда и при каких обстоятельствах новое царское правительство Романовых начало действовать, что это было за правительство и кому принадлежала руководящая роль. Выяснилось, что в первые дни после избрания царя власть оставалась в руках начальников Ополчений: боярина и воеводы князя Д.Т.Трубецкого и стольника и воеводы князя Д.М.Пожарского. Только на четвертый день, 25 февраля 1613 г., произошла смена руководства. В те же дни состоялись новые назначения. В Печатном приказе место дьяка Меркурия Любученинова, ставленника Пожарского, занял печатник Е.В.Телепнев, сидевший в Москве вместе с боярами при Литве.

Со 2 марта все правительственные распоряжения стали делаться на Москве от имени нового государя. Из бояр, распоряжавшихся в Москве до прибытия государя, выделялся дядя царя Иван Никитич Романов. Именно он от имени царя жалует и обнадеживает челобитчиков.

Наравне с Сухотиным, привлекшим столбцы Печатного приказа для изучения Земского Собора 1613 г., Д.В.Цветаев, обращаясь к этой же теме, использовал пошлинные книги 1613 г.

Данные, почерпнутые исследователем из документов Печатного приказа, послужили определению социального состава членов Земского собора. Сухотин привел челобитные 17 человек, указавших на свое участие в царском «обиранье», из них 14 Утвержденную грамоту не подписывали. Цветаеву записи в книгах приказа помогли установить личность одного из иноземных выборщиков — Василия мирзы. Челобитная татарина Василия мирзы, поданная в Печатный приказ, доказала, что инородцы участвовали в избирательной кампании, а не только поставили свои подписи на грамоте, не присутствуя на соборе 13.

Документы Печатного приказа неоднократно привлекались в исторических исследованиях для решения конкретных вопросов, таких как, например, установления личности исторического лица. Чтобы обнаружить сведения о Д.Г.Оладьине, после в Польшу в 1613 г., и князе И.М.Барятинском к архиву Печатного приказа обращался Н.М.Рогожин¹⁴. Тем же путем пошел М.П.Лукичев, устанавливая последовательность событий, связанных с князем С.И.Шаховским¹⁵. Широко документы Печатного приказа были привлечены А.Л.Станиславским для исследования движения казаков в начале XVII в. 16 Эти документы позволили судить о настроениях казаков, об отношении к ним государственной власти, о земельном фонде, сконцентрированном в их руках, о казачьих шайках, действовавших на территории Московского государства.

Весной 1613 г. грамоты на земли, зарегистрированные в Печатном приказе, выдавались темниковским, кадомским, арзамасским и другим служилым татарам почти каждый день. Этот факт позволил Станиславскому прийти к выводу, что политика татар была, несомненно, связана с политикой руководителей Ополчения, которые щедро раздавали служилым татарам поместья и бортные угодья 17.

Станиславский проследил по челобитным, опубликованным Сухотиным, точное передвижение Заруцкого. Исследователь предположил, что весной 1613 г. московские власти действительно могли рассчитывать на скорое окончание движения, т.к. резко усилилось брожение среди сторонников Заруцкого¹⁸.

По большей части только на основе дел Печатного приказа написана глава «Новы помещики». Станиславским были глубоко исследованы вопросы земельных пожалований казакам, определены районы раздач (уезды Ряжский, Тульский, Орловский, Брянский)¹⁹, проанализирован размер поместных окладов²⁰. По пошлинным книгам перевод поместий в вотчины и выдача казакам по их челобитным жалованных грамот начался не позднее июля 1619 г., и первыми их получили «старые» вологодские, белозерские и шацкие помещики²¹.

Н.Ф.Демидова продемонстрировала пример использования документов Печатного приказа для исследования слоя приказаных людей. С помощью материалов данного приказа вкупе с другими источниками были определены обязанности подьячих, установлена служебная иерархия. В частности, документы Печатного приказа свидетельствовали о том, что служба в посылках ложилась на плечи подьячих. Подьяческая группа возглавлялась старым подьячим с приписью, и он же являлся товарищем писца, т.к. грамоты из центра адресовывались им вместе²².

В районах страны с нерусским население вырабатывались особые формы управления, учитывающие языковые и бытовые особенности. Примером послужили «подьячие татарских дел» в Казани и Чебоксарах 1625 г., упомянутые в пошлинной книге Печатного приказа²³.

Таким образом, возможности привлечения документов Печатного приказа для исследований самых различных областей истории российского государства поистине безграничны. Уже были упомянуты моменты, связанные с вопросами феодального землевладения, с характеристикой различных социальных групп (можно не ставить точки после казаков, выборщиков на Земском соборе 1613 г., приказных людях, а продолжать, исследуя, к примеру, посадское население, крестьян, купцов, служилых людей, иноземцев, духовных лиц и т.д.). Книги и столбцы Печатного приказа попрежнему, как и в XVII в., открыты для наведения справок о поместном и вотчинном землевладении определенных городов и уездов, для выяснения личности исторического лица. Книги Печатного приказа могут являться подтверждением писцовых книг, а иногда и дополнять их. Учитывая справочно-информационный характер записей архива приказа, становятся возможными генеалогические исследования и реконструкции. На основании только документов Печатного приказа допустимы исследования определенных регионов российского государства XVII в. А.А.Гераклитов предпринял попытку реконструкции различных сторон деятельности местного самарского населения исключительно на материалах записных книг Печатного приказа. Ему удалось доказать репрезентативность, достоверность и уникальность данного вида источника, хотя его исследование не было опубликова- HO^{24}

Отметим, что приведенные для примера исторические исследования, источником для которых послужила документация Печатного приказа, охватывают события русской истории в основном только 1613-1615 гг. Главная причина видится в том, что опубликованы, а соответственно доступны и легки в работе, только пошлинные и беспошлинные книги первых лет царствования новой династии.

Основная сложность и недостаток материалов Печатного приказа состоит в особенности делопроизводства самого учреждения. Документы не снабжены никакими указателями, что

затрудняет работу с ними, а порой сведения настолько скудны, что исследователи предпочитают обращаться к другому, более «удобному» источнику. При этом, однако, не следует забывать о том, что в этих материалах содержится описание всех документов, имеющих хождение по территории России XVII в., достоверные сведения о любой стороне хозяйственной и общественной жизни Московского государства.

¹ Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1907. С. 89-90.

² Лихачев Н.П. Дипломатика. М.: ГПИБ, 2001. С. 144.

³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-70.

⁴ Беспошлинная книга 1613 г. // Документы Печатного приказа (1613-1615) / Подгот. к печати Веселовский С.Б. М., 1994. С. 296-350.

⁵ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-47 об.

⁶ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. Гл. VI. С. 188.

⁷ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913.

⁸ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

⁹ Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. М., 1915. Кн. 4.

¹⁰ Документы Печатного приказа (1613-1615) / Подгот. к печати С.Б.Веселовский. М., 1994.

¹¹ *Сташевский Е.* Указ. соч. С. 126.

¹² *Фигаровский В.А.* Крестьянское восстание 1614-1615 гг. // ИЗ. Т. 73. М., 1963. С. 195.

¹³ *Цветаев Д.В.* Указ. соч. С. 21.

Рогожин Н.М. Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613-1616 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1982. С. 53, 58.

¹⁵ Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И.Шаховского // Там же. С. 101-102.

¹⁶ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ Там же. С. 99-106.

²⁰ Там же. С. 208-210.

- 21 Там же. С. 217-218.
- ²² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1974. С. 184.
- ²³ Там же. С. 36.
- ²⁴ А.А.Гераклитов в 1930-х гг. занимался исследованиями Среднего и Нижнего Поволжья на основе книг Печатного приказа. Осталась реализованной лишь часть этого большого замысла «Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)». Рукопись находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 38. Оп. 1. Д. 72). Частично с рукописью можно ознакомиться по адресу: http://www.ssu.samara.ru/campus/RIO/ZemSb1997 1/Cab4(p).htm

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. ПЕРЕГОВОРЫ В АНДРУСОВО. 1674 Г. (По материалам статейных списков русских послов)

В январе 1667 г. Россия и Речь Посполитая подписали перемирие на 13,5 лет¹, а в декабре в Москву прибыли великие и полномочные польские послы, чтобы обменяться ратификационными грамотами и заключить союз против султана и крымского хана, как это предусматривалось 30-й статьей Андрусовского договора. По новому соглашению русские и польские войска должны были объединяться для совместных действий против «общих неприятелей бусурман», т.е. Османской империи и Крымского ханства, и казаков, если они добровольно не вернутся в подданство России или Речи Посполитой².

Также в 12-й статье Андрусовского договора оговаривалось, что время перемирия стороны должны использовать для разрешения существующих между ними споров на специально отведенных для этого встречах здесь же, в Андрусово, в июне 1669, 1674 и 1678 гг., после чего Россия и Речь Посполитая заключат между собою Вечный мир. Но комиссии не оправдали возложенных на них ожиданий. Вместо поиска компромиссных решений комиссары предъявляли друг другу претензии, поэтому ни одна из встреч не завершилась подписанием какого-либо соглашения по спорным вопросам. И тем не менее статейные списки русских комиссаров значительно расширяют наши представления об отношениях между Россией и Речью Посполитой.

Первая комиссия началась только в сентябре 1669 г. из-за опоздания польских и литовских представителей и продолжалась до марта 1670 г.³ Во время этой встречи возглавлявший русских дипломатов посольских дел оберегатель А.Л.Ордин-Нащокин безуспешно пытался убедить комиссаров Речи Посполитой заключить мир на условиях Андрусовского перемирия. Для Польско-Литовского государства это

было неприемлемо: проблема «выгнанцов» в Польше стояла настолько остро, что не допускалось и мысли об окончательном отказе от уступленных временно территорий. Также Ордин-Нащокин выразил серьезную обеспокоенность неопределенностью ситуации на Правобережной Украине. Речь Посполитая фактически не контролировала эти свои владения. Здесь распоряжался гетман П.Д.Дорошенко, который не только вел переговоры о подданстве одновременно с польским и русским правительствами, но и установил контакты с Османской империей, характер которых до сих пор является предметом дискуссии в отечественной историографии. Но в любом случае действия вышеупомянутого гетмана создавали условия для вмешательства в русско-польское соперничество за Украину серьезного противника в лице Турции.

Нащокин предложил начать успокоение Украины с ее духовенства: «чтобы на благословение к патриарху константинопольскому не ездили», так как это ориентирует Малороссию на Турцию. Для достижения этой цели он планировал провести съезд в Киеве, на который специальными грамотами призовут и клир, и казацкую старшину обеих сторон Днепра. На данную комиссию, утверждал Нащокин, также нужно пригласить представителей султана и хана, чтобы они были свидетелями того, что против них ничего не замышляется, и все делается только для того, чтобы успокоить Украину. Лишь в случае неудачи комиссии или сопротивления духовенства и казаков следует думать об их принуждении силой⁵, что предусматривалось условиями русско-польского союза. Но в предложенном Ординым-Нащокиным плане был один просчет: Турцию и Крым устраивала именно неспокойная Украина, поэтому задуманная комиссия изначально противоречила интересам султана и хана, но была в интересах Польши и России, особенно последней, которая действительно желала успокоения Украины. В таком случае вероятность столкновения с мусульманами резко возрастала, и киевская встреча могла объединить христиан. Другое дело, что при таком развитии событий большая часть украинского казачества пошла бы не за католической Речью Посполитой, а за православной Россией, которая после подписания Андрусовского перемирия отнюдь не отказалась от намерения включить в свой состав всю Украину. В Польше это понимали, поэтому предложение Нащокина в конечном итоге было отвергнуто.

Вскоре комиссары подписали Андрусовский II договор, где говорилось, что заключение Вечного мира «за спорами не состоялось» и полностью подтверждались Андрусовское перемирие и Московское соглашение 1667 г.

За прошедшие с момента подписания Андрусовского перемирия пять лет стороны не только не сумели разрешить уже имеющиеся между ними конфликты, но и стали предъявлять друг к другу новые претензии, поэтому в 1671-1672 гг. царская дипломатия настояла на пересмотре союзного договора 1667 г. Россия и Речь Посполитая подписали новое соглашение, сохранявшее антиосманский союз, но его условия изменялись. Одним из главных отличий нового договора было аннулирование действия статьи об объединении и совместных действиях русских и польских войск во время военных действий, пока «зашедшие трудности» не будут разрешены к обоюдному удовлетворению. Сделать это предполагалось на второй порубежной встрече в Андрусово в 1674 г.

* * *

К тому времени, когда комиссия начала свою работу, русско-польские отношения претерпели серьезные изменения. Османская империя в 1672 г. напала на Речь Посполитую, и Россия, выполняя взятые на себя обязательства, тоже вступила в войну, нанося противнику удары силами калмыков, ногаев и казаков, донских и запорожских. Но этой помощи оказалось недостаточно, чтобы отразить турецко-татарскую агрессию, и уже в октябре Речь Посполитая пошла на подписание мира с Турцией. Несмотря на слабость польской армии, которую показала военная компания 1672 г., и внутренние неурядицы, сейм не ратифицировал договор, и война продолжилась, а поскольку собственных сил было мало, Польско-Литовское государство стало настаивать на немедленном «случении сил».

В условиях непрекращающихся с 1672 г. военных действий против Османской империи в Андрусово в 1674 г. и начался очередной тур русско-польских переговоров. Посольский съезд 1674 г. в отечественной историографии никогда не был

предметом специального исследования. Немногочисленные сведения о нем можно почерпнуть у С.М.Соловьева, который совершенно справедливо отмечал незаинтересованность царского правительства в военном союзе с Речью Посполитой, что нашло свое отражение на комиссии 1674 г. Но этой констатации недостаточно. Встреча 1674 г. на границе важна уже потому, что именно здесь русская дипломатия *открыто* заявила о своих претензиях на территорию *всей* Украины⁸. Не случайно во главе посольства были поставлены князья Никита Иванович Одоевский, один из первых бояр государства, и находившийся с конца 60-х годов в ближайшем окружении царя Юрий Михайлович Одоевский⁹.

Из Москвы на Андрусовский съезд великие и полномочные послы ближний боярин князь Никита Иванович Олоевский, ближний стольник князь Юрий Михайлович Одоевский, стольник князь Петр Семенович Прозоровский, окольничий Матвей Степанович Пушкин, думный дворянин Иван Иванович Чаадаев, думный дьяк Лукьян Голосов и дьяк Степан Полков 10 отправились 11 июня 1674 г. Им надлежало постоянно доносить в Москву о происходящем на съезде, для чего была установлена специальная почта. Съезд должен был начаться в июне, но русские дипломаты получили сведения, что ранее августа польские и литовские комиссары на границе не появятся, так как в Варшаве идут выборы нового короля. И действительно, только 24 августа на границу прибыл один из главных комиссаров Антоний Храповицкий 11, а 9 сентября — Марциан Огинский 12. Это был далеко не полный состав, к польско-литовским представителям еще должны были присоединиться воевода Хелминский Ян Гнинский и референдарь Великого княжества Литовского Киприан Павел Бростовский, но так как никто не мог сказать, когда они приедут, то по предложению русских послов было решено начинать без них.

16 сентября состоялась первая встреча. Дипломаты обменялись верительными грамотами и объявили о делах, с которых они хотели бы начать переговоры. Н.И.Одоевский предложил начать с обсуждения условий Вечного мира, но польская сторона считала необходимым сначала обсудить все трудности, возникшие с момента заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. Этим трудностям и была посвящена вторая встреча

22 сентября¹³, закончившаяся передачей русским дипломатам полного списка претензий польского правительства.

С точки зрения польской стороны одной из главных «трудностей» русско-польских отношений являлся Киев, удерживавшийся Россией, хотя по условиям перемирия он должен был быть возвращен Польше еще в 1669 г. Традиционной для поляков являлась и жалоба на отсутствие помощи русских войск во время казацких волнений на Правобережье. Но к 1674 г. появились и новые причины для польского недовольства. Во-первых, русская сторона упрекалась за уклонение от «случения сил» (хотя в 1672 г. эта статья договора временно была снята), в результате чего Речь Посполитая потеряла Каменец Подольский (1672 г.). Вовторых, в 1673 г. запорожские и донские казаки якобы не вышли в море, что позволило туркам свободно пройти к Хотину, хотя на самом деле в указанном году казаки неоднократно ходили на Крым¹⁴. В-третьих, пользуясь тяжелым положением Польско-Литовского государства, царские войска захватили на Правобережье и опустошили многие города, «когда добрыми способами могли мы (поляки. — K.H.) привесть их (правобережных казаков. - K.И.) к послушанию. Они для того наступления силою наипаче отчеявати почали и уже крепчае поддались под оборону турскою, особливо Дорошенка, которой боялся казни, когда б имел достатца в неволю. С тех тогда причин потеряли есмо Украину» 15. Таким образом, польская сторона обвиняла Россию и в том, что Варшава потеряла власть над своей частью Малороссии.

Князь Н.Одоевский с товарищами к 27 сентября составили развернутый ответ польско-литовским комиссарам 16. В начале письма русские дипломаты заявили, что Россия никогда не нарушала русско-польских договоренностей, и что все убытки Речи Посполитой — «от несогласия и от домашних раздоров и конфедерации» 17. Эта фраза необычайно красноречива. Во-первых, таким образом дипломаты продемонстрировали, что царское правительство прекрасно осведомлено о внутреннем положении Польско-Литовского государства, а во-вторых — постарались сбить спесь со своих оппонентов.

Задержка Киева в письме объяснялась тем, что царь узнал о желании П.Д.Дорошенко поддаться турецкому султану и

передать последнему столицу Украины. Чтобы город не попал в руки бусурман, Алексей Михайлович, терпя огромные убытки, оставил Киев за собой. При этом он не отказывает в поддержке и польской крепости — Белой Церкви. Теперь же Киев Речи Посполитой «никогда отдать невозможно для того, что воинским промыслом его царского величества ратных людей подданные турского салтана тое стороны Днепра украинные многие городы с тамошними жители, которые поддались было турскому салтану ис подданства королевского величества и Речи Посполитой, от того, что с стороны королевского величества чинили им в греческой вере гонение большое и к унее притеснение и права и вольности их нарушали, учинились под высокой державною рукою ... его царского величества в вечном подданстве» 18. Принятие правобережных украинских земель в царское подданство, с точки зрения Москвы, не являлось нарушением каких-либо договоренностей с Варшавой, так как Польша уступила Турции в 1672 г. «всю Украину ... по старым рубежам» 19. «Вы отдали султану Украйну, в которой и Киев: так можно ли после того вам отдать Киев?»²⁰ При этом совершенно игнорировался факт, на который многократно указывали польские комиссары: Бучачский договор 1672 г. не может являться оправданием действий царского правительства, так как посланные на переговоры с султаном представители не были уполномочены сеймом и в дальнейшем сейм не принял условий, на которых был заключен мир с Османской империей.

Особое внимание Одоевские, дипломаты «старой закваски», уделили формальным моментам — нарушениям статьи Андрусовского договора о титулах, добавив к ранее объявленным причинам задержания Киева еще и следующую: город «задержан за многие и несчетные нам бесчестья и досады в прописках нашего имени и титула в печатных книгах; в грамотах, отправленных из вашей канцелярии пишут меня Михаилом Алексеевичем!..»²¹

Сам факт заключения мирного договора с Турцией без уведомления о происходящем Алексея Михайловича тоже рассматривался как нарушение соглашений, причем особое возмущение вызывало то, что приехавший И.Комар «просил толко совету и объявления, тот покой его королевского величества с салтаном турским держать ли. А на каких статьях

тот договор с салтаном постановлен и с того договора списка и с тем посланником ... королевское величество прислать не изволил» 22 .

Вспомнили русские дипломаты и о том, что в 1672 г. Речь Посполитая не впервые нарушила договоренность, согласно которой стороны должны взаимно уведомлять друг друга о переговорах с Турцией и Крымским ханством. Например, в 1670 г. польский посланник в Крыму Карвовский, посланный якобы «ко исполнению Московского постановления», тем не менее с русскими дипломатами увидеться не пожелал, и в дальнейшем «королевское величество и сенатори писали в Крым о дружбе многажды, а о стороне царского величества по договору в тех своих грамотах и листах нимало не помянали»²³.

Категорически отвергли русские комиссары обвинение в том, что Россия не оказала Речи Посполитой никакой помощи, подробно описав предпринятые Россией усилия и особо подчеркнув, что если бы не действия русских войск на Правобережной Украине, то Речь Посполитая подверглась бы нападению еще и войск гетмана П.Дорошенко²⁴.

Таким образом, российская сторона постаралась в своем ответе подчеркнуть многообразие и бескорыстность своей помощи Польско-Литовскому государству, верность русскопольским договорам и многочисленные нарушения этих договоров со стороны Речи Посполитой.

Поскольку полученный ответ М.Огинский, вицкий и другие должны были обсудить, возможно, снестись с Варшавой для корректировки своей позиции в соответствии с полученным заявлением российской стороны, то 3-ю встречу польские комиссары предложили посвятить обсуждению условий Вечного мира, но неожиданно натолкнулись на сопротивление русских дипломатов, которые настаивали сначала решить, как поступить с многочисленными ошибками в царском титуле, которые позволяют себе польские подданные. Комиссары же предложили не затрагивать этот вопрос, «с обоих сторон досадительства опустив, приступить ... вечнаго покою к разсуждению»²⁵, но сделать это так и не удалось. Только 9 октября, на 4-й встрече русские дипломаты объявили, что Алексей Михайлович «желает вечному миру бысть на таких статьях, чтоб завоеванным городом, которые обретаются ныне в стороне его царского величества, бысть по-прежнему в стороне ж его царского величества вечно»²⁶. Объявленные в ответ польские условия гласили: «чтоб все те, в прошлую войну завоеванные городы царское величество уступить изволит в сторону его королевского величества и Речи Посполитой, как было до нынешней войны. И нагородил бы де его царское величество королевскому величеству и Речи Посполитой убытки, которые учинилися в недании по договору помочи в посилках против наступления турской войны, а притом и вязней бы всех уступить в сторону его королевского величества и Речи Посполитой»²⁷. Кроме того, поляки настаивали на союзе «против агарян», не рассматривая как союзные действия царских войск под командованием Г.Ромодановского и гетмана И.Самойловича на Украине Правобережной против татар П.Дорошенко. Князь Ромодановский, по словам польских комиссаров, сейчас «отпор дает не для их случения, но для того, чтоб Украйною овладеть вечно»²⁸.

Договориться сторонам так и не удалось, и польские представители первыми предложили отложить заключение мира до следующей комиссии $1678 \, {\rm r.}^{29}$

Вернувшись в Мигновичи, князья Одоевские с товарищами составили отписку царю. В ней говорилось, что скорее всего многочисленные трудности не позволят сторонам подписать Вечный мир, но польско-литовские представители поднимут вопрос «о продолжении лет перемирных для случения сил». На каких условиях царь позволит продлить перемирие с Речью Посполитой? На какой срок?

В ожидании ответа русские полномочные послы еще несколько раз встретились с польскими комиссарами, которые пытались убедить своих собеседников принять предложенные им условия. В свою очередь царские представители зачитали подробное объяснение, почему они этого сделать не могут. «Пашквиль» А.Ольшовского³⁰, полный оскорблений московского правящего дома, занял одно из первых мест в ряду причин, препятствующих принятию польских статей. Снова возник вопрос о том, какая из сторон первой нарушила статью о «случении сил», но на предложение польских комиссаров отставить в сторону разбирательства и перезаключить договор, русские дипломаты ответили однозначным отказом: «за нарушением с стороны королевского величества и

Речи Посполитой союзной статьи договор учинить о случении сил вновь ... невозможно»³¹. «Перед недавным времянем как турские и крымские войска пошли царского величества на ратных людей на Украину, а королевского величества корунные и литовские войска в то время за теми неприятелми в тыл не пошли и царского величества с войски для промыслу над неприятелми не случались, <...> а его королевского величества гетманы и генералы и ратные люди во время потреб где были, о том царского величества ратным людем и ведома не было»³². Более того, «с стороны королевского величества и Речи Посполитой разосланы были уневерсалы, чтоб его королевского величества ратные люди в то время не збирались, а которое было в собранье и пошли, и тех возвратить велели, радуючися о неприятелском походе на Московское государство» 33. Не менее весомым выглядит другой аргумент, который свидетельствует о том, насколько хорошо в России знали обо всем, происходящем в Польше, где, в частности, «ратные люди кто хощет на войну идет, а кто не хощет — дома пребывает, и как с такими случатца, которые и государю своему ... непослушны и к обороне отчизны своей ... ленивы»³⁴. Единственное, что могло изменить позицию царя, это принятие на сейме решения о совместном способе обороны, и «чтоб то постановленье было крепко и постоянно и впредь на обе стороны надежно и безопасно». Пока же такое постановление принято не будет, царские войска будут действовать на Украине и на Дону, защищая обе державы, но — самостоятельно³⁵. То есть, вопреки сложившемуся в польской историографии мнению о том, что царское правительство отказало в помощи своему западному соседу 36 , до-кументы свидетельствуют об обратном. Россия была готова оказать поддержку Речи Посполитой, но требовала определенных гарантий, поскольку за прошедшие годы Польша зарекомендовала себя как слабый и ненадежный союзник.

Поняв, что русские дипломаты в этом вопросе настроены решительно, польские комиссары стали угрожать заключением сепаратного мира с Турцией. О Вечном мире они говорить уже не желали, а переговоры о продлении перемирия соглашались начать только после согласия русской стороны на объединение войск без каких-либо оговорок. Для царя же важнее было сохранение мирных отношений с Речью По-

сполитой, а проблемы перемирия и союза его представители рассматривали как самостоятельные. Польско-литовские комиссары придерживались противоположной точки зрения: договор о продлении перемирия «учинить без случения сил не для чего»³⁷. Но предложенный поляками вариант союза был абсолютно неприемлем для России, так как среди его условий указывались следующие: царские войска должны против турок и татар совместно с польсколитовскими, и в случае крайней необходимости «вместо все (выделено мной. -K.И.) силы и пушки случать, и одна сторона другой, требующей, по-братски и живности, и пушек, и иных надобей воинских додавать своею казною, не требуя за то никакой нагороды» 38; кроме того, предполагалось, что царь возьмет на себя обязательство «казаков той стороны Днепра своими государскими ратми приводить в послушание к королевскому величеству»³⁹, отказавшись таким образом от каких-либо притязаний на Правобережную Украину. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже на следующий получения подобного предложения после лень Н.Одоевский с товарищами дали польским комиссарам ответ: такой договор «нам чинить с вами невозможно» 40. Но одновременно русские дипломаты указывали, что царские войска не собираются прекращать военных действий против «бусурман».

Осенью 1674 г. русские отряды напали на Азов, а запорожцы совершили набег под Перекоп. Последние разбили выставленный против них татарский заслон, освободили много пленных, взяли большую добычу и благополучно вернулись в Сечь⁴¹. На помощь татарам в Крым прибыл 15-тысячный отряд турецких янычар с приказанием хану объединенными силами уничтожить Запорожье. Но поход не удался. Когда турецко-татарское войско окружило Запорожскую Сечь, и янычары проникли на ее территорию, то они были расстреляны почти в упор быстро сориентировавшимися казаками, которые затем пошли врукопашную⁴².

В Посольском приказе считали, что в 1674 г. помощь Речи Посполитой была оказана значительная. То, что в Варшаве рассматривали как попытку захватить принадлежащую Польше часть Украины, в Москве объясняли совсем иначе: «если бы царского величества ратные люди такого воинского про-

мыслу над ним, Дорошенком, не учинили и городов тое стороны Днепра не повоевали... и ныне бы он, Дорошенко, был силен и в помочь к турским войскам в государство королевского величества пошел и разоренье чинил, и тем от царского величества учинена королевскому величеству полскому помочь немалая» 43. Как нам представляется, правы и те, и другие. Россия оказывала Польше помощь, но исключительно в рамках договора 1672 г., тогда как в Варшаве рассчитывали на большее, и, видя слабость союзника и непредсказуемость решений польского сейма, посчитала возможным одновременно достичь двух целей: ослабить Османскую империю и присоединить к России Правобережную Украину.

Тем временем на границе комиссары продолжали обмен письмами и встречи, но уже стало ясно, что переговоры зашли в тупик. Видимо, осознание этого факта и желание любыми способами изменить ситуацию в свою пользу заставляло польских представителей использовать весьма сомнительные аргументы. Например, на 10-й встрече 3 декабря, в очередной раз услышав отказ князя Н.Одоевского вернуть Киев Речи Посполитой, в частности, из-за многочисленных ошибок в написании царского титула и других обид, нанесенных царской семье, они объявили, что «бесчестье надобно менять на бесчестье ж, а не крепость удерживать» 44 и стали угрожать России войной. Но царские послы даже не восприняли эту угрозу всерьз: слишком опасным противником была Турция и слишком слабым государством Речь Посполитая, чтобы в Варшаве решились на войну с восточным соседом, не урегулировав отношения с султаном. Сведений же об ус*пехе* польских мирных инициатив не поступало⁴⁵.

На 11-й встрече, состоявшейся 12 декабря, царские представители передали противной стороне свой вариант разъезжего письма. Уже на следующий день им был прислан польский вариант, сильно отличавшийся от русского. Главным было то, что русские дипломаты хотели отложить до комиссии 1678 г. и вопрос о Вечном мире, и принятие решений по нарушенным статьям (царские титулы, союзный договор, принадлежность Киева), а польские комиссары откладывали до комиссии только заключение Вечного мира, все же остальные «трудности» предлагали решить уже во время первого обмена полномочными посольствами после коронации

нового польского короля Яна Собеского⁴⁶. Польская сторона не теряла надежды добиться от России согласия на «случение сил» и возвращение Киева, о котором на Украине говорили: в чьих руках город, тот и владеет всей Малороссией.

Алексей Михайлович дал русским послам указание пойти на уступки польским комиссарам. В Москве не желали разрыва мирных отношений с Речью Посполитой, и хотя и стремились к заключению Вечного мира, но не очень торопились. До истечения срока перемирия было еще довольно далеко, а ситуация, в которой оказалось Польско-Литовское государство, давала основания надеяться, что в случае удачного развития событий на Украине условия мира между государствами можно будет значительно изменить в пользу России.

31 декабря 1674 г. состоялась последняя, 13-я, встреча сторон, на которой был наконец согласован окончательный вариант разъезжего письма. Заключение Вечного мира откладывалось до комиссии 1678 г., которая должна была состояться при участии посредников, а все остальные «трудности» — до первого обмена посольствами между Москвой и Варшавой⁴⁷. Уже через два дня после подписания этого документа русское посольство покинуло Мигновичи.

В дальнейшем события развивались не так, как рассчитывали в Москве. Осенью 1676 г. П.Дорошенко был вынужден присягнуть на верность русскому царю и казалось, что присоединение Украины к России завершено. Но через несколько дней Речь Посполитая подписала перемирие с Османской империей и вся мощь турецко-татарского войска обратилась против России, поскольку Правобережную Украину султан давно считал своим владением.

Из-за русско-турецкой войны комиссия 1678 г. не состоялась. Вместо этого летом в Москву прибыло великое и полномочное посольство Речи Посполитой. В результате переговоров перемирие между Русским и Польско-Литовским государствами было продлено еще на 13 лет⁴⁸.

Последняя комиссия в Андрусово состоялась только в 1684 г. К этому моменту война между Россией и Османской империей закончилась подписанием Бахчисарайского перемирия. Удержать Правобережную Украину Россия не смогла, но столкновение с Турцией укрепило положение страны на международной арене, чего не произошло с Речью Посполи-

той, которая утратила в войне с Турцией не только значительные территории, но и экономическую стабильность, и политический вес. Пытаясь вернуть утраченное, Польша в 1683 г. вступила в новую войну с султаном в союзе с Австрийской империей и была сильно обеспокоена слухами о русско-турецком сближении, в частности, о том, что турки готовы отдать царю Чигирин, лишь бы Россия вступила в войну с Речью Посполитой⁴⁹, поскольку Польша очень рассчитывала видеть Россию своим союзником. Но царские дипломаты заняли твердую позицию: они требовали заключения вечного мира на основании статей Андрусовского перемирия, и только потом соглашались обсудить условия русско-польского союза. Польско-литовские же комиссары настаивали на подписании союзного договора, а вопрос о вечном мире считали возможным отложить до окончания войны с Турцией. Более того, польские дипломаты снова пытались настаивать на возвращении Киева, но им было отвечено, что Киев взят у турецкого султана по Бахчисарайскому договору, и король не вправе требовать его возвращения, а даже если бы и мог, то город вс равно остался бы за Россией как возмещение «за те обиды и насильства, которые поляки причинили русским»⁵⁰.

В очередной раз так и не найдя компромиссного решения, послы решили разъехаться, предварительно согласовав разъезжую запись. Они констатировали тот факт, что спорные и нарушенные статьи предшествующих договоров «за многими заходящими трудностями на нынешних наших общих комисарских съездех успокоения своего и удоволствования приняти не могли», поэтому «о вечном покое докончания обои мы не одержали»⁵¹. Решение всех вопросов откладывалось до очередной комиссии в июне 1691 г.

Эта комиссия так никогда и не состоялась. Под давлением обстоятельств (военные неудачи 1684-1685 гг., обострение отношений с Австрией, внутренние проблемы) Речь Посполитая в 1686 г. пошла на заключение Вечного мира с Россией, которая по новому договору закрепляла за собой не только Левобережную Украину, Смоленск и Северские земли, но также Киев и Запорожье⁵². Требование, которое прошло красной нитью через все переговоры русских дипломатов с польско-литовскими, было наконец удовлетворено.

Спустя 20 лет договор 1686 г. закрепил за Россией территории, завоеванные ею еще в середине столетия, и урегулировал русско-польские отношения, развязав Русскому государству руки для борьбы с Османской империей.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 656-669. (Далее ПСЗ).

² ПСЗ. Т. 1. С. 727-734.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 123. Статейный список полномочных послов боярина Нащокина, дворянина Ивана Желябужского и дьяка Горохова, бывших на съезде.

^{4 «}Выгнанцы» — подданные Речи Посполитой, чьи земельные владения находились на уступленных России по Андрусовскому перемирию территориях.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 123. Л. 270-271 об.

⁶ ПСЗ. Т. 1. С. 830-833.

⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 496-497.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 167: Отправление и наказ полномочным российским послам князю Н.Одоевскому, князю Ю.Одоевскому и другим, посланным на съезд в Андрусово для заключения вечного мира между Россией и Речью Посполитой.

⁹ Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1916.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 168: Статейный список бывших на съезде в Андрусово полномочных российских послов. Л. 502 об.

¹¹ Там же. Л. 56 об.

¹² Там же. Л. 86.

¹³ Там же. Л. 122.

¹⁴ Там же. 167. Л. 155 об.-158 об.

¹⁵ Там же. 168. Л. 132-139: Польские статьи, переданные русским послам на 2-м съезде.

¹⁶ Там же. Л. 143-199: Ответ русских комиссаров на польские статьи.

¹⁷ Там же. Л. 143.

¹⁸ Там же. Л. 151-152 об.

¹⁹ Там же. Л. 152 об. По многократным упоминаниям русской стороны подобная информация получена от И.Комара. (Подобная ссылка есть, например, в описании бытности в Москве С.К.Чихровского: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 180. Л. 153).

²⁰ Соловьев С.М. Соч. Кн. 6. С. 496.

²¹ Там же.

²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 168. Л. 165: Из ответа русских послов.

²³ Там же. Л. 173-174.

²⁴ Там же. Л. 189 об.

²⁵ Там же. Л. 230 об.

²⁶ Там же. Л. 236.

- ²⁷ Там же. Л. 237.
- ²⁸ Там же. Л. 241 об.
- ²⁹ Там же. Л. 246.
- ³⁰ *A.O.Ольшовский*. Censura candidatorum... sceptri polonici. В m. r. Цит. по: *Wojcik Ib*. Migdzy traktatem andruszowskim a wojna turecka. Stosunki polsko-rosyjskie 1667-1672. Warszawa, 1968. S. 148, 285.
- 31 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 168. Л. 279.
- 32 Там же. Л. 285 об., 329 об.
- ³³ Там же. Л. 329 об.
- 34 Там же. Л. 285 об.
- 35 Там же. Л. 286-286 об.
- Wyjcik Z. Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej poiowy XVII w. (1648-1699) // Historia diplomacji polskiej. T. 2. Warszawa, 1982; Wolinski J. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983.
- 37 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 168. Л. 327 об.
- 38 Там же. Л. 383-385 об.: Из письма польских комиссаров от 27 ноября 1674 г.
- ³⁹ Там же. Л. 331 об.: Из письма с польским вариантом «случения сил», которое было привезено на посольский стан в Мигновичи 4 ноября 1674 г.
- ⁴⁰ Там же. Л. 388: Ответ русских послов от 28.11.1674.
- ⁴¹ *Андреев А.Р.* История Крыма: Краткое описание истории Крымского полуострова. М., 1997. С. 151.
- 42 Там же. С. 151-152.
- 43 Из ответа русских дипломатов цесарским послам 22.09.1675, см.: ПДС. Т. 5. Стб. 257.
- 44 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 168. Л. 416, 421 об.
- 45 В 1674 г. чашник подольский Ян Карвовский был отправлен Собеским к крымскому хану с просьбой о посредничестве в польско-турецких переговорах. Это отвечало интересам Селим-Гирея, поскольку тактикой татар на Правобережной Украине стало недопущение превалирования какого-либо государства на этих территориях. Но предложенные Польше условия (выплата султану дани, передача Турции Украины и Подолья с Каменцем) не могли устроить короля, см.: Wolinski J. Z dziejyw wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 130-132.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф.79. Оп. 1. № 168. Л. 311-317, 454-457: Разъезжие письма. Русский и польский варианты.
- ⁴⁷ Там же. Л. 498-502 об.: Разъезжее письмо от 31.12.1674.
- ⁴⁸ ПСЗ. Т. 2. С. 168-175.
- ⁴⁹ Письмо Гжимултовского к Б.Сапеге от 23.12.1683. См.: Listy Grzymuitowskogo Krzysztofa, wojewody poznacskiego. В.т. i г. S. 8-9.
- 50 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 214: Статейный список полномочных послов бояр князя Якова Одоевского, Бутурлина, князя Ромодановского с товарищи, бывших на съезде в Андрусово с польскими послами. Л. 142-142 об.
- 51 Там же. Оп. 3. № 135: Разъезжая запись от 3(13).03.1684. Л. 2 об.
- ⁵² ПСЗ. Т. 2. С. 770-786.

БОЯРСКИЕ СПИСКИ КОНЦА XVII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«перед лицом необъятной и хаотической действительности историк всегда вынужден наметить участок, пригодный для приложения его орудий; затем он должен в нем сделать выбор, который, очевидно, не будет совпадать с выбором биолога, а будет именно выбором историка»¹.

В силу определенных причин многочисленные делопроизводственные документы Разрядного приказа, содержащие в себе достаточно ценные сведения по истории нашей страны. до сих пор не были введены в научный оборот. К таким документам мы можем смело отнести комплекс боярских списков за 1667-1713 гг. Следует отметить, что приказная система центрального управления Московского государства следована в отечественной историографии не полностью. Особенно это касается трех главных и самых крупных приказов того времени, а именно Посольского, Разрядного и Поместного. На сегодняшний день из трх важнейших приказов Московского государства исследованы только Посольские книги и делопроизводство Посольского приказа². Касаясь историографии Разрядного приказа, нельзя не заметить того факта, что имеющиеся о нем работы очень фрагментарны и большей частью рассматривают деятельность отдельных столов приказа³. Из исследований, посвященных непосредственно системе центрального управления, следует выделить работы И.И.Вернера, А.К.Леонтьева, Н.П.Лихачва⁴. ной же особенностью историографии Разряда является то, что практически отсутствуют фундаментальные труды по данной теме, и то, что сведения об этом приказе разбросаны по многочисленным монографиям, которые посвящены приказной системе в целом или вообще относятся к периоду Московского государства.

Делопроизводство Разрядного приказа в XVI-XVII веках выражалось в целом ряде документов. В Разряде велись книги разрядные, книги боярские, боярские и жилецкие списки, десятни⁵ В нем же хранился и «Государев родословец»⁶. Составление официальных разрядных записей о слу-

жебных назначениях (и прежде всего полковых разрядов) является неоспоримым фактом для конца XV века (разряд похода московских войск на Новгород в 1477-1478 годах)7. Делопроизводство и документы Разрядного приказа исследованы крайне слабо. Следует выделить работы В.И.Буганова о разрядных книгах, М.Е.Бычковой о родословных книгах, М.П.Лукичева о боярских книгах, О.В.Новохатко о записных книгах Московского стола, А.Л.Станиславского о боярских списках8. Однако исследования А.Л.Станиславского завершаются 30-ми годами XVII века. Именно этот факт и заставил нас обратить пристальное внимание на документы Разряда, в частности, на боярские списки 1667-1713 гг. Этот блок документов, как уже говорилось ранее, до сих пор не введен в научный оборот, хотя содержит в себе массу ценной информации по истории личного состава Государева Двора конца XVII века.

Главная задача данной статьи заключается в том, чтобы дать наиболее общее описание и краткую характеристику исследуемого массива источников с целью выявления его особенностей и исторической ценности. Сразу же хотелось бы оговориться, что все выводы будут сделаны на основании первых 23 документов по описи.

Для начала хотелось бы дать определение тому виду документов, который мы собираемся исследовать. В томе I «Путеводителя» по ЦГАДА дается краткое описание боярских списков — это «списки и росписи: служилых людей, думных и московских чинов (составлялись на текущий год и по особым обстоятельствам), в том числе список московских чинов (с указанием количества крестьянских дворов); начальных людей в полках, подьячих разных приказов, воевод и приказных людей городов, подчиннных Разряду; служилых людей, обязанных поставлять струги для Азовского похода, - по Брянску, Воротынску, Козельску, Лихвину, Мещовску и Перемышлю (с указанием поместий и вотчин); московских чинов и жильцов, вызванных на смотры, назначенных в полки, бывших в Азовских походах и на Северной войне, служивших в Москве, Петербурге и других городах»⁹. Попытаемся дать свое определение объекта исследования: боярские списки — это делопроизводственные документы Разрядного приказа, составлявшиеся каждый год (от одного до нескольких экземпляров), содержащие в себе сведения о членах Государева Двора от думных чинов до дьяков по приказам 10 .

Исследовавший боярские списки за более ранний период, А.Л.Станиславский предложил свою классификацию данного вида источников. Первый вид – это «подлинные» боярские списки. Они не имели такого местнического значения, как разрядные книги, и не фигурировали обычно в местнических спорах (исключением является лишь перечень дьяков, писавшихся строго в порядке реального служебного старшинства). Источниками «подлинных» списков выступают: предыдущие боярские списки; царские указы, фиксировавшиеся в разрядном приказе; указы о пожалованиях, отраженные в дьячьих пометах на челобитных служилых людей; другой блок источников – воеводские и дьячьи отписки из городов и т.д. Сменяемостью дворовых людей в Москве в результате чередования «половин» и провинциальных назначений было вызвано появление «наличных» боярских списков, основная цель которых состояла в учете состава дворовых, находившихся на столичной службе. В этих списках Государев Двор помимо чинов делился и на части, соответствующие местонахождению дворовых¹¹. В 20-х годах XVII в. эти списки также составлялись ежегодно, и изредка — несколько раз в год. Они составлялись одновременно и не одновременно с «поллинными». «Наличные» списки являются несколько видоизмененными «подлинными» списками – они содержат почти полный (кроме опальных голов стрелецких и некоторых иноземцев), но по иному организованный перечень членов Двора. Источниками для них выступают: текущие «подлинные» списки и предшествующие «наличные» списки. «Отпускная» часть предыдущего «наличного» списка ложилась обычно в основу «московской» части последующего, а «московская» часть в основу «отпускной», иногда случалось и наоборот. «Наличные» боярские списки 20-х гг. XVII в. могли неоднократно переписываться, то есть уточняться. Например, за 7136 (1627/1628) год по описи 1668 г. существовало три таких списка: с сентября, с ноября и с июня; также три списка и за 7137 (1628/1629) год: с сентября, с марта и с мая¹². Третьим видом являются «промежуточные» боярские списки, которые в свою очередь делятся на две части: 1 — дворовые свободные от немосковских служб и 2 —

«по службам» — занятие различными службами вне столицы. В первую часть обычно входит «московская» и «отпускная» части «наличного» боярского списка. Эта классификация подходит и для боярских списков 1667-1713 годов. Общее количество исследуемых боярских списков по описи равняется 60. Полный их список опубликован в томе IX Описания Документов и Бумаг МАМЮ (М., 1894). Хранятся они в РГАДА, в фонде за 210, который носит название «Разрядный приказ»¹³. В них содержится информация о составе Государева Двора конца XVII – начала XVIII в. Сразу же следует оговориться, что мы имеем дело с сохранившимся массивом документов, а не с тем, что было изначально. Именно с 1667 г. боярские списки стали составляться не в столбцах, а в книгах, что было связано с многократным увеличением численности московских чинов к концу XVII в. и соответствующим ростом объема этих делопроизводственных документов. Нами были рассмотрены первые 23 документа по описи 14 . Следует заметить, что документы за 13, 15, 16, 21 содержат в себе по 2 списка, а документ за 14 сразу 3, с общей нумерацией. Таким образом, мы рассмотрели не 20, а 29 разных списков, из которых 18 являются «подлинными» 15, 8 -«наличными» 16 и 3 -исключениями 17 . Чтобы было понятно, из какого документа взят список, мы обозначили их как БС 13(1); БС 14(3), где БС - это боярский список; 13 и 14 - номера документов по описи, а (2) и (3) номера списков непосредственно в документах.

Однако, П.В.Седов считает, что в это время появляются новые типы боярских списков. К ним он относит документы за 7, 18¹⁸. Информация, заключенная в БС 7, не поддается никакой систематизации. Можно только понять, что речь идет о комнатных стольниках, стольниках, стряпчих и московских дворянах. Выделить четкую структуру списка крайне сложно, так как сведения о чинах перемешаны (чего не наблюдается в других списках) и не подчинены, как нам представляется, какой-то внутренней логике. Начиная с лл. 10, структура БС за 18 принципиально иная по сравнению с «подлинными» боярскими списками. Так, стольники даны не общим перечнем, а разделены на 18 статей: «стольники походные летние», «стольники походные зимние», «на Москве по приказам и у дел», «в городах и у засек

в воеводах», «в писцах», «а затем в остатке»; чин стряпчего содержит в себе 8 статей, московских дворян – 1119. Таким образом, по мнению ученого, БС 18 «состоит из двух частей: обычного "подлинного" списка думных и ближних людей и списка прочих московских чинов без заглавия, который, можно условно назвать, разборным»²⁰. Появление этого нового типа боярских списков автор связывает с необходимостью систематизации служб тысяч московских чинов. Также нельзя отнести ни к одному из трех предложенных А.Л.Станиславским типов боярских списков БС 20, в котором речь идет о смотре 7189 (1680/1681) г. Эти три списка действительно отличаются от других даже названиями. Если «стандартное» название боярского списка звучит следующим образом: «Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго», то БС 7: «Список стольников и стряпчих и дворян московских нынешняго 178-го (1669/70) году»; БС 18: «Список бояр и окольничих и думных и ближних людей нынешняго 7189 (1680/1681) года "подлинной"»; БС 20: «Список Боярской "подлинной" 189 (1680/1681) году смотру и что за кем и в которых городех крестьянских дворов». Кажется, действительно речь идет о новом виде боярских списков, но, скорее всего, это не так. Обратимся к описи архива Разрядного приказа 1668 г. На лл. 1-17 там перечислены боярские списки за 7134 (1625/1626)-7176 (1667/1668) гг.²¹ Сравним названия: «Список стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков»; «Список стольников и стряпчих розборной»; «Список стольников и стряпчих что за кем по дачам крестьянских и бобыльских дворов»...²² Исходя из этого сравнения, можно сделать предварительный вывод о том, что эти виды боярских списков существовали и ранее. Таким образом, наша классификация будет выглядеть следующим образом:

- 1) «подлинные» боярские списки;
- 2) «наличные» боярские списки;
- 3) списки-исключения.

Мы приняли название «исключение», потому что сведения, заключенные в этих списках, сильно разнятся как между собой, так и с первыми двумя видами. Тем самым, списки, вошедшие в третью группу, не имеют между собой ни-

чего общего и каждый из них должен рассматриваться отдельно, так как имеет множество особенностей.

Теперь перейдем к вопросу о репрезентативности боярских списков. Уже А.Л.Станиславский заметил возникавшие «иногда механические ошибки», «сравнительно немногочисленные ошибки в именах, ошибочные сведения в пометах о службах» и т. д., которые «исправлялись и уточнялись в тех же или последующих боярских списках после дополнительной проверки». По мнению исследователя, «сама техника составления постоянно действующих "подлинных" боярских списков и официальный характер используемых ими источников гарантирует полноту и достоверность этих важнейших документов Разряда»²³. П.В.Седов в своей статье придерживается несколько иного мнения: «боярские списки и боярские книги второй половины XVII в. содержат больше описок и неточностей, чем аналогичные документы конца XVI начала XVII вв. При статистическом изучении состава Госутакие погрешности составляют менее дарева Двора 1% численности московских чинов и существенно не влияют на количественные подсчеты. При персональном изучении Государева Двора, напротив, неточности в именах и времени пожалования в чин или смерти могут иметь решающее значение. Они [боярские списки] были подвержены влиянию политической конъюнктуры, существенно искажавшей подлинную информацию о составе московских чинов. Боярские списки и боярские книги, как и вообще документы средневековья, не являются статистическими документами в современном смысле слова, точность их сведений требует дополнительной проверки»²⁴. Автор приводит следующие виды ошибок, характерных в целом для боярских списков: 1 списки не всегда соответствовали в точности чиновной структуре Государева Двора; 2 — наличие «мертвых душ»; 3 два варианта записи сведений о времени пожалования: либо подлинная дата пожалования, либо время записи в чин; 4 подверженность политической конъюнктуре, имеется в виду дело Хованских 1682 года²⁵. Нам представляются эти выводы ученого несколько резковатыми и тенденциозными, навеянными современными представлениями о делопроизводственной практике. Несмотря на наличие относительно небольшого числа ошибок, мы осмелимся утверждать, что это

одни из самых точных и достоверных источников того времени. Во-первых, эти документы составлялись каждый гол. а иногда и по несколько раз за год; поэтому как-то нелогично считать их недостоверными. Какой тогда в них был смысл. Кроме того, перед нами делопроизводственные документы, которые писались по определенному клише²⁶. Во-вторых, давайте посмотрим на Государев двор XVII в. Мы видим многократное увеличение численности Московских чинов²⁷. На это накладывались значительные размеры государства, плюс постоянные присоединения, войны, восстания и другие события, которые увеличивали «миграционные» процессы служащих Государева двора и, тем самым, затрудняли получение достоверной информации и заставляли служащих приказа совершать «вынужденные» ошибки²⁸. В-третьих, надо учитывать человеческий фактор. Документы составлялись людьми, а им по своей природе в силу определенных причин свойственно ошибаться. К тому же мы видим, что сведения в списках достаточно часто исправлялись²⁹, что свидетельствует о том, что за их достоверностью постоянно следили, а не оставались равнодушными к ошибкам. В-четвертых, окончательный вывод о репрезентативности боярских списков можно будет сделать лишь после проведения систематизации всей имеющейся в них информации и последующего за этим сравнения с другими документами, содержащими идентичные сведения. Однако уже сейчас не вызывает сомнения утверждение П.В.Седова о том, что «применительно к думным чинам и стольникам точность сведений относительно высокая Иную картину наблюдаем для более низких московских чинов» 30

Известно, что все сохранившиеся боярские списки были переплетены в XIX в. Видимо, тогда были нарушены не только последовательность листов внутри некоторых списков³¹, но и сами списки были переставлены местами. Это списки за 18 (1680/1681 гг.) и 19 (1680/1681 гг.), а также за 21(2) (1682/1683 гг.) и 22 (1682/1683 гг.). В доказательство своего предположения приведем следующие факты. При рассмотрении списка бояр из 18 и 19 выяснилось, что в БС 18 указано 44 человека, а в БС 19 — 45. При более детальном сравнении мы обнаружили, что в БС 19 под порядковым 40 указан Заборовский Семен Иванович, а в

БС 18 его уже нет. Также в БС 19 имеются данные о его смерти³². Далее в БС 18 кравчий Куракин Иван Григорьевич записан перед окольничими, т.е. сразу же после бояр, а сведения об этом распоряжении мы находим в БС 19³³. Касаясь другой пары списков, можно отметить следующее, что в БС 22 под порядковым 9 при перечислении бояр указан Ромодановский Юрий Иванович и данные о его смерти³⁴; а в БС 21(2) его просто нет. Далее хотелось бы отметить еще один интересный факт: в БС 21(2) и 22 продублированы 3 пожалования — два в чин окольничего и одно в чин думного дворянина³⁵, чего ранее не встречалось.

Теперь перейдем к вопросу о содержании боярских списков. Нами была предпринята попытка систематизации всей информации, находящейся в данном источнике. Первое, что удалось выяснить, что «подлинные» списки гораздо информативнее «наличных». Это касается количества помет. указания пожалований и вообще всего содержания списков. Рассмотрим эти отличия несколько подробнее. По своему объему (количеству листов) «подлинные» боярские списки значительно превосходят «наличные». Приведем примеры: БС 1 «п» 36 — 7176 (1667/1668) — 117 листов, а в БС 2 «н» — 1 сентября 7177 (1668) — 45; в БС 3 — 7177 (1668/1669) — 117, а в БС 4 – 1 июля 7177 (1669) – 92; в БС 5 – 7178 (1669/1670) — 109, а в БС 6 — 7178 (1669/1670) — 95; в БС 8 — 7179(1670/1671) - 130, a B BC 9 - 7179(1670/1671) - 100; B БС 13(1) — 7183 (1674/1675) — 205, а в БС 13(2) — 7183 (1674/1675) — 138; в БС 14(2) — 7185 (1676/1677) — 247, а в БС 14(3) — 7185 (1676/1677) — 88; в БС 15(1) — 7186 (1677/1678) - 259, а в БС 15(2) - 30 октября 7186 (1677) -79; B BC 16(1) - 7187 (1678/1679) - 260, a B BC 16(2) -1 сентября 7187 (1678) — 122 листа. Тем самым, можно заметить, что «подлинные» списки больше в 1,14 - 3,28 раза «наличных». Разница в количестве помет еще более значительна. Мы подсчитали пометы в чине боярина по 23 спискам и получили следующие результаты: в «подлинных» -216 помет, а в «наличных» - всего 12. Это можно объяснить самим характером информации «наличных» боярских списков. Эти люди были при Государеве дворе в Москве «налицо», и тем самым не было никакой необходимости помечать их местоположение, состояние и т.д. Что же касается

различий в сведениях о пожалованиях, то следует отметить одну интересную деталь: «наличные» боярские списки вообще не содержат в себе данных о пожаловании в думные чины. Это видно из таблицы, приведенной в конце статьи.

Попытаемся создать некое общее содержание, характерное для каждого списка в частности. Структура любого (кроме списков-исключений) боярского списка выглядит следующим образом 37 .

- 1. Список бояр с пожалованиями или без таковых.
- 2. Список окольничих с пожалованиями или без таковых.
- 3. Список думных дворян с пожалованиями или без таковых.
- 4. Список думных дьяков с пожалованиями или без таковых.
- 5. Другие чины: кравчий, печатник, московский ловчий, ясельничий, стряпчий с ключом, постельничий, укладничий 38
- 6. Список комнатных стольников с пожалованиями или без таковых.
 - 7. Список стольников с пожалованиями или без таковых.
 - 8. Список стряпчих с пожалованиями или без таковых.
- 9. Московский список дворян с пожалованиями или без таковых.
- 10. Иноземцы, служащие с московскими дворянами с пожалованиями или без таковых.
 - 11. «Стары», «больны», «отставные».
- 12. Список дьяков по приказам или без указания на приказ, иногда с пожалованиями.

Проведенная систематизация показывает, что именно с БС 12 (1673/74 — 1674/75 гг.) начинается расширение содержания списков внутри основной структуры. Появляются следующие категории внутри чинов — это «стольники в полковниках и в головах и в начальных людех»; стольники великой княгини; «стряпчие в головах и в полуголовах и в начальных людех и в рейтарех»; «по московскому списку написаны из городов а на государеве службе велено им быть в полкех с теми городами ис которых они написаны». С БС 19 (1680/1681 гг.) происходит дальнейшее расширение информации. Так, например, информация о стольниках приобретает вот такой вид: список стольников; пожалования в

стольники; «стары» и «больны»; «отставные»; «стольники в полковниках и в начальных людях»; генерал и генералпоручик. Затем происходит разделение на разряды и в пожалованиях по чинам: начинают жаловать в стольники за переход в православие из касимовских городов, из мурз, из татар; жалуют из смоленской шляхты³⁹. Эти же процессы касаются и стряпчих, и дворян по московскому списку. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что с течением времени происходит расширение содержания и соответственно информативности боярских списков при неизменной внутренней структуре этих делопроизводственных документов. Однако эти процессы касаются только «подлинных» боярских списков. Внутренняя структура «наличных» остается практически неизменной. Изменения, если и происходят, то касаются не всей категории «наличных» списков, а только одного конкретного списка. Например, в БС 13(2) за (1674/1675) г. мы находим информацию о «старых и больных» стольниках, стряпчих и московских дворянах; в БС 16(2) от 1 сентября 7187 (1678) г. имеются сведения о пожалованиях в те же чины⁴⁰, но эта информация не переходит в другие более поздние «наличные» списки. Следует отметить следующий факт, что при изменении внутренней структуры документа сами виды списков остаются прежними: «подлинными», «наличными» и исключениями. Мы не можем говорить о появлении новых, так как не происходит коренных изменений в содержании информации, заложенной в этих документах, она просто становится более подробной, но касается тех же чинов Государева двора.

В связи с расширением внутренней подструктуры списков, происходит увеличение объема самих документов. Мы можем проследить этот процесс на примере количества листов в «подлинных» боярских списках. В БС 1-7176~(1667/1668)-117 листов; в БС 3-7177~(1668/1669)-117; в БС 5-7178~(1669/1670)-109; в БС 8-7179(1670/1671)-130; в БС 10-7180(1671/1672)-133; в БС 11-7181~(1672/1673)-132; в БС 12-7182-7183~(1673/1674-1674/1675)-138; в БС 13(1)-7183~(1674/1675)-205; в БС 14(1)-7184~(1675/1676)-222; в БС 14(2)-7185~(1676/1677)-247; в БС 15(1)-7186~(1677/1678)-259; в БС 16(1)-7187~(1678/1679)-260; в БС 17-7188~(1679/1680)-276; в БС 19-7189~(1680/1681)-

298; в БС 21(1) — 7190 (1681/1682) — 308; в БС 22 — 7191 (1682/1683) — 345; в БС 21(2) — 7191 (1682/1683) — 467; в БС 23 — 7192 (1683/1684) — 464 листа. Таким образом, за 17 лет (с 1667 по 1684 г.) объем боярских списков вырос более чем в три раза.

В ходе исследования нами был обнаружен интересный факт: «наличный» боярский список от 1 сентября 7187 (1678) г. является последним в изучаемом массиве. После него идут только «подлинные» боярские списки и исключения. С чем связано данное обстоятельство, сказать трудно. Возможно, резкое увеличение численности Государева двора повлекло за собой, в связи с разнообразными событиями, скачок «миграции» служащих, который и не позволил точно и достоверно фиксировать все их перемещения. Таким образом, «наличные» списки оказались просто ненужными, так как изменения в столичной службе стали происходить чуть ли не каждый месяц, а то и неделю. Ко всему этому стоит привлечь огромную территорию страны, архаичный способ передачи информации, войны, восстания

Теперь переходим к непосредственной работе со списками. Нами были проанализированы пожалования в думные чины: боярина, окольничего и думного дворянина по первым 23 документам. Мы получили следующие результаты:

1. Всего в бояре было пожаловано 68 человек:

Из окольничих — 33 человека — 48,5%; из комнатных стольников — 8-11,8%; из стольников — 21-30,9%; из кравчих — 2-3%; из дворян — 2-3%; из стряпчих с путем — 1-1,4%; неизвестных $^{41}-1-1,4\%$.

2. Всего в окольничие было пожаловано 69 человек:

Из думных дворян — 27 человек — 39,1%; из комнатных стольников — 6-9%; из стольников — 28-40,6%; из дворян — 2-2,9%; из казначеев — 3-4,3%; из постельничих думных — 1-1,4%; неизвестные — 2-2,9%.

3. Всего в думные дворяне было пожаловано 65 человек:

Из стольников — 44 человека — 67,7%; из комнатных стольников 3 — 4,6%; из дворян — 5 — 7,7%; из думных дьяков — 3 — 4,6%; из печатников — 1 — 1,5%; из генералов — 1 — 1,5%; из постельничих — 1 — 1,5%; неизвестные — 8 — 12, 3%.

4. Всего было произведено 202 пожалования; из окольничих -33 человека -16.3%; из думных дворян -27-13.6%;

из комнатных стольников -17 - 8.4%; из стольников -93 -46%; из остальных — 21 - 10,4%; неизвестных — 11 - 5,4%. Из этих данных видно, что в думные чины чаще всего жаловали из стольников, причем пожаловать могли сразу в боярина, минуя чины думного дворянина и окольничего⁴². Вообще жаловались в думные чины преимущественно «по отечеству», в отличие от московских. В зависимости от знатности рода служилый человек мог быть пожалован в боярство сразу из московских дворян. Мы обнаружили пока два таких пожалования: это Ромодановский Федор Григорьевич пожалован 7 марта 1677 г. и Салтыков Федор Петрович, пожалованный 10 апреля 1684 г. 43 Пожалования обычно записывались после окончания перечисления чинов. Их венчала следующая шапка: «В нынешнем во году великий государь царь и великий князь Всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец пожаловал в » Далее следовала ная, с точным указанием числа и из какого чина жалуют, запись. После смерти Федора Алексеевича запись о пожалованиях приобретает следующий вид: «В нынешнем во ...году великие государи пожаловали в ...», остальное остается без изменений. Обратимся к данным записных книг Московского стола. В них записи о пожалованиях в думные чины выглядят несколько иначе. Они включают в себя два пункта: из какого чина произведено пожалование и кто объявлял его⁴⁴. Таким образом, мы можем сравнить эти записи и дополнить их. Далее мы можем сделать вывод о том, что данные записных книг подтверждают некоторые данные боярских списков. Например, О.В.Новохатко пишет, что в чин думного дворянина чаще всего жаловали из стольников⁴⁵, и действительно по материалам боярских списков оказывается. что из стольников было пожаловано 67.7% всех начений» в этот чин. Кроме того, мы можем с помощью пожалований проследить весь карьерный рост того или иного интересующего нас человека. Например, 16 апреля 1676 г. Бутурлин Иван Васильевич был пожалован из комнатных стольников в окольничие, а 9 мая того же года стал боярином⁴⁶; 27 ноября 1670 г. Матвеев Артамон Сергеевич был пожалован из стольников в думные дворяне, 30 мая 1672 г. пожалован в окольничие, 8 октября 1674 г. стал боярином, а 17 мая 1677 г. велено писать его по московскому списку⁴⁷; 30 апреля 1676 г. Кондырев Иван Тимофеевич был пожалован из стольников в думные дворяне, 8 июня 1677 г. стал окольничим, 27 июня 1682 г. был пожалован боярским чином, а в 7197 (1688/1689) г. скончался⁴⁸. В среднем количество пожалований в думные чины не превышало 10 — 11 в течение одного года. Исключениями являются БС 14(1), БС 14(2), БС 21(1), и БС 22, в которых мы находим 32, 26, 56 и 22 пожалований соответственно. Такое количество пожалований приходится на 1675-1676 гг. — время смерти Алексея Михайловича и вхождение на престол Федора Алексеевича, и на 1681/1682-1682/1683 гг. — время смерти Федора Алексеевича и «коронования» Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича.

На основании всего вышеперечисленного можно сделать вывод: боярские списки представляют собой уникальный источник по персональному составу Государева двора, содержат в себе массу полезной и ценной информации по истории России конца XVII в., отличаются относительно высокой репрезентативностью и до сих пор не были введены в научный оборот, хотя иногда активно использовались⁴⁹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Количество пожалований по боярским спискам за 1667-1684 гг.

списка	Дата	Бояре	Околь- ничие	Д. Дворяне	Всего
1 «подлинной»	7176	0	0	0	0
3 «подлинной»	(1667/1668) 7177 (1668/1669)	0	1	2	3
5 «подлинной»	7178 (1669/1670)	0	1	1	2
8 «подлинной»	7179 (1670/1671)	4	0	6	10
10 «подлинной»	7180 (1671/1672)	0	2	3	5
11 «подлинной»	7181 (1672/1673)	3	0	1	4
12 «подлинной»	7182 - 7183 (1673/1674	1	3	0	4
	1674/1675)				

списка	Дата	Бояре	Околь- ничие	Д. Дворяне	Всего
13(1) «подлинной»	7183 (1674/1675)	0	0	0	0
14(1) «подлинной»	7184 (1675/1676)	14	8	10	32
14(2) «подлинной»	7185 (1676/1677)	6	15	5	26
15(1) «подлинной»	7186 (1677/1678)	2	3	1	6
16(1) «подлинной»	7187 (1678/1679)	1	0	0	1
17 «подлинной»	7188 (1679/1680)	2	1	3	6
19 «подлинной»	7189 (1680/1681)	4	2	2	8
18 «подлинной»	7189	0	1	1	2
21(1) «подлинной»	(1680/1681) 7190 (1681/1682)	25	15	16	56
22 «подлинной»	7191	4	13	5	22
21(2) «подлинной»	(1682/1683) 7191 (1682/1683)	0	3	4	7
23 «подлинной»	(1682/1683) 7192	2	3	6	11
	(1683/1684) Bcero:	68	71-2*	66-1**	205-3
2 «наличный»	Сентябрь	0	0	0	0
4 «наличный»	7177 (1668) 7177	0	0	0	0
6 «наличный»	(1668/1669) 7178	0	0	0	0
9 «наличный»	(1669/1670) 7179	0	0	0	0
у «паличный»	(1670/1671)		U	· ·	
13(2) «наличный»	7183 (1674/1675)	0	0	0	0
14(3) «наличный»	7185	0	0	0	0
15(2) «наличный»	(1676/1677) 30.10. 7186	0	0	0	0
16(2) «наличный»	(1677) 1.09. 7187	0	0	0	0
то(2) «паличный»	(1678)		U	U	
	Bcero:	0	0	0	0

^{*} Пожалования в окольничие Никиты Ивановича Приимкова-Ростовского и Семена Юрьевича Звенигородского указаны в двух списках одновременно: в БС 21(2) и БС 22.

** Пожалование в думные дворяне Степана Богдановича Ловчикова указано в двух списках одновременно: в БС 21(2) и БС 22.

Список источников

- БС 1. Ф. 210. Оп. 2. (Боярские списки). Д. 1. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 176-го (1667/68) году «подлинной».
- 2. БС 2. Ф. 210. Оп. 2. Д. 2. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков сентября месяца нынешняго 177-го (1668), за службами налицо.
- 3. БС 3. Ф. 210. Оп. 2. Д. 3. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 177-го (1668/69) году «подлинной».
- 4. БС 4. Ф. 210. Оп. 2. Д. 4. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 177-го (1668/69) году июля с 1-го числа наличной.
- 5. БС 5. Ф. 210. Оп. 2. Д. 5. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 178-го (1669/70) году «подлинной».
- 6. БС 6. Ф. 210. Оп. 2. Д. 6. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 178-го (1669/70) году наличной.
- 7. БС 7. Ф. 210. Оп. 2. Д. 7. Список стольников и стряпчих и дворян московских нынешняго 178-го (1669/70) году.
- 8. БС 8. Ф. 210. Оп. 2. Д. 8. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 179-го (1670/71) году «подлинной».
- 9. БС 9. Ф. 210. Оп. 2. Д. 9. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских нынешняго 179-го (1670/71) году наличной.
- 10. БС 10. Ф. 210. Оп. 2. Д. 10. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 180 (1671/72) году «подлинной».
- 11. БС 11. Ф. 210. Оп. 2. Д. 11. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 181 (1672/73) году «подлинной».
- 12. БС 12. Ф. 210. Оп. 2. Д. 12. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешнего 182-183 (1673/74-1674/75) году «подлинной».
- 13. БС 13(1). Ф. 210. Оп. 2. Д. 13. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 183-го (1674/75) году «подлинной».
- 14. БС 13(2). Ф. 210. Оп. 2. Д. 13. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских нынешняго 183-го (1674/75) году «наличный».

- 15. БС 14(1). Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 184-го (1675/76) году «подлинной».
- 16. БС 14(2). Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. [Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 185-го (1676/77) году «подлинной»].
- 17. БС 14(3). Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков с марта нынешняго 185-го (1676/77) году наличный.
- 18. БС 15(1). Ф. 210. Оп. 2. Д. 15. Список бояр и окольничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 186-го (1677/78) году «подлинной».
- 19. БС 15(2). Ф. 210. Оп. 2. Д. 15. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков октября с 30-го числа нынешняго 186-го (1677) году.
- 20. БС 16(1). Ф. 210. Оп. 2. Д. 16. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских и дьяков нынешняго 7187 (1678/1679) году «подлинной».
- 21. БС 16(2). Ф. 210. Оп. 2. Д. 16. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 7187 (1678) году сентября в 1-го числа.
- 22. БС 17. Ф. 210. Оп. 2. Д. 17. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 7188 (1679/1680) года «подлинной».
- 23. БС 18. Ф. 210. Оп. 2. Д. 18. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей нынешняго 7189 (1680/1681) года «подлинной».
- 24. БС 19. Ф. 210. Оп. 2. Д. 19. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешнего 7189 (1680/1681) году «подлинной».
- 25. БС 20. Ф. 210. Оп. 2. Д. 20. Список Боярской «подлинной» 7189 (1680/1681) году смотру и что за кем и в которых городех крестьянских дворов.
- 26. БС 21(1). Ф. 210. Оп. 2. Д. 21. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешнего 7190 (1681/1682) году «подлинной».
- 27. БС 21(2). Ф. 210. Оп. 2. Д. 21. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 7191 (1682/1683) года «подлинной» с марта.
- 28. БС 22. Ф. 210. Оп. 2. Д. 22. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешняго 7191 (1682/1683) году «подлинной».

29. БС 23. — Ф. 210. Оп. 2. Д. 23. Список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешнего 7192 (1683/1684) году «подлинной».

- ⁵ ЦГАДА СССР. Путеводитель. Т. 1. М., 2000. С. 113-154.
- ⁶ Лихач в Н.П. Указ. соч. С. 71-226.
- ⁷ Леонтьев А.К. Указ. соч. С. 77.
- В Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV начала XVII вв. М., 1962; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. М., 1975; Лукич в М.П. Боярские книги XVII века как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001; Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1973; Он же. Опыт изучения боярских списков конца XVI начала XVII в. // ИСССР. 1971. 4; Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки конца XVI начала XVII века как исторический источник // Советские архивы. 1973. 2; Они же. Боярские списки последней четверти XVI начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
- ⁹ ЦГАДА СССР. Путеводитель. Т. 1. М., 2000. С. 113-154.
- 10 Нами было найдено еще одно определение боярских списков: «это списки членов Государева Двора со сведениями об их местонахождении и пригодности к службе». См.: Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII веков. М., С. 52, 59.
- «Список 7135 (1626) г. состоял из 3 частей: «московской», «отпускной» и «служебной». См.: Станиславский А.Л. Боярские списки 1624-1631 гг. // Актовое источниковедение. 1979. С. 123-152.

¹ *Блок М.* Апология истории. М., 1986. С. 16.

 $^{^2}$ *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII веков. М., 1994.

³ Ардашев Н.Н. Вопрос о Поместном столе в связи с поземельной деятельностью Разряда // ЖМНП. 1895. 8; Богоявленский С.К. К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. 6; Гоздаво-Голомбиевский А.А. Столы Разрядного приказа в 1668-1670 годах // ЖМНП. 1890. 7; Загоскин Н.П. Столы Разрядного приказа по хранящимся в московском архиве Министерства Юстиции книгам их. Казань, 1879.

⁴ Вернер И.И. О времени и причинах образования Московских приказов. М., 1907-1908; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; Лиха-и в Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

- 12 Описи архива Разрядного приказа XVII века. СПб., 2001. С. 87.
- 13 РГАДА. Ф. 210. Оп. 2 (Боярские списки). Д. 1-60.
- 14 Там же. Д. 1-23.
- ¹⁵ BC 1 7176 (1667/1668); BC 3 7177 (1668/1669); BC 5 7178 (1669/1670); $\overrightarrow{b}C 8' - 7179(1670/1671)$; $\overrightarrow{b}C 10' - 7180(1671/1672)$; 7181 (1672/1673); BC 12 - 7182-7183 (1673/1674-13(1) - 7183 (1674/1675); BC 14(1) - 7183 (1674/1675)1674/1675): БС (1675/1676); BC 14(2) - 7185 (1676/1677); BC 15(1) -БС 16(1) - 7187(1678/1679); **BC** 17 -(1677/1678);7188 19 - 7189 (1680/1681); BC 21(1) -(1679/1680): БС 7190 (1681/1682); БС 21(2) - 7191(1682/1683); БС 22 – 7191 (1682/1683); БС 23 — 7192 (1683/1684) гг.
- ¹⁶ БС 2 1 сентября 7177 (1668); БС 4 1 июля 7177 (1669); БС 6 7178 (1669/1670); БС 9 7179 (1670/1671); БС 13(2) 7183 (1674/1675); БС 14(3) 7185 (1676/1677); БС 15(2) 30 октября 7186 (1677); БС 16(2) 1 сентября 7187 (1678) гг.
- ¹⁷ БС 7 7178 (1669/70); БС 18 7189 (1680/1681); БС20 7189 (1680/1681) гг.
- 18 Седов П.В. К вопросу о достоверности данных боярских списков // ВИД. Т. XXVII. СПб., 2000. С. 53-63.
- ¹⁹ БС 18. Л. 10-58, 58-95, 95-163.
- ²⁰ Седов П.В. Указ. соч. С. 53-63.
- ²¹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 86-91, 627.
- ²² Там же.
- Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1973. С. 131, 136-137.
- 24 Седов П.В. Указ. соч. С. 53-63.
- К 1 сентября 1682 года чин боярина имели шестеро князей Хованских: Семен Андреевич, его брат Иван Андреевич Тараруй, сыновья последнего Петр, Андрей и Иван, а также Петр Иванович Змей. Однако в подлинном БС 22, составленном, как указано в заголовке, на 1 сентября 1682 г., находим только боярина князя С.А.Хованского с пометой «велено жить в деревне до указу»; а остальных пяти князей Хованских в списке вообще нет. Дело в том, что 17 сентября 1682 г. князь И.А.Хованский Тараруй и его сын Андрей были казнены «за измену», а еще трое бояр Хованских разжалованы. Следовательно, боярский список отражал более позднее положение вещей, т.е. был составлен задним числом, а так как бояре Хованские были объявлены «изменниками», то их имена просто изъяли из списка, в котором они должны были фигурировать. См.: Там же. С. 53-63.
- В.И.Буганов, исследовавший разрядные книги, делает вывод о том, что к концу XVI началу XVII в. складываются определнные правила и примы составления разрядных книг. Нам кажется, что этот вывод можно экстраполировать и на другие делопроизводственные документы Разрядного приказа, в частности, и на боярские списки.

- ²⁷ Например, в БС 1 7176 (1667/1668) г. мы видим 66 членов Боярской думы, а в БС 23 7192 (1683/1684) г. уже 145. Естественно, тот же процесс затронул все чины Московского государства.
- 28 Вот характерный пример: Иван III получил в наследство от отца княжение примерно в 430 тыс. км², а его внук Иван IV в 1533 году встал во главе княжества с территорией в 2800 тыс. км². См.: Копанев А.И. Население Российского государства в XVI веке // ИЗ. Т. 64. М., 1959. С. 235.
- В БС 16(2) мы обнаружили две вставки в списке бояр: были внесены после следующие лица Голицын Михаил Андреевич и Ромодановский Григорий Григорьевич; а в БС 19 Языков Иван Максимович вписан другим почерком, видимо, ошибка обнаружилась позднее. Исправлялись также и пометы: в БС 23 напротив боярина князя Голицына Алексея Андреевича указано «в Тобольску», и помета зачеркнута; в БС 13(1) напротив окольничего Пушкина Матвея Степановича стоит помета «На посольстве», она зачеркнута и далее написано «в Киеве». См.: БС 13. Л. 3 об.; БС 16. Л. 261 об., 262; БС 19. Л. 3; БС 23. Л. 1 об.
- ³⁰ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 53-63.
- 31 Там же. Так в «подлинном» списке за 16 7187 г. начальные листы чина московских дворян перепутаны и неверно пронумерованы. При сравнении с другими боярскими списками можно установить первоначальный порядок листов: Л. 139-144 об.; Л. 138-138 об.; далее с Л. 145.
- ³² «В нынешнем в [189 году] умре». См.: БС 19. Л. 3.
- 33 «7189 году мая в 8 день великий государь указал кравчему князю Ивану Григорьевичу Куракину сидеть в полате з бояры в думе и имя его писать выше окольничих под бояре». См.: БС 19. Л. 7.
- ³⁴ «191 году февраля в 20 день умре». См.: БС 22. Л. 1 об.
- 35 В чин окольничего были пожалованы: Приимков-Ростовский Никита Иванович и Звенигородский Семен Юрьевич; а в чин думного дворянина: Ловчиков Степан Богданович. См. подробнее: БС 21. Л. 314, 314 об., 317 об.; БС 22. Л. 8, 12.
- ³⁶ Первым в паре (они разделены знаком «;») указан «подлинный» список, вторым «наличный».
- 37 В расчет не принимались списки-исключения.
- 38 Эти чины могли находиться между боярами и окольничими. См. пример с кравчим Куракиным И.Г.
- 39 См.: БС 22. Л. 86-125; БС 23. Л. 115-178.
- ⁴⁰ БС 13. Л. 219, 235, 254; БС 16. Л. 326, 347, 376.
- ⁴¹ Имеется в виду, что в боярском списке не указывается из какого чина жаловался человек.
- 42 «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы пожаловали в бояре в июне в 27 день из стольников князя Андрея Ивановича Голицына». См.: БС 21. Л. 4.
- 43 БС 14. Л. 223 об.; БС 23. Л. 4.

- ⁴⁴ *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 240.
- ⁴⁵ Там же. С. 243.
- 46 БС 14(1). Л. 5: «В нынешнем во 184 году великий государь пожаловал в окольничие из комнатных стольников апреля в 16 день Ивана Васильевича Бутурлина»; БС 14(2). Л. 223 об.: «В нынешнем во 185 году великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич Всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец пожаловал в бояря мая в 9 день из окольничих Ивана Васильевича Бутурлина»
- 47 БС 8. Л. 5; БС 10. Л. 3; БС 12. Л. 2; БС 14(2). Л. 222: «7185 году мая в 17 день по памяти за приписью дьяка Леонтия Кондратова [Ар]темона Сергеевича Матвеева за ево вы великие вины и неправды указал великий государь чести [и бояр]ства и написать ево по московскому списку».
- 48 БС 14. Л. 11 об., 226; БС 21. Л. 4; БС 28. Л. 2 об.
- ⁴⁹ Примером может служить работа Богоявленского С.К. «Приказные судьи XVII века» (М.; Л., 1946). Хотя ученый «далеко не полно использовал материал боярских списков, ему удалось показать насколько ценным источником являются они для изучения состава русской приказной бюрократии». См. также: Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки последней четверти XVI начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. С. 12.

К ИСТОРИИ СОСТАВА ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ МОЖАЙСКОГО КНЯЖЕСТВА В КОНЦЕ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА (КНЯЗЬЯ СМОЛЕНСКИЕ, БОЯРЕ ВЕЛЬЯМИНОВЫ, ВАЛУЕВЫ И НОВОСИЛЬЦЕВЫ)

История Можайской земли насчитывает не менее 870 лет. И хотя в уставных и жалованных грамотах внука великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха († 1125) — Ростислава Мстиславича († 1167), выданных епископам Смоленска, о самом Можайске нет ни слова, тем не менее, источники первой половины XII в. фиксируют на территории будущего удела московских князей ряд административных единиц. Среди домениальных владений смоленских Ростиславичей в XII-XIII вв. здесь находились волость Искона, а также Путтин на р. Протве¹. Место первой из них определено «по р. Исконе, левому притоку р. Москвы в ее верхнем течении»². Локализация населенных пунктов Беницы, Бобровницы, Добрятин и Доброчков на ростово-смоленском рубеже пока выглядит спорной³.

Центром пограничных владений князей смоленского дома летописный «Можаеск», как и находящийся к северо-западу от него Тушков, стал еще в домонгольскую эпоху⁴. Тогда в конце XII - начале XIII в. на восточных рубежах Смоленского княжества шло активное освоение и обустройство земель. В соседних с ними городах Вязьме и Дорогобуже были построены каменные храмы⁵. В летописных сводах, составленных в XV-XVI вв., Можайск иногда фигурирует в связи с событиями 1231 г.6 Некоторые авторы даже склонны считать эту дату первым упоминанием города в источниках⁷. Однако это – ошибка. На самом деле, в более ранней Новгородской I летописи (в списке 2-й пол. XIII в.) отмечается, что в данном случае был назван не Можайск, а волостной центр земли вятичей Мосальск, один из небольших, но хорошо укрепленных городов Поочья. Он входил в состав домениальных владений старшей ветви Ольговичей – правителей соседнего Черниговского княжества⁸.

Монгольское нашествие на Русь и экспансия литовских князей на Смоленщину постепенно делают равно удаленный от их действий Можайск привлекательным для переселенцев⁹. Выделение города во владение Федору Ростиславичу († 1299), внуку князя Мстислава Давыдовича († 1230), очевидно, происходит на рубеже 50-60-х гг. XIII в. Таким образом, один из представителей княжеской семьи стал здесь первым крупным землевладельцем, о котором сохранились сведения в источниках. Однако в это время Можайск еще не достиг такого политического значения, чтобы соперничать с поволжским Ярославлем. Поэтому князь здесь надолго не задержался¹⁰. K сожалению, известные в настоящее время летописные источники ни разу прямо не упоминают Федора в связи с его княжением в Можайске. Данные об этом сохранила лишь летописная версия жития князя Федора. Однако это не значит, что город остался без правителя. Поскольку нет никаких сведений о его принадлежности другим князьям, можно предполагать, что в период первой ярославской «одиссеи» Можайск по-прежнему подчинялся только Федору Ростиславичу.

Смена владельца Можайска могла произойти после 1280 г., когда князь Федор после смерти старших братьев Глеба († 1277) и Михаила († 1279) стал правителем Смоленской земли¹¹. Источники отмечают, что Можайск пострадал в результате Дюденевой рати 1293 г. Если бы в данный момент он принадлежал союзнику хана Тохты Федору Смоленскому и Ярославскому, то он вряд ли бы отдал свой город на разграбление ордынцам. Однако именно так и произошло.

Возникает вопрос, почему?

Ответ на него следует искать в летописных сводах конца XV в. Последние отмечают среди сторонников великого князя в 1293 г. некоего князя по имени Святослав. Дмитрий Александрович Переяславский († 1294) «идущу тогда во Тверь изо Пъскова, и присла в Торжокъ с поклономъ ко князю Андрею, брату своему, владыку Андрея и князя Святослава, и взяша миръ» 12.

В Северо-Восточной Руси среди потомков Всеволода Великое Гнездо († 1212) в конце XIII в. было всего два князя с именем Святослав. Первый из них — второй сын великого князя Ярослава († 1271). По мнению В.С.Борзаковского,

этот Святослав умер между 1282 и 1286 г., так как больше на княжении в Твери он не упоминался 13 . И действительно, летописные своды, имеющие тверскую обработку, отмечают, что закладка церкви святого Спаса Преображения состоялась в 1285 г. при князе Михаиле и его матери Ксении, второй жене Ярослава 14 . Однако в Холмогорской летописи это событие дано в более ранней версии, хотя и не без следов редакции. Согласно источнику, возведение каменного храма начал «тоя же весны князь Михайло Ярославичь, внук Ярослава Всеволодича, з братом Святославом (выделено мной. — A.K.)» 15 . Итак, выясняется, что в 1285 г. сводный брат Михаила еще был жив.

Позднее в 1288 г. летописцы без указания на причины поступка своего князя лаконично сообщают, что «не въсхоте Михаилъ Тверскыи покоритися великому князю Дмитрию». Исключение в ряде источников имени Святослава из числа ктиторов соборной церкви, а также умолчание о его судьбе местными летописцами косвенно свидетельствует о том, что к данному времени он умер или сводному брату Михаилу, каким-то образом, удалось его вытеснить из Твери, Кашина и Кснятина¹⁶. Однако делать из этих предположений далеко идущие выводы не стоит. Нельзя забывать, что среди участников событий 1288 г. Святослав не упоминается¹⁷. В 1288-1293 гг., т.е. вплоть до Дюденевой рати, Тверью управлял не он, а его младший брат Михаил¹⁸.

Второй носитель имени Святослав († 1310) — третий сын князя Глеба Ростиславича, родной племянник Федора Черного. До 1303 г. он сидел на княжении в Можайске. По наблюдениям В.А.Кучкина, в это время «граница между Московским и Смоленским княжествами» проходила «по среднему течению р. Рузы, междуречью Рузы и Исконы к верховьям р. Тарусы — правого притока Нары — и поперек верхнего течения Исмы — левого притока Протвы». Повидимому, она была близка ростово-смоленскому рубежу XII в. В первой половине XIV в. дети Святослава в Можайске не правили, но все же были прочно связаны со смоленскими волостями на востоке. Некоторые из них после своего дяди Андрея Михайловича († после 1312) княжили в Вязьме и Дорогобуже. Учитывая возраст Святослава Глебовича, не исключено, что он также мог упоминаться в летописях в

1293 г. В связи с этим проанализируем одно из уникальных сообщений Вологодской летописи. Этот источник, близкий к протографу Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг., под 1293 г. сообщает, что тогда «послаша наугоротцы ко Святославу по сына, и дав им сына своего Владимера (выделено мной. – А.К.)». Новгород в это время еще признавал власть Дмитрия Александровича. Следовательно, сюда мог попасть только союзный ему правитель²⁰. Логично предположить, что обращение к Святославу, скорее всего, могло произойти лишь в том случае, если он обладал каким-либо княжением. Дюденева рать разорила Можайск. Значит, его владелец был союзником великого князя владимирского. Святослав Ярославич в данный момент времени, если и был жив, своего стольного города не имел. Поэтому возникает вопрос: не мог ли князь Святослав, упоминаемый в 1292 и 1293 гг., быть тождественен Святославу Глебовичу?

Прежде всего, оговоримся, что о деятельности двух Святославов (из Твери и Смоленска) в начале 90-х гг. XIII в. прямых данных нет. Князь Святослав 1292 и 1293 гг. упоминается без отчества. Конечно, не исключено, что в 1292 г. новгородцы обращались не к Ярославичу, а Святославу Глебовичу, центром владений которого, вероятно, уже мог быть Можайск. Сложнее решить за или против какой-либо из двух отмеченных выше версий отнести одно из известий Софийской I летописи старшего извода. Она отмечает, что в 1293 г. после победы над братом Дмитрием Андрей Городецкий против шведов посылал на войну «князя Романа Глебовича с новогородьци, с малыми вои»²¹. Это – старший брат Святослава Можайского²². Роман, племянник Федора Черного, был сторонником князя Андрея Городецкого († 1304), а не Дмитрия Переяславского и поддерживавшего его Ногая († 1299). Тем не менее, упоминая Святослава, летописи сообщают, что в 1293 г. он вместе с великим князем после рати царевича Дюденя (Тудана) возвращался из Пскова. Этот важный факт помогает различению двух лиц. Ведь Тверь, в отличие от Можайска, не была захвачена ордынцами. Кроме того, если данное известие источника действительно относится к Святославу Глебовичу, то тогда выясняется, что он, в отличие от Романа, был тесно связан с теми князьями, которые ориентировались на темника Ногая, а не хана Орды Тохту († 1313).

Таким образом, чтобы решить, кто именно из двух князей упоминался в летописных статьях 1292-1293 гг., следует выяснить, могли ли по возрасту Святослав Ярославич († после 1285) и Святослав Глебович († 1310) иметь к 1292 г. детей.

Известно, что во время Неврюевой рати ордынцы захватили Переяславль Залесский, «княгыню Ярославлю яша и дети изъимаша, и воеводу Жидослава ту оубиша, и княгюню оубиша, а дети Ярославли в полонъ послаша (выделено мной. — А.К.)»²³. Ярослав, как и его младший брат Василий, вновь смог жениться лишь после смерти своего старшего брата — великого князя Александра Ярославича Храброго († 1263). В начале 1265 г. он взял в жены дочь боярина Юрия Михайловича²⁴. В 1268 г. Ярослав посылал «в себе место Святьслава с полкы» в Новгород. Тогда его дети Михаил и Святослав приняли активное участие в разгроме рыцарского войска под Раковором²⁵.

В начале 70-х гг. XIII в. Ярославичи неоднократно упоминаются в источниках. В зиму 1269-1270 гг. «князь Ярославь, с новгородци сдумавъ, посла на Низовьскую землю Святъслава полковъ копитъ». Он «совкупи всех князии и полку бещисла, и приде в Новъгородъ <> и хотеша ити къ Колываню». В 1270 г. по приказу отца Святослав вместе с великокняжеским тысяцким Андреем Воротиславичем из Городища ездил на «Ярославль дворъ» на переговоры с новгородцами²⁶. На территории Городища археологами найдена «печать с надписью "СВЯТОСЛАВЛЯ ПЕЧАТЬ" и изображением святого воина». Она «является разновидностью такой же происходящей из Новгорода буллы 349», где «читается имя святого воина - Димитрий». В.Л.Янин не исключает «их принадлежности сыну великого князя Ярослава Ярославича Святославу, деятельность которого в 60-е-90-е годы XIII в. была тесно связана с Псковом и Новгородом»²⁷. Его старший брат Михаил после смерти отца сел княжить в Твери. Правление Михаила в 1272 г. было коротким, вскоре он умер²⁸. Однако князь успел «заратишася» и «по том оумиришася» с Новгородом²⁹. Архангелогородский летописец утверждает, что костромскому князю Василию Ярославичу († 1276), чтобы сесть на великом княжении, даже пришлось

выгнать «с Володимеря князя Михаила, брата своего (должно быть, братанича. — A.K.), а сам седе в Володимере» 30 . Приемник Михаила — Святослав не только признал власть своего дяди Василия, но и помог ему в 1273 г. в борьбе с Дмитрием Александровичем добиться новгородского стола 31 . Итак, нет сомнений, что оба сына Ярослава от первого брака в это время уже были совершеннолетними. Очевидно, именно о них, как пленных, писал летописец в 1252 г. Учитывая данный факт, логично предположить, что к 1292 г. у Святослава Ярославича вполне мог быть взрослый сын.

Важна и еще одна косвенная деталь. Княжеская семья из Твери и Пскова в XIII в. были связаны тесными политическими контактами. В 1253-1255 гг. здесь правил Ярослав Ярославич³², а в 1265 г. — его сын Святослав³³. Именно из Пскова, возвращаясь домой после ухода царевича Дюденя в Орду, отправил великий князь Дмитрий Александрович на переговоры с братом Андреем князя Святослава и владыку Твери Андрея, сына литовского князя Герденя († 1267)³⁴.

Сложнее установить годы самостоятельной жизни князя Святослава Можайского. По данным родословцев и синодиков. у его отца Глеба Смоленского было еще три сына -Александр, Роман и Всеволод. Все они родились до 1277 г. Деятельность старшего из братьев по летописям и актам известна с середины 80-х, Романа - с начала 90-х гг. XIII в., Всеволода – в первой четверти XIV в. 35 Среди них Святослав был младше Александра и старше Всеволода. Принято считать, будто будущий правитель Можайска был моложе Романа, хотя это предположение источниками прямо не подтверждается. Тем не менее, ясно, что в 1293 г. Святославу примерно могло быть не менее 20-25 лет. Следовательно, к этому времени у него также мог быть сын³⁶. Однако если Владимир, действительно, его ребенок, то в 1292 г. он был малолетним. Примеры правления княжичей в Новгороде в конце XIII в. известны. Так, например, в ноябре 1296 г. московский князь Даниил Александрович († 1303) «присла <> переже себе сына своего въ свое место именемь Ивана»³⁷.

Итак, учитывая все возможные варианты интерпретации известий источников о Святославе, казалось бы нельзя окончательно решить, кто именно из них упоминался в

1292-1293 гг. Каждая из рассмотренных выше версий имеет как свои преимущества, так и недостатки. Между тем, если в совокупности подвергнуть анализу все сообщения источников о деятельности двух князей Святославов, то становится заметным, что в подавляющем большинстве случаев правитель Твери всегда указывается с отчеством, а его сосед из Можайска, наоборот. Исходя из этого, можно с большой долей вероятности отождествить упоминаемого в 1292-1293 гг. князя Святослава с сыном Глеба Ростиславича Смоленского, а не Ярослава Ярославича Тверского.

После утраты Можайска весной 1303 г. ³⁸ Святослав Глебович смог в 1309 г. закрепиться в Брянске³⁹. Возможно, это произошло не без участия со стороны Москвы. Очевидно, в отличие от рязанского князя Константина († 1306), ему удалось наладить отношения с Юрием Даниловичем. Более того, после смерти Святослава его жена Анна, как полагают исследователи, вышла замуж за одного из них — князя Афанасия († 1322)⁴⁰. Он также был связан с северо-западом Руси. В 1316, 1318-1322 гг. Афанасий был наместником брата Юрия в Новгороде⁴¹. Здесь он и умер, как свидетельствет В.Н.Татищев, будучи князем Можайска⁴².

После смерти Бориса (1320), Афанасия († 1322) и Юрия († 1325) Даниловичей Московское княжение было объединено в руках их брата Ивана Калиты. От этой эпохи дошло две его духовные грамоты, где упоминается Можайск. Несмотря на незначительную разницу во времени, оба документа имеют ряд отличий. В первом случае (в 1336 г.) город просто указан в числе прочих владений, передаваемых Калитой старшему сыну Семену Гордому († 1353), а во втором (в 1339 г.) — как центр близлежащих волостей 43. По-видимому, это косвенно свидетельствует в пользу того, что процесс присоединения московскими князьями территории вокруг Можайска после 1303 г. растянулся на несколько десятилетий вперед⁴⁴. Тетка Семена Ивановича Гордого княгиня Анна владела здесь вплоть до своей смерти (между 1348 и 1353 гг.) рядом волостей и, прежде всего, Заячковым и Тешевым, входившими до присоединения к Москве в состав рязанских волостей в Протвинско-Лужецком междуречье⁴⁵.

Осенью 1341 г. «въ Покровъ святыа Богородица» (т.е. 1 октября) литовский князь Ольгерд († 1377), помогая сво-

ему союзнику — правителю Смоленска Ивану Александровичу († 1359), пытался отбить Можайск у москвичей. Однако он встретил здесь яростный отпор и был вынужден отступить. В связи с этими событиями летописец впервые упоминает городской посад. Кроме того, он указывает имя одного из погибших — Ругота⁴⁶. Возможно, это был один из защитников города⁴⁷.

В духовной Семена Гордого 1353 г. упоминается «Можаеск с волостми и съ селы и з бортью». Во втором завещании его брата Ивана Красного около 1368 г. — уже «с тамгою, и со всеми пошлинами». В 1389 г. Можайск «со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми» был завещан великим князем Дмитрием Ивановичем Донским своему четвертому сыну Андрею⁴⁸.

Частные акты по Можайску за XIV-XV вв. практически не сохранились. Поэтому установить первичный состав его вотчинников удается только с помощью ретроспективного анализа источников. Правда, при чтении описей архива Посольского приказа можно обнаружить ряд упоминаний о частных актах, но они требуют тщательного разбора. В описи 1626 г. известны три такие грамоты второй половины XIV в. Они находились между тетрадкой, где был «список з докончальные грамоты Великого Новагорода с великим князем Васильем Дмитреевичем» и купчей грамотой великой княгине Марии Ярославны, «что купила она у Настасьи Федоровы жены на Коломне село Мячково»⁴⁹. Поскольку прямо или косвенно все эти документы связаны с историей можайских землевладельцев, то рассмотрим их по порядку.

Первый документ — это «грамота правая, что судил князь великий Василий Дмитреевич Ивана Федоровича с Ываном с Хоробровым, а которой Иван Федорович словет и в котором году грамота писана, тово в грамоте не написано». Рамки составления документа определяются временем княжения Василия I — 1389-1425 гг. Впрочем, последние можно уточнить. Дело в том, что среди примыслов, отмеченных в духовной 1389 г. Дмитрия Донского, фигурирует владение, принадлежавшее ранее одному из лиц упоминаемых в правой грамоте. Великой княгине Евдокие Дмитриевне († 1407) выделялся вдовий удел вместе «съ Ывановым селом с Хороб-

рова» 50 , находившемся под Москвой в Васильцове стане 51 . Таким образом, можно выяснить, что упоминаемый в обоих документах человек жил в последней четверти XIV в., успев послужить не только у великого князя Василия I, но и у его отца — Дмитрия.

По предположению А.А.Зимина, в данном документе фигурируют лица двух боярских родов — Всеволожей и Кошкиных. Как полагал исследователь: «Иван Федорович Кошкин подписал все три дошедшие до нас духовные этого великого князя. Это — "казначей" и виднейший боярин конца XIV — начала XV в. Иван Хоробров — возможно, Иван Дмитриевич Всеволожский. Кошкины были решительными врагами этого их основного соперника при великокняжеском дворе» 52. Насколько же верны данные отождествления?

Прежде всего, стоит заметить, что отчество Ивана Хороброва источникам неизвестно. Однако они знают, что его сын Андрей погиб под Белевым 5 декабря 1437 г. в бою с ордынцами хана Улуг-Мухаммада. Для поминания А.И.Хоробров был записан в Успенский синодик⁵³. Позднее отсюда его имя попало в летописи⁵⁴. Однако древнейшая роспись Всеволожей конца XV в., находящаяся в Синодальном списке Типографской летописи и в Румянцевской редакции родословных книг 40-х гг. XVI в. не знает у И.Д.Всеволожа ни подобного прозвища, ни сына по имени Андрей. Источники называют только Ивана (у которого осталось 4 дочери) и Семена Ивановичей⁵⁵. Последний из них имел двух детей – Ивана Бздиху и бездетного Андрея Кутиху. У И.С.Всеволожа известен бездетный сын Семен, живший в начале XVI в. «И от Дмитрея Олександровича род не пошел», - констатировал позднее ролословен⁵⁶.

Если принять вывод А.А.Зимина, то получается, что сам И.Д.Всеволож и его потомки должны были называться Хоробровыми, а этого источники не знают. Между тем, они в 1524 г. упоминают московских землевладельцев Симу, Ивана и Михаила Даниловичей Хоробровых — лиц, которые абсолютно не вписываются в родословную Всеволожей⁵⁷. Кроме того, И.Д.Всеволож, в отличие от И.Ф.Кошкина, впервые упоминается как боярин довольно поздно — лишь в 1415 г.⁵⁸ В духовных грамотах Василия I его имя стоит всегда выше представителей рода Кошкиных⁵⁹. Между тем, порядок упо-

минания лиц в правой грамоте совершенно иной. Таким образом, приведенные выше аргументы свидетельствуют против отождествления А.А.Зимина, смешавшего в данном случае представителей двух совершенно разных боярских семей.

Сложнее определить, из какого рода был судившийся с Иваном Хоробровым Иван Федорович. В 70-80-е гг. XIV в. у великого князя Дмитрия было два боярина, носивших такое имя и отчество. Это — единственный сын Ф.В.Воронца Вельяминова и один из сыновей князя Ф.К.Красного Фоминского — Иван Собака. Оба они в 1389 г. подписали духовную Дмитрия Донского⁶⁰.

Предположение А.А.Зимина о боярстве и казначействе И.Ф.Кошкина в конце XIV в. также вряд ли допустимо. Казначеи XIV - середины XV в. не занимали высокого положения при дворе великого князя. В документах конца XIV в. они упоминаются только после бояр и без указания отчества⁶¹. В середине XV в. известен случай, когда казначеем Василия II стал крещеный татарин Евстафий Аракчеев, исполнявший при этом еще и роль дьяка 62 . В конце 50-х гг., но до 1462 г. «великий князь Василей Васильевич всеа Русии пожаловал есми боярина своего и великие княгини и казначея Михаила Олексеевича Черта Стромилова», дал ему «Звенигород в пут(ь)»63. Михаил Черт был сыном попавшего в 1454 г. в опалу великокняжеского введенного дьяка Алексея Стромилова, который помог бежать в Литву боярину можайского князя Ивана Андреевича († после 1471) – Н.К. Добрынскому. За это А.Стромилов вместе с сыном Михаилом «съ вотчинною и со всем его животом» был отдан навечно в службу митрополитам всея Руси⁶⁴. Правда, из приведенного примера видно, что М.А.Стромилов на время сумел вернуться в великокняжеский двор. Однако это был лишь эпизод в его карьере. Дети, внуки, правнуки и ряд родственников М.А.Стромилова в служебной иерархии так и не поднялись выше звания митрополичьих детей боярских⁶⁵. Поэтому вряд ли, что такой родовитый человек, каким был И.Ф.Кошкин, занимал в 1408 г. невысокую должность казначея. Возвышение ее значения приходится только на вторую половину XV в. Кроме того, источник, на который опирается А.А.Зимин, известен в списке конца XV – начала XVI в. Его аутентичность вызывает большие сомнения⁶⁶. Поэтому приходится признать, что без каких-либо веских оснований А.А.Зимин, вслед за С.Б.Веселовским⁶⁷, ошибочно перенес значение должности казначея, как, впрочем и создатели пресловутого «ярлыка» Едигея, из конца XV века в его начало.

Вызывает большое сомнение и само боярство И.Ф.Кошкина в конце XIV в. Прежде всего, это связано с тем, что его отец Ф.А.Кошка Кобылин умер около 1407 г. 68 Поэтому даже если учесть, что в последние годы жизни он уже отошел от службы, то получение боярства его детьми не могло произойти ранее начала XV в. В 1406/07 г. брат Ивана Федор Голтяй выдал дочь Марию († после 1456) замуж за четвертого сына Владимира Андреевича Храброго († 1410) — Ярослава († 1426)69. Это косвенно указывает на то, что братья Иван и Федор к данному времени уже могли стать боярами. В 1408 г. в этом чине упоминался их младший брат — Александр Федорович Беззубец70. Поэтому есть основания сомневаться, что в правой грамоте конца XIV в. упоминался боярин И.Ф.Кошкин. Однако остается открытым вопрос, к какому роду относилось упоминаемое в документе лицо?

Для ответа на данный вопрос стоит обратить внимание на два следующих за ним в описи 1626 г. документа. Первый из них - грамота Василия I «дядине ево Марье на слободку на Чагощу»; второй — «грамота Василья тысецкого, что купил у Семена Васильевича да у Юрья Борисовича Чагощу вотчину всю»71. Оба этих акта последней трети XIV в. в свое время принадлежали роду тысяцких Вельяминовых 72. Все три грамоты, составленные в одно и тоже время, первоначально могли происходить из одного комплекса документов. Поэтому очевидно, что в правой грамоте скорее упоминался И.Ф.Воронцов, чем его тезка из другой семьи. Данное наблюдение можно подтвердить дополнительно. Второй Иван Федорович - представитель семьи Фоминских - выходец из дома князей Смоленской земли, находившейся в весьма близком родстве с правившей в Москве династией 73. Сомнительно предполагать, что Иван Хоробров мог судиться с ним на равных. Иное дело И.Ф.Воронцов - представитель средней линии нетитулованных Вельяминовых. Таким образом, есть весьма веские основания предполагать, что в правой грамоте конца XIV в. упоминались представители старомосковских боярских родов Хоробровых и Воронцовых, а не Всеволожей и Кошкиных.

Обращает на себя внимание и характер генеалогических связей упоминаемых выше вотчинников. Прежде всего, стоит отметить, что известная по документам волость Чагоща располагалась в Можайской земле. Это выясняется из текста духовной около 1503-1504 гг. великого князя Ивана III († 1505). Он завещал своему сыну Василию († 1533) «город Можаескъ с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Чагощъю, и с Турьевым, и с Ореховною, и с Могилном, и с Миченками, и съ Шатешью, и з Сулидовым, и з Дмитровцом по обе стороны Угры»⁷⁴. По данным актов, земли волости Чагоща находились «между верховьем Москвы и Гжатью»⁷⁵.

Первоначально Чагоща принадлежала двум боярам — Семену Васильевичу и Юрию Борисовичу. Они могли продать ее В.В.Вельяминову до смерти тысяцкого, т.е. до 17 сентября 1373 г. 76 Это, хотя и приблизительная, но самая ранняя дата составления первого упоминаемого в источниках частного акта на территории Можайского княжества, где есть имена его нетитулованных землевладельцев. Обычно такие сделки заключались между соседями. И действительно, из духовной великого князя Дмитрия Ивановича можно узнать, что в 1375 г. он конфисковал село «Ивановъское Васильевича въ Гремичах», тянувшее к Можайску. Оно входило в состав отъезжих волостей вдовых княгинь из правящей в Москве династии 77. Земли, тянувшие к Гремичам, располагались в междуречье Нары и Протвы 78.

Соседняя с Гремичами Чагоща отошла в 1373 г. другому сыну тысяцкого Василия — Микуле. Он был женат на дочери нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича († 1383). Мария была старше Евдокии, жены Дмитрия Донского. Ее брак с Микулой состоялся также в 1366 г. Этот сын тысяцкого погиб 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле. Единственная дочь Микулы и Марии вышла замуж за боярина И.Д.Всеволожа († после 1434)⁷⁹. По мнению А.А.Зимина, после смерти Марии (успевшей в 1389 г. принять участие в крещении сына Дмитрия Ивановича Донского — Константина) Чагоща отошла в великокняжескую казну⁸⁰. Однако к этому выводу следует отнестись осторожно, так как ис-

точники не сообщают о принадлежности Чагощи великокняжеской семье вплоть до 1503-1504 гг.

Первый из продавших свою часть Чагощи боярин Семен Васильевич происходил из древнего рода вотчинников. Его дед Окатий до середины 30-х гг. XIV в. уступил свою слободку на р. Москве под Звенигородом Ивану Калите⁸¹. Данное сообщение источника опровергает версию поздней родословной легенды, будто Окатий носил прозвище Вол, происходил из Литвы, откуда выехал на службу к великим князьям владимирским в 1240 г.82 Судя по сохранившимся названиям населенных пунктов, он был крупным землевладельцем на территории Московского княжества⁸³. Отец Семена — Василий — четвертый из бояр, подписавших около 1348 г. докончальную грамоту сыновей Калиты⁸⁴. Сам С.В.Окатьев – важная фигура при дворе Дмитрия Донского. В духовной 1389 г. он стоит на четвертом месте. Выше его находились лишь шурин великого князя – Дмитрий Михайлович Боброк Волынский († до 1411), а также такие влиятельные бояре. как Тимофей Васильевич Вельяминов († после 1389) и Иван Родионович Квашня († 1390). Двое последних ранее подписывали первую духовную своего сюзерена, составленную еще в середине 70-х гг. XIV в.85 Семен Васильевич первое время сохранял свое положение и при дворе Василия І. Так, он присутствовал на мене земель великого князя и митрополита Киприана. Это событие состоялось не ранее 6 марта 1390 г., но и не позже 13 февраля 1392 г., когда скончался один из участников сделки — великокняжеский боярин Даниил Феофанович Бяконтов 86 . Троицкая летопись сохранила уникальное известие, что весной 1387 г. «преставился Семенъ Васильевич» (Приселков М.Д. Троицкая летопись. М., 1950. C. 447).

В отличие от С.В.Окатьева, место его жены Арины среди боярынь великой княгини было гораздо скромнее. Она сидела ниже «Марьи Микулины жены Васильевичя тысяцкого, Огрофены Ивановы жены Андреевичя Хромого» и «Марьи Остеевы», но выше «Ульяны Ивановы жены Собакина, Васильевы матери» Возможно, у нее сложились доверительные отношения с Софьей Витовтовной († 1453). Летом 1451 г. эта великая княгиня завещала своему внуку Юрию «дворъ свои московьскии внутри города Орининьскии Семе-

новы жены Васильевича» 88. Отсутствие наследников у Семена и Арины говорит о том, что их брак был бездетным.

Видным служилым человеком при дворе великого князя Дмитрия Ивановича был и родной брат Семена — Тимофей Волуй. Как и другой можайский землевладелец — М.В.Вельяминов, боярин Тимофей погиб 8 сентября 1380 г. в битве с войсками Мамая на Дону⁸⁹. Близость детей Василия Окатьевича к семье великого князя и митрополиту Киприану доказывает запись о них в синодике придворного Московского Успенского собора. «Вечная память» здесь отмечалась следующим лицам: «Иоанну Родионовичу, Тимофею Васильевичу, и брату его Семену Васильевичу, и сыну его Феодору, и Данилу, и Симеону, Андрею (выделено мной. — A.K.), и Борису Даниловичу, Давиду Васильевичу, Данилу Феофановичу, Ивану Михайловичу» 90.

Дети Тимофея Волуя упоминаются по источникам в конце XIV в. После гибели отца они также стали великокняжескими боярами. Первый из них — Федор — осенью 1382 г. «убьенъ бысть отъ своего раба лукаваго» 91. Его брат Даниил вместе с Иваном Александровичем Всеволожем в 1392 г. ездил в Новгород Великий «просити черьнаго бору и княжщины, и о крестнои грамоте, что покончали Новгородци къ митрополиту на Москве не зватися». Москвичи им предлагали: «И вы тоую грамоту отошлите, а целование митрофолить с васъ снимаеть». Однако новгородцы на это не согласились, поэтому «оучинися розмирье с Низовци» 92.

Младший брат Федора и Даниила — Семен также известен источникам. Он упоминается в меновой и жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной великим князем Дмитрием чернецу Савве на монастырь Спаса Преображения у Медвежьих озер в верховьях р. Пехорки. Ее следует датировать весьма узко — концом сентября 1380 — концом сентября 1382 г. или 8 октября — декабрем 1382 г. Последняя дата выглядит более предпочтительнее ⁹³. Этот промежуток разрывает поездка Семена Валуева и Михаила Ивановича Морозова после ухода Тохтамышевой рати в Тверь за сбежавшим туда митрополитом. Правда, неизвестно, когда бояре выехали из Москвы. Летописец отмечает лишь то, что Тверь вместе с Киприаном они покинули 3 октября 1382 г., а в Москве оказались 7-го числа ⁹⁴. Его вдова Анна вместе с

детьми Константином и Ильей завещала в конце первой четверти XV в. село Чашницы Никитского стана в находившийся в 5 км от него Переяславский Горицкий монастырь. (А.В.Антонов ошибочно считает ее женой С.В.Вельяминова. См.: *Антонов А.В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV-XVI вв. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 5-6, 20. Л. 9, 30. См. также: Там же. Л. 19 об.).

Об Андрее, младшем из детей Тимофея Волуя, известно мало. Включение для поминания в Успенский синодик свидетельствует о его видном положении в Москве. Деятельность А.Т.Валуева, очевидно, началась позже, чем у его старших братьев. Возможно, она совпала с тем периодом, когда князь Андрей Дмитриевич († 1432) стал полновластным правителем Можайского и Белозерского княжеств, когда после его возвращения из Новгорода Великого в 1399 г. большинство местных вотчинников получили возможность служить у него. Такие знатные семьи, как Валуевы, могли сделать самостоятельный выбор. Ведь они имели земли не только под Можайском, где им принадлежало село Валуево⁹⁵, но и под Москвой, Звенигородом и Рузой.

Сведений источников о Валуевых за первую половину XV в. сохранилось немного. Их интерпретация в ряде случаев не столь однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Так, например, в Щукинском списке синодика Успенского собора записан род «Валуев Федора: Тимофея, Феодосия, Василия». По мнению С.Б.Веселовского, Василий - это дед Тимофея. Однако это не так. Дело заключается даже не столько в том, что Василий - отец, а не дед Тимофея Валуя, но и в другом. Не совсем ясно, кем ему приходился Федор. С.Б.Веселовский полагал, что здесь упоминается Ф.Т.Валуев⁹⁶. По мнению исследователя, именно его жена дала Троице-Сергиеву монастырю «в мор великой Петровское село и з деревнями, и с пустошми, и с лесом, и с пожнями», находившиеся на р. Воре в Московском уезде⁹⁷. При этом С.Б.Веселовский не объясняет, что мешало Акулине выполнить свой христианский долг в предшествующие 40 лет! Предлагаемая исследователем дата вклада весьма неустойчива — около 1423 г. 98 , 1414 или 1426-1427 гг. 99 K сожалению, в работе М.С.Черкасовой, специально посвященной землевладению этой обители, столь ранний вклад не

был рассмотрен 100 . Уточнить его дату помогают летописи. Если в 1425 г. они говорят просто о море в Москве, то в 1426 г. прямо называют его великим¹⁰¹. Вклад делался ради спасения души и поминания в синодике Троице-Сергиева монастыря, который называет «Феодора – Валуев» «Акилину», что «дала Петровское». Тем не менее, источник, подобно Успенскому синодику, не называет Ф.Валуева 102. Важность этой, казалось бы, незначительной детали можно понять, если обратиться к тексту Уваровского списка «памяти» Ф.И.Сабура Зернова. Здесь отмечается, что «Федор Сабур сидел выше Никиты Воронцова, и Степана Минина, и Семена Травы, и Василья Собакина, и Лыковых, и Ивана Крюка, и Бориса Галицкого, и Романа Ивановича, и **Федора Валуева** (выделено мной. – A.K.), и Федора Вельяминовича». Судя по упоминаемым лицам, источник называет состав великокняжеских бояр, который сложился в 10-е гг. XV в., т.е. до попадания в московскую думу князя Юрия Патрикеевича Литовского († после 1457) 103. В 1418 г. он женился на дочери великого князя Василия I – Анне-Марии¹⁰⁴. Кроме того, дополнительно можно отметить, что названный памятью Федора Сабура великокняжеским боярином Борис Васильевич Галицкий († после 1440) успел перейти до 1425 г. на службу к правителю Звенигорода и Галича Мерьского – князю Юрию Дмитриевичу († 1434)¹⁰⁵. Таким образом, не остается сомнений, что в первой четверти XV в. среди бояр великих князей владимирских и московских был еще один Федор Валуев.

Данный вывод позволяет по-новому подойти к отождествлению лиц, упоминаемых в акте 1426 г., Шукинском списке Успенского и Троицком синодиках. Последние при поминании Федора Валуева опускают один важный факт, который, как правило, ими отмечался. Синодики не указывают, что Федор был убиенный. Кроме того, в Шукинском списке у Ф.Валуева среди родственников фигурирует Феодосий, тем временем, как в списке, опубликованном Н.И.Новиковым, — этого человека нет. Следовательно, в первом случае источник называет не сына Тимофея Валуева, а его родственника. Поскольку в Шукинском списке Успенского синодика до Василия последовательно были указаны Тимофей и Феодосий, то можно предположить, что в данном случае упоми-

наемый Федор Валуев — это сын Феодосия, внук московского боярина Василия Акатьевича. Вероятно, бездетная смерть этого Федора в мор 1425-1426 гг. и привела к тому, что его жена Акулина сделала столь щедрый вклад в Троице-Сергиев монастырь.

О других представителях рода Валуевых в первой половине XV в. источники прямо не упоминают. Поскольку земли этой фамилии находились на территории удельных жеств, то не исключено, что внуки Тимофея Волуя могли оказаться на службе у князей Юрия и Андрея Дмитриевичей и их детей. Косвенно этот вывод подтверждают следующие факты. Во-первых, в Галицком уезде целая волость стала называться Валуевской ¹⁰⁶. Во-вторых, в XVI в. обнаруживается связь Валуевых со старицким двором, где группировались многие московские фамилии, замещанные в XV в. службой в уделах и известных интригах в период феодальной войны (такие, например, как Волынские, Овцыны из рода Лыковых, Сатины – из рода Шонуровых, Колычевы – из рода Кобылиных)¹⁰⁷. Вероятно, политическая деятельность Валуевых была не столь радикально оппозиционна великим князьям, как у некоторых членов семей Даниловых и Добрынских. Они сохранили свои дворы в Москве 108, родовые земли на территории бывших уделов, в том числе и в Можайске¹⁰⁹, но доступ в великокняжескую думу, как и ряду других старомосковских служилых фамилий, Валуевым был окончательно закрыт¹¹⁰.

В паре с С.В.Окатьевым среди продавцов Чагощи опись 1626 г. называет Юрия Борисовича. Его упоминание с —вич говорит о том, что он также был крупным землевладельцем, возможно, боярином. Среди представителей московской нетитулованной знати первой половины XIV в. известен только один человек, который носил имя Борис. Новгородская I летопись сохранила несколько ранних известий о деятельности боярина Бориса Семеновича.

Осенью 1340 г. после возвращения великого князя Семена Ивановича из ставки хана Узбека Борис приехал в Торжок, где вместе с наместниками князем Михаилом Давыдовичем († после 1362) и Иваном Рыбкиным стал собирать черный бор. Активные действия москвичей вызвали неудовольство местной правящей элиты, она запросила помощи у Новгоро-

да. Ее представители тайно «с полкы пришли в Торжок, где "изимаща наместьниковъ", "борцовъ", а также "жены их и дети, и сковаща я (выделено мной. — A.K.)"». Однако развить успех им не удалось. Население города раскололось на два лагеря. При подходе к Торжку объединенной рати из Северо-Восточной («Низовьскои») земли «черные люди» освободили москвичей; новгородцы же и новоторжские бояре были вынуждены отсюда бежать. Чуть позднее, после состоявшихся переговоров, послы Новгорода «доконцаша миръ по старымъ грамотамъ» с великим князем Семеном Гордым и «даша боръ по волости», а затем «присла князь наместьникъ в Новъгород»¹¹¹. По именам источники называют их в 1342 г., это были Федор и Борис. Однако позднее – вплоть до 1350 г. местный летописец отмечает деятельность только последнего¹¹². Для нас важно отметить, что в 1350 г. «ходища новгоролци воевать на Немечкую землю с Борисовым сыномъ с **наместьницимъ** (выделено мной. – А.К.)». Его имени источник, к сожалению, не называет. Тем не менее, известно, что 21 марта новгородны захватили «посад» шведского города Выборг, а на следующий день разбили «Немець», вышедших против них из крепости. Разорив округу, они вернулись домой 113. Руководить такой крупной операцией, пусть и формально, должен был вполне взрослый человек. Не исключено, что им как раз и оказался тот самый Юрий Борисович, который в правление великого князя Дмитрия Ивановича (1350-1389) продал свою часть Чагощи московскому тысяцкому В.В.Вельяминову († 1373)¹¹⁴.

После этой сделки Юрий Борисович в дошедших до настоящего времени источниках не упоминается. Не знают его в качестве одного из родоначальников какой-либо фамилии и известные росписи московских боярских и дворянских родов XIII-XVII вв. Тем не менее, обращает на себя его относительно редкое для представителей нетитулованной знати второй половины XIV в. имя Юрий. Среди семей великокняжеских бояр, владевших землями на территории Можайского княжества, по данным письменных источников известен лишь один случай, когда предок жил в середине — второй половине XIV в. и носил имя Юрий. Это — Юрий Шалай, у которого был сын Яков Новосилец и пять внуков — Василий, Иван, Семен, Антоний и Григорий. О древности и

знатности этого рода наглядно свидетельствует включение его росписи в состав Румянцевской редакции родословных книг 40-х гг. XVI в., а позднее — Государев родословец 1555 г. и Бархатную книгу 1686 г. 115

Первым в источниках из приведенных выше лиц упоминается Яков Юрьевич Новосилец — родоначальник Новосильцевых. Известно, что в 1374 г. князь Владимир Андреевич «заложи градъ Серпоховъ», «приказавъ наместничьство дръжати града Якову Юрьевичю, нарицаемому Новосильцю, околничемоу своему»¹¹⁶. Позднее, как отмечают росписи Новосильцевых, находящиеся в составе частных редакций Государева родословца 1555 г., «Яковъ былъ бояринъ у великого князя Василья Дмитреевича»¹¹⁷. Княжение последнего относится к 1389-1425 гг. Данная информация подтверждается с точки зрения хронологии и служебного статуса его детей.

Сыновья Якова Новосильца служили в боярах у Василия II († 1462) и Дмитрия Юрьевича Шемяки († 1453). Так, например. Иван отмечен как боярин галицкого князя в одном из посланий митрополита Ионы к новгородскому архиепископу Евфимию 118. Точно датировать данный документ позволяет так называемая Летопись Авраамки конца XV в. Она сообщает, что Дмитрий Юрьевич до своего въезда в Новгород Великий (2 апреля 1449 г.) «от себе послал Ивана Яковлича, чтоби княгиню приняли и сына Ивана в честь» 119. После смерти Шемяки Й.Я.Новосильцев, очевидно, не последовал за его семьей в земли Великого княжества Литовского, а предпочел вернуться на службу в Москву. Этот этап его карьеры практически неизвестен. Однако можно не сомневаться, что он успел оказать весьма значительные услуги великому князю. Уступчивость и политический компромис И.Я.Новосильцева, по-видимому, как и в случае с Алексеем Стромиловым, мог быть вызван страхом потерять родовые земли. Очевидно, уже после переезда ко двору Василия II, возможно, за посреднические услуги, он передал сельцо Халдеевское «въ Серпухове на Каменке» Симонову монастырю. Около 1463 г. обитель продала это владение дмитровскому князю Юрию Васильевичу († 1472)¹²⁰. Родословцы утверждают, что «Иванъ былъ боярин у великого князя Василья Васильевича» 121. Достоверность этого известия косвенно подтверждает карьера старшего сына И.Я.Новосильцева – Василия Китая, который в 60-70-е гг. XV в. стал одним из самых видных бояр при дворе Ивана III (1505) 122 .

Уточнение хронологии жизни представителей старшей ветви рода помогает приблизительно установить время жизни Якова Юрьевича Новосильца. Л.И.Ивина (без приведения каких-либо аргументов) полагает, что он «стал наместником не ранее 30-40 лет от роду» 123. Однако с таким выводом вряд ли можно согласиться. Дело в том, что род Новосильцевых, кроме владений в Можайске, Дмитрове и Серпухове, имел еще земли в Волоке Ламском 124, которым с 1390 г. и до 1404 г. владел князь Владимир Андреевич. По С.З.Чернова, именно в этот период времени здесь на территории Хованского стана могли появиться вотчины Новосильцевых. Позднее ими владели Хилиновы – потомки Федора Антоньевича Хилина, правнука Юрия Шалая 125. Сам Ф.А.Хилин Новосильнев еще был жив около 1468-1472 гг. ¹²⁶ Между тем. его дед Яков Юрьевич в духовной своего сюзерена Владимира Андреевича, составленной между 1404-1406 гг., не упоминается. К этому времени, вероятно, он мог либо уже умереть, либо отсутствовать по каким-либо причинам на месте, или из-за нежелания терять свои выслуженные вотчины в Дмитровском и Волоцком уездах перейти из удела на службу к великому князю Василию I. Таким образом, не исключено, что на рубеже XIV-XV вв. или даже в самом начале XV в. Яков Новосилец еще был жив. Поэтому ясно, что в 1374 г. он – еще молодой человек, только ставший на путь карьерного роста. Его высокая придворная должность - следствие знатного происхождения и положения среди старейших родов московского боярства, возможно, установленного его предками – боярами Борисом Семеновичем и его сыном Юрием.

Указание в грамоте на Юрия Борисовича, наряду с Семеном Васильевичем, как на совладельца Чагощи, наводит на мысль, что предки Валуевых и Новосильцевых, возможно, могли быть родствениками, разделившими к середине XIV в. данную вотчину на половины. Поскольку первым в акте среди продавцов Чагощи назван Семен Васильевич, то есть основания всего для двух возможных предположений: 1) ближайшие предки Валуевых могли происходить из старшей ветви некогда единого с предками Новосильцевых рода по женской линии; 2) семья

боярина Василия Окатьевича находилась в родстве с Юрием Шалаем или его отцом Борисом Семеновичем.

К середине XVI в. род Новосильцевых сильно размножился. В Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в. они записаны в разных уездах страны. Среди них лишь потомки Г.Я.Новосильцева по-прежнему продолжали служить из Можайска. Возможно, в этом факте предположительно следует видеть косвенное отражение раздела земель в начале XV в. между детьми московского боярина Якова Юрьевича Новосильцева.

Кроме Вельяминовых, Валуевых и Новосильцевых, на территории Можайского княжества земельными владениями обладали и другие видные в Москве служилые фамилии. Среди них, прежде всего, следует выделить род Даниловых и Мамоновых, история которого хорошо изучена в работах С.Б.Веселовского и А.А.Зимина¹²⁷. Сравнительный анализ состава землевладельнев Можайска. Вереи и Белоозера XV первой половины XVI в., а также данные родословных росписей XVI-XVII вв. показывают, что предки ряда фамилий когда-то служили при дворе князя Андрея Дмитриевича и его сына Ивана. Именно в это время на территории Можайского княжества появляются владения москвичей Отяевых (из рода Хвостовых-Босоволковых), белозерцев Монастыревых 128 и выехавшего на службу из Кашинского удела Тверского княжества боярина Григория Григорьевича – предка Олферьевых, Бездниных, Нащокиных, Ордын-Нащокиных, Ветреных и Ляпуновых¹²⁹. Не исключено, что коренными или относительно старыми можайскими вотчинниками были дворяне Долматовы, Погожие и Протопоповы, чьи родословные, правда, подтверждаются лишь с последней четверти XV B. 130

Из приведенных ранее сведений источников видно, что весьма пестрый по составу двор можайских князей генетически был тесным образом связан с двором великих князей владимирских и московских, потомков Ивана Калиты. В Можайске преимущественно группировались представители тех фамилий, которым по разным причинах, а подчас и вследствие «коромолы» предков или засилья нововыезжих родов не удалось получить место в великокняжеской думе. Поражение в феодальной войне XV в. лишило большинство из них возможности для дальнейшего карьерного роста. Тем

не менее, значительного оттока местных землевладельцев, вслед за князем Иваном Андреевичем, в Литву не произошло. Ряд представителей таких боярских семей, как Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы, Отяевы и Даниловы, позднее во второй половине XV-XVI в. еще можно увидеть в боярской думе или при дворе. Однако в большинстве случаев они находились на службе у удельных князей, младших представителей правящей в Москве династии — правителей Дмитрова, Углича, Калуги и Старицы. Впрочем, в редких, исключительных случаях им удавалось вернуться в боярскую думу великих князей, но это — весьма важная и интересная, исследовательская тема, которая требует специального изучения, выходящего за хронологические рамки данной работы.

Подробнее см. в кн.: Древнерусские княжеские уставы XI-XIV вв. / Изд. подгот. Я.Н.Щапов. М., 1976. С. 140-146; Сб. РИО. Т. XXXV. 2-е изд. СПб., 1892. 24. С.119, 137; Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. М., 1980. С. 36-37. Рис. 5, 41; Рис. 4.

² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 83.

³ Ср.: *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 68-72; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 83-84.

⁴ *Юшко А.А.* Из истории городских центров Подмосковья XI-XIV вв.: Обзор источников и исторической географии // Древности славян и Руси: Сб. статей. М., 1988. С. 188.

⁵ Алексеев Л.В. Указ. соч. С. 1, 83-185, 191; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 71.

⁶ См., например: ПСРЛ. Т. І, вып. 3. М., 1997. Стб. 512. Л. 237; Т. VI, вып. 1. М., 2000. Стб. 248 об.; Т. Х. М., 2000. С. 103 и др.

⁷ Географический энциклопедический словарь: Географические названия / Гл. ред. А.Ф.Трешников. 2-е, доп. изд. М., 1989. С. 317; География России: Энциклопедия / Гл. ред. А.П.Горкин. М., 1998. С.358.

⁸ ПСРЛ. Т.ІІІ. М., 2000. С. 71. Л. 115 («подъ Мосальскомь»). В сер. XV в. НПЛ младшего извода уже читалось «под Мосаискомъ» (Там же. С. 280. Л. 155). Очевидно, поздний переписчик уже не понял этого названия и исправил его на более известный и понятный «Можаиск» (См. например: Там же. Т. XV, вып. 1. М., 2000. Стб. 359). Присутствие войск князей Северо-Восточной Руси в р-не Мосальска в 1231 г. подтверждается результатами раскопок местных археологических памятников, время существования которых относится к промежутку «от

- рубежа XI-XII вв. и до второй половины XIII в.» (Подробнее см. об этом в ст.: *Прошкин О.Л.* Древнерусский слой Мощинского городища // Российская археология. 1997. 2. С. 229-239).
- ⁹ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X первой половине XIII в. М., 1977. С. 197-198; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 109.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 61. Л. 135-135 об.; Т. XXXIII. Л., 1977. С. 74-75. Л. 230 об.-233 и др.
- Там же. Т. VII. М., 2000. С. 174; Т. XX, ч. І. С. 171. Л. 237 об.; Т. X. С. 157; Т. XXXIII. С. 75. Л. 233 об.-234 и др. В связи с этим интересно отметить, что ряд московских синодиков XVI в. в разделе «Смоленские» не упоминают князя Федора; зато они знали «князя Мстислава, князя Ростислава, князя Глеба, князя Михаила, князя Александра» и др. местных князей конца XIII—начала XV в. (См., например: РГАДА. Ф. 375. Исторические сочинения. 89. Отрывок из синодика. Л. 1 об.-2. [Список XVI в.]).
- 12 Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 157. Л. 201 об.-202; Т. XXVIII. С. 63. Л. 141-141 об., 223. Л. 189. Не комментируя упоминания источниками в 1292-1293 гг. князя Святослава, А.А.Горский выдвигает версию, согласно которой Можайск около 1291 г. оказался в руках московского князя. Город после событий 1293 г. был утрачен Даниилом (1303) и вновь вошел в число владений Федора Черного. В свою очередь, этот князь лишился его вместе со Смоленском в 1297 г. в борьбе со своим племянником Александром Глебовичем (1313). Последний возвращает его Даниилу за поддержку в 1297-1299 гг. в войне против ярославского князя (Горский А.А. О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории: Чтения памяти В.Т.Пашуто. М., 1993. С. 20-22; *Он же.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. 3. С. 80-81, 85-86; Он же. Москва и Орда, М., 2000, С. 17-21). Однако гипотетическая реконструкция событий вокруг Можайска в конце XIII в., предложенная А.А.Горским, не находит ни одного прямого подтверждения ни в ранних, ни даже в поздних источниках (Ср.: Греков И.Б. О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII — начале XIV в. // Древности славян и Руси. С. 125-133: Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. 1. С. 96-107).
- 13 Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 91. (Исследователь датировал закладку каменного собора святого Спаса Преображения 1286 г.) На самом деле, это произошло годом ранее (ПСРЛ. Т. І, вып. 2. Стб. 482-483. Л. 170 об.; Т. XV, вып. 1. Стб. 406).
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. І, вып. 2. Стб. 482-483. Л. 170 об.; Т. XV, вып. 1. Стб. 406; Т. XX, ч. І. С. 170. Л. 236-236 об.

- 15 Там же. Т. ХХХІІІ. С. 76. Л. 236. Это сообщение в летописи отнесено к 6791 г. Однако оно помещено между событиями, произошедшими не в 1283, а в 1285 г. Уникальное сообщение Холмогорской летописи не учтено Т.В.Анисимовой. Поэтому она допускает ошибку, не включив князя Святослава в число первых ктиторов храма святого Спаса (Анисимова Т.В. Традиция местного почитания Тверского кафедрального Спасо-Преображенского собора в XIII-XIV вв.: (По летописным и другим источникам) // Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции. М., 1996. Ч. II. С. 83).
- 16 ПСРЛ. Т. XV, вып. 1: Рогожский летописец. Стб. 34. Л. 264; Тверская летопись. Стб. 406; ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 9465. Синодик кафедрального Спасо-Преображенского собора в Твери [Список 1-й пол. XVII в.]. Л. 31-31 об.
- 17 Если допустить, что в 1288 г. Святослав был жив, то его отсутствие среди участников похода можно объяснить только тем, что он в 1288 г. мог находиться в Твери под арестом. Как показывают события, произошедшие в 1316 г. в г. Торжке, Михаил Ярославич ради власти вполне был способен пойти на клятвопреступление в отношении своих ближайших родственников.
- ПСРЛ. Т. І, вып. 2. Стб. 482-483. Л. 170 об.-171; Т. XV, вып. 1. Стб. 34-35. Л. 264-264 об., 406-407; Тиганова Л.В. Повесть о Софье Ярославне Тверской // ЗОР. Вып. 33. М., 1972. С. 253-264; Житие Софьи Ярославны // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. ІІ. М., 2001. С. 202-204, 204-206. Л. 398 об.-400 об.; Ср.: Кучкин В.А. Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий: Сборник материалов конференции. М., 2002. С. 106-116.
- 19 Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 84.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 165. Л. 85 об. Вероятно, приглашение Владимира Святославича в Новгород могло состояться после похода «на Немецьскую землю», когда ратью командовали воеводы «великаго князя Дмитрия Александровича» (Там же. Т. VI, вып. 1. Стб. 361-362. Л. 312 об.).
- 21 Там же. Стб. 362. Л. 313.
- Голубовский П.В. Указ. соч. С. 179, 187. Правда, недавно, К.А.Аверьянов высказал мнение, что этот Роман сын белозерского князя Глеба Васильковича (1278), т.е. родной брат сторонника князя Андрея Городецкого и хана Тохты Михаила (Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 104, 140-142, 145, 153). Однако такая точка зрения не подтверждается ни одним из существующих ныне родословных источников XIV-XVIII вв. (Ср.: Кузьмин А.В. Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII первой половине XIV века // История и культура Ростовской земли, 2000. Ростов, 2001. С. 10-23).
- ²³ ПСРЛ. Т. І, вып. 2. Стб. 473. Л. 166, под 6772 г. Однако известно, что венчание состоялось после вокняжения Ярослава в Новгороде. Это событие состоялось 27 января 1265 г. (Там же.

- Т. III. С. 84. Л. 140 об., 313. Л. 179). Следовательно, свадьба также была в этом году. Очевидно, запись о ней под 6772 г. сделана в мартовском стиле.
- ²⁴ Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 33. Л. 263.
- ²⁵ Там же. Т. III. С. 84. Л. 143 об.-144 об., 315-316. Л. 180 об.-181; Т. XVI. М., 2000. Стб. 54.
- ²⁶ Там же. Т. III. С. 88. Л.147 об.-148 об., С. 319-320. Л. 183 об.-184.
- ²⁷ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998. С. 63, 159.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. Стб. 353. Л. 305 об.; Т. XXVII. С. 51. Л. 143 об.
- ²⁹ Там же. Т. XXVII. С. 30. Л. 52 об.; С. 165. Л. 84 об.-85; С. 235. Л. 73; С. 321. Л. 32-32 об.; Т. XXXVII. С. 30. Л. 52 об.; С. 165. Л. 84 об.-85.
- ³⁰ Там же. Т. XXXVII. С. 70. Л. 121 об.-122. В Устюжской летописи (список Мациевича) также читается данное известие. Однако здесь опущено имя Михаила (Там же. С. 31. Л. 52 об.). СІЛ старшего (свод 1418 г.) и младшего изводов, а также следующие за ней Никаноровская летопись, Московский летописный свод конца XV в., Сокращенные своды 1493 и 1495 гг., Львовская летопись, Вологодский летописец и др. вообще исключают это сообщение. Иногда оно заменяется записью о рождении у Ярослава еще одного сына Михаила. Кроме того, летописи сообщают о вокняжении во Владимире, но не борьбе за него (курсив мой. — A.K.) князя Василия Ярославича (ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. Стб. 353. Л. 305 об.; Т. XXXIX. С. 93. Л. 156 об.; Т. XXVII. С. 51. Л. 143 об.; С. 235. Л. 73; С. 321. Л. 32-32 об.; Т. XXV. С. 150. Л. 190; Т. XX, ч. І. С. 167. Л. 231; Т. XXXVII. С. 165. Л. 84 об.-85 и др.). Источником для летописей конца XV – начала XVI в., по-видимому, мог быть так называемый Северно-русский летописный свод 70-х гг. XV в. (*Лурье Я.С.* Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца // AE за 1971 г. М., 1972. С. 120-129).
- ³¹ ПСРЛ. Т. III. С. 322. Л. 185-185 об.; Т. VI, вып. 1. Стб. 354-355. Л. 307-307 об. и др.
- ³² Там же. Т. IV, ч. І. М., 2000. С. 230. Л. 148; Т. XXXIX. С. 87. Л. 145.
- ³³ Там же. Т. VI, вып. 1. Стб. 340. Л. 295; Т. ХХХІХ. С. 90. Л. 150.
- 34 В одновременной посылке великим князем на переговоры двух видных феодалов светского и духовного нет ничего удивительного. Это весьма распространенная практика для Северо-Восточной Руси XIII первой половины XIV в. Так, например, летом 1319 г. Юрий Данилович отправил посольством в Тверь епископа Ростова Прохора и стародубского князя Ярослава (Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 40. Л. 267 об., Стб. 412).
- 35 Кузьмин А.В. Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV-XVII вв.: Тезисы докладов и выступлений научной конференции. М., 1997. С. 3-7.

- 36 В 1300 г. у брата Романа Александра Глебовича в бою под Дорогобужем погиб сын (Там же. Т. І, вып. 2. Стб. 485. Л. 171 об.). Второй сын смоленского князя Василий Александрович Брянский скончался в 1314 г. (Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 35. Л. 255).
- 37 Цит. по ст.: *Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 60; *Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153-155 и др.
- Версия К.А.Аверьянова о делении Можайска на половины основана на чтениях дефектных записей Оболенского списка Никоновской летописи (60-е гг. XVI в.), а также Эрмитажного списка (до 1764 г.) Московского летописного свода конца XV в. Записи других более древних или родственных по происхождению летописей им либо не учтены, либо объявлены, без каких-либо серьезных на то оснований, «домыслами». Кроме того, большинство генеалогических построений автора при обращении к источникам ни прямого, ни косвенного подтверждения не находят, являясь, по сути дела, плодом его фантазии (Аверьянов К.А. Московское княжество Ивана Калиты: Присоединение Коломны. Присоединение Можайска. М., 1994. С. 26-56; Ср.: Горский А.А. Москва и Орда. С. 18-19. Примеч. 34).
- ³⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 177.
- 40 Любавский M.K.Образование основной государственной великорусской территории народности: Заселение объединение центра. Л., 1929. С. 56; Романов Б.А. Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанскому Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. Т. III. М.; Л., 1940. С. 217; *Аверьянов К.А.* Московское княжество... С. 45 (без указания на своих предшественников) и др. Недавно В.А.Кучкин высказал мнение, что упоминаемая в грамотах 1348 и 1353 гг. княгиня Анна, тетка Семена Гордого, не была женой Афанасия Даниловича. Правда, при этом исследователь не ставит знак равенства между этой княгиней и Анной, упоминаемой в 20-е гг. XIV в. в Новгородской II летописи. Однако его предположение о том, что последняя из них ранее была женой Святослава Ярославича, а не Святослава Глебовича, с точки зрения хронологии весьма vязвима (Кучкин В.А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 4-11). Тем не менее, предположение В.А.Кучкина о рязанском происхождении тетки Семена Гордого находит косвенное подтверждение: в одном из поминальных списков «великихъ княгинь Рязанскихъ» за XIII — начало XVI в. можно отыскать четырех княгинь с именем Анна (ОР РГБ. Ф. 256. 387. Л. 45-45 об.).
- ⁴¹ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Указ. соч. С. 75-76, 174 (ему принадлежат 7 печатей 441 а).
- ⁴² *Татищев В.Н.* История Российская. Т. V. М., 1965. С. 80.

- 43 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подгот. к печати Л.В.Черепнин; Отв. ред. С.В.Бахрушин. М.; Л., 1950. 1 (а). С. 7; 1 (б). С. 9. На это сообщение источника ранее уже обращали внимание исследователи (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XVI вв. Ч. І. М.; Л., 1948. С. 15. Примеч. 21; Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты // Источниковедение отечественной истории. 1989 г. М., 1989. С. 215 и др.).
- 44 Мнение Н.И.Асташовой, будто вместе с Можайском к Москве отошла Вязьма, ошибочно. Оно прямо противоречит всем сообщениям источников об этом городе вплоть до 1492 г. (Асташова Н.И. Некоторые итоги археологического изучения Смоленска // Исторический город в контексте современности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1997. С. 7).
- ⁴⁵ ДДГ. 2. C. 12; 3. C. 13.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 93-94. Л. 167 об.; См. также: Там же. Т. XXV. С. 173. Л. 229 и др.
- 47 В Городецком стане Бежецкого Верха находилось боярское село Руготино, которое в начале XV в. перешло в руки великого князя Василия (Любавский М.К. Указ. соч. С. 101). Источникам конца XV-XVII в. известен род московских служилых людей Руготиных (Акты служилых землевладельцев XV начала XVII в.: Сборник документов. Т. І / Сост. А.В.Антонов, К.В.Баранов. М., 1997. 314. С. 304-312. Л. 583-604 [Список 1628 г.]; Т.ІІ / Сост. А.В.Антонов. М., 1998. 89. С. 93-100. Л. 85-87, 90, 98 [Список 1644 г.]; ОР РГБ. Ф. 304. Троице-Сергиева лавра. 817. Синодик Л. 23 об. [Список 2-й пол. XVII в.]; Сташевский Е. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // Чтения в имп. МОИДР. 1911 г. Кн. 236. М., 1910. І: Материалы исторические. С. 10; Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 272; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985. С. 179 и др.).
- 48 ДДГ. 3. C. 13; 4 (a). C. 15; 4 (б). C. 17; 12. C. 34.
- ⁴⁹ Опись Посольского приказа 1626 г. / Подгот. к печати В.И.Гальцов; Под ред. С.О.Шмидта. Ч. І. М., 1977. С. 37. Л. 10-11.
- ⁵⁰ ДДГ. 12. C. 35.
- ⁵¹ *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 36.
- ⁵² Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А.Зимина; Под ред. и с предисл. Л.В.Черепнина. Ч. II. М., 1978. С. 274 (далее Зимин А.А. Государственный архив России).
- 53 ДРВ. Ч. VI. 2-е изд. М., 1778. С. 456; См. также: Конев С.В. Синодикология. Ч. II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. VI. Екатеринбург; Нью Иорк, 1995. С. 103. Л. 55 об.-56.

- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 190. Л. 392; Т. XXV. С. 260. Л. 363 об.; Иоасафовская летопись / Под ред. А.А.Зимина; Отв. ред. М.Л.Тихомиров. М., 1957. С. 58-59. Л. 19 об. и др.
- 55 Там же. Т. XXIV. М., 2000. С. 230-231. Л. 329 об.; РИИР. Вып. 2. М., 1977. С. 139. Л. 107-107 об.; Родословная книга по трем спискам // Временник имп. МОИДР. 1851. Кн. X: Материалы. С. 164, 252.
- 56 РИИР. Вып. 2. С. 139-140. Л. 107-107 об.
- 57 Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 342.
- ⁵⁸ АСЭИ. Т. І. М., 1952. 30. С. 41 [Подлинник].
- ⁵⁹ ДДГ. 21. C. 59; 22. C. 62.
- ⁶⁰ Там же. 12. С. 37.
- 61 «А меняли бояре Иван Федоровичь, Семен Тимофеевичь, Кузьма казначей (выделено мной. — А.К.)» (АСЭИ. Т. II. М., 1958. 340. С. 338 [Список XVII в.]).
- 62 Там же. Т. I. 266. С. 193 [Подлинник].
- 63 Лихачев Н.П. Дипломатика: (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте). Из лекций по сфрагистике. М., 2001. С. 24.
- 64 Лихачев Н.П. «Государевъ родословецъ» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 63-64. Примеч. 3.
- 65 АФЗХ. Ч. I (см. по указателю); *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I, ч. II: Землевладение митрополичьего дома. М.; Л., 1947. С. 191, 222, 224, 348-353, 361, 374, 423, 425 и др.
- 66 Несмотря на ряд недочетов, отмеченных А.А.Горским в аргументации А.П.Григорьева, точка зрения последнего о позднем происхождении «ярлыка» (точнее письма) ордынского эмира Едигея нам представляется наиболее убедительной (Григорьев А.П. «Ярлык Едигея»: Анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XI. Л., 1988. С. 55-93; Ср.: Горский А.А. Указ. соч. С. 130-133).
- 67 *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 149.
- 68 Там же. С. 147.
- ⁶⁹ РИИР. Вып. 2. С. 46-47. Л. 608 об.; ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 132. Л. 219; Т. VIII. М., 2001. С. 81; Т. XXV. С. 237. Л. 331 об.; С. 278. Л. 389 и др.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 483.
- 71 Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 37. Л. 10 об.
- ⁷² Черепнин Л.В. Указ. соч. Ч. І. С. 27. Примеч. 77; Веселовский С.Б. Исследования... С. 215; Зимин А.А. Государственный архив России. Ч. II. С. 274.
- 73 РИИР. Вып. 2. С. 40. Л. 604-604 об., 165. Л. 152 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 846 об.-847; № 67/90. Л. 79 об.; № 173/278. Л. 150; № 174/280. Л. 96 и др.

- 74 ДДГ. № 89. С. 355; См. также духовную царя Ивана Грозного 1572 г. (Там же. № 104. С. 436).
- 75 *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 46.
- ⁷⁶ Зимин А.А. Государственный архив России. С. 275.
- 77 ДДГ. 7. С. 23; 11. С. 34. Во второй грамоте прямо упоминается старший сын тысяцкого Иван, отъехавший в 1375 г. на службу в Тверь.
- ⁷⁸ *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 56.
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 232. Л. 332 об.-333.
- 80 Зимин А.А. Государственный архив России. С. 275.
- 81 ДДГ. 1 (а-б). С. 7, 9.
- 82 *Андреевский С.С.* Валуевы. Орел, 1913. С. 3.
- 83 Веселовский С.Б. Исследования... С. 230-233; Кучкин В.А. Формирование государственой территории... С. 42-43.
- 84 ДДГ. 2. С. 13.
- 85 Там же. 10. С. 36-37.
- 86 Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 441; О датировке см.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 273-274; Он же. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 107.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 232. Л. 333; РГАДА. Ф. 181. 20/25. Л. 850 об.; РИИР. Вып. 2. С. 63. Л. 619 и др.
- 88 ДДГ. 57. С. 177.
- 89 ПСРЛ. Т. XXV. С. 204. Л. 282.
- ⁹⁰ ДРВ. Ч. VI. С. 451, 452.
- 91 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 134. Л. 262 об.; Веселовский С.Б. Исследования... С. 234.
- 92 ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925. С. 372-373. Л. 245 об.; См. также: Т. XXV. С. 220. Л. 306 об. и др.
- 93 АСЭИ. Т. II. 340. С. 338. И.А.Голубцов и С.М.Каштанов, не учитывая специфики получения должностей в XIV в., полагают, что в данном случае упоминался боярин С.Т.Вельяминов (Там же. С. 339 (Комментарий); Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 344 [Комментарий к акту 2]). Однако с этим согласиться совершенно нельзя. В XIV в. неизвестны случаи, когда сын при живом отце боярине получил бы такой думный чин.
- 94 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 133. Л. 262-262 об.
- 95 Веселовский С.Б. Исследования... С. 231.
- 96 Там же. С. 235.
- 97 АСЭИ. Т. І. 282. С. 202 (Список сер. XVI в.), 613; Веселовский С.Б. Исследования... С. 235.
- 98 Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 192.
- ⁹⁹ АСЭИ. Т. І. С. 613.

- 100 Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. М., 1996.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 93 и др.
- 102 ОР РГБ. Ф. 304. 817. Л. 14 об. (Благодарю Александра Викторовича Маштафарова, который любезно согласился предоставить мне для работы распечатку текста этой рукописи.)
- 103 Цит. по кн.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 25 (Подробнее о списках этой «памяти» см. в кн.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 78-88).
- 104 Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. V. М., 1993. С. 328. Примеч. 254; ДРВ. Ч. VI. С. 452; РИИР. Вып. 2. С. 63. Л. 619 и др.
- 105 ПСРЛ. Т. XXV. С. 246-247. Л. 344 об.; Т. XXVII. С. 101. Л. 296 об.-297; Веселовский С.Б. Исследования... С. 419.
- 106 Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 134.
- 107 Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 184.
- 108 Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 82.
- 109 Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот к печати А.А.Зимин. М.; Л., 1950. С. 65. Л. 128 об.; С. 125. Л. 95; С. 173. Л. 129 об.; С. 181. Л. 135 об.; С. 183. Л. 137; С. 186. Л. 139; С. 194. Л. 145; Киселев И.А. Генеалогический состав боровского дворянства во второй половине 16-17 вв. // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 52; Кистерев С.Н. Частный случай родового выкупа в середине XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 71-79.
- 110 Веселовский С.Б. Исследования... С. 233-236; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV первой трети XVI в. М., 1988. С. 157.
- ПСРЛ. Т. III. С. 352-353. Л. 208 об.-209; См.: Там же. Т. VI, вып. 1. Стб. 413-414. Л. 355-356 и др.; «Черный бор» собирался с части Новгородских земель, в том числе и Торжка, с 1333 г. с периодичностью в 7-8 лет (Подробнее об этом в ст.: Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы научной юбилейной конференции). М., 1983. С.98-107.
- 112 ПСРЛ. Т. III. С. 356. Л. 211 об.; С. 360. Л. 214 об.
- 113 Там же. С. 361-362. Л. 215 об.
- 114 Подробнее о деятельности московских наместников в Новгороде в 1340-1350-м г. см.: Кузьмин А.В. Московский посол и наместник в Новгороде в середине XIV века: (историко-генеалогические заметки) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Новгород, 1998. С. 51-57).

- 115 РИИР. Вып. 2. С. 174. Л. 169; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Ч. II. Глава № 39. С. 254.
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 106-107. Л. 313; См. также: Там же. Т. XVIII. С. 114. Л. 21 об.-213 и др.
- 117 Цит. по кн.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 392.
- 118 АИ. СПб., 1841. Т. І. № 53. С. 102 (с датой 1452-1453 гг.).
- 119 ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 2000. Стб. 192; Одним из первых на это важное сообщение источника при датировке послания митрополита Ионы обратил внимание В.Л.Янин (Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 195-196; Ср.: Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 152).
- 120 АСЭИ. Т. II. М., 1958. № 377. С. 374-375 [Список конца XV начала XVI в.]; Ср.: ДДГ. № 68. С. 223. Л.И.Ивина неуверенно датирует этот вклад то 40-ми, то 40-50-ми гг. XV в. (Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV начала XVI вв. Л., 1979. С. 60-61, 96).
- 121 Цит. по кн.: Лихачев Н.П. Указ. соч. С. 392. Примеч. 3; РГАДА. Ф. 357. Опись 1. № 16. Глава 48. Л. 151.
- ¹²² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 253, 276. Примеч. 12; *Морозов Б.Н.* Новосильцовы // ЛИРО. Вып. 1 (45). М., 1993. С. 33-34.
- ¹²³ Ивина Л.И. Указ. соч. С. 61. Примеч. 118.
- 124 Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 253-254.
- 125 Исследователь ошибается, когда считает Хилиных потомками Андрея Яковлевича (Чернов С.З. Волок Ламский в XIV первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 294-295; Ср.: РИИР. Вып. 2. С. 175. Л. 169 об.; Бархатная книга. Ч. II. С. 256).
- 126 АСЭИ. Т. І. 380. С. 277 (Список середины XVI в.).
- 127 Веселовский С.Б. Исследования... С. 450-454; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 254-257.
- 128 Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.; Л., 1951. С. 24-36; Веселовский С.Б. Исследования... С. 374-396; Грязнов А.Л. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389-1486 гг. // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. IV. Вологда, 2001. С. 24-51; Кузьмин А.В. Боярство Ростовской земли конца XII начала XV века // История и культура Ростовской земли, 2001: Сборник материалов научной конференции. Ростов, 2002. С. 68-77.
- 129 РГАДА. Ф. 181. 85/111. Л. 185-187.
- ¹³⁰ Там же. Ф. 181. 85/111. Л. 173 об.-174 об.; 173/278. Л. 389; Ф. 286. Оп. 2. Л. 402-405 и др.

РОССИЙСКИЙ ПОСОЛЬСКИЙ ОБЫЧАЙ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Осуществление международных контактов издавна подразумевало целый ряд связанных с этим обрядов, обычаев и церемоний. Совокупность обрядов и правил поведения дипломатов при иноземных дворах, а также церемоний, имевших место при приёме зарубежных послов, постепенно сложились в систему дипломатического церемониала. Связи между государствами производились при посредстве особого дипломатического языка. с использованием специфической терминологии. Анализ норм дипломатического этикета способен дать интересный материал по истории внешней политики, международных связей и посольской службы. Рассмотрение «посольского обычая» интересно также в семиотическом плане, поскольку предоставляет возможность делать выводы о значении для людей прошлого символических актов, принятых в сфере международных контактов, а также о претензиях, выдвигаемых державой на внешнеполитической арене.

Анализируя историографию, посвящённую дипломатическому церемониалу Московского государства, прежде всего следует отметить специальную монографию фовича¹. В работе подробнейшим образом рассмотрен российский «посольский обычай» конца XV — начала XVII века: вопросы, связанные с пребыванием иностранных дипломатов на территории России, а также правила поведения российских послов за рубежом. На настоящий момент исследование Л.А.Юзефовича является наиболее авторитетной работой по истории дипломатического этикета Московского государства. Статья Ю.Н.Достовалова, посвящённая российскому посольскому этикету XVI-XVII столетий², основанная преимущественно на опубликованных источниках, практически не привносит ничего нового по сравнению с исследованиями предыдущего автора. Проблема влияния восточной (татарской) традиции на посольский церемониал государства была исследована Н.И.Веселовским³. Этим, по сути, ограничивается перечень работ, посвящённых

непосредственно истории «посольского обычая» Московского государства.

В настоящей работе, преимущественно на базе неопубликованных материалов делопроизводства Посольского приказа, будет рассматриваться российский дипломатический этикет двух первых десятилетий XVII века – периода, лишь частично затронутого в исследовании Л.А.Юзефовича. Анализ дипломатического церемониала Московского государства начала XVII века и эпохи Смуты представляет особый интерес. К концу XVI столетия главное дипломатическое ведомство страны (Посольский приказ) и система дипломатического этикета («посольский обычай») в целом уже сформировались. Тяжёлые обстоятельства Смутного времени, частая смена монархов, дипломатический кризис Московского государства, усиление западного влияния – все это неизбежно должно было наложить отпечаток как на внешнюю политику страны в целом, так и на «посольский обычай», бытовавший при дворе московских государей.

Исследование сохранившейся до наших дней документации Посольского приказа и повествовательных источников (в основном иностранного происхождения) позволяет прийти к выводу о том, что в целом дипломатический церемониал начала XVII столетия не претерпел серьёзных изменений по сравнению с предшествующим периодом. По заведённой традиции, иностранный дипломат, сразу по пересечении российской границы, получал сопровождающее лицо - пристава, который доставлял его в Москву. В пути представитель иностранного двора обеспечивался всем необходимым: провиантом, средствами передвижения, охраной. Прежние прецеденты, ранг дипломата и значение для Московского государства связей с представляемой им страной непосредственно влияли на оказываемые ему почести. Российский дипломатический церемониал подразумевал вежливое обращение с иностранными дипломатами. В частности, в 1614 г. воеводы получили из Посольского приказа распоряжение относительно приезда английского посла, чтобы те принимали дипломата «с великою честию, и кормы ему, и дворяном, и людем их давали, и во всем береженье к ним и учтивость держали по прежнему посольскому обычею»⁴.

Немалое значение на этапе сопровождения посольства в Москву имело обеспечение миссии провиантом и транспортными средствами. В зависимости от ранга дипломата менялось и его кормовое содержание. Например, в 1604 г. ивангородские воеводы писали в Москву: «А будет, государь, цысаревы послы придут в Ивангород не большие и не ближние цысаревы люди, и мы, холопи твои, учнём давати им корм менши твоей государевы указные розписи, примерясь к розписи, смотря по людем»⁵. Роспись кормов обыкновенно рассылалась из Посольского приказа по городам. В случае же отсутствия новой росписи, воеводы пользовались прежними документами. В частности, в 1614 г. архангельские воеводы выдавали корм английскому посольству по росписи, сохранившейся в приказной избе с 1600 г.6 Содержание иностранцев в Московском государстве было весьма щедрым. Английская миссия из 35 человек, следовавшая в Москву, на каждые два дня получала, помимо хлеба и калачей, яловицу, 4 баранов, 9 кур, полть ветчины, 200 яиц, 8 гривенок масла, по полведра сметаны и уксуса, четверть пуда соли и четверик крупы. Кроме того, англичане ежедневно получали, в зависимости от своего ранга, от двух до пяти чарок «вина горячева», мёд трёх сортов, а также по полведра пива. Несмотря на это, периодически возникали конфликтные туации. Так, например, английский посол Дж. Меррик по вышеприведённой росписи брать корм отказывался, утверждая, что его недостаточно 7 .

Российская сторона заботилась о том, чтобы иностранцы своевременно и в полном объёме получали полагающийся им провиант. Для этого следовало назначать для сбора кормов надёжных людей. В 1604 г., например, в Новгород послали распоряжение: «А посылали бы есте для кормов подьячих... стоячих добрых, кому мочно верити, и приказывали накрепко, чтоб они продаж и убытков в корму не чинили, и сами ни в чем не корыстовались, и посулов и поминков ни у кого не имали» Следует отметить, что кормовое содержание иностранных миссий было отличительной чертой азиатского и восточноевропейского дипломатических церемониалов. На полное обеспечение принимались все иностранные посольства в Польше, содержали иностранные миссии в Османской империи и

Крымском ханстве, тогда как в европейских странах послы должны были жить на собственные средства⁹.

Иностранные миссии обеспечивались в России также лошадьми и подводами. При этом, однако, бдительно следили, чтобы транспорт получали только дипломаты, сопровождающим же их купцам полагалось нанимать подводы на собственные деньги. В 1614 г. Посольский приказ предписал воеводам отвечать на возможные просьбы посла о дополнительных подводах для торговцев: «того ни в которых государствах не ведетца, чтоб торговым людем под товары подводы давати, а дать подводы под послов, и под посланников, и под дворян, и под людей, а хотя с которыми послы и посланники и бывают торговые люди, и под них и под их товары подвод никому не дают. А ездят и товары свои возят на своих лошадях или наимуют, и того мимо прежней обычаи, чего преж не бывало нигде, учинити не мочно» 10.

В задачу городских воевод и путевых приставов входило создание у иностранного дипломата положительного впечатления о Московском государстве. По пути следования миссии спешно приводились в порядок дороги, мосты, здания. В 1604 г., в ожидании приезда имперского посла Г.Логау, в городе Торжке было велено выстлать соломой и хворостом грязные дворы и починить мосты. Дипломатический церемониал предписывал воеводам следить, чтобы во вверенных их заботам городах при проезде иностранцев было «людно и устройно по посольскому обычею: стрельцы и посадцкие люди были в честом платье» 11. В том же 1604 г. в Ливнах, во время проезда крымского гонца, воеводы «лутчим, цветным, и конным, и нарядным велели ездити блиско посольские дороги по-праву и по-леву толпами, а не полком, а которые под ними лошади похуже, тем велели ездити вдали, а пешим людем велели ходити потому ж толпами» 12. По всей вероятности, дав распоряжение ходить «толпами», а не «полком», ливенские воеводы добивались того, чтобы многолюдность и богатство Московского государства в глазах крымского гонца выглялело естественнее.

Приставам приказывалось препятствовать появлению на дорогах нищих и больных: соответствующее распоряжение сохранилось в столбце о приезде в Москву в 1604 г. имперского посольства: «чтоб больных и нищих на тех станех от-

нюдь не было никаковы человека, того беречь накрепко» ¹³. Следовало также оградить дипломатов от общения со случайными людьми: практически во всех сохранившихся наказах приставам начала XVII в. содержится требование «беречи, чтоб к послу, и к дворяном, и к их людем руские люди..., и немецкие люди, и литва не приходили и не розговаривали ни о чем» ¹⁴.

Свою особенность в начале XVII в. имел порядок встречи шведских и турецких миссий. Шведских дипломатов по традиции приставы у границы встречали не от имени царя, а от новгородского воеводы. Данный обычай установился ещё в те времена, когда Новгородская земля не была включена в состав Московского государства, и «Господин Великий Новгород» поддерживал самостоятельные внешнеполитические связи с зарубежными державами. К началу XVII в. контакты со Швецией уже всецело находились под контролем Посольского приказа, но из соображений престижа шведским посланникам и гонцам продолжали говорить, что разрешение на въезд в пределы Московского государства они должны испрашивать у новгородских воевод. Так, в 1607 г. шведских гонцов принимали у границы и провожали до Москвы якобы по веленью новгородского воеводы князя $A.\Pi.$ Куракина 15 . Позднее, в конце 1608 г., когда у московского правительства появилась заинтересованность в заключении военного союза со Швецией, на переговоры с генералом Делагарди был отправлен князь М.В.Скопин-Шуйский, бывший тогда новгородским воеводой.

Турецких дипломатов встречали на южных рубежах страны от лица рязанских воевод. Например, в 1614 г. дворянин И.Г.Одадуров был направлен навстречу турецкой миссии по распоряжению из Посольского приказа, но туркам должен был заявить, что встречает их от рязанского воеводы князя Ф.И.Лыкова-Оболенского. Подобная практика была вполне устоявшейся. Когда вышеупомянутый Одадуров отказался ехать навстречу посольству от имени рязанского воеводы, боясь уронить тем самым свою родовую честь, из Москвы ему был отправлен строгий выговор с распоряжением посадить строптивого дворянина на несколько дней в тюрьму. Помимо прочего, в отповеди из Посольского приказа говорилось: «А наперед сего бывали на встрече против турских

посланников и речь говаривали от резанских бояр и воевод, и от наместников и не в твою версту отечеством: князь Григорей Волконский и иные в ту версту \mathbf{x} .

Приехав к Москве, пристав должен был остановиться в нескольких верстах от столицы, на последнем стане, и сообщить о своём прибытии в Посольский приказ. Эта задержка была необходима для того, чтобы посольские дьяки успели организовать церемонию встречи дипломата. Встреча происходила неподалёку от городской стены («с перестрел» – т.е. на расстоянии полёта стрелы) 17 . Встречать иностранного дипломата отправляли новых приставов, которые с этого момента меняли прежнего, путевого пристава, сопровождавшего иностранца от границы. В зависимости от ситуации, приставов могло быть от одного до трёх человек. Как правило, к гонцам назначался один пристав вне зависимости от страны, которую он представлял. В 1604 г. один пристав состоял при имперском гонце; в 1607 г. по одному приставу было у шведского и у крымского гонцов; в 1616 г. один пристав числился при голландском гонце, в 1617 г. — при английском 18. Практически всегда по одному приставу назначали к крымским и ногайским дипломатам любого ранга¹⁹. Исключение составляет миссия крымского гонца Ян-Ахмет-Челибея в 1604-1605 гг., при которой постоянно упоминается по два пристава. Объясняется это, вероятно, численностью миссии – 145 человек²⁰. По одному приставу отправляли иногда к дипломатам более высокого, чем гонцы, ранга: в 1608 г. к калмыцким послам, в 1614 г. к датскому посланнику и к кумыцкому послу, в 1615 г. к голландскому посланнику 21 . Одного пристава полагалось отправлять к черкесским мурзам и приезжим иноземцам как, например, в 1609 г. к шведским наёмникам, приехавшим за жалованьем²².

Два или три пристава отправлялись к дипломатам наиболее значимых для российской внешней политики держав, если они прибывали в ранге посланников или послов. В 1604 г. английского посла встречали три пристава; в 1606 г. к польским послам выслали двух приставов (в дальнейшем их число было увеличено до трёх); в 1614 г. при английском после пребывало три пристава; по два пристава находилось в 1617-1618 гг. при персидских и шведских послах²³.

Чем более значимой была миссия, тем более родовитые люди назначались в приставы. Например, в приставы к персидскому послу в 1604 г. был назначен князь Φ .А.Звенигородский²⁴; к польским послам, прибывшим к Лжедмитрию I в 1606 г., был приставлен князь Г.К.Волконский²⁵, а к имперскому и к крымским гонцам в 1604 г. приставили стрелецкого сотника Φ .Брянченинова, к шведскому гонцу в 1607 г. — стрелецкого сотника Γ .Засецкого²⁶.

Вместе с приставом на встречу иностранного посла отправляли толмача, который переводил его речи, а также отряд детей боярских («встречников»), сопровождавших иностранца по Москве до подворья. К моменту встречи иностранцев «встречники» должны были быть «устроены» одним из разрядных дьяков и стоять «полком»²⁷. Численность «встречников», в зависимости от обстоятельств, могла быть различной. Прежде всего, учитывался ранг дипломата и значимость для российской дипломатии возглавляемой им миссии. В 1607 г. шведского гонца Б.Неймана с приставом встречало 35 «встречников»²⁸; более многолюдной была встреча в 1614 г. английского посла Дж. Меррика, на которого в Москве возлагали большие надежды: английский король Яков I предложил своё посредничество в русско-шведских переговорах. Думается, именно поэтому миссию Меррика встречало под Москвой и сопровождало до подворья 60 «встречников»²⁹. Пожалуй, самый пышный приём за весь рассматриваемый нами период был оказан польским послам Н.Олесницкому и А.Гонсевскому при их въезде в Москву 2 мая 1606 г.: по приказу Лжедмитрия I их встречали члены Боярской думы; с приставами послов встречали не менее 200 «лрабантов»³⁰.

В дальнейшем, после размещения миссии на подворье, «встречники» должны были сопровождать иностранцев во время их пребывания в Москве во всех их поездках по городу; они же должны были, сменяясь, жить на подворье у дипломатов «для береженья» 1. Если дипломат выезжал со двора не со всей своей миссией, с ним отправлялась в город лишь часть его русской охраны. В 1604 г. имперского посланника митрополита Дионисия провожали в Кремль 20 человек 1604 г. с крымским гонцом Ян-Ахмет-Челибеем в Кремль отправились 30 русских «встречников» 33. С крымским

гонцом Хедир-Уланом в 1607 г. на аудиенцию поехали лишь 10 конюхов³⁴; в том же году шведского гонца Б.Неймана сопровождали в Кремль 15 человек³⁵.

Первым встречал зарубежного представителя (несколько дальше, чем пристав) стремянной конюх (иногда — толмач), который передавал дипломату и его свите оседланных лошадей, а также, в зависимости от времени года, возок или сани. Обычно конюх произносил при передаче лошадей и экипажа речь, в которой сообщал, что кони в полной сбруе и возок (или сани) присланы послу в знак особой любви царя к его государю «с своей государевы конюшни» ³⁶. Большинство прибывавших в Москву дипломатов получали лошадей из царской конюшни, однако иногда, в зависимости от значения для Московского государства дипломатической миссии или исходя из устоявшейся традиции, лошадей присылали и от других лиц. Так, если во главе миссии стояло духовное лицо, коней присылали, как правило, из Чудова монастыря: эта обитель предоставила лошадей в 1604 г. к императорскому посланнику митрополиту Дионисию, а в 1619 г. – грузинскому посланнику игумену Харитону³⁷. Нередкими были случаи присылки коней от главы Посольского приказа: датским гонцам и посланникам в 1601-1602 гг. присылал лошадей А.И.Власьев, в 1614-1615 гг. – П.А.Третьяков, в 1619 г. – И.Т.Грамотин 38 ; от П.А.Третьякова коней присылали в 1614 г. к персидскому купцу и к голландскому гонцу в 1616 г.³⁹ К английскому гонцу в 1617 г. лошадь отправили от переводчика⁴⁰.

Как правило, на протяжении всего пребывания дипломата в Москве лошади для поездок в Посольский приказ и в Кремль предоставлялись ему тем же лицом, что и при встрече, однако из этого правила бывали исключения: в 1615 г. голландский посол И.Масса получал лошадей от посольского дьяка, а перед отъездом в знак царской милости коней он получил из государевой конюшни⁴¹. Иногда дипломатам присылали лошадь от одного лица, а заявляли, что она прислана от человека более высокого положения: так, в 1620 г. к кумыцким послам «лошеди ... посланы переводчиковы, а явлены от думново дияка от Ивана Грамотина»⁴². В 1618 г. калмыцким послам вовсе не прислали лошадей: «А лошеди под них не посылано, шли в город пеши, потому что было сухо и стояли блиско Введенской улице»⁴³. Сделано это бы-

ло, вероятно, ввиду малого внешнеполитического значения для Московского государства контактов с калмыцкими тайшами.

Получив лошадей, иностранные дипломаты подъезжали к приставам, и те обращались к ним с требованием сойти с лошадей. После того, как иностранцы сходили на землю, приставы также спешивались и приветствовали приехавших. После обмена приветствиями приставы сообщали, от кого они присланы встречать миссию. В большинстве случаев заявлялось, что встреча назначена государем. Однако иногда дипломатическим миссиям оказывался менее почётный приём — в этих случаях приставы сообщали, что они присланы от бояр. В июне 1604 г., при встрече под Москвой имперского посланника тырновского митрополита Дионисия, было сказано, что его встречают по приказу окольничих⁴⁴; персидского «купчину», отправленного в Москву с грамотами от шаха Аббаса в 1614 г., встречали от «приказных людей»⁴⁵.

От лица пославших их на встречу приставы спрашивали прибывших дипломатов о здоровье, затем представлялись, подавали главе миссии руки и сопровождали иностранцев до подворья, назначенного для их проживания. При этом приставы должны были ехать по обе стороны от главы дипломатической миссии на конях, а если тот предпочитал ехать на санях или в возке, приставы также должны были пересесть к нему. Кроме того, полагалось следить, чтобы сопровождающие посольский кортеж «встречники ехали устройно наперёд посла и по обе стороны, а дороги б не переезжали, и задору ни в чём не чинили, а посольские б люди ехали вместе, не росрываясь» ⁴⁶.

Посланников везли по улицам по заранее оговорённому маршруту; вдоль пути следования стояли стрельцы (их расставляли по городу не только в день приезда миссии, но и во время всех поездок дипломатов в Посольский приказ и в Кремль). В зависимости от ситуации, стрельцы могли стоять с пищалями или без них; более почётным считалось, если по пути следования миссии стояла вооружённая охрана. При проезде гонцов стрельцы, как правило, стояли без пищалей: так было во время визита в Москву крымских гонцов в 1604 и 1607 гг. и шведского гонца в 1607 г. 47 Когда по улицам города следовали дипломаты более высокого ранга (посланники и послы), стрельцов выстраивали вдоль улиц с ружья-

ми. В 1607 г. стрельцы с пищалями стояли по случаю приезда польских посланников⁴⁸. Иногда стрельцов не хватало, и тогда на улицах ставили с оружием других людей. Так, во время приёма английского посла в Кремле в 1615 г., «к стрельцом в прибавку з бояр, и з дворян, и с приказных людей были люди с пищальми ж⁴⁹; в том же году, когда принимали польского посланника, «где не достало стрельцов, и тут стояли с пищальми с сотен и слобод»⁵⁰. В 1616-1617 гг. при хивинском после по улицам ставили стрельцов, а также казаков и «чорных людей в чистом платье»⁵¹. Не все посланники удостаивались такой почести, как вооружённый стрелецкий караул: во время поездок по Москве голландского посланника И.Массы стрельцы стояли на улицах без пищалей⁵². Возможно, это объясняется не вполне понятным дипломатическим статусом купца Массы: он не прибыл в Москву непосредственно из Голландии: грамота от голландских властей была прислана к нему в Архангельск⁵³.

Приставы доставляли иноземную миссию на отведённое для неё подворье. Свои особые дворы в Москве на тот момент имели английские, польские и крымские дипломаты. «Аглинской двор» был расположен на Ильинке; в 1614 г. в связи с приездом в Москву английского посла Дж. Меррика английский двор спешно приводился в порядок⁵⁴. На Ильинке же была расположена резиденция польских послов — «литовский двор»; в 1609 г. на нём расположили приехавших в Москву за жалованьем шведских наёмников⁵⁵; в 1614 г. Дж. Меррик был поставлен «на прежнем на Литовском посольском дворе в Китае-городе» 56. «Крымский двор» находился в Замоскворечье⁵⁷. Известен случай, когда прибывшего в июне 1618 г. в Москву крымского гонца поставили в Белом городе на Рождественской улице на посадском дворе⁵⁸. Представители других зарубежных дворов бывали в Москве реже, поэтому особых дворов для них в начале XVII века отведено не было.

Для дипломатов из большинства стран готовили непосредственно перед их приездом двор кого-нибудь из опальных вельмож или подворье монастыря. Размещать иностранцев старались неподалёку от Кремля. Так, в 1601-1602 гг. датских гонцов поселили на подворьях боярина И.Н.Романова и князя А.Д.Сицкого на Тверской улице⁵⁹; имперский гонец в

1604 г. был поставлен на Тверской на дворе князя Гагина⁶⁰; имперский посланник митрополит Дионисий в 1604 г. был поселен на Ильинке на подворье рязанского архиепископа, там же был поставлен приехавший в том же году за милостыней архиепископ Феодосий⁶¹; в 1607 г. шведский гонец был размещён на Дмитровке на дворе князя Ф.А.Звенигородского (в книге было записано, что шведские дипломаты стояли на том же дворе и тремя годами раньше)62. В 1614 г. для датских посланников было указано подготовить подворье Соловецкого монастыря в Китай-городе на Введенской улице⁶³; на том же подворье был размещён в 1615 г. польский посланник⁶⁴, а в 1616 г. — гонец из Швеции⁶⁵. В 1615 г., перед приездом в Москву турецкого посланника, было велено разобрать часть хоромов старого годуновского двора (занимаемого князем Д.Т.Трубецким) и перенести их на подворье новгородского митрополита⁶⁶. Калмыцких послов в 1618 г. поставили на Введенской улице⁶⁷.

Разместив иноземцев на подворье, приставы отправлялись с докладом к царю. Приставы должны были находиться при дипломатах практически неотлучно. Так, из трёх состоявших при английском после Дж.Меррике приставов старшему следовало «посла навещати по вся дни из утра и вечере» со свитой из десяти человек, а двоим остальным указали «жити у посла весь день и начевати, переменяяся, по днем»; вместе с ними на подворье постоянно пребывали десять детей боярских⁶⁸.

В обязанность приставам вменялся также контроль за связями обслуживаемого ими дипломата. Посольский приказ обыкновенно снабжал приставов следующим предписанием: «А какой человек ко двору придёт и с посланники или с их людьми учнёт говорити, и тех, имая, отсылати в Посольской приказ» 69. Соответственно, лица, вступавшие, хотя бы и невольно, в контакт с иностранными дипломатами, подвергались арестам и наказаниям. Например, в сентябре 1604 г. посольский дьяк А.Власьев вынес на рассмотрение Боярской думы вопрос о дворнике, жившем в своей избе на подворье, где расположили крымских гонцов. Сложность ситуации была в том, что дворник имел возможность беспрепятственно разговаривать с татарами: «любо что станет он с тотары розговаривати, а уберечи его и уняти от того нельзя». В результате, по решению Думы, Власьев распорядился выкрасть

с подворья дворника со всей семьей. За общение с теми же крымскими гонцами осенью 1604 г. были арестованы «малый», пытавшийся продать татарам сумки, а также торговец, v которого гонцы покупали мёд 70 . B июне 1607 г. пристав доставил в Посольский приказ для расспросов мужика, пойманного при попытке продать крымским гонцам лошадь⁷¹. В начале 1614 г. в Посольском приказе получили челобитную персидского посла, написанную по его просьбе площадным подьячим А.Зиновьевым. В ответ посольские дьяки распорядились: «того подьячего Олёшку попытати слехка, то ему и в поученья место»⁷². В октябре 1616 г. в Посольский приказ доставили стрельца и стрелецкую жену, которые напоили вином татар, состоявших в свите крымского посла. Провинившихся отослали в Стрелецкий приказ и велели им «учинити наказанье», чтобы им впредь «неповадно было так воровать, ходя в приставе, ...по двором не ходити и с татары пити»⁷³

Российский дипломатический церемониал запрещал иностранному дипломату и членам его миссии перемещаться по Москве без сопровождения. В деле о приезде в Россию английского посла Дж. Меррика содержится следующее указание: «А будет послу для чего послати людей своих в торг или к аглинским гостем, и ...посольских людей отпущати в торг с приставы, з детьми боярскими, ...и на аглинской двор к гостем отпущати, сказывая в Посольском приказе дьяком.., а без пристава б и не сказав про них в Посольском приказе, посольские люди в торг не ходили»⁷⁴. Данная сторона посольского этикета не всегда встречала понимание со стороны иностранцев. Так, великий канцлер литовский Лев Сапега, прибывший ко двору Бориса Годунова в 1600 г., сообщал в своём донесении в Польшу, что его миссия постоянно окружена «великой стражей» и послов Речи Посполитой держат «словно каких-то пленников»⁷⁵.

Спустя несколько дней после прибытия в Москву, иностранных гонцов в первый раз принимали в Посольском приказе. Для большинства из них срок, проходивший между приездом в столицу и первым приёмом в Посольском приказе, не превышал десяти дней. Некоторые лица оказывались в приказе уже на другой день по приезде в Москву: в 1609 г. так были приняты шведские наёмники, в 1616 г. — голланд-

ский гонец⁷⁶. Крымских гонцов, приехавших в Москву в 1617 г., посольские дьяки приняли через два дня; в 1619 г., спустя четыре дня после приезда, был приглашён в приказ датский гонец; девять дней прошло до приёма в Посольском приказе крымских гонцов в 1604 г. и английского гонца в 1617 г.⁷⁷ Случаи, когда гонцов не вызывали в Посольский приказ дольше указанного срока, были редкими: так, в 1618 г. крымских гонцов посольский дьяк принял лишь спустя месяц после их приезда⁷⁸.

В день приёма на подворье к иностранным дипломатам отправляли их пристава или переводчика с детьми боярскими, конюхами и стрельцами. По улицам, как и в день приезда, ставили стрельцов (иногда стрельцы стояли даже в передней палате Посольского приказа)⁷⁹. Спешившись у входа в Посольский приказ, «не доезжая приступу сажени с полторы», дипломат входил в здание и попадал в помещение, где сидел судья Посольского приказа. Посольская свита сходила с коней раньше, у сеней Разрядного приказа⁸⁰. Посольский дьяк «выступал из своего места»⁸¹, после чего следовало взаимное приветствие: с представителями христианских государей дьяк «витался» (спрашивал о здоровье и обменивался рукопожатиями) 82 , а с мусульманскими дипломатами «корошевался» (клал на посланника руку) 83 . После традиционного вопроса о здоровье, дьяк расспрашивал дипломата о целях его миссии, наличии у него грамот и «словесного наказа». Иногда при этом грамоты у гонцов изымались для перевода⁸⁴. Затем иностранцев сопровождали обратно на их подворье. Вскоре после этого гонцы получали аудиенцию у царя. Иногда аудиенция назначалась на день первого приёма в Посольском приказе (в этом случае посол оставался дожидаться вызова в «Посольской палате», а судья Посольского приказа отправлялся с докладом о нем к царю)85.

Дипломаты в ранге посланников и послов, обыкновенно, в отличие от гонцов, получали аудиенцию у царя без предварительного визита в Посольский приказ. Чести получить аудиенцию до приёма в Посольском приказе редко удостаивались гонцы: так, в 1604 г. без предварительного расспроса в дипломатическом ведомстве Борисом Годуновым был принят имперский гонец Б.Мерл⁸⁶. И, напротив, некоторые послы и посланники, как и гонцы, до приёма у царя должны были

побывать в дипломатическом ведомстве: так было с персидским посланником в 1614 г., с голландским посланником в 1616 г., с калмыцкими послами в 1618 г.

Срок, проходивший между приездом дипломатов в Москву и первой аудиенцией в Кремле, также был невелик и обычно не превышал двух недель. Польского посланника в 1615 г. бояре приняли уже на второй день; крымский посол в том же году получил аудиенцию через три дня; через пять дней приняли крымского посла в 1614 г.; английских послов в 1604 и 1615 гг. царь принимал соответственно через неделю и через десять дней; спустя десять дней после приезда принимали в 1614 г. и датского посланника; имперский посланник митрополит Дионисий в 1604 г. оказался во дворце через две недели⁸⁸. Иногда иностранным дипломатам приходилось ожидать аудиенции значительно дольше. Причинами задержания приёма могло быть отсутствие царя в столице - в 1607 г. шведскому гонцу пришлось ожидать аудиенции почти три месяца, поскольку Василий Шуйский находился с войском под Тулой⁸⁹. Другой причиной откладывания аудиенции могли быть осложнения в отношениях с державой, представляемой дипломатом: голландского посланника И.Массу, прибывшего в Москву в сентябре 1616 г., приняли лишь спустя полгода, в апреле 1617 г. Причиной такой «медлительности» было недовольство российских дипломатов результатами посреднической деятельности голландцев на рус-ско-шведских переговорах⁹⁰. Персидский посланник Ходжи-Муртоза в 1614-1615 гг. ждал аудиенции два с половиной месяца, вероятно, вследствие своего низкого социального положения — дипломат был «купчиной»⁹¹. Калмыцких послов не допускали «пред государевы очи» полтора месяца, стремясь, по всей видимости, подчеркнуть, насколько мало московская дипломатия была заинтересована в контактах с отправившими их лицами⁹².

Итак, спустя некоторое время после приезда в Москву, дипломату давали первую аудиенцию у царя («велели быть у государя на приезде»). Согласно сохранившимся источникам, в начале XVII века все аудиенции иностранным дипломатам давались в «Середней Подписной Золотой палате» Кремля. Если миссия отправлялась на приём непосредственно с подворья, то дипломаты ехали к Кремлю на конях в со-

провождении приставов. Посольская свита спешивалась у ворот Казённого двора, а глава миссии проезжал на коне несколько дальше — до первого или «середнего быка Казённой палаты» 93. Если дипломата приглашали на аудиенцию из Посольского приказа, то он шёл из «Посольской палаты» пешком 94. В обоих случаях миссия шла площадью мимо Архангельского собора и входила в Кремль по средней лестнице (посланники мусульманских государей) или через паперть Благовещенского собора (дипломаты — христиане) В делопроизводстве Посольского приказа начала XVII в. удалось обнаружить лишь два указания на нарушение этого правила: в 1615 и 1617 гг. голландского посланника И.Массу вводили во дворец средней лестницей 97.

Когда дипломат приближался к Кремлю, ему организовывали так называемую «встречу», которая также могла быть разной, в зависимости от его ранга. Посла обычно встречали в сенях и провожали до Середней Подписной Золотой палаты член государева двора и кто-либо из дьяков: английского посла Дж. Меррика в 1615 г., в частности, встречали князь Д.И.Долгорукий и второй посольский дьяк С.Романчуков⁹⁸. В 1608 г. польским послам организовали две «встречи» 99. Менее почётной была встреча посланников: польского посланника М.Каличевского и датского посланника Ивервинта в 1614 г. встречал только дьяк С.Романчуков¹⁰⁰. Гонцам «встреча» не полагалась 101. Царь тем временем сидел «в своём царском месте, в диадиме с скифедром». Позади государя стояло четверо рынд (по двое справа и слева) в белом платье, золотых цепях и с топориками. В палате во время аудиенции при царе были бояре, окольничие, «дворяне большие»; в сенях находились дворяне, дети боярские, дьяки; на крыльце и на паперти Благовещенского собора стояли дети боярские, подьячие и купцы. Все участники аудиенции должны были быть в нарядной одежде (в чёрных шапках и «золотных шубах»), люди, стоявшие за пределами дворца, одевались «в чистое платье» 102 . В случае траура (как было в 1604 г. по случаю смерти царицы – инокини Александры) участники аудиенции одевались в «смирное платье» - одежды сиреневых, вишнёвых и багровых тонов 103.

Вошедшего в палату дипломата и его свиту «являл государю челом ударити» (т.е. сообщал о приходе) один из околь-

ничих 104. В некоторых случаях при аудиенциях эти функции выполнял глава Посольского приказа. Так, в декабре 1605 г. черкесских мурз «являл» Лжедмитрию дьяк И.Грамотин; в 1609 г. шведских наёмников — В.Телепнёв; в 1615 г. голландского посланника — Π .Третьяков¹⁰⁵. Представленный дипломат кланялся государю и произносил приветственную речь 106. Несколько иначе выглядело начало аудиенции, если глава миссии был представителем зарубежного православного духовенства. В этом случае государь вставал с престола и «шёл под благословение» 107. После этого царь спрашивал дипломата о здоровье его государя (в зависимости от ситуации он делал это стоя или сидя). Так, в 1604 г. Борис Годунов спрашивал о здоровье крымского хана сидя; сидя же интересовался здоровьем шведского короля в 1607 г. Василий Шуйский. О здоровье императора (1604 г.) и английского короля (1615 г.) русские цари осведомлялись стоя¹⁰⁸. Лжедмитрий I, принимая в 1606 г. польских послов, не желал вставать, спрашивая о здоровье короля Сигизмунда III, но после спора с дипломатами принял компромиссное решение: получив ответ о добром здравии короля, царь немного приподнялся на троне¹⁰⁹. Василий Шуйский в 1608 г. спрашивал о здоровье Сигизмунда III стоя¹¹⁰. Стоя же спрашивал о здоровье хивинского хана царь Михаил (1616 г.)111.

Ответив на вопрос о здоровье, посол отдавал грамоту, которую принимал посольский дьяк, и произносил речь (письменное изложение которой также вручал судье Посольского приказа). По завершении речи дипломат и его свита целовали царю руку, после чего им разрешалось сесть на скамью, которая стояла напротив царского трона¹¹². Своеобразным эталоном являлась скамья, которая ставилась для литовских послов: «а скамейка была как и литовским послом». Такая скамья в 1614—1615 гг. предоставлялась на аудиенциях английскому, датскому и персидскому послам¹¹³. Некоторым дипломатам сесть не позволяли: так, в июне 1604 г. имперскому гонцу «скамейки... не было»¹¹⁴.

Следующим эпизодом аудиенции была демонстрация окольничим (или посольским дьяком) привезённых посольством подарков царю. В процессе «явления» подарков дипломаты должны были стоять 115. Иногда после аудиенции поднесённые дипломатом подарки возвращали дарителю (в

частности, в 1604 г. возвращены были кубки, поднесённые царю имперским гонцом) 116. После демонстрации подарков гонцы получали ответное жалованье (шубы, ковши, чарки), которое вручалось им окольничим¹¹⁷, посольским¹¹⁸ или казённым дьяком¹¹⁹. В ряде случаев жалованье присылали прямо на подворье с кем-либо из служащих Посольского приказа – подьячим или переводчиком. Так, например, в 1604 г. жалованье имперскому гонцу Б.Мерлу было послано с подьячим В.Телепнёвым, в 1609 г. шведским наёмникам – с переводчиком М.Юрьевым, в 1617 г. пожалованных соболей на двор к английскому гонцу Р.Свифту доставил переводчик И.Фомин¹²⁰. Послам и посланникам на первой аудиенции царское жалованье не вручалось, поскольку подразумевалось, что эти дипломаты обязательно будут приняты царём ещё как минимум один раз. Заключала аудиенцию речь посольского дьяка к дипломатам, в которой сообщалось о пожаловании им «в стола место» корма и отпуске на подворье 121.

Пожалование «в стола места корма» означало, что вместо пира у государя к иностранцам на подворье будут отправлены различные блюда и напитки. В рассматриваемый период иностранные дипломаты приглашались на пиры всего несколько раз. 11 октября 1604 г. на пир к Борису Годунову были приглашен английский посланник Т.Смит¹²². Известно, что 8 мая 1606 г. на свадебный пир Лжедмитрия I и Марины Мнишек были приглашены польские послы Н.Олесницкий и А.Гонсевский 123. В начале 1610 г. Василий Шуйский давал пир в честь шведского генерала Я.Делагарди, имевшего полномочия посла¹²⁴. На пиру 14 апреля 1616 г. присутствовал английский посол Дж.Меррик (пир состоялся, по традиции, в Грановитой палате Кремля)¹²⁵; в Грановитой же палате состоялся пир 8 июня 1617 г., на котором присутствовал всё тот же Дж. Меррик, а также монгольские и киргизские послы 126. Вскоре после возвращения иностранной миссии на подворье, к ним приезжал с кормом кто-либо из стольников, который потчевал дипломатов. Обязательной частью застолья было провозглашение здравиц царю, а также государю, от которого был прислан угощаемый дипломат 127.

Некоторые гонцы не получали аудиенции у царя. Так, в 1607 г. без приёма у государя предполагали отпустить шведского гонца Б.Неймана. Причиной тому, как сказано выше,

было отсутствие царя Василия Шуйского в Москве (он находился тогда с войсками под Тулой), а также, вероятно, нежелание российского правительства вступать в переговоры со Швецией, которая упорно навязывала Московскому государству свою отнюдь не бескорыстную помощь 128. Не был на аудиенции у царя Михаила голландский гонец Л. Масса, прибывший в Москву в 1616 г. Отказано в приёме было в 1619 г. датскому гонцу В. фон дер Гудену. В таких случаях присланную с гонцом грамоту принимал в Посольском приказе судья этого ведомства 129. Ряд гонцов получали всего одну аудиенцию: в 1604 г. имперскому гонцу было указано быть на первой аудиенции, «да и отпуск ему туто сказать» 130. В июне 1615 г. царь велел крымским гонцам «быти у себя, государя, на приезде и отпуске»; по одной аудиенции дали в 1618 г. ногайскому послу и английскому гонцу¹³¹. Большинство же иностранных дипломатов получали как минимум ещё одну — «отпускную» аудиенцию.

Нередко случалось, что в один день аудиенции давались сразу нескольким лицам. В этом случае зарубежных дипломатов принимали в порядке очерёдности: пока одна миссия находилась на аудиенции, другая дожидалась своей очереди в Посольском приказе и отправлялась к царю лишь после того, как предшествующая миссия отправлялась на переговоры или на подворье, и посольский дьяк приглашал их на приём. При установлении последовательности приёма царём иностранцев действовала особая иерархия: в первую очередь принимали представителей более значимых для Московского государства держав. Например, в 1604 г. Борис Годунов принимал в один день персидских и грузинских послов, причём первыми к государю были допущены персы; при Лжедмитрии I крымские гонцы были приняты после шведского принца; в 1614 г. у Михаила Федоровича были крымские послы, а после них пригласили черкесского посла; в 1617 г. голландского посланника принимали в первом случае после крымских послов и гонцов, а во втором случае - после английского посла; в 1618 г. персидский посол был принят раньше кумыцкого 132 . Почести, оказываемые иностранным дипломатам, строго регламентировались. Так, в описаниях одновременных аудиенций персидскому гонцу и хивинскому послу в 1616-1617 гг., указано, что царь был «в большом в царском платье», и рынды стояли при царе «для кизылбашского (персидского. — $\mathcal{A}.\mathcal{A}.$) гонца» 133 .

После перевода в Посольском приказе поданных послами и посланниками грамот для переговоров с ними назначалась ответная комиссия, в которую, как правило, назначали одного или двух бояр, окольничего, судью Посольского приказа и ещё одного дьяка (с 1613 г. – обычно второго посольского дьяка). В 1605 г. в состав ответной комиссии английскому посланнику входили два боярина, окольничий и посольский (С.В.Годунов, П.Ф.Басманов, И.Д.Хворостинин, А.И.Власьев) 134. В ноябре 1607 г. на переговоры с польскими посланниками была назначена ответная комиссия в составе боярина, окольничего, думного дворянина, думного посольского дьяка и дьяка (И.М.Воротынский, И.Ф.Колычев, В.Б.Сукин, В.Г.Телепнёв, А.Иванов)¹³⁵. Иногда для повышения уровня представительности ответной комиссии её членам приписывали более высокие чины: так, в мае 1618 г. дьяку И.Грамотину, вошедшему в переговорную комиссию со шведами, было указано «писатися... думным», хотя на самом деле думным дьяком тот стал несколько позже¹³⁶. Состав комиссии мог быть и менее значительным: в 1617 г., например, на переговоры с голландским посланником И.Массой был назначен окольничий и два посольских дьяка (Н.В.Годунов, П.А.Третьяков, С.Романчуков)¹³⁷. С гонцами переговоры в ответной палате не велись - все вопросы с ними обсуждались посольскими дьяками в Посольском приказе или на Казённом дворе (церемониал их приёмов в приказе оставался прежним) 138. Перед переговорами послов и посланников, как правило, приглашали на аудиенцию к царю: когда такой порядок в 1607 г. при переговорах с польскими послами был нарушен, те заявили протест¹³⁹. Переговоры обычно велись в особой «Ответной палате». В феврале 1616 г. бояре принимали гонцов «на Казённом дворе в Казённой полате, потому что Ответная полата для поспешенья была не готова» 140. Переговоры могли проходить и в других местах: в 1604 г. переговоры с митрополитом Дионисием шли на Казённом дворе – на паперти Благовещенского собора; в 1615 г. переговоры с новгородским посольством велись на Казённом дворе, в Аптекарской палате, в Мастерской палате¹⁴¹.

В день переговоров за послами вновь посылали пристава, и иностранный дипломат вновь ехал на приём к царю, куда его отправляли в «Ответную палату». Самый младший по чину член ответной комиссии встречал дипломата у дверей палаты, а судья Посольского приказа – отойдя от своего места сажень. Представлял послу комиссию младший её член. После обмена рукопожатиями участники переговоров рассаживались по лавкам (в 1607 г., например, русские дипломаты сидели «в лавке от Москвы-реки», польские посланники - «в лавке, что от Сретенья», а дьяки - напротив посланников). Затем назначенные для переговоров лица в порядке старшинства произносили речь, представляющую ответ на прежние речи посла. Затем начинались переговоры. Если одной из сторон необходимо было посовещаться между собой по какому-либо вопросу, они делали это в той же палате, «отошед... в другой угол» 142. Когда переговоры подходили к завершению, дьяки отправлялись к царю с докладом об их итоге, а затем, вернувшись в ответную палату, отпускали дипломатов на подворье. Иногда переговоры могли завершиться в первый же день, обычно же приходилось сходиться в ответной палате неоднократно. В дополнение к переговорам в ответной палате посольские дьяки иногда приезжали для обсуждения ряда вопросов на подворье к послам и посланникам, а те, в свою очередь, обращались с предложениями в Посольский приказ, передавая их в устной или письменной форме через приставов¹⁴³. Для переговоров в Посольский приказ дипломаты высших рангов ездили редко (например, в 1615 г. в приказе велись переговоры с голландским посланником)¹⁴⁴.

По завершении переговоров иностранному дипломату назначали последнюю, «отпускную» аудиенцию. Отдельной отпускной аудиенции, как указывалось выше, удостаивались не все иностранцы. Иногда причиной отказа в последнем приёме было недовольство российских дипломатов внешнеполитической линией той или иной державы. Так, голландскому посланнику И.Массе первоначально было решено разрешить быть у царя только «на приезде», а отпускной аудиенции не давать. Причиной такого отступления от традиционного церемониала было недовольство российских дипломатов посредничеством голландских представителей на

русско-шведских переговорах¹⁴⁵. Начало отпускной аудиенции проходило по той же схеме, что и первая аудиенция. Вошедшего дипломата представляли царю, затем дипломат кланялся государю и «подходил к руке». Следующим эпизодом было вручение «государева жалованья» — шуб, пушнины, серебряных чарок. Подарки объявлялись по списку посольским дьяком, а вручали их стольники и дьяки Казённого приказа 146. Иногда жалованье отвозили прямо на подворье 147 . Затем судья Посольского приказа произносил речь и вручал послу ответную царскую грамоту, в которой подводился итог переговорам¹⁴⁸. В ряде случаев царь лично обращался к дипломату с просьбой передать его государю поклон от него, а также вручал отъезжающим дипломатам ковши с мёдом. Так, в 1604 г. царь Борис Годунов и его наследник царевич Фёдор передавали с имперским гонцом поклон императору Рудольфу II; в 1607 г. Василий Шуйский собственноручно поднёс питьё крымским гонцам; в 1615 г. Михаил Романов подавал из своих рук чарки с мёдом черкесским посланникам¹⁴⁹. Если вместе с иностранным дипломатом за границу отправлялся русский посланник, его представлял на отпускной аудиенции посольский дья κ^{150} . Затем посол отправлялся к себе на подворье. Как правило, иностранцы вновь получали «в стола место корм», но были и случаи их приглашения на пир после «отпуска» (в 1617 г. так были приглашены на пир монгольские и киргизские послы) 151. Через некоторое время после отпускной аудиенции миссия отправлялась в обратный путь в сопровождении пристава.

За соблюдением дипломатического этикета в Москве следили строго. Например, 6 февраля 1608 г. аудиенция польским посланникам была прервана вследствие отказа дипломатов обнажить головы во время произнесения посольским дьяком речи от лица царя; в дальнейшем на переговорах русские представители долго выговаривали полякам за этот поступок¹⁵². Традиционным элементом аудиенции был вопрос о здоровье пославшего дипломатов лица. Упорное следование установленному протоколу иногда приводило к курьёзам: в 1608 г. царь Василий Шуйский осведомился о здоровье короля Сигизмунда III у польских послов, которые находились под стражей в Москве с 1606 г., чем вызвал иронию и негодование последних¹⁵³. Не менее интересным был слу-

чай, имевший место в 1615 г. при приёме в Москве новгородского посольства. Поскольку послы были присланы от всего «Новгородского государства», судья Посольского приказа на аудиенции от лица бояр осведомился о здоровье новгородского митрополита, освященного собора, воеводы боярина Одоевского, дворян, дьяков, служилых и приказных людей, гостей, старост, посадских и жилецких людей 154.

Несколько иным был церемониал приёмов дипломатов, присланных в Москву не от государей, а от лиц более низкого ранга. Так, посланнику Я.Бучинскому, прибывшему в Москву в 1605 г. от польского магната Ю.Мнишека, аудиенцию давали бояре, а не царь 155. В конце 1614 г., принимая в Посольском приказе посла от кумыцкого князя, П.Третьяков «корошевался» с ним сидя, а сам посол стоял на коленях¹⁵⁶. В феврале 1615 г. новгородских послов принимали от лица бояр, а отпускная аудиенция им была дана в «Меньшей 3олотой палате» 157. В мае 1615 г. судья Посольского приказа принимал посланника от ногайских мурз не в приказе, а в Ямской слободе, после приветствия клал на него руку и заставил стоять на коленях, а речь произносил от лица бояр¹⁵⁸. В 1615 г. посланника от польских панов М.Каличевского принимали бояре, причём являл и расспрашивал его о здоровье второй посольский дьяк С.Романчуков 159. В декабре 1615 г., принимая гонца от голландских посредников на русско-шведских переговорах, П.Третьяков не встал, как бывало обычно, а «на месте приподнявся немного, з гонцом витался и спрашивал его о здоровье» 160. Церемониальные процедуры в указанных случаях должны были подчеркнуть низкое по сравнению с российским царём положение лица, приславшего в Москву своего дипломата.

Существовали и определённые правила поведения, которым необходимо было следовать русским дипломатам во время их пребывания за границей. Важной частью их образа за рубежом был особый «посольский наряд», который должен был поражать иностранцев пышностью и подчёркивать величие российского государя. До недавнего времени исследователи имели лишь самое общее представление о российском «посольском наряде» начала XVII столетия. Благодаря находке А.В.Лаврентьева, обнаружившего в рукописных собраниях Государственного Исторического музея опись убора

посланника А.И.Власьева, ездившего в 1603-1604 гг. с миссией в Данию, наши сведения о парадном облачении русских посланников становятся гораздо шире. Костюм дипломата составляли бархатные колпаки, расшитые драгоценными камнями и жемчугом, тафьи, разнообразные ожерелья, цепи, перстни, пояса, кружева, дорогие сосуды и даже часы¹⁶¹. Прежде всего, оказавшись за рубежом, посланники должны были отвечать отказом на возможные требования наместников и других должностных лиц (в Германии это могли быть князья, в Польше – паны, в Турции – паши, в Крыму – мурзы) посетить их. Русским дипломатам следовало заявлять, что им быть у кого-либо до аудиенции у государя «непригоже» 162. Надлежало добиваться личного приёма и отдать грамоту в руки государю 163. Поскольку в Москве наиболее почётным считалось, если миссию принимали раньше других дипломатов, то и русские посланники за рубежом стремились быть принятыми раньше прочих посланников. При этом они не останавливались даже перед такими экстраординарными методами, как драка с людьми иностранных дипломатов. В частности, русские посланники в Турции П.Мансуров и С.Самсонов в своём статейном списке не без гордости зафиксировали, каким образом им удалось опередить польского посла на приёме у визиря: «И как Петр и Семейка приезжают к везиреву двору, и к ним попереч с левой стороны переулком едет к везиреву ж двору польского короля посланник Ян пан Кохоновской, а перед ним едут литвы человек с 15, а иные идут пеши. И увидя Кохоновской пан Петра и Семейку, почал к везиреву двору ехать спешно для того, чтоб ему приехать к везирю наперед Петра и Семейки, а передние Кохоновского люди приехали и стали против везиревых ворот и у Петра и Семейки дорогу было переняли. И Петр и Семейка велели кречатником, и ястребником, и своим людем пана Кохоновского в переулку держать, а людей его в другом месте против везиревых ворот постановя, и з дороги збить сильно. И кречатники, и ястребники, и Петровы и Семейкины люди литовского короля посланниковых пана Кохоновского людей против везиревых ворот з дороги збили. И Петр и Семейка взъехали к везирю на двор наперед Кохоновского пана» 164.

На аудиенцию к иностранному государю разрешалось идти, лишь убедившись, что на ней не будут присутствовать дипломаты из других стран; в случае же, если на приёме оказывались другие послы, русским дипломатам предписывалось вернуться на подворье. В наказе послам, отправленным в 1606 г. в Польшу, особо оговаривалось указание требовать, «чтоб в то время, как им быти у короля, иных государей послы и посланники не были» 165. Верительную грамоту на аудиенцию следовало нести подьячему, на входе в зал её принимал второй посланник, а затем передавал её главе дипломатической миссии. Такой порядок был предписан, в частности, русским посланникам в 1606 г. в Польше и в 1617 г. в Англии¹⁶⁶. Во время приёма послы должны были следить за тем, чтобы при произнесении царского имени государь, которому они правят посольство, встал и обнажил голову; в случае же, если тот не делал этого, послам следовало заявить протест¹⁶⁷. На аудиенции русские дипломаты должны были следовать российскому дипломатическому этикету: перед крымским ханом запрещалось вставать на колени 168 , персидского шаха не следовало целовать в ногу, как требовал персидский обычай 169 . Будучи приглашёнными на пир, российские дипломаты требовали, чтобы там не было посланников из других стран (в крайнем случае, следовало настаивать на том, чтобы их посадили за стол выше прочих дипломатов). Если указанные условия нарушались, посланникам предписывалось уехать с пира на подворье. Перед отъездом в Россию дипломат должен был проверить, правильно ли написан в грамоте царский титул, в противном случае грамоту принимать не следовало. Такое указание можно обнаружить в наказе гонцу, посланному в 1614 г. ко двору императора Священной Римской империи¹⁷⁰.

Если российские дипломаты самовольно нарушали «посольский обычай», то в России за это их ждало строгое наказание: широко известен случай, когда вернувшиеся в 1615 г. из Персии посланники М.Тиханов и А.Бухаров были наказаны за то, что оделись в «шахово платье». Правда, помимо этого они допустили ещё целый ряд нарушений наказа: будучи проездом в Хиве, позволили хану не встать при произнесении приветствия от царя, вручили ему слишком много подарков, а в Персии присутствовали на приёме у ша-

ха Аббаса I одновременно с «воровским» посольством, присланным от Марины Мнишек и Ивана Заруцкого. Помимо прочего, послы переругались между собой, а второй посланник А.Бухаров даже называл главу миссии М.Тиханова «государевым изменником»¹⁷¹. За недостойное поведение за рубежом подверглись опале и приехавшие из Империи посланники С.Ушаков и С.Заборовский: в результате дознания выяснилось, что в состоянии опьянения те подожгли стоялый двор, где были расквартированы, а также пытались отобрать невесту у одного из немецких офицеров 172. Справедливости ради следует отметить, что случаи недостойного поведения российских дипломатов за рубежом были нечастыми. Иногда осуждается поведение в Кракове посла Лжедмитрия I судьи Посольского приказа Афанасия Ивановича Власьева, действия которого якобы граничили с ерничаньем. Соглашаясь с мнением А.В.Лаврентьева, утверждающего, что поведение Власьева на самом деле являлось «бережением государьской чести» 173, отметим также, что и в глазах поляков поведение русского посла не выглядело совершенно неуклюжим. Ему удалось поразить поляков правильным латинпроизношением (согласно польским источникам. Власьев не только повторял на этом языке фразы вслед за кардиналом во время торжественного венчания с Мариной Мнишек в костёле святой Барбары, но и правил посольство перед королём на латыни). Вероятно, желая удивить поляков, посол потребовал подавать ему, помимо обычного кормового обеспечения, пряности: шафран, гвоздику, имбирь. Присутствуя на пиру по случаю свадьбы короля Сигизмунда, Власьев сумел добиться того, чтобы его усадили за один стол с королём. Вероятно, ему удалось произвести благоприятное впечатление на поляков, которые между собой называли его «греком». С похвалой о действиях Власьева в Кракове отозвался и француз Жак Маржерет¹⁷⁴. Поведение Власьева в Кракове позволяет охарактеризовать его как опытного политика и сторонника досконального соблюдения всех тонкостей дипломатического церемониала, не желавшего ни на шаг отступить от данного ему наказа. Думается, нельзя согласиться с мнением А.В.Лаврентьева, который считает, что появление Власьева на церемонии его венчания с Мариной Мнишек не в «большом колпаке», а в тафье – «головном

уборе второго ранга», было продиктовано стремлением принизить значение краковской церемонии¹⁷⁵. На самом деле сохранившиеся изображения показывают нам Власьева непосредственно в момент венчания в храме, где он никак не мог находиться в колпаке, в то время как тафья в русской традиции часто даже не воспринималась как головной убор.

Несмотря на то, что «посольский обычай» был устоявшимся и за его соблюдением строго следил Посольский приказ, начало XVII в. ознаменовалось целым рядом нарушений и отступлений от традиционных дипломатических процедур. Первые шаги в этом направлении были сделаны при Борисе Годунове. В его царствование дипломатический церемониал был несколько осложнён тем, что на аудиенциях наряду с царём присутствовал его наследник «государь царевич и князь Фёдор Борисович всеа Русии». Иностранные представители должны были кланяться отдельно царю и царевичу, а также каждому из них преподносить подарки. О здоровье пославшего дипломата государя также спрашивали и царь, и царевич (за 1603-1604 г. удается зафиксировать присутствие царевича на аудиенциях грузинским, крымским, имперским, английским дипломатам, а также иностранным православным священникам) 176. Вероятно, постоянно привлекая своего сына к приёмам иностранных послов, Борис Годунов стремился тем самым упрочить его позиции в качестве будущего государя. Впрочем, следует отметить, что случаи участия наследников в аудиенциях иностранным дипломатам имели место и до этого: в 1578 г., в частности, Иван Грозный принимал датского посла Якоба Ульфельдта вместе со своим старшим сыном Иваном 177.

Большое количество новшеств в дипломатическом церемониале относится к периоду правления Лжедмитрия I, на которого, безусловно, огромное влияние оказало его длительное пребывание в Польше. Самозванец, по наблюдениям Л.А.Юзефовича, стремился усложнить посольский обычай, чтобы пышностью церемониала подчеркнуть значение своей персоны. Так, к четырём рындам, по обычаю стоявшим возле царского трона во время аудиенций, при Лжедмитрии был прибавлен пятый, державший, в отличие от них, обнажённый меч (мечник). Желанием продемонстрировать своё величие объясняется и отказ Лжедмитрия вставать при вопросе

о здоровье польского короля¹⁷⁸. Безусловно, с необычной пышностью была обставлена встреча польских послов, приехавших в Москву в мае 1606 г. Однако во многих случаях Лжедмитрий, напротив, упрощал дипломатические процедуры — в частности, лично разговаривал с польскими послами, не прибегая к посредничеству посольского дьяка, как того требовал обычай; кроме того, царь вступал в словесные пререкания с послами по поводу своего титула¹⁷⁹. Известно также, что польских дипломатов Лжедмитрий иногда принимал тайно, без обыкновенной для московского двора пышности, без бояр и посольских служащих. Тайным был приём посланника А.Гонсевского осенью 1605 г.; в присутствии одного П.Ф.Басманова самозванец принимал польских послов и в мае 1606 г.: «что они (Олесницкий и Гонсевский. – Д.Л.) Розстриге говорили, в Посольской избе ничего не сыскано»; позднее бояре упрекали польских послов в том, что «говорили они с тем вором (Лжедмитрием. — \mathcal{I} . \mathcal{I} .) тайно и не по посольскому обычею» 180. Противоречивость поведения Лжедмитрия в вопросах дипломатического этикета, на наш взгляд, вполне объяснима. Б.А.Успенский, рассматривая церемониал свадьбы Лжедмитрия и Марины Мнишек, пришёл к выводу, что самозванец «одновременно вёл диалог с двумя социумами - русским и польским: он... должен был говорить на двух языках, причём иногда ему приходилось это делать одновременно, когда один и тот же текст был рассчитан на две разные аудитории один и тот же текст должен был читаться в этом случае на двух разных семиотических языках» 181. Вероятно, выводы Б.А.Успенского могут быть распространены и на дипломатический церемониал времени царствования самозванца: вступая в конфликт с польскими дипломатами и делая церемонии более пышны-Лжедмитрий стремился удовлетворить российскую «аудиторию», а употребляя европейскую терминологию и упрощая ряд придворных действ, пытался угодить польскому «слушателю».

Изменения в дипломатическом церемониале, имевшие место в царствование Лжедмитрия I, во многом были продиктованы стремлением царя подражать европейским, и, прежде всего, польским образцам. Вероятно, под влиянием впечатлений, полученных во время пребывания в столице Речи

Посполитой, самозванец учредил при своём дворе должность мечника. На европейский манер была устроена и встреча польских послов в мае 1606 г.: в своих дневниковых записях польские дипломаты отметили, что под Москвой они были встречены «драбантами» с алебардами, сделанными «наподобие тех, что у его величества короля, ...по сторонам написано латинскими буквами: "Demetrius Iwanowicz"». Боярин П.Ф.Басманов, отправленный навстречу послам, был «в гусарском платье, с булавой» 182. Это также было значительным нарушением традиции: позднее, в царствование Михаила Романова известный вольнодумец князь И.А.Хворостинин, среди прочих прегрешений, был обвинён в желании выехать на переговоры с иностранцами, одевшись по-гусарски 183.

Некоторые отступления от традиционного «посольского обычая» можно отметить и после свержения Лжедмитрия. При этом необходимо выделить один существенный момент: если Борис Годунов и самозванец шли на изменения норм дипломатического церемониала, исходя из своих собственных интересов и представлений, то следовавшие за ними государи допускали новшества в этой сфере лишь вынужденно. В 1610 г., например, царь Василий IV был поставлен перед необходимостью позволить шведским послам явиться в Кремль на аудиенцию при оружии, что по российскому придворному этикету считалось абсолютно неприемлемым. Свидетель событий Смутного времени швед Петр Петрей объяснил это событие следующим образом: «Им (иностранным послам. – $\mathcal{A}.\mathcal{A}.$) не дозволяется приходить к великому князю со своими тростями и оружием; ещё до входа в Кремль они должны оставить всё это в своём жилище. Но королевско-шведский посол, граф Яков де ла Гарди, не хотел этого сделать он говорил, что прежде чем положит оружие, как пленный, он скорее лишится чести и не увидит ясных очей великого князя. Шуйский смотрел на это с неудовольствием, однако ему гораздо было нужнее видеть ясные очи графа, нежели графу его Оттого-то тогда и дозволили графу и всем его старшим офицерам явиться с оружием к великому князю. Этот граф Яков был первый, явившийся с оружием в залу великого князя» ¹⁸⁴.

В целом же, при Василии Шуйском и в начале правления Михаила Романова серьёзных отклонений от дипломатиче-

ского церемониала, принятого при московском дворе, обнаружить не удаётся. Но в то же самое время, в связи с серьёзными осложнениями во взаимоотношениях России с соседними державами, Посольский приказ был вынужден пойти на некоторое изменение (в сторону упрощения) церемоний, которым должны были следовать российские дипломаты за рубежом. В частности, в ряде случаев снимался традиционный запрет наносить визиты к кому бы то ни было до аудиенции у иностранного государя. Так, посланнику в Польшу Д.Оладьину в 1613 г. разрешено было, если поляки станут настаивать, «поневоле ехати» к гетману Ходкевичу¹⁸⁵. В том же 1613 г. посланникам в Империю С.Ушакову и С.Заборовскому разрешили, в случае отсутствия в столице императора, вести переговоры с его советниками («думными людьми»), в случае, если те будут иметь полномочия решать необходимые дела без «цесаря» 186. В 1617 г. посланнику в Данию и Голландию И.Баклановскому, отправленному просить помощи против Польши, предписали не дожидаться приёма у датского короля, если тот уехал из столицы надолго, а, оставив грамоту, ехать в Голландию 187. В 1614 г. гонцу в Империю И. Фомину было позволено нарушить ещё одно правило российского дипломатического этикета: в случае необходимости он мог отдать царскую грамоту к императору без аудиенции, советникам «цесаря». При этом Фомину следовало сказать, что «над ним за то царское величество велит учинити свою государеву опалу и казнь» 188. В случае крайней нужды российским дипломатам позволялось пойти и на более серьёзные нарушения дипломатического этикета. Так, в 1607 г., при Василии Шуйском, гонцу в Крым С.Ушакову было разрешено «по мусулманскому обычею» встать перед ханом на колени: «А будет о том учнут говорити, и Степану за то не стояти, и датись в том на царёву (ханскую. – $\mathcal{I}.\mathcal{I}.$) волю». В царствование Михаила Романова, в 1617 г., когда над Москвой вновь нависла угроза польского нашествия, аналогичное разрешение получил отправленный в Крым посланник А.Лодыженский 189. Как видно, во всех перечисленных случаях Посольский приказ шёл на отступления от традиционных дипломатических процедур крайне неохотно и лишь под давлением внешних обстоятельств.

В целом, можно констатировать, что в начале XVII в. нарушения норм дипломатического церемониала были редкими и диктовались либо волей царствующего государя, либо тяжёлыми внешнеполитическими обстоятельствами. В полавляющем большинстве случаев российская дипломатия следотрадициям, нормам и сложившимся XVI столетия. Наибольшее количество изменений в «посольском обычае» имело место на начальном этапе Смутного времени, преимущественно в царствование Лжедмитрия I, находившегося под большим влиянием западной и, прежде всего, польской культуры. Анализируя нововведения в дипэтикете Московского ломатическом государства XVII столетия, следует помнить о специфичности данной сферы и огромном значении, придаваемом в стране обрядности и церемониалу в целом. Необходимо отметить также, что Посольский приказ, следивший за исполнением норм «посольского обычая», был консервативным ведомством, и его работа строилась преимущественно на принципе прецедента. В силу этого, на наш взгляд, даже небольшие новшества в дипломатическом церемониале, имевшие место в дипломатической практике Московского государства начала XVII в., представляют особый интерес для исследования.

² Достовалов Ю.Н. Российский посольский этикет XVI-XVII веков // Вопросы истории. 1994. 4.

3 *Веселовский Н.И.* Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 35. «Сношения России с Англией». Оп. 1. Кн. 4. Л. 9 об. (Далее – РГА-ДА).

⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1-1 об.

⁷ Там же. Л. 5 об.-6.

8 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 103.

10 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 12.

¹ Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведтся...»: (Русский посольский обычай конца XV — начала XVII вв.). М., 1988.

ДА).

⁵ Там же Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 101.

⁹ Grzybowski S. Organizacja polskiej sluzby dyplomatycznej w latach 1573-1605 // Polska sluzba dyplomatyczna XVI – XVII wieku. Warszawa, 1966. S. 192-193.

¹¹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 108, 196.

- 12 Там же. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 17, 123.
- 14 Там же. Л. 122. См. также: Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 28; Кн. 4. Л. 22; Ф. 115. «Кабардинские, черкесские и другие дела». Оп. 1. Д. 2 (1605 г.). Л. 6.
- 15 Там же. Ф. 96. «Сношения России со Швецией». Оп. 1. Кн. 8. Л. 24 об., 40-40 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 89. «Сношения России с Турцией». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 12-13, 24.
- ¹⁷ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 31. См. также: Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 52. «Сношения России с Грецией». Оп. 1. Д. 1. (160 г.). Л. 24, 44; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48, 61 об.; Д. 3. (1616 г.). Л. 85 об.; Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 35.
- 19 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1; Д. 5. (1614 г.). Л. 28; Д. 4. (1616 г.). Л. 69; Д. 6. (1617 г.). Л. 21; Д. 3. (1618 г.). Л. 34; Д. 8. (1619 г.). Л. 1. См. также: Там же. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 8; Д. 2. (1617 г.). Л. 1.
- 20 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1, 9, 88, 130, 173.
- ²¹ Там же. Ф. 126. «Мунгальские дела». Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 5; Ф. 53. «Сношения России с Данией». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 126; Ф. 121. «Кумыцкие и тарковские дела». Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1; Ф. 50. «Сношения России с Голландией». Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 27, 49.
- ²² Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 5; Д. 2. (1615 г.). Л. 53; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1.
- ²³ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 85; Кн. 4. Л. 22 об.; Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 27. Л. 64, 64 об.; Д. 1. (1608 г.). Л. 1; Оп. 5. Д. 4. Л. 5; Ф. 77. «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1 а; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 114.
- ²⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 36.
- 25 РГАДА. Ф. 79. Оп. 5. Д. 4. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 36; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 9; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48 об., 61 об.
- 27 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23-23 об.
- 28 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48 об.
- ²⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 52 об.; Д. 53. Л. 607.
- 30 Там же. Ф. 79. Оп. 5. Д. 4. Л. 4-5.
- 31 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23-23 об.
- ³² Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 44.
- 33 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1, 9.
- 34 Там же. Д. 1. (1607 г.). Л. 1.
- 35 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 61 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23 об.-24.

- ³⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 44; Ф. 110. «Сношения России с Грузией». Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6.
- ³⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 116, 118, 150, 271; Д. 1. (1619 г.). Л. 5.
- ³⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 61; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 2.
- 40 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 12 а.
- 41 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2, 27, 49.
- 42 Там же. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 12.
- ⁴³ Там же. Ф. 119. «Калмыцкие дела». Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 38.
- 44 Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 24.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 10.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 24-26.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 19; Д. 1. (1607 г.). Л. 2; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 62.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 156 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 53.
- 50 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 705 об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 134. «Сношения России с Хивой». Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 7, 13.
- 52 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2, 27.
- 53 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 121.
- ⁵⁴ Там же. Кн. 4. Л. 25 об.-26, 27. См. также: Там же. Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 64 об.; Д. 1. (1608 г.). Л. 98; Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 26; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1. См. также: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 76-80.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 35. Кн. 4. Л. 49.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 5а, 61, 70, 86; Д. 1. (1617 г.). Л. 18; Ф. 138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нм». Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 257.
- 58 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 34.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3. (1601 г.). Л. 13-14; Д. 1. (1614 г.). Л. 118.
- 60 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 50.
- 61 Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 26; Д. 2. (1604 г.). Л. 14.
- 62 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48 об.-49.
- 63 Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 120.
- 64 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 704.
- 65 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 117.
- 66 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 272.
- 67 Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 38.
- 68 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 26 об.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 129.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 61-65, 68 а, 68 б, 115-125.

- 71 Там же. Д. 2. (1607 г.). Л. 68.
- ⁷² Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 116.
- 73 Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 257-258.
- 74 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 27.
- ⁷⁵ Grzybowski S. Op. cit. S. 189.
- ⁷⁶ РГА́ДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1, 5; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-2.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 5 а, 9; Д. 1. (1617 г.). Л. 18, 23; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 1 об., 18; Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 9, 12.
- 78 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 34, 44.
- 79 Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 28.
- 80 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 61 об. См. также: Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 9; Д. 1. (1607 г.). Л. 1.
- 81 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 40.
- 82 Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 271; Д. 1. (1619 г.). Л. 18.
- 83 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 10; Д. 5. (1614 г.). Л. 46; Д. 4. (1616 г.). Л. 70; Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1; Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 62.
- 84 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.
- 85 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 17.
- 86 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 61.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 61; Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 172; Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 24.
- 88 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 704-704 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 40-45; Д. 7. (1615 г.). Л. 1, 16; Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 118, 124; Кн. 4. Л. 49, 51 об.; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 125, 150; Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 24, 43.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48 об., 61 об.
- 90 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 66, 172, 183.
- ⁹¹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 10, 187.
- 92 Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 10, 33.
- ⁹³ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 52 об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 238.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 18; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 61 об.-62.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 18; Д. 1. (1607 г.). Л. 2; Д. 4. (1616 г.). Л. 144; Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 6.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 156; Д. 1. (1608 г.). Л. 3; Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 44; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 62; Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 35; Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 15.
- 97 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 49; Д. 2. (1616 г.). Л. 183.
- 98 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 53.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 20.
- ¹⁰⁰ Там же. Кн. 29. Л. 705 об.; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 154.
- 101 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 65.
- 102 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 19.

- 103 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 61-62.
- 104 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 19.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 6; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 8; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 50.
- 106 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 55.
- 107 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 49; Д. 2. (1604 г.). Л. 17.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 21; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 64 об.; Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 64; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 55.
- ¹⁰⁹ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 52.
- 110 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 21.
- 111 Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 8.
- ¹¹² Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 22; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 55 об.-56 об.; Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 50.
- ¹¹³ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 56 об.; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 157; Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 12.
- 114 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 65.
- 115 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 27 а-28; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 57-59.
- 116 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 80.
- 117 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 29.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 178; Д. 1. (1607 г.). Л. 10; Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 9-10.
- 119 Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 3.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 80; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 44; Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 39.
- 121 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 59-60.
- 122 Там же. Д. 43. Л. 147.
- 123 Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994. С. 249.
- 124 Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведнных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Птр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 163, 401.
- 125 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 120, 152.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 26, 30-33.
- 127 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 61-63 об.
- 128 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 58 об.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-4; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 1-39.
- 130 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 61.
- ¹³¹ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 65; Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1617 г.). Л. 40; Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 39.

- ¹³² Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 183; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 173; Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 9; Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 183, 311; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 7.
- 133 Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 6, 83.
- 134 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 196.
- 135 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68 об.
- 136 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 236.
- 137 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 230.
- 138 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 130, 154, 156.
- 139 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 156-157.
- 140 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 122-123.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 79; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 84-85, 143.
- ¹⁴² Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 450 д; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 303-305 об., 341; Ф. 79. Кн. 27. Л. 68-73, 190-192, 213 об.-214.
- 143 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 616, 638, 642, 645, 650.
- 144 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2, 26, 42.
- 145 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 160, 172-175.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 185; Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 65; Д. 4. (1616 г.). Л. 5; Д. 8. (1619 г.). Л. 56.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 80; Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 653.
- 148 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 175-182.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 67-68; Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9-10; Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 67.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 41.
- 151 Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 26.
- 152 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 53-62.
- 153 *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 113.
- 154 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 87.
- 155 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 3.
- 156 Там же. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1.
- 157 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 84-85, 232.
- 158 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 14.
- 159 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 704 об.-716 об.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 366.
- 161 Лаврентьев А.В. «Посольский наряд» русского дипломата XVI-XVII вв.: изобразительные и письменные источники // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Натальи Фдоровны Демидовой. Москва; Новосибирск, 2000. С. 129-130.
- ¹⁶² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 58; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1.
- 163 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 58.
- 164 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 121-122.
- ¹⁶⁵ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 60.
- 166 Там же. Л. 61; Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 10-11.

- 167 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 62.
- 168 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 14; Д. 1. (1613 г.). Л. 2.
- 169 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 20.
- 170 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 68-69.
- ¹⁷¹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 441-464; Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 11-12.
- 172 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 269, 282-283.
- 173 Лаврентьев А.В. «Посольский наряд» С. 125.
- ¹⁷⁴ Grzybowski S. Op. cit. S. 161-162; Czerska D. Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 1995. S. 123, 137; Archiwum Glowne Akt Dawnych. Archiwum skarbu koronnego, Rachunki poselstw, 17. S. 6 об.; Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 198.
- 175 Лаврентьев А.В. «Посольский наряд» С. 125. См. также: Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604-1606 гг. СПб., 2001. С. 100-101.
- ¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 99; Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 61; Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 45; Д. 2. (1604 г.). Л. 15; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 21; Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 125.
- ¹⁷⁷ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 320, 324.
- ¹⁷⁸ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 103-104, 114.
- 179 Дневник Марины Мнишек. С. 48-51. См. также: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 8. М., 1989. С. 433.
- ¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 24 об.-32; Кн. 27. Л. 142; Д. 1. (1608 г.). Л. 131.
- 181 Успенский Б.А. Свадьба Лжедмитрия // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 198.
- 182 РГАДА. Ф. 79. Оп. 5. Д. 4. (1606 г.). Л. 4-5.
- ¹⁸³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 9. С. 317.
- ¹⁸⁴ *Петрей П.* Указ. соч. С. 401-402.
- 185 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 24.
- 186 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 122.
- 187 Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 26-27.
- 188 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 72.
- 189 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 14; Д. 3. (1617 г.). Л. 49.

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ И МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ (По материалам Научного архива ИРИ РАН)

Деятельность выдающихся представителей и организаторов отечественной исторической науки и сегодня привлекает внимание исследователей. Один из них в этом ряду — крупнейший дореволюционный историк, автор «Курса русской истории» — Василий Осипович Ключевский (1841-1911).

Краткая биография ученого такова. Он родился в Пензе 16 января 1841 г., в семье сельского священника. Рано лишился отца и, продолжая семейные традиции, начальное образование получил сначала в уездном духовном училище, а затем в Пензенской духовной семинарии. В 1861 г. поступил на историкофилологический факультет Московского университета, где в то время преподавали талантливые исследователи С.В.Ешевский, Ф.И.Буслаев, С.М.Соловьев и другие. Под руководством последнего было написано дипломное сочинение будущего знаменитого историка «Сказания иностранцев о московском государстве». Так начался его путь в науку. Темой магистерской диссертации В.О.Ключевского стали «Древнерусские жития святых как исторический источник». Работа была успешно защищена в 1872 г. в Московском университете и стала важной вехой в становлении ученого. Затем была активная научная, педагогическая и общественная деятельность.

В.О.Ключевский преподавал всеобщую историю в Александровском военном училище, читал лекции на Высших женских курсах В.И.Герье¹, стал приват-доцентом Московской духовной академии, а в 1879 г. был зачислен в штат сотрудников Московского университета.

Книга «Боярская дума Древней Руси» стала его докторской диссертацией и истинным научным событием того времени. В 1880-1881 гг. он опубликовал значительную ее часть в журнале «Русская мысль», а в 1882 г. в переработанном виде издал отдельной книгой. Вскоре после этого В.О.Ключевский почти одновременно был избран профессором Московского университета и Московской духовной академии. Деятельность В.О.Ключевского, его лекции, большая научная и педагогическая деятельность снискали ему огромный авторитет не только как ученого, но и как общественного деятеля, организатора отечественной науки.

Вокруг В.О.Ключевского сложилась целая научная школа. Среди его учеников были такие известные русские историки, как М.К.Любавский, П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер и др.

В 1900 г. В.О.Ключевский был избран действительным членом Академии наук. Преподавал русскую историю наследнику престола 20-летнему Георгию — сыну Александра III, который изза слабого здоровья жил на Кавказе (г. Абастуман).

Поездки на Кавказ забирали силы и время. Мешали они и активному руководству Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете, председателем которого В.О.Ключевский был избран в феврале 1893 г. Вскоре из-за своих либеральных взглядов он ушел из университета и последние годы жизни много усилий приложил к тому, чтобы подготовить к печати общий «Курс русской истории».

Кончина ученого 12 мая 1911 г. стала невосполнимой утратой для всей отечественной науки.

Архив В.О.Ключевского, хранящийся в Отделе рукописных фондов Института российской истории РАН (далее ИРИ РАН), содержит интересный материал для исследователей и представляет большую ценность для науки.

Документы фонда позволяют более полно изучить формирование исторических и общественных взглядов В.О.Ключевского, его творческую деятельность.

В фонде более шестисот единиц хранения. Материалы многих из них до сих пор не востребованы, а отдельные лишь частично введены в научный оборот.

Документы архива были приобретены Институтом у сына историка Б.В.Ключевского в 1945 г. Необходимо отметить, что они являются только частью большого архивного наследия ученого, хранящегося в различных государственных и научных учреждениях. Этот фонд в большой мере дополняет материалы, хранящиеся в Отделе Рукописей Российской государственной библиотеки— г. Москва, часть архивов фонда

В.О.Ключевского находится в Санкт-Петербурге (бывший СПб. филиал Института российской истории РАН, а ныне — Институт истории РАН — СПб.) и других хранилищах.

Одной из сторон многогранной творческой деятельности ученого была педагогическая и общественная деятельность.

Педагогическая деятельность В.О.Ключевского представлена документами по Московской Духовной академии и Московскому университету. К ним примыкают и документы, связанные с деятельностью ученого в Московском обществе Истории и Древностей Российских — (всего 4 единицы хранения):

- Проекты Устава Московского общества Истории и Древностей Российских 1811, 1816 гг.
- Уставы Московского общества Истории и Древностей Российских (1856, 1884, 1887-1888, 1893 гг.). Состав общества.
- Текущие дела Московского общества Истории и Древностей Российских.
- Устав церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии. Дело о передаче Московскому обществу Истории и Древностей российских 1000 рублей по завещанию Артура фон-Вульфа².

Они отражают усилия ученого по проведению текущих заседаний Общества, расширению направлений его деятельности, совершенствованию Устава, а также кропотливую научноорганизационную работу В.О. Ключевского на посту Председателя Общества в связи со столетним юбилеем этого научного собрания.

Обращаясь к предыстории вопроса, напомним, что Общество Истории и Древностей Российских было учреждено в марте 1804 г. при Императорском Московском Университете на основе самоуправления и добровольного членства для достижения научных и просветительских целей и объединяло многих выдающихся людей своего времени.

В разные годы в Обществе состояли А.Ф.Малиновский, М.П.Погодин, Д.И.Иловайский, И.Д.Беляев, Н.А.Попов, И.П.Бекетов, С.М.Соловьев, П.М.Строев, К.С.Веселовский, И.Е.Забелин (избранный в 1879 г. председателем Общества и много сделавший на этом посту для Москвы и ее истории, в том числе по организации Московского исторического музея), В.М.Ундольский, К.Ф.Калайдович, Н.П.Кондаков, М.А.Максимович, Л.Н.Майков, митрополит Московский Макарий (Булгаков) и многие другие.

Основная задача Общества состояла в собирании материалов по отечественной истории и в организации научных экспедиций для исследования исторических мест и описания старинных рукописей и памятников. Общество просуществовало вплоть до 1929 г. и сыграло большую роль в становлении и развитии отечественной истории.

Документы архива, проливающие свет на эту грань таланта В.О.Ключевского, проникнуты высоким профессионализмом и искренней озабоченностью ученого будущим исторической науки. К сожалению, они почти не востребованы. Между тем, уже давно возникла потребность расширения документальной базы о деятельности общества и ярчайших его представителей, что, на наш взгляд, поможет уточнить, а возможно и по-новому представить отдельные направления его деятельности.

Ценность этих материалов будет очевидна не только профессиональным историкам, но и тем, кто обеспокоен состоянием и перспективами развития современной науки и научных обществ в России начала XXI в., влачащих, к нашему общему стыду, лишь жалкое существование.

Есть и формальный повод еще раз обратиться к истории этого уникального учреждения: в 2004 году грядет его 200-летний юбилей.

Настоящая публикация состоит из трех взаимосвязанных друг с другом разделов:

- Первый «История Устава Общества и его изменений 1811-1816-1893 гг.», где публикуются фрагменты Уставов Общества за три указанных года. Они позволяют проследить эволюцию научного, творческого и организационного потенциала этого научного учреждения, рост его авторитета в общественных и научных кругах.
- Второй «Текущие дела Общества» содержит материалы повесток обычных заседаний Общества и документы, связанные с празднованием его столетней годовщины, широко отмечавшейся в 1904 г.
- Третий «Материальные средства Общества (пожертвования)» включает фрагмент документа, направленного в Императорское Общество Истории и Древностей Российских из Общества для Истории и Древностей Прибалтийских губерний России (г. Рига) по вопросу имущественных споров двух сторон. Последнее оспаривало факт передачи пожертвования Императорскому Обществу Истории и Древностей Российских

в Москве по завещанию прибалтийского дворянина Артура фон-Вульфа. Кроме того, здесь публикуется копия выписки из духовного завещания Артура фон-Вульфа о передаче пожертвования в размере 1000 рублей Московскому Обществу Истории и Древностей Российских.

Автор надеется, что настоящая публикация будет своевременной, полезной и привлечет внимание знатоков темы— специалистов.

I. История Устава Общества и его изменений 1811-1816-1893 гг.

№ 1 НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 11. Л. 5-6, 7. Фрагмент документа.

Старый устав 1811 г.	Новый устав 1816 г.	
§ 1. учреждается	§ 1. учреждено	
§ 4. определяется именно время, на чтение таковаго сочинения нужное.	[§ 4.] Этих слов нет.	
§ 5. замечания на всякия нелепыя сочинения	[§ 5.] «нелепыя» нет.	
§ 6. печать, на к[ото]рой изобразится	[§ 6.] « » изображается	
§ 7. Общество дает Членам, Благотворителям, Соревнователям и Корреспондентам дипломы	[§ 7.] Общество дает Действительным Членам, Благотворителям и Почетным Членам, а также Соревнователям и Корреспондентам дипломы	
§ 8. Общ[ество] состоит из Членов, Благотворителей, Соревнователей и Корреспондентов	[§ 8.] Общ[ество] состоит из Действительных Членов, Благотворителей, Членов Почетных и Соревнователей	
§ 9. известну быть по трудолюбию, по жизни неразсеянной, дающей время и возможность быть деятельным Членом Общества; чтобы обстоятельства его не отлучали навсегда, или на очень долгое время от Москвы.	[§ 9.] быть известным по трудолюбию и деятельности; желательно, чтобы большая часть Членов, для вящшаго успеха в делах, жила в Москве.	

Старый устав 1811 г.

Новый устав 1816 г.

- § 10. Член должен принять на себя труд по какой-либо части по своему произволению, но назначить срок, хотя самый дальний, в которой представит Обществу то, что предпринял сочинить, о чем и объявляет оному на письме:
- § 11. Дабы упражнения были без всякой остановки, каждый Член, имеющий нужду отлучиться из города, должен объявить:
- 1) надолго ли отлучается;
- 2) где будет место его пребывания;
- 3) может ли иметь сношение с Обществом во время его отсутствия;
- будет ли во время отсутствия обрабатывать порученную ему часть; по сим объявлениям Общество делает свои распоряжения, или смотря по удобности, поручает труд другому.
- § 12. Когда Член отлучится не дав о сем знать Обществу, потом спустя 3 месяца, не явится в собрание, или не известит о месте своего пребывания, то Общество примет сие знаком, что он более в трудах его участвовать не желает.
- § 13. Если кто, и в город живущий, в три заседания сряду не даст письменно знать Председателю о причинах своего отсутствия, то Общество примет сие также знаком, что он больше Членом Общества быть не желает; почему о таковом Председатель объявляет всему Обществу. И имя его из списка Членов исключается
- § 14. Если Член Общества заболеет и болезнь его продолжится более месяца: то дабы не было отговорки, что такое-то сочинение не издано за болезнию такогото Члена, заболевший Член объявляет о своей болезни Обществу, которое на место больнаго редакцию или иной труд поручает, по общему согласию, другому Члену.

- [§ 10.] Член должен принять на себя труд по какой-либо части и может предварительно объявить Обществу, какой труд он предпринял;
- [§ 11.] Каждый Член, имеющий нужду отлучиться из города, извещает Общество о своей отлучке.

- §§ 12 и 13 стараго Устава заменены на § 12 новаго:
- [§ 12.] Когда кто из Членов по каким либо обстоятельствам, не может присутствовать в заседаниях Общества и в течение

целаго года не известит Председателя о причинах своего отсутствия, то Общество примет сие знаком, что он более в трудах участвовать не желает.

§ 13. Член, принявший на себя какой-либо труд по препоручению Общества, если занеможет и препорученнаго труда не будет в состоянии продолжать: о сем объявляет Обществу, которое принимает меры для продолжения начатаго труда.

~	,	4044
Старый	vemas	1811 2.

Новый устав 1816 г.

- § 20. Заблаговременно, дабы Общество могло на место его приискать другаго.
- § 21. и при том за предлагаемаго обязаться, что он поручение Общества исполнит, и именно принимает на себя какое-то сочинение, или какое для Общества полезное поручение.
- § 22. и в сем предложении предлагающий Член прописывает удостоверения, что предлагаемый им может быть деятельным Членом сообразно с 9.
- § 28. Председатель никаких отзывов и сношений по делам Общества ни с кем не имеет без общаго советования, дабы ошибки Председателя не пали на целое Общество
- § 31. В торжественное собрание, в день открытия Общества, Председатель делает краткое изложение всего, что в течение года происходило; сие изложение оставляется в архиве Общества и припечатывается в Ведомостях.
- § 33. Секретарь... ведет переписку с Корреспондентами Общества и с другими особами и местами
- § 40. Если Общество будет иметь свою достаточную сумму, то употребит старание приобретать старинныя Русския рукописи, до Российской истории относящиеся, таковаго же рода книги, для составления библиотеки, и разные редкости, относящиеся до Древностей и Истории России, о чем особое попечение будет возложено на нескольких Членов; и когда библиотека составится, тогда Общество изберет из Членов своих Библиотекаря, а до тех пор входящия в Общество вещи хранятся у Казначея, который отвечает за целость оных.

§ 19.

§ 20.

§ 21.

§ 27. Если Председатель будет иметь, в случаях не терпящих медления, с кем-либо сношения по делам Общества, то о том объявит в первом заседании Общества.

Этого § нет.

§ 31. ...ведет переписку с разными Особами

Глава VI *О Библиотекаре*

- § 38. Общество имеет для хранения рукописей старинных, поступивших в Общество, также книг, монет, медалей и других редкостей, до Истории Российской и Древностей относящихся, особаго Библиотекаря, который избирается из Действительных Членов.
- § 39. Он ведет записку всем поступающим в Библиотеку вещам и представляет свой отчет в годичное собрание Общества.

Старый устав 1811 г.

Новый устав 1816 г.

- § 41. Для поддержания Общества необходимо нужны ему, кроме Членов Общества, еще два рода лиц, от коих не требуется тех качеств и познаний, каковыми должны быть снабжены Члены.
- Они будут известны под именем:
- а) Благотворителей и
- б) Соревнователей Общества.
- § 43. Соревнователи Общества суть те, которые сообщать будут какия-либо важныя сведения, открытия, разсуждения, до предметов упражнения Общества касающиеся; получить имя Соревнователей имеют они право:1) буде сообшенныя ими бумаги всем Обществом признаны важными и полезными: 2) буде изъявят, что и впредь трудам Общества споспешествовать будут; 3) буде обяжутся, хотя ежеголно, сообщать чтолибо лля свеления Общества
- § 44. Права и преимущества сих Благотворителей и Соревнователей суть следующия: они получают особаго рода дипломы, отличные от дипломов даваемых Членам, где названы будут одни Благотворителями, а другие Соревнователями
- § 45. Число Благотворителей и Соревнователей не ограничено; но они не имеют права заседать в собраниях, ни голоса, разве и тогда, когда по общему согласию за нужное сочтено будет их пригласит, или когда они предварительно письменно объявят, что имеют нечто предложить необходимо нужное лля блага Общества.

§ 40. Сверх Членов Действительных. Общество Благотворителей и Почетных Членов.

> Глава VIII О Соревнователях

§§ 44, 45, 46, 47 и 48

- § 42 Правила и преимущества Благотворителей суть нижеследующия: они получают дипломы, где названы будут Благотворитепями
- § 43. Число Благотворителей и Почетных Членов не ограничено.

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-8. Устав Императорского общества Истории и Древностей Российских, состоящаго при Императорском Московском Университете. Москва, 1856. Оттиск. Фрагмент документа.

УСТАВ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских, с переменами и прибавлениями, одобренными г. Министром Народнаго Просвещения 1816 года, Марта 13 дня

Г Л А В А І Состав, права и преимущества Общества

§ 1

При И м п е р а т о р с к о м Московском Университете учреждено Общество Истории и Древностей Российских.

§ 2

Главнейшия упражнения сего Общества будут состоять в критическом разборе древних Русских Летописей; в сличении их списков, какие только Обществу достать будет можно; в исправлении погрешностей, вкравшихся в них по нерадению, невежеству, или затейливости переписчиков. Когда таким образом летописи будут исправлены и подлинный смысл их по возможности отыскан: в то время Общество постарается о скорейшем и вернейшем их издании; и как теперь начато уже издание древнейшаго Русскаго Летописца Нестора: то Общество постарается привести его к окончанию; после чего приступит к таковому же изданию других Летописей.

ГЛАВА II

О Членах, качествах их, должностях, преимуществах и выбор их

<...>

§ 15

Каждый Член без отягощения себе, по мере своего имущества, должен сделать какое-либо пожертвование деньгами, книгами, или другим чем-либо, что могло бы Обществу быть полезным; для записывания таковых пожертвований, Общество имеет особую книгу.

<...>

§ 17

Число Членов Действительных должно быть ограничено и полагается оных не более тридцати.

§ 18

Все Члены, как участники общих трудов, безденежно получают издаваемыя от Общества книги.

<...>

§ 22

Избрание в Члены происходит баллотировкою, которая, яко вернейший способ к избранию, ни под каким видом и ни для кого не оставляется.

ГЛАВА III О Председателе

§ 23

Председатель избирается из Членов Действительных по баллам и Попечителем Университета представляется на утверждение г. Министра Народнаго Просвещения.

<...>

§ 26

Председатель, кроме положенных собраний, имеет право в нужных случаях приглашать Членов к чрезвычайным собраниям.

<...>

§ 29

Председатель подписывает все бумаги по делам Общества; и никакая бумага недействительна, если она не подписана Председателем или тем, кто место его занимает на время.

ГЛАВА IV О Секретаре

§ 30

Секретарь Общества избирается баллотировкою из Действительных Членов на три года; в собраниях имеет место подле Председателя и в суждениях имеет голос наравне с прочими.

Он имеет в своем ведении печать Общества и Архив, о состоянии котораго и приумножении, ежегодно в торжественном собрании дает отчет.

<...>

ГЛАВА V О Казначее

§ 34

Общество имеет своего Казначея, который избирается баллотировкою из Действительных Членов на три года.

§ 35

Он имеет в ведении своем казну Общества, и по определению онаго выдает потребную сумму денег под расписку, кому назначено будет.

<...>

§ 37

По окончании года, в торжественном собрании дает отчет о приходе и расходе, который подписывается Председателем и всеми Членами.

ГЛАВА IX

О правилах Общества и его собраниях

<...>

§ 50

В заседаниях Члены занимают места по старшинству вступления.

<...>

§ 53

Во время заседаний наблюдается следующий порядок в делах:

- 1. Читается дневная записка прежнего заседания и подписывается всеми присутствующими Членами.
- 2. Читаются письма, записки, или разсуждения, доставленныя отсутствующими Членами, Соревнователями, или сторонними Особами.
- 3. Читаются письменныя разсуждения Членов присутствующих.
- 4. Предлагаются различныя разсуждения словесныя, или письменныя, к пользе Общества, и показываются в дневной записке.

§ 54

Во время чтения, разсуждения и советования, всякия сторонния материи воспрещаются, дабы время напрасно не терялось; запрещаются также сатиры, колкия насмешки и вспылчивыя выражения, и буде бы сие случилось, то Пред-

седателю предоставляется право кротким образом заставить прервать оныя, или и совсем заседание закрыть.

<...>

§ 56

Обществу предоставляется право присланныя в оное сочинения печатать, или нет.

§ 57

Общество имеет три рода собраний:

- а. Торжественное собрание бывает один раз в год, в день открытия сего Общества. В сем собрании избранные для особых должностей Члены представляют отчеты, каждый по своей части; определяется задача для решения сторонним Особам; объявляется приговор приложенным на прежния задачи решениям и за лучшее выдается медаль. Прочия решения, не удостоенныя награждения, уничтожаются.
- б. Обыкновенныя собрания бывают каждое 1-е число месяца, буде оно случится не в Воскресный, или праздничный день; в таком случае собрание бывает на другой день.
- с. Чрезвычайныя собрания при нужных случаях, чтбо зависит от Председателя по § 26.

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 12. Л. 32-38. Устав Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских, состоящаго при Императорском Московском Университете. М., 1893. Оттиск из «Чтений при Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете». Фрагмент документа.

На основании ВЫСОЧАЙШАГО повеления 12-го января 1893 года, утверждаю 19-го января 1893 года.

Министр Народнаго Просвещения Статс-Секретарь *Граф Делянов*

УСТАВ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБШЕСТВА ИСТОРИИ

И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ,

состоящаго при

И М П Е Р А Т О Р С К О М московском университете

ГЛАВАІ

Цель Общества и права его

§ 1

Императорское Общества Истории и Древностей Российских состоит при Императорском Московском Университет.

Главнейшия задачи Общества состоят в собирании материалов для отечественной истории и в разработке оной по всем вопросам и предметам в область ея входящим.

§ 3

Так как цель сего Общества та, чтобы приводить в ясность Российскую Историю и Древности, то Общество обнародует исторические материалы и труды периодические, а также и отдельными изданиями.

§ 4

Для той же цели Общество имеет право получать из монастырей, церковных, общественных и казенных библиотек и архивов, какие есть в Государстве, нужныя ему книги и рукописи, при чем обязуется возвращать их в срок, назначенный для пользования ими.

§ 5

Общество имеет свою печать, на которой изображается Государственный герб, с надписью: «Печать Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских».

§ 6

Общество дает членам Почетным, Действительным, Благотворителям, а также членам — Соревнователям дипломы по форме ими составленной.

ГЛАВАІІ

Состав Общества

§ 7

Общество состоит из членов Действительных, Почетных, Благотворителей и членов-Соревнователей.

А. О Членах Действительных

§ 8

В Действительные члены избираются лица, известныя в ученом свете сочинениями или отличными сведениями по Российской Истории и ея Древностям, преимущественно живущия в Москве.

<...>

Б О Членах Почетных

§ 14

В члены Почетные избираются лица, или известныя особенно важными учеными трудами по Русской Истории или ознаменовавшия себя покровительством таковым трудам.

В. О Членах Благотворителях

§ 16

Звание членов Благотворителей получают лица, сделавшия какое-либо значительное пожертвование Обществу книгами, рукописями или иными какими-либо пособиями.

<...>

Г. О Членах Соревнователях

§ 18

В члены Соревнователи избираются, обычным порядком, по письменному предложению Действительного члена, лица, изъявившия готовность участвовать в трудах Общества сообщением материалов для его изданий, переводами с иностранных языков, доставлением разных сведений касательно предметов, коими Общество занимается и вообще исполнением научных поручений Общества.

<...>

ГЛАВАШ

О должностных лицах Общества

А. О Председателе и его временном заместителе

§ 21

Председатель избирается из Действительных и Почетных членов на три года и Попечителем Московскаго Учебнаго

Округа представляется на утверждение Господина Министра Народного Просвещения.

§ 22

Председатель наблюдает, чтобы все статьи сего Устава были соблюдаемы ненарушимо.

§ 23

Председатель открывает и закрывает заседания и наблюдает в них за порядком.

§ 24

Кроме положенных обыкновенных заседаний, в случаях нужных, он имеет право приглашать членов к собраниям чрезвычайным.

§ 25

Председатель наблюдает за порядком делопроизводства и состоянием сумм и, в случаях не терпящих промедления, если будет иметь с кем-либо сношения по делам Общества, объявляет о том в ближайшем заседании Общества.

§ 26

Председатель подписывает все бумаги по делам Общества, и никакая бумага не действительна, если она не подписана Председателем или тем, кто его место занимает на время.

Б. О Секретаре

§ 28

Секретарь избирается, как и Председатель, баллотировкою из Действительных членов на три года.

§ 29

Он заведует всем делопроизводством Общества, ведет дневную записку его заседаний и наблюдает за изданиями Общества, как главный и ответственный их редактор пред Обшеством.

§ 30

Имеет в своем ведении печать Общества и его архив и в годовом собрании дает отчет об ученой деятельности Общества.

<...>

В. О Казначее Общества

§ 32

Казначей избирается из Действительных членов баллотировкою на три года.

§ 33

Он имеет в своем ведении казну Общества и, по определениям онаго, выдает потребную сумму денег под расписку, кому назначено будет.

В годовом собрании Казначей дает отчет о приходе и расходе сумм, который подписывается Председателем и Секретарем.

Г. О Библиотекаре и его помощнике

§ 36

Для заведывания библиотекою Общества, нумизматическим кабинетом и музеем, Общество избирает из Действительных членов Библиотекаря на три года.

§ 37

Он ведет список всем поступлениям в библиотеку, каталогизацию книг и в годовом собрании Общества дает отчет о приращениях библиотеки и музея.

<...>

ГЛАВАІУ

О собраниях и занятиях Общества

§ 40

Общество имеет три рода собраний:

- а) *Годовое*, 18 марта, в день открытия сего Общества. В сем заседании должностными лицами читаются отчеты, каждым по своей части; присуждаются золотыя и серебряныя медали и премии за ученые труды, условия получения коих определяются особым *Положением*, выработанным Обществом; и, сверх того, кем-либо из членов произносится речь или читается ученый доклад.
- б) Собрания *обыкновенныя*, кои бывают ежемесячно, от сентября по май включительно, для обсуждения текущих дел и ученых докладов.

в) *Чрезвычайныя*, в неотложных случаях, созываемыя Председателем, согласно § 24 сего Устава. В них обсуждаются исключительно лишь те вопросы, по поводу коих они созваны.

§ 41

Все вопросы, обсуждаемые в Обществе, решаются большинством голосов

<...>

§ 43

Во время заседаний наблюдается следующий порядок в лелах:

- 1. Читается дневная записка прежняго заседания и подписывается всеми присутствовавшими членами.
- 2. Читаются письма, записки или разсуждения, доставленныя отсутствующими членами или сторонними особами.
- 3. Читаются письменныя разсуждения членов присутствующих.
- 4. Предлагаются различныя разсуждения словесныя или письменныя к пользе Общества и показываются в дневной записке.

<...>

§ 45

Если кто-либо из членов предложит какия-либо перемены в составе сего Устава, то, по одобрении оных Обществом, они не прежде будут иметь свою силу, как по утверждении их г. Министром Народнаго Просвещения.

II. Текущие дела Общества

№ 4

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

Императорское Общество Истории и Древностей Российских приглашает Вас, Милостивый Государь, в обыкновенное заседание, имеющее быть в четверг 26 Сентября, в 7 часов вечера, в коем: а) Председатель Общества В.О.Кночевский скажет несколько слов в память В.И.Холмогорова, и б) Действительный член В.И.Покровский сделает сообщение: «смертодавы (врачи) в сатирической литературе XVIII в.»

№ 5

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 28-29.

Императорское Общество Истории и Древностей Российских приглашает Вас, Милостивый Государь, в обыкновенное заседание, имеющее быть в субботу 20 декабря, в 7 часов вечера, в помещении Общества при Московском Университете.

В заседании будет сделано сообщение Секретарем Общества *Е.В.Барсовым* — «Соборное Уложение XVII в. о судебном процессе над духовными лицами в делах уголовных и гражданских».

№ 6

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 22-23 об.

На документе имеются пометы: «Его Выс-дию С.А.Белокурову» и «С распределением сотрудников. [I.] С.А.Шумаков. [VI.] М.Лилеева, С.А.Шумаков,

С.М.Шпилевский - р. право, Ю.О.Крачковский, П.А. Безсонов, П.А.Лавров, М.И.Соколов. [XI.] С.А.Шумаков».

М.Н.П.

Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете 14 марта 1896 г.

№ 296

Милостивый Государь, Сергей Алексеевич

Императорское Общество Истории и Древностей Российских, предлагая при сем Вашему вниманию проект плана Исторической Записки об Обществе ко дню его столетняго юбилея, выработанный особою комиссиею, честь имеет покорнейше просить Вас, как своего Действительнаго Члена, высказать, если найдете это возможным, Ваши замечания как относительно постановки общей задачи, так и относительно частностей, намеченных проектом.

Вместе с сим Общество усердно просит Вас сообщить, не найдете ли Вы возможным обещать ему свое содействие по исполнению со временем какого-либо отдела препровождаемой при сем программы (особенно по VI-му).

Ответ Ваш Обществу желательно получить к 15 апреля сего года.

Председатель Василий Ключевский

Секретарь

Елпидифор Барсов

ПЛАН

Исторической Записки о деятельности Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских со времени его учреждения.

Введение:

Очерк русской историографии и археологии в конце XVIII в. и в начале XIX в.

I.

Возникновение Общества. История устава Общества и его изменений. Задачи Общества по уставу.

II.

Материальныя средства Общества (имущество, доходы, субсидии, пожертвования).

III.

Библиотека и Музей Общества. Средства пополнения той и другого.

IV.

Состав Общества и его Правления с краткими биографическими сведениями о членах, наиболее потрудившихся для Общества, и с оценкой их значения для Общества.

V.

Заседания Общества:

- а) Годовое число заседаний.
- б) Число членов, присутствовавших на заседаниях.
- в) Порядок заседаний на занятиях.

- г) Важнейшие вопросы, возбуждавшиеся на заседаниях.
- д) Ведение протоколов.

VI.

Издания Обшества:

- а) Составление изданий и собирание издательского материала.
 - б) Печатание и распространение изданий.
- в) Обзор содержания изданий по научным специальностям (русская история и археология, история русской литературы, история русской церкви, история и литература южных и западных славян).
- г) Связь трудов Общества с современным научным движением.
- д) Особо важные случаи в издательской деятельности Общества (дело о переводе Флетчера, дело о Трилогии на Трилогию, дело о сожжении сочинения Мельникова о скопцах и др.).

VII

Внешния научныя сношения Общества (участие в ученых съездах, торжествах и т.п.

VIII

Отношения Общества к Московскому Университету хозяйственныя и научныя.

IX.

Внешния события, близко касавшиеся Общества.

Состояние Общества в исход перваго столетия его существования (помещение Общества, его имущество с Библиотекой и Музеем, доходы, личный состав, занятия, издания и т.п.).

XI.

Взгляд на характер и значение ученой деятельности Общества для русской историографии.

Приложение:

Список всех членов Общества со времени его основания.

.№ 7

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 30-30 об.

- 1) 17 марта 1904 года, накануне столетней годовщины Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских имеет быть совершено заупокойное всенощное бдение и великая панихида по всем скончавшимся Членам общества в Университетском храме.
- 2) В самый день годовщины 18-го марта в том же храме будет совершена божественная литургия с благодарственным молебствием и многолетием живущим Членам Общества.
- 3) В час дня имеет быть торжественное соединенное заседание Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских. Заседание будет открыто речью Ректора Университета, после чего произнесет соответствующую торжеству речь Г[осподи]н Председатель Общества.
- 4) По окончании речей имеет быть прием депутаций и приветствий от других Университетов, духовных Академий, ученых Учреждений и Обществ.

- 5) К настоящему торжеству имеют быть приглашены все наличные Члены Общества, живущие не только в разных городах России, но и за границею, равно как и почетныя лица города Москвы.
- 6) 19 марта имеет быть чрезвычайное заседание Общества с допущением почетных гостей, прибывших на праздник.

III. Материальные средства Общества (пожертвования)

№ 8

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 14. Л. 1-2. Фрагмент документа.

Обществу Истории и древностей Прибалтийских губерний России... было сообщено в 1898 году, что Артур Максимилианович фон Вульф, бывший в течение многих лет действительным членом Общества, в своем завещании назначил сему Обществу, помимо некоторых древностей, легат в 1000 рублей. То обстоятельство, что уведомление Окружнаго Суда на имя сего Общества касалось лишь древностей, а не также упомянутаго денежнаго легата, нижеподписавшийся приписал невнимательности переписчика и тем вернее ожидал, по прошествии срока объявления, выплату легата со стороны наследников или душеприкащиков потому, что оспаривание легата наследниками Артура Максимилиановича фон Вульф не предвиделось, а сомнения в том, что легат этот завещан Обществу Истории и древностей Прибалтийских губерний России вообще не существовало. Таким образом Обществу только впоследствие, именно после истечения срока объявления, стало известным, что Рижский Окружной Суд был того мнения, что по завещанию Артура Максимилиановича фон Вульф легат в 1000 рублей вправе получить не Общество Истории и древностей Прибалтийских губерний России, а Императорское Общество Истории и Древностей Российских в Москве.

<...>

Председатель Общества

Барон Бруйнинг

№ 9

НА ИРИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 14. Л. 5-6.

Копия

Стол 11 Дело № 317 1898 года

ВЫПИСКА ИЗ ДУХОВНАГО ЗАВЕЩАНИЯ

В Домашнем духовном завещании, составленном в имении Ленневарден Рижскаго уезда 8 октября 1895 года дворянином фон-Вульфом и обнародованном в судебном заседании Рижскаго Окружнаго Суда по I Гражданскому Отделению «6» февраля 1898 года, между прочим, значится: 3) Тысячу (1000) руб., которые я отказываю Российскому Обществу древностей и естествоиспытателей. Верно: За Секретаря Желязавский.

Верно: Секретарь (Подпись)

Подробнее см.: Черепнин Л.В. В.О.Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 146-170; Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О.Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 178-196; Киреева Р.А. Ключевский как историк русской

- исторической науки. М., 1966. С. 224-225; *Она же.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917. М., 1983. С. 208; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчество. М., 1974. С. 289-293; *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л.Янина. Т. 1. М., 1987. С. 5-32; Т. VII. М., 1989. С. 431-447; *Он же.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / Под ред. Р.А.Киреевой и А.Ф.Киселева. М., 1997. С. 3-28.
- ² См.: Научный архив Института российской истории РАН (далее НА ИРИ РАН). Ф. 4. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-8. Проекты устава Московского общества истории и Древностей российских. Автограф. Запись рукой не установленного лица; Д. 12. Л. 1-65. Уставы Московского общества истории и Древностей Российских. Состав общества. Печатный текст с правкой В.О.Ключевского 1856-1899 гг.; Д. 13. Л. 1-33. Текущие дела Московского общества истории и Древностей Российских. Автограф. Машинопись. Печатный текст. Записи не установленных лиц; Д. 14. Л. 1-25. Устав церковно-исторического и Археологического общества при Киевской Духовной Академии. Дело о передаче Московскому обществу истории и Древностей Российских 1000 рублей по завещанию Артура фон-Вульфа. Литография. Печатный текст. Машинопись. Запись рукой не установленного лица. 1891-1901 гг.
 - При подготовке материалов к печати сохранена подлинная орфография документов и их фрагментов.
 - Все документы публикуются по новому правописанию.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА О ВНУТРЕННЕМ РАСПОРЯДКЕ ПРИКАЗОВ

Практика и обычай играли, как известно, большую, если не определяющую роль в жизни Московского государства XVII в. В полной мере это относится и к сфере центрального государственного управления, к приказной системе. Администраторы XVII в. были, мягко говоря, в гораздо меньшей степени озабочены твердым проведением в жизнь неких теоретических юридических и управленческих принципов, чем деятели Петровского времени. Вместо абстрактных построений при решении конкретных вопросов они чаще всего руководствовались соображениями практической здравым смыслом. Именно поэтому российское законодательство XVII в. в сфере управления лишь определяло общие положения и ключевые, наиболее важные или часто встречающиеся вопросы. Поскольку приказная система родилась и выросла, так сказать, самостоятельно, «естественным путем», а не единовременным волевым решением какого-либо монарха, то специального, отдельного регламента центральных государственных органов России XVII в., определяющего их структуру и функции, не существовало. Наибольшее количество законодательных актов, регулирующих государственную управленческую деятельность XVII в., собрано в Уложении 1649 г. В нем аккумулировано законодательство предшествующего времени (конца XVI – начала XVII в.), касающееся этой сферы государственной деятельности, - как своды законов, так и отдельные юридические акты.

Поскольку администрирование в XVII в. было практически неотделимо от исполнения судебных функций, большая часть статей, определяющих основные принципы государственного управления, находится в главе X Уложения «О суде». Как уже не раз отмечалось, компетенция приказов законодательно определялась «от противного»: в приказах решаются все дела по их ведомству, кроме спорных, которых в приказе «вершити будет не мощно»¹. Такие дела велено «взносити из приказов в доклад» к царю и Думе. Собствен-

но, другого подхода к разделению компетенции исполнительной и законодательной власти и быть не может, только в более позднем законодательстве он не выражен столь лаконично и прямолинейно.

Как уже отмечалось, законодательного акта или группы актов, устанавливающих количество и номенклатуру приказов или даже официально подтверждающих существующую структуру, в русском законодательстве XVII в. нет. Однако, поскольку система приказов была гибкой и подвижной и быстро реагировала на изменения государственных приоритетов, время от времени появлялись указы, в которых объявлялось о создании, упразднении или реорганизации отдельных приказов. Указы эти были по-деловому кратки, в них отсутствовали какие бы то ни было идеологические обоснования перемен, это были сугубо административные распоряжения по делопроизводственным и кадровым вопросам. Так, в указе 1677 г. объявляется, что с 19 числа этого года монастырские дела из Монастырского приказа переходят в ведение приказа Большого дворца, к боярину, дворецкому и оружейничему Б.М.Хитрово с товарищами. Денежные доимки Монастырского приказа поручается собрать думному дьяку Новой чети И.С.Горохову. «А впредь Монастырскому приказу не быть»². Тремя годами позже, в 1680 г., была проведена реорганизация деятельности нескольких приказов. С 1677 г. несколько финансовых приказов (Большой казны, Большого прихода, Новгородская, Владимирская и Галицкая чети) были объединены под руководством трех начальных людей - боярина И.М.Милославского, окольничего И.И.Чирикова и думного дьяка А.Кириллова. При этом, так сказать, головным приказом в этой связке финансовых приказов был приказ Большой казны. В 1680 г. в ведение И.М.Милославского и его товарищей перешли Московская и городовые таможни и Мытная изба. Перемены были проведены в двух направлениях. Первое было связано с расширение компетенции приказа Большой казны в связи с присоединением к нему таможен и Мытной избы. Для приема и счета казны и для приема и ведения новой финансовой документации – таможенных и кабацких книг и списков - необходимы были дополнительные кадры, знакомые со спецификой предстоящей работы. Для этого штат приказа Большой казны был

увеличен за счет служащих приказов Большого прихода, Новгородской и Новой четей. Из этих приказов было предписано взять старых подьячих (в указе они перечислены поименно, что свидетельствует о значимости этих работников), а также из тех же приказов набрать тридцать человек средних и молодых подьячих соответствующей квалификации (которым «счетные дела за обычай»³). В связи с государственной важностью возложенного на них дела указ обязывал начальных людей в короткие сроки дать подьячим полные оклады (при обычном переводе из приказа в приказ верстание окладом и выдача денег происходили далеко не сразу) и не отрывать от работы никакими командировками, чтобы «в сборе казны и счете порухи не было».

Второе направление реорганизации было связано с необходимостью оптимизации деятельности приказов, собирающих налоги, — Большого прихода, Новгородской, Владимирской и Галицкой четей. Для непосредственного ведения дел в этой связке приказов во главе их был поставлен думный дьяк П.Пятово, в помощь ему были назначены три дьяка, в чьем ведении также находились дела всех трех четей (Новгородской, Владимирской, Галицкой) одновременно, и дьяки для каждого из приказов. Наконец, для упрощения административной работы четырех приказов было указано слить их канцелярии (снести дела «в одно место, чтобы не было волокиты челобитчикам»).

Указом 1685 г.⁴ практически были слиты три приказа. Челобитный приказ и подсудных ему людей было велено ведать Судному Владимирскому приказу; в него же переводились дела и подьячие Судного Московского приказа.

Гораздо реже встречаются постановления, регулирующие внутреннюю структуру приказов, в частности, упразднение или образование столов. Такие перемены, естественно, вызывались изменением компетенции приказа. Так, например, в том же 1680 г. именным указом некоторые категории служилых людей были переведены из ведомства приказов Казанского дворца, княжества Смоленского и Большого дворца в Разряд, в связи с чем в Разрядном приказе учреждались новые столы — Казанский и Смоленский⁵. Это, в свою очередь, повлекло за собой и кадровые перестановки для заполнения штатов новых приказных подразделений. В Разряд

указывалось перевести старых подьячих, ведавших соответствующими категориями служилых людей в приказах Казанского дворца, княжества Смоленского и Большого дворца. В подчинение старых подьячих переводились старые, средние и молодые подьячие, состоявшие, так сказать, в запасе (бывшие «не у дел»), из приказов Большого прихода, Новгородского, Ямского и других. Следует особо отметить эту характерную черту приказной системы: все приказы воспринимались как единый неделимый аппарат управления, поэтому и ресурсы их, как людские, так и денежные, свободно перетекали из одного приказа в другой, что не считалось вторжением на «чужую территорию», в чужое ведомство. В некотором смысле уровень централизации в приказной системе был выше, чем в системе государственных учреждений последующих эпох.

Чаще, чем указы об упразднении или образовании новых приказов или столов, в законодательстве встречаются акты, связанные с изменением компетенции отдельных приказов, не затрагивающие общей управленческой структуры или внутреннего строения приказов. Обычно это было результатом перераспределения между приказами отдельных категорий населения, определенного рода дел, территорий, финансов. Естественно, что каждое такое перераспределение влекло за собой и передвижение соответствующей части приказной документации, а иногда и приказных кадров. Так, в 1665 г. некоторые категории служилых людей были переданы из ведомства Иноземского приказа Разряду6, вместе с ними Разряду переходили и соответствующие финансовые документы. Информацию о новых назначениях начальных людей этих категорий служилых Иноземский приказ должен был теперь получать через Разряд. В том же указе повелевалось передать сбор налогов c ижных территорий (Белгородского и Севского полков) из финансовых приказов Большого прихода и Новгородской чети также в Разряд. Основанием такой реорганизации (приведенным в указе) послужило то, что дислокация вооруженных сил в этом южном регионе из временной стала постоянной, а, поскольку эти территории с их служилым населением целиком находились в ведении Разряда, то было логично и сбор налогов на жалование этим служилым передать в руки Разряда. В указе также предписывалось собранные налоги в Разряд не высылать, а расходовать на месте на жалование армии по распоряжениям из Разряда.

В следующем году из Иноземского приказа Разряду временно («до указу») была передана Новая Немецкая слобода — для переписи ее населения и писцового описания дворов. Задание было возложено на назначенного из Разряда стольника и разрядных же дьяков. В помощь им были приданы подьячие и решеточные приказчики из Земского приказа⁷.

Чаще всего изменение компетенции приказов было связано с перераспределением между ними некоторых функций. Так, в 1682 г. разного рода земельные дела были разведены между приказами Поместным и Судным. В первом предписывалось решать дела о межевании, во втором — о насильственном завладении поместьями и вотчинами и связанных с ними грабеже, разорении и обидах⁸. Напротив, дела по заложенным вотчинам в 1684 г. были переданы из ведомства Судного приказа в Поместный⁹. В 1687 г. была расширена компетенция Сыскного приказа. Его сотрудникам разрешалось производить аресты подозреваемых по уголовным делам в московских слободах, не информируя приказы, которым они были подсудны, — до указа из-за длинной бюрократической цепочки виновным удавалось в буквальном смысле слова избежать наказания¹⁰.

Примером изменения компетенции приказов в области финансов может служить передача денежных сборов (полоняничных и ямских денег) с дворцовых земель из приказа Большого дворца в Ямской 11 .

Если относительно приказной структуры генерального регламента не имеется, то некоторые правила функционирования центрального административного аппарата в законодательстве того времени рассмотрены. Например, рабочие и нерабочие дни государственных служащих к середине XVII в. определились весьма точно. В Уложении названы нерабочие дни для всех приказов — это все воскресенья, двунадесятые праздники, некоторые периоды больших постов и дни именин членов царской семьи (царя, царицы и их детей)¹². Всего, таким образом, предшественники современных чиновников не работали примерно сто дней в году, то есть чуть меньше одной трети года. Исключения составляли

срочные дела государственной важности, что было специально оговорено в Уложении. Кроме того, по субботам работа прекращалась за три часа до вечера, то есть в зимние месяцы примерно в 13-15 часов, весной — в 17-18 часов, летом — в 18.30-19 часов, осенью — в 14-16 часов.

В том же 1649 г. в это расписание были внесены некоторые уточнения и отчасти изменения. Нерабочим временем для служащих приказов, от начальных людей до подьячих, объявлялось время после обеда в субботу и до обеда в воскресенье¹³. Таким образом, не весь воскресный день оказывался, вопреки Уложению, нерабочим. Исключение из этого правила составляли сотрудники приказов, имевших наибольшее значение в сфере государственного управления, — Разрядного, Посольского и Большого дворца.

В оправдание чиновникам XVII в., имевшим столько нерабочих дней в году, следует сказать, что рабочий день их был весьма продолжителен — от десяти до четырнадцати часов. В некоторых указах это объявляется прямо: «Приказным людем, дьяком и подьячим, в приказех сидеть во дни и в нощи двенадцать часов» ¹⁴; «В приказех начальным людем и дьяком и подьячим сидеть в день пять часов, в вечеру пять же часов» ¹⁵.

Как видно из приведенных законодательных актов, рабочее время в России XVII в. определялось не по часам, а отсчитывалось от темного и светлого времени суток, а эти периоды, естественно, изменялись в течение года. Соответственно график работы тоже был гибким, следующим за временами года. Об этом свидетельствуют указы, объявляющие, говоря современным языком, о переходе, например, на зимнее время. Указом от 15 декабря 1699 г. 16 было определено «на Москве в приказех судьям и дьяком сидеть за делы с первого часу ночи во все дни, да им же с делами всходить в верх перед бояр и сидеть в приказех до восьмого часа с первого часа ночи». Этим указом регламентировалось время работы приказов во второй половине дня в зимний период. Можно с большой долей вероятности предположить, что и подчиненные судей и дьяков сидели в приказе никак не меньше начальства, то есть (для зимних месяцев) с 16 до 23 часов. Таким образом, вторая половина рабочего дня в

1669 г. составляла семь часов, а, следовательно, весь рабочий день длился приблизительно четырнадцать часов.

За десять лет ситуация с продолжительностью рабочего дня государственных служащих не изменилась. Указ 2 ноября 1679 г. предписывал начальным людям приказов, от бояр до дьяков, с этого числа являться в присутствие «с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седмом часу» ¹⁷. Переведя это расписание на современный счет времени, мы увидим, что первая семичасовая половина рабочего дня длилась с 7.30 до 14.30, затем следовал полуторачасовой перерыв и вторая семичасовая половина рабочего дня — с 16 до 23 часов.

Положение несколько изменилось к лучшему в следующем, 1680 г. Для государственных служащих был установлен 10-часовой рабочий день. 26 октября всем служащим приказов, от начальных людей до подьячих, было указано «приходить в приказ в день и в ночь в первом часу», то есть в 8.30 и в 18 часов, а продолжительность каждой половины рабочего дня, как уже говорилось выше, составила 5 часов¹⁸, с весьма длительным перерывом в четыре с половиной часа.

К указам о режиме работы приказов относится и еще один, от 11 января 1675 г. 19 В Москве закончилась эпидемия, во время которой все центральные государственные учреждения были закрыты, и теперь было разрешено «все приказы отпереть» и принимать дела от частных лиц, но только тех, кто находится в Москве. Приглашать для решения дел лиц из других районов запрещалось, еще действовал карантин: «А зазывных грамот никому ни по кого не давать».

* * *

Дополнительные сведения о времени работы приказов можно почерпнуть из указов о продолжительности рабочего дня Думы, поскольку их рабочее время по необходимости совпадало. З декабря 1699 г. боярам, окольничим и думным людям было указано съезжаться на вечерние заседания Думы в Золотую палату в первом часу ночи, то есть с 16 часов²⁰. Как было отмечено выше, через полторы недели последовало распоряжение начальникам приказов являться в Думу с

делами с 16 до 23 часов. При переходе на «летнее время» члены Думы должны были «июля с 20 числа с понедельника приезжать в верх в десятом часу дня»²¹, то есть с 15 часов. Указ от 1 февраля 1676 г.²² неясен в отношении времени суток: «Великий государь указал бояром и окольничим и думным людем съезжаться в верх на первом часу и сидеть за делы». Если это первый час дня, то он соответствовал 8.30 современного счета времени, если же первый час ночи — то 17 часам. Указы о времени заседаний Думы весьма лаконичны, это рядовые административные распоряжения, касающиеся предметов, хорошо известных в кругах центральной администрации и не требующих специальных пояснений. Поэтому по ним иногда трудно составить полное представление о рабочем дне Думы.

Кроме продолжительности рабочего дня приказов, законодательство регулировало и порядок их сношений с Лумой. Были определены дни недели, когда начальники приказов могли или должны были являться с докладами на заседания Думы (1669 г.)23. Понедельник отводился ключевым управленческим структурам, определявшим внутреннее и внешнее положение государства, - приказам Разрядному и Посольскому. Во вторник выслушивались главные финансовые учреждения – приказы Большой казны и Большого прихода. В среду докладывали начальники больших «земельных» приказов – Казанского дворца и Поместного, в четверг – также крупных территориальных приказов Большого дворца и Сибирского, в пятницу - Судных Владимирского и Московского. В 1674 г. этот порядок продолжал работать 24 . В указе о времени заседаний Думы в отношении слушания приказных дел сказано: «по прежней росписи». В целом порядок этот не изменился и позднее, только выросло число приказов, дела которых еженедельно обсуждались Думой. Вот план заседаний Думы по делам приказов, который уже не вмещался в неделю, на начало августа 1676 г.: пятница – приказы Разрядный, Посольский и его присуды; понедельник – приказы Большой казны, Иноземский, Рейтарский, Большого прихода, Ямской; вторник - приказы Казанского дворца, Поместный, Сибирский, Челобитный; среда - приказы Большого дворца, Судный дворцовый, Оружейный, Костромская четь, Пушкарский; четверг - Судные Владимирский, Московский, Земский; пятница — Стрелецкий, Разбойный, Хлебный, Устюжская четь²⁵. Как видим, приказы в основном сгруппированы по определенным отраслевым признакам. Следует отметить также, что все распоряжения по временному регламенту работы центральных государственных учреждений, как Думы, так и приказов, были единоличным решением государя, все указы являются именными.

Как уже говорилось, специального отдельного регламента деятельности центральных государственных органов в русском законодательстве XVII в. не существовало. Тем не менее, имеется значительный массив законодательных актов, посвященных организации административной и делопроизводственной работы приказов.

Основные положения этого направления в законодательстве заложены в Уложении 1649 г., в той же обширной главе X «О суде». Все они в той или иной степени связаны с процессом судопроизводства, так как практически все приказы обладали судебными функциями в отношении подведомственных им категорий населения.

Посмотрим, какие же проблемы администрирования и делопроизводства представлялись наиболее важными в XVII в.

Должностные обязанности различных категорий государственных чиновников специально и подробно нигде не определяются. О думских чинах сказана известная краткая формула: «А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вместе»²⁶. Специальные обязанности отдельных думских чинов никак не обозначены. То же положение мы находим и в отношении различных категорий приказных служащих, от начальных людей до подьячих. Их должностные обязанности нигде специально и подробно не записаны. Исключение составляют, пожалуй, только приставы и недельщики. В Уложение включены компактные группы статей, которые представляют собой регламент деятельности этих чинов, - статьи 137-143 о приставах и 144-148 о недельщиках. Объяснение этому можно найти в том, что деятельность этих категорий приказных служащих была более конкретной, а круг ее более узким, чем у подьячих и дьяков, а поэтому и более доступной для систематизации.

Сведения о должностных обязанностях дьяков и подьячих рассеяны по отдельным законодательным актам. Так, разрядным дьякам вменялось в обязанность принимать присягу новому государю в приходских церквах по месту жительства тех московских чинов, которые по болезни не могли сделать это вместе со всеми²⁷. Разрядные дьяки должны были также принимать присягу в Успенском соборе Кремля у вновь пожалованных в московские чины²⁸, причем присяга должна была состояться в день пожалования. Не приведенный к вере стольник, стряпчий, московский дворянин или жилец не имели права приступать к своим обязанностям. Кстати, то же относилось и к дьякам — велено было, «не быв у веры», «дьяком в приказех не сидеть и никаких дел не делать»²⁹.

Если во время судебного разбирательства истец или ответчик объявляли себя больными, то больного посылали «осмотреть подьячего доброго» того приказа, где слушалось дело³⁰.

Следует сразу оговориться, что четко разделить различные отрасли законодательства по административным вопросам довольно трудно, так как в одном законодательном акте тесно переплетаются вопросы делопроизводства, должностных обязанностей приказных служащих, процессуальные вопросы и вопросы трудовой дисциплины и должностных преступлений.

Наибольшее место среди подобных актов занимают статьи, регламентирующие приказное делопроизводство. Как и все административное законодательство, эти акты связаны с судебными делами, но общие принципы их распространяются на все приказное делопроизводство.

Основная тяжесть делопроизводственной работы лежала на подьячих, причем в законах нигде не указывалось, подьячие какой статьи (молодые, средние или старые) должны были выполнять ту или иную работу.

Уложение 1649 г. установило также порядок прохождения дел в приказах. Предписывалось подавать челобитные сначала в приказ (в котором был в судебном отношении ведом человек) и только в случае нерешения дела в приказе проситель мог апеллировать к высшей власти — государю³¹.

Законодательство жестко определяло ход и порядок движения судебных документов в приказах. При возбуждении судебного дела истец подавал в приказ приставную память для привлечения ответчика к суду. Такая память должна бы-

ла быть подписана истцом. Документ считался принятым к рассмотрению, когда приказный дьяк ставил на нем свою подпись. С этого дня начинался отсчет времени в ведении этого дела, что фиксировалось в специальных приказных документах: подьячему предписывалось «ту память записати в книгу того ж числа, в котором числе память будет подписана. А записав в книгу, отдати ту память приставу», в чьи обязанности уже входило доставить ответчика к суду³².

Затем подьячий должен был зафиксировать иски сторон («истцовы и ответчиковы речи») и положить на стол дьяка в соответствующую стопку документов — «к вершенью», причем сделать это «вскоре, а вдаль никаких судных дел не откладывать»³³.

Во время слушания дела подьячий должен был вести запись, то есть фактически вести протокол судебного заседания³⁴. В нем запрещались любые помарки и исправления. По завершении слушания протокол должны были подписать тяжущиеся стороны или, за их безграмотностью, доверенные лица. С протокола подьячий писал беловую копию, дьяк сверял ее с подписанным оригиналом и подписывал, чем придавал документу официальный характер. Оригинал подьячий был обязан хранить в своем архиве до окончания дела для возможных споров сторон. По завершении судебного разбирательства подьячий должен был подклеить ее в столбец к другим документам по делу. Кроме того, ему предписывалось сразу по окончании процесса — «того ж часу, как суд отидет» — записать кратко ход дела и решение по нему в специальные судные книги, то есть составить краткий протокол заседания, «чтоб про то было ведомо, кто на ком чего искал и сколько с того дела доведется взять государевых пошлин»³⁵.

Как видим, для ведения судных приказных дел существовали довольно жесткие делопроизводственные нормы.

Законодательство по делопроизводству выделяло еще несколько важных тем. Так, специальный закон³⁶ был посвящен значению грамматики в подаваемых в приказы документах. В этом законе фактически был официально зафиксирован процесс складывания единого русского языка, устного и письменного, — в нем признавались равные права наречий и диалектов, существовавших на момент принятия закона, а также некоторая динамика в письменности. Указ

утверждал, что различия в написании имен и прозвищ, обусловленные фонетическими различиями русских говоров («по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык»), не являются нарушением закона и основанием для возбуждения судного дела. В указе приводятся такие грамматические расхождения: о-а, ь-ъ, ятьее, и-i, о-у.

Законодательство регламентировало и собственно приказное делопроизводство. Так, при межведомственной переписке следовало из Разряда в приказы, где в руководстве находились думные чины, отправлять указы, а в остальные приказы — памяти³⁷. В распоряжении, адресованном руководству приказов, предписывалось во всех исходящих документах писать имя одного главного судьи, начальника приказа, а заместителей обозначать собирательно — «с товарищи», а не поименно³⁸. Указ 1682 г. предписывал при составлении и выдаче жалованных вотчинных грамот вернуться к прежней практике, прерванной в царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, а именно — дьяки, по чьему непосредственному распоряжению выдаются такие грамоты, должны ставить и свою подпись на лицевой стороне грамоты, ниже печати, придавая ей тем самым официальный статус³⁹.

Указами 1688 г. в придании официального статуса документу первенство отдается государственной печати. В первом из них⁴⁰ подьячим Поместного приказа запрещалось выезжать на места для разрешения земельных конфликтов по наказным памятям, если эти памяти были без печатей, даже при наличии дьячьей подписи. Следующий указ⁴¹ подтверждал это положение, запретив уже дьякам ставить свою подпись на документах без печати. Основанием таких делопроизводственных строгостей были интересы государственной казны — «чтоб от того их, великих государей, денежная пошлинная казна не пропадала».

Как уже говорилось, в законодательстве XVII в. делопроизводственные вопросы тесно переплетены с процессуальными, вопросами о должностных обязанностях приказных служащих и другими.

Статья 23 главы X Уложения определяет способ управления приказом и его отражение в приказном делопроизводстве. Следует сразу отметить, что он ничего не решает в споре

о коллегиальности и единоначалии приказной системы. С одной стороны, указ определенно выделяет главу приказа: «А в котором приказе по государеву указу будет боярин или окольничий или думный человек с товарищи, три или четыре человеки» (это подтверждает и приведенный выше указ 677). С другой стороны, в нем говорится о полной взаимозаменяемости начальных людей приказа: если «в которое время из них один или два человеки в приказ не придут за своею болезнью, или за иным за своим каким нужным домашним недосугом, или из них кто будет в отпуску с Москвы», вести судебное заседание предписывается «товарищем их, которые будут на Москве в приказех», и делать это «судьям вобче». При вынесении приговора это положение остается в силе — «и то дело вершити товарищем, которые будут в приказе». Имена судей, принявших решение по делу, записывались в итоговый документ суда — «и в приговор писати свои имена». Отсутствие судей на заседании отмечалось не только тем, что их имена не вносились в приговор, - в этом же документе необходимо было записать причину неявки судьи на заседание.

Многие должностные обязанности не были обозначены в законах прямо, однако они прочитываются в законодательных актах о нарушении трудовой дисциплины и должностных преступлениях.

Основными «действующими лицами» таких законов являются судья, дьяк и подьячий. Приказные дети боярские, приставы, сторожа и другой вспомогательный персонал приказов в них не фигурирует. Исключение, как уже говорилось, составляют недельщики и приставы, для которых были написаны по нескольку статей для каждой категории, определяющих их обязанности и санкции за их нарушение.

Что касается трех основных категорий служащих приказов, то в большинстве законов дьяки и подьячие объединены в одной статье (но не в отношении ответственности за нарушения), что свидетельствует об их тесном взаимодействии в приказной работе.

Практически все законы, определяющие санкции за должностные преступления приказных судей, записаны в Уложении 1649 г. Прежде всего, это, разумеется, неправый суд⁴². Наказание за него предусмотрено строгое, особенно

если учесть, что речь идет о высших лицах государства. Первая часть статьи, так сказать, восстанавливала справедливость: за умышленное вынесение неправильного приговора судья обязан был из своих средств возместить тройную сумму иска истца. Кроме того, на него налагались выплаты пошлины, пересуд и правый десяток в пользу государя. Во второй части определялось собственно наказание — у думного человека отнималась честь — его думный чин, недумному грозила торговая казнь. И тот, и другой навсегда отстранялись от приказной службы.

За взяточничество судьи закон конкретного наказания не предусматривал (как и в некоторых других законах о правонарушениях начальников приказов). Дело слушалось, так сказать, корпоративным судом – боярами, они представляли материалы своего расследования царю, и он решал дело по обстоятельствам каждого конкретного случая⁴³. Один подобный случай, как прецедент, вошел в законодательство. В 1654 г. во мздоимстве были обвинены князь А.Кропоткин и дьяк И.Семенов⁴⁴ (дьяк Стрелецкого приказа). За то, чтобы не записывать посадских людей из Горохова, ради их пожарного разорения, в Гостиную сотню, Кропоткин «взял с тех гороховлян посулу 150 рублев». Дьяк «взял себе посулу бочку вина, а денег им за то вино не платил, и после того с них же просил ... денег тридцать рублев». Сначала обоих взяточников припугнули смертной казнью, но по прошению царевича Алексея Алексеевича она была заменена на более мягкие санкции. Князя Кропоткина вместе со всем родом велено было написать с городом, по Новгороду, а дьяка - бить кнутом по торгам и отдать за пристава.

Неумышленная судебная ошибка («без хитрости») также решалась исходя из обстоятельств дела государем и боярами⁴⁵. Умышленное затягивание судебного разбирательства судьями «для их корысти» решалось таким же образом, как и предыдущее⁴⁶.

Кроме законов о должностных преступлениях, существовали и законы, предусматривающие санкции за нарушение трудовой дисциплины. За отсутствие на рабочем месте не по уважительной причине («отеческие дела», «не для болезни и не для иного какова нужного недосугу»⁴⁷) в течение нескольких дней судье велено было опять-таки «учинить нака-

занье что государь укажет», обязать его присутствовать в приказе и исправно исполнять свои служебные обязанности: «всякия судныя дела вершить безволокитно, чтобы за судьею и за всяким приказным человеком ни в котором приказе никаким людем лишния волокиты и проести не было».

Как уже было сказано, статьи о должностях правонарушениях средних и низших звеньев управленческого аппарата объединяют две категории приказных служащих — дьяков и подьячих, причем из этих статей становится особенно очевидно, насколько велика была роль этих чинов в центральном государственном управлении. Наказания за должностные преступления дьяков и подьячих были более определенными и гораздо более суровыми, чем для думных чинов. Если дьяк, будучи лично заинтересован в судебном деле, деньгами или связями, вынуждал подьячего совершить подлог судебных документов («написати не так, как в суде было и как в прежней записке за истцовою и за ответчиковою рукою написано»), то дьяку полагалась торговая казнь, а подьячего ждала еще более жестокая расплата — отсечение руки⁴⁸.

За предоставление заинтересованной стороне судебных документов подьячего отстраняли от дела⁴⁹. Если дьяк, заинтересованный в деле, вновь отдавал ведение дела тому же подьячему или подьячий по указанию дьяка передавал документы заинтересованной стороне, дьяк выплачивал истцу сумму иска и пошлины. Кроме того, и дьяка, и подьячего полагалось бить кнутом и навсегда отставить от дел.

Кроме судьи, умышленно затягивать дело могли, разумеется, и дьяк, и подьячие — и, может быть, даже с большим успехом. За такое должностное преступление дьяк и подьячий выплачивали потерпевшей стороне установленную сумму денег — расходы на проживание в Москве на время слушания дела (по 2 деньги на день) с начала слушания дела по дату, когда одна из сторон подала заявление о волоките. Наказанием за это правонарушение было: «дьяков бити батоги, а подьячих кнутом» 50.

Государство и в XVII в. наиболее трепетно относилось к делам, связанным с пополнением денежной казны. Поэтому из других возможных должностных преступлений подьячих в Уложении выделено преступление, связанное с утаиванием государевых пошлин. Подьячий мог не записать судное дело

в специальную записную книгу 51 , а собранные по делу пошлины оставить себе 52 . «И тому подьячему за то учинити наказание, велети его у приказу при многих людех бити кнутом», пошлины же «велети доправить на том, с кого те пошлины взяти доведутся». За «рецидив» этого должностного преступления подьячего указывается бить кнутом по торгам, отставить из подьячих и сослать в украинные города «в службу, в какую пригодится».

Вопросам растраты казенных средств посвящен и специальный указ 1669 г.53 Он адресован приказным казначеям — «подьячим, которые сидят у его государева дела, у прихода и расхода его государевой денежной казны», - и явно отражает текущую практику этих чиновников. Закон запрещает разворовывать государственную казну, а также давать из нее взаймы, хотя бы и с соответствующим оформлением займа, по кабальным записям, а также предоставлять эти записи в качестве оправдательного документа при проверках приказной казны. Интересно, что закон всю ответственность за правильное содержание приказной казны возлагает не на самих растратчиков-подьячих, а на их непосредственное начальство – дьяков. Дьяков указ обязывает следить за подьячими-казначеями («над подьячими смотреть и беречь накрепко»), чтобы они не совершали указанных нарушений, и ежемесячно проверять наличные казенные средства. В случае выявления у подьячих растрат или приема дьяками закладных вместо наличных денег санкции предусмотрены не вполне определенные: дьякам грозит государева опала, а подьячим быть в «жестоком наказанье безо всякие пощады». Кроме того, недостачу - «начетные деньги» - указывается взыскать «мимо подьячих» с дьяков, «за то, что они над теми подьячими того не смотрели и не берегли, как они, подьячие, денежную казну взаймы раздавали, а они, дьяки, их помесечно не считали».

Проблемы с приказными казенными деньгами были весьма важными, однако основной деятельностью дьяков и подьячих была работа с документами. Часть законов о правилах делопроизводства была рассмотрена выше, в основном они изложены в статьях Уложения 1649 г. Другие законодательные акты, предусматривающие санкции за нарушения в этой области, появились позже и являются законами по

прецеденту. Одной из наиболее серьезных оплошностей подьячих была ошибка в написании царского имени и титула. В 1658 г. был объявлен указ: подьячему приказа Большого дворца «за прописку его государева именованья учинить у Разряду наказанье, бить батоги»⁵⁴.

Особое внимание уделялось тому, чтоб при составлении документа соблюдались принятые нормы этики и этикета. Так, в 1669 г. за то, что в отчетных документах о высылке на службу можайских и верейских служилых людей была «написана непристойная речь» (то есть, по всей вероятности, цитировалась ругань высылаемых), пострадали можайский воевода и подьячий верейской съезжей избы. Именным указом подьячего за то, что писал такие «доездные скаски», велено «бить батоги нещадно», а воеводу — «за твою вину, что ты такие доездные сказки принимал», — посадить «на день в тюрьму» 55.

Другой указ, 1670 г.⁵⁶, рассматривал еще более тонкие вопросы чиновного этикета. К воеводе И.Бутурлину с товарищами был послан стольник Ф.В.Бутурлин с государевым милостивым словом. Как и полагалось, И.Бутурлин отправил в Москву благодарственную отписку. В ней и была совершена тяжкая, по понятиям того времени, ошибка. В отписке было сказано, что посланный от царя стольник «спрашивал вас о здоровье», что было воспринято практически как фамильярность по отношению к государю: по своему положению воевода И.Бутурлин не имел права на такую монаршую милость. За это ему было высказано порицание: «И ты, Ива, к нам, великому государю, в отписке своей писал непригоже и неостерегательно, чего и бояре наши и воеводы нам, великому государю, так не пишут». В указе сообщается правильная формулировка: «А писать было тебе к нам, великому государю, что прислан от нас, великого государя, к тебе с товарищи стольник Федор Бутурлин с милостивым словом, а не о здоровье спрашивать вас». Разумеется, вина возлагается и на делопроизводителя, причем ошибка дьяка столь груба и очевидна, что, по представлениям центральной администрации, ее можно было совершить только в неадекватном состоянии: «А ты, дьячишко, страдник и страдничей сын и плутишко, того не смотришь, что к нам, великому государю, в отписке писано непристойно, знатно пьешь и бражничаешь». На такой проступок у властей нет готовых ответных санкций, но степень тяжести наказания определена: «И довелся ты жестокого наказанья, и за то наш, великого государя, указ тебе будет впредь». Однако этот проступок, хотя и тяжелый, все же повлек за собой отставку провинившихся от службы. В заключении грамоты предписывается «впредь к нам, великому государю, в отписках так не писать...»

К общему законодательству о должностях обязанностях подьячих и санкциях за их нарушение, в основном заключающихся в Уложении, присоединяются отдельные указы, вышедшие позднее, о должностных обязанностях подьячих с определенной специализацией. Так, боярским приговором 1681 г. 57 налагаются наказания на писцов (глав комиссий по описанию и межеванию земель) и дьяков, умышленно исказивших в писцовых документах результаты земельных описаний и межеваний. У таких чиновников предписывалось отнимать половину их поместий и вотчин в пользу пострадавшего; в случае отсутствия своих имений — бить кнутом.

Русское законодательство XVII в. предусматривало для государственных чиновников не только санкции за нарушение ими трудовой дисциплины или за должностные преступления. Приказные служащие обладали и правами на защиту своей чести, достоинства и здоровья. О значимости подобных прав свидетельствует то, что эти установления вошли в основной свод законов XVII в. — Уложение 1649 г. Вопервых, в него были включены статьи, предусматривающие ответственность за бесчестье любого человека, находящегося на государственной службе⁵⁸. Из нее исключены только высшие, думные чины, за оскорбление которых предусматривались отдельные наказания. В статью 93 включены все московские и городовые служилые чины, в том числе дьяки польячие.

Статья 14 главы X предусматривает наказание за ложное обвинение любого служащего центральных административных учреждений, от высших чинов, бояр, до низших, подьячих, различаясь только в степени ответственности. За ложное челобитье на боярина, окольничего, дьяка челобитчика полагалось бить кнутом, за бесчестье подьячего — батогами. Статья 17 главы X конкретизирует это общее положение специальным случаем: если челобитчики будут сами

«волочить» дело, а вину за это возложат на дьяков и подьячих, то с приказных обвинение снимается, а челобитчики присуждаются к такому же наказанию, что и дьяк и подьячий за подобное правонарушение (см. выше).

Отдельные статьи посвящены защите чести, здоровья и даже жизни приказных судей. Со всей очевидностью исходящие из приказной практики, эти статьи рисуют довольно суровую картину судейских будней. Статья 105 главы X ограждала достоинство судей, если можно так выразиться, в этическом отношении. Тяжущимся сторонам предписывалось вести себя в суде достойно: «став перед судьями, искать и отвечать вежливо и смирно и нешумно, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить, и меж себя не браниться». Статья, таким образом, призвана была поднять на высокий уровень общественную нравственность хотя бы в стенах государственных учреждений – нарушение описанных норм поведения трактовалось как «судейское бесчестье», за которое нарушителя предписывалось «посадить в тюрьму на неделю». Компенсация предусматривалась и потерпевшей стороне — за бесчестье словом закон указывал на нарушителе «доправити бесчестье по указу» (в Уложении предусматривались отдельные санкции за моральный ущерб всем категориям населения). Дальнейшие пункты стати рассматривают более тяжелые случаи – от удара рукой до убийства оружием в суде.

Но в процессе судопроизводства могли пострадать не только тяжущиеся стороны. Статья 106 той же главы посвящена защите приказных судей во время исполнения ими своих должностных обязанностей, причем имеются в виду не только специально судебные функции, но и административная деятельность начальников приказов. За оскорбление судьи «непригожим словом» обидчик нес наказание в первую очередь за бесчестье государственного чиновника как законного представителя государя – «за государеву пеню бити кнутом или батоги, что государь укажет», и затем — перед судьей как частным лицом («а судье велеть на нем доправить бесчестье»). Последующие пункты, как и в статье 105, декларируют санкции за нанесение большего ущерба судьям: «будет кто судью чем зашибет или ранит», «а будет кто судью в приказе или где ни буди убъет до смерти», причем в каждом случае разделяется наказание за нанесение вреда судье как государственному чиновнику и как частному лицу. Таким образом, статья была направлена на поддержание престижа государственного служащего.

Однако, поднимая на высокий уровень статус чиновника, закон ставил ограничения и для последнего: «а будет судья учнет государю бити челом на кого в бесчестье о управе ложно, ... и ему за то по сыску учинити тот же указ, чего бы довелся тот, на кого он о управе бил челом»⁵⁹.

Законодательство ставило под свою защиту и более широкие слои приказных людей. В статье, следующей за статьями о должностных обязанностях приставов, оговаривался случай сопротивления ответчика или адресата посланным за ним из приказа служащим 60 . Подобное поведение рассматривается как оскорбление не только непосредственного исполнителя, но и его приказного начальства: если ответчик или адресат официального распоряжения «учнет того пристава или сына боярского бити сам, или велит кому его бити мимо себя людям своим или крестьяном или кому ни буди, или у него наказную или приставную память или государевы грамоты отоймет или издерет, и тем он приказных людей, от которых тот пристав послан будет, обесчестит». В таком случае нарушитель несет ответственность, опять-таки двойную, перед государем в лице его представителя и перед частным человеком. «Такова непослушника за государеву грамоту бити кнутом и посадити в тюрьму на три месяцы, а недельщику велети на нем доправить бесчестья и увечье против окладу вдвое». Далее рассматриваются случаи нанесения тяжких телесных повреждений приставу вплоть до его убийства и наказаний за них. Но тут же, статьей 143, как и в случае с судьями, ставится предел возможным злоупотреблениям чиновников: если пристав будет ложно обвинять кого-либо в бесчестье и в «бое», ему определяется наказание – бить кнутом.

Возвращаясь к законодательным актам, которые регламентировали работу приказов, можно назвать несколько указов, вышедших по отдельным специальным случаям. Время от времени приказы получали от правительства задания по кодификации вышедших после Уложения новых узаконений. В декабре 1681 г. во всех приказах велено было составить выписки изо всех постановлений приказов за время царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича «сверх

Уложения 157 году и сверх новый статей»⁶¹. На следующем этапе кодификационной деятельности приказы должны были на основании этих выписок составить проекты новых законов, «какия в которых приказех впредь к вершенью всяких дел пристойны, а в Уложении тех статей не напечатано и в Новых статьях не написано ж». Все материалы приказам предписывалось прислать «в тетрадех за дьячьими приписьми в Разряд».

В 1685 г. по челобитным московского и городового дворянства Судному Московскому приказу также была поручена кодификационная работа — необходимо было упорядочить в некоторых вопросах судопроизводство и взыскание «проестей и волокит» — штрафов за умышленное затягивание судебного процесса.

Несколько указов специально посвящено кадровым вопросам центрального государственного аппарата. Один из наиболее известных, это указ от 8 февраля 1664 г. 62 о запрещении принимать на службу в приказы подьячими «розпопов и роздьяконов», а уже принятых отставить. Другой касается повышения статуса и престижа думных дьяков — начальников приказов 3. Этим именным указом от 21 декабря 1680 г. предписывалось возглавляющих приказы думных дьяков «в своих государевых указех и у дел в приговорех и в иных таких письмах, и где они будут в посылках с бояры и воеводы или одни, велеть их в наказех и в своих государевых грамотах и во всяких делех писать с вичем». Однако в официальных учетных документах — боярских списках — думных дьяков велено записывать «по прежнему, как они до сего его государева указу писаны».

Специального постоянного контрольного органа, надзирающего за деятельностью центральной государственной администрации, в России XVII в., как известно, не было (в некотором отношении таким учреждением являлся приказ Тайных дел). Однако центральной властью проводились контрольные акции, спорадические проверки одного и нескольких приказов. В ноябре 1680 г. проверке подвергся практически весь центральный административный аппарат: приказы...

Заместителям начальников приказов и приказным дьякам предписывалось «дела описать и подьячих счесть», составить

отчетные документы — описные книги и счетные списки и представить их лично царю в двухмесячный срок 64 .

Время от времени в приказах проводилась переаттестация, сопровождавшаяся, как это всегда и бывает, сокращением штатов. Так, в 1683 г. была проведена такая проверка среднего и низшего управленческих звеньев Разбойного приказа. Кроме того, служащие должны были предоставить гарантии своей профессиональной пригодности: «в Разбойном приказе подьячих старых и средней статьи и молодых разобрать, и которым доведется в приказе у их государевых дел быть, и по тех взять поручные записи с подкреплением, а без поручных записей у дел подьячим не быть».

Кроме упоминавшегося выше внутреннего контроля приказов за состоянием казенных средств, опять же эпизодически, чаще по обстоятельствам, проводилась и их внешняя проверка. В марте 1680 г. подобная проверка была проведена по всему центральному государственному аппарату⁶⁵. Было указано подвести полугодовой баланс во всех приказах, указав, в числе прочего, основания всех расходов учреждения. Докладывать государю о результатах проверки должны были сами начальники приказов. Кроме того, предписывалось произвести проверку финансовой деятельности подьячихказначеев со дня вступления их в должность, если таковая проверка ранее не проводилась. Кроме того, приказным дьякам поручалось провести учет всех делопроизводственных документов приказа и составить их опись. На такое трудоемкое и сложное дело давались весьма жесткие сроки - полгода, учитывая, что приказы отнюдь не прекращали своей каждодневной обычной деятельности.

Ряд указов посвящен работе центральных государственных учреждений в экстремальной ситуации — во время эпидемий. Указ от 5 августа 1656 г. 66 строжайше, «под жестоким наказанием», обязывал подьячих всех приказов, у кого в доме появится больной, докладывать об этом боярской комиссии, управлявшей в это время Москвой в отсутствие царя. Кроме того, чтобы отвести угрозу заражения от царя, запрещалось привлекать таких подьячих к писанию документов, отправлявшихся царю в поход.

Летом следующего, 1657 года руководству Разряда было дано указание организовать карантин для гонцов из Смолен-

ска на Дорогомиловской заставе. Специальные посыльные должны были оповещать приказы, куда поступали отписки от полковых воевод, о прибытии гонцов. В свою очередь, приказы должны были отправлять на заставу подьячих для копирования этих отписок; подлинники необходимо было сжигать 67 .

Кроме указов, адресованных всем приказам, выходили указы, регламентирующие деятельность отдельных приказов или групп приказов по конкретным делам. Так, например, указом 22 августа 1677 г. Разряду предписывалось всех служащих, откомандированных им в города по требованиям других приказов по разным делам, «без своего великого государя именного указу ныне на перемену прежним не отпускать и прежних воевод и приказных людей не переменять». Указом 26 апреля 1680 г. 9 в связи с некоторой модернизаци-

Указом 26 апреля 1680 г.⁶⁹ в связи с некоторой модернизацией в военной сфере вводилось новшество и в делопроизводство того же Разряда: «голов московских стрельцов, которые по разрядному списку в стольниках, и тех писать стольниками и полковниками, а которые написаны в стряпчих и в иных чинех, и тех писать полковниками, а полуголов подполковниками, а сотников капитанами московских стрельцов».

Указом от 9 ноября 1680 г. 70 была организована совместная работа двух приказов — Поместного и Разрядного. Поместному предписывалось составить опись поместных и вотчинных земель всех служилых чинов государства, от бояр до подьячих «и иных чинов людей». Списки бояр, окольничих, думных и ближних людей, московских чинов, дьяков, городовых служилых людей, а также копейщиков, рейтар и солдат Севского и Белгородского полков Поместному приказу должен был предоставить Разряд, причем в указе отмечено, что списки стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов в Поместный приказ уже отправлены в прошедшем году. Иноземский и Рейтарский приказы обязывались предоставить списки подведомственных им служилых людей — «московских полков начальных людей и копейщиков и рейтар и солдат».

- ⁹ Там же. 1085.
- 10 Там же. 1265.
- 11 Там же. 1251.
- ¹² Уложение. Гл. X. Ст. 25.
- 13 ПСЗ. Т. I. 21.
- 14 Там же. 237.
- ¹⁵ Там же. 839.
- ¹⁶ Там же. 462.
- 17 Там же. 777.
- 18 Там же. Т. II. 839.
- ¹⁹ Там же. Т. І. 594.
- 20 Там же. 461.
- 21 Там же. 587.
- 22 Там же. 621.
- 23 Там же. 460.
- 24 Там же. 582.
- ²⁵ Там же. 656.
- ²⁶ Уложение. Гл. Х. Ст. 2.
- ²⁷ ПСЗ. Т. І. 620.
- 28 Там же. 218.
- ²⁹ Там же. 406.
- ³⁰ Уложение. Гл. Х. Ст.108.
- 31 Там же. Ст.20.
- 32 Там же. Ст. 137.
- 33 Там же. Ст. 22.
- 34 Там же. Ст. 11.
- 35 Там же. Ст. 128.
- ³⁶ ПСЗ. Т. І. 597.
- 37 Там же. 677.
- 38 Там же. 820.
- ³⁹ Там же. Т. II. 964.
- 40 Там же. 1306.
- 41 Там же. Т. I. 1307.
- ⁴² Уложение. Гл. Х. Ст. 5.
- 43 Там же. Ст. 7-9.

¹ Уложение 1649 г. Гл. Х. Ст. 2.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. І. 711. (Далее ПСЗ).

³ Там же. 824.

⁴ Там же. Т. II. 1108.

⁵ Там же. 844.

⁶ Там же. Т. І. 370.

⁷ Там же. 386.

⁸ Там же. Т. II. 951.

- 44 ПСЗ. Т. I. 123.
- ⁴⁵ Уложение. Гл. Х. Ст. 10.
- 46 Там же. Ст. 15.
- 47 Там же. Ст. 24.
- 48 Там же. Ст. 12.
- 49 Там же. Ст. 13.
- 50 Там же. Ст. 16.
- 51 Там же. Ст. 128.
- 52 Там же. Ст. 129.
- 53 ПСЗ. Т. I. 454.
- 54 Tam жe. 233.
- 55 Там же. 458.
- ⁵⁶ Там же. 485.
- 57 Tam жe. T. II. 886.
- 58 Уложение. Гл. Х. Ст. 83 отвественность церковных чинов, ст. 93 — отвественность светских людей любого чина.
- 59 Там же. Ст. 107.
- 60 Там же. Ст. 142.
- 61 ПСЗ. Т. II. 900.
- 62 Там же. Т. I. 369.
- 63 Там же. Т. II. 951.
- 64 Там же. 842.
- 65 Там же. 802.
- 66 Там же. Т. I. 187.
- 67 Там же. 209.
- 68 Там же. 704.
- 69 Там же. Т. II. 819.
- ⁷⁰ Там же. Т. І. 209.

ИЗУЧЕНИЕ ДОЗОРНЫХ КНИГ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение документов писцового делопроизводства, успешно начатое еще в конце XVIII в. учеными-краеведами¹, активно продолжается и в наши дни. Однако, если вопросам истории изучения и проблемам источниковедения писцовых, переписных и приправочных книг посвящено значительное число работ отечественных историков, то дозорным книгам как одному из видов источников, входящему в состав писцовой документации, уделено незаслуженно мало внимания.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы дать историографический обзор изучения дозорных книг первой половины XVII в. отечественными исследователями, начиная с конца XIX в. (времени первого обращения ученых к данному источнику) и до сегодняшних дней. В статье необходимо очертить круг вопросов, на которые пытались ответить ученые, работая с материалами дозорных книг; выяснить, при изучении каких тем в основном использовали информацию дозоров и какие проблемы источниковедения дозорных книг по-прежнему являются малоизученными.

С конца XIX – начала XX в. такими знаменитыми русучеными, как И.Н.Миклашевский, А.С.Лаппо-Данилевский, Н.А.Рожков, С.Б.Веселовский, Ю.В.Готье и др. начинается активное вовлечение данных писцового делопроизводства в научный оборот. Впервые в отечественной историографии разгорается дискуссия о степени достоверности материалов писцовых книг, поднимается вопрос о причинах и ходе описательных работ Московского государства в XV – XVIII вв., а также разворачивается публикация писцовых материалов. Тогда же появилась необходимость изучения конкретных видов книг, входящих в состав писцовой документации, как результата различных описательных работ в России XV - начала XVIII в., т.е. встал вопрос об их типологизации. Соответственно в сферу внимания дореволюционных ученых попадают и дозорные книги первой половины XVII B.

В «Описаниях документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции» (далее – МАМЮ), вышедших под редакцией Н.В.Калачева в 1869 г., дозорные книги, как и приправочные, отнесены к писцовым². Эти источники рассматривали только в качестве исправлений и дополнений, которые вносились в писцовые книги: относительно дозорных книг — вслед за предыдущей описью определенной местности, а относительно приправочных — через некоторое время после, в течение которого могли произойти существенные изменения как во владельческих правах, так и в самом составе и положении жителей. Та же мысль была высказана и в «Памятной книжке МАМЮ», вышедшей почти через 20 лет после «Описаний документов и бумаг», где «писцовые и дозорные» книги считаются «результатом проверки (дозора) уже произведенной описи»³, т.е. так же являются поправками и дополнениями к писцовым. Само разделение писцовых книг на дозорные и приправочные объяснялось ошибками писцов, трудностями работы по описанию больших территорий, а также происходящими со временем изменениями, требовавшими новых поправок в старых описях.

Ничего не сообщает об особенностях дозорных книг и В.О.Ключевский в «Курсе лекций по источниковедению», коротко отмечая лишь, что дозорные книги только дополняют писцовые⁴. Однако в какой мере и каким образом происходило это дополнение в лекции он не указывает, в основном проводя сравнение писцовых книг с переписными.

Не видит особых различий между писцовыми и дозорными книгами и Н.Д.Чечулин, который в своей книге прослеживает начало и ход переписей в России с XIV до конца XVI в. Автор считает, что основное отличие заключалось только в терминологии, когда «по существу, по грамматическому значению термин "писцовый" — "составленный писцом" обозначал все этого рода документы, хотя встречались и другие заглавия книг: "книга" или "книги" приправочные, дозорные, переписные и устройные» 5. Среди близких к писцовым автором называются сотные и «разметные» книги. Чечулин, изучив содержание многих таких книг (а именно всех, содержащих описания городов), пришел к выводу, что, хотя они и не составлены по общему плану и обладают различными особенностями, все же этих особенностей явно не-

достаточно, чтобы говорить о различии их содержания. Автор убежден, что названия могли изменяться из-за отсутствия общей формы книг, к тому же многое зависело от «усмотрения писца». На основе подобных размышлений Чечулин пришел к сомнительному выводу о том, что «в тогдашнем словоупотреблении не придавали большого значения различию в названиях» и могли писать, например, «книги письма и дозору». Соответственно Чечулин не рассматривал дозорные книги в качестве отдельного вида источников в писцовом делопроизводстве.

Иная точка зрения на природу дозорных книг первой половины XVII в. высказана в книге А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве», где он рассмотрел причины и время проведения дозоров, а также затронул вопросы их периодичности и особенностей дозорных книг по сравнению с писцовыми.

Лаппо-Данилевский подробно указывает причины правительственных описаний в первой половине XVII в. Он отмечает, что переписи в Московском государстве проводились главным образом для определения платежных сил местности и не повторялись до тех пор, пока «в количестве или составе населения и в его материальных средствах не происходило заметных перемен»⁷. В XVII в. такие перемены были часто. Помимо смертности, увеличившейся вследствие войн, их вызывало постоянное передвижение населения (например, крестьяне убегали из бедных вотчин в более благоустроенные хозяйства на окраинах, в Сибирь и т.д.). Способствовала запустению местностей и тяжесть налогов, что приводило к снижению количества жилых дворов и несоответствию между величиной налогов и числом плательщиков. Этим обстоятельством вызывалось написание челобитных царю с просьбой о проведении новой переписи.

Вместе с постоянными причинами, влиявшими на уровень благосостояния населения и его численность, Лаппо-Данилевский выделяет и случайные обстоятельства: пожары, истреблявшие города; моровые поветрия; засухи; голод; постоянные войны и др. Эти причины действовали неравномерно, что еще более увеличивало несоответствие между показаниями старых писцовых книг и платежными силами какойлибо местности. И поэтому не удивительно, считает Лаппо-

Данилевский, что в 1619 г. сразу после окончания Смуты царь вместе с боярами и «со всеми людьми Московского государства учинили Собор о всех статьях, как то исправить и устроить землю и приговорили: во все города, которые не были разорены, писцов посылать, а в которые были опустошены — дозорщиков, чтобы все дозорили без посулов» Эта перепись затянулась надолго, т.к. проводилась в разных местах и в разное время. В качестве общей причины проведения переписей Лаппо-Данилевский выделяет то обстоятельство, что они являлись основанием для правительственного оклада. Он также отмечает, что имели значение и более частные причины, именно они влияли на характер описания.

Помимо исследования писцовых и переписных книг, по его мнению, двух главнейших видов переписей, Лаппо-Данилевский рассматривает и тип описаний, который имел, как он полагает, второстепенное значение, – дозорные книги. Он указывает на основные различия писцовых и дозорных книг, вспоминая, что по определению Собора 1619 г. писцы посылались в неразоренные, а дозорщики — в разоренные города. Таким образом, во-первых, в писцовые книги входило описание нормальных хозяйств, а в дозорные книги – описание «ненормальных хозяйств». Во-вторых, писцовые книги надолго сохраняли свое значение и служили крепостными актами на недвижимое имущество; дозорные же имели характер временного мероприятия, составлялись наскоро и часто местной администрацией с целью устранить несоответствие между размером оклада и платежными силами местности. Дозорные книги имели, по его мнению, более общий характер, в них описывались целые области, имевшие административное значение. Иногда, когда отдельно описывались владения одного разряда населения или какогонибудь обширного хозяйства (в разных уездах), такие описания могли становиться результатом правительственной деятельности, а не частной инициативы.

Лаппо-Данилевский приходит к выводу о том, что описи, переписи и дозоры были «самостоятельными типами народоисчисления»⁹, т.к. были вызваны разными причинами и определялись различными целями. Но «способы регистрации» при проведении этих работ по существу были одинаковы, хотя и имели свои особенности.

Лаппо-Данилевский замечает, что мало определенного можно сказать о времени, в течение которого проводились переписи. Из-за несовершенства путей сообщения, способов регистрации и из-за медлительности писцов описание не было «единовременным» во всем государстве. Наибольшее количество известных дозорных, писцовых и переписных книг относятся к 1614-1616 гг., когда проводились дозоры, к 1625-1630-м гг. и 80-м гг. XVII в., когда составлялись писцовые книги, и к 1646-1648 гг. и 1676-1679 гг., когда составлялись переписные книги. Но Лаппо-Данилевский указывает, что и в промежутках между валовыми описаниями шли переписи плохо описанных уездов и городов, поэтому в течение XVII в. не было ни одного года, свободного от переписей.

Автор отмечает, что не соблюдались периодичность и повсеместность описаний, не требовались и постоянные правительственные органы регистрации. К тому же регистрация часто проводилась местной приказной властью или временно чиновниками. назначенными ПО мнению Данилевского, малоподготовленными. Так, например, дозор или дополнительную опись небольшого числа дворов мог производить воевода, губной староста или только дьяк без воеводы, что было выгоднее для населения, которое освобождалось от затрат на содержание специальных правительственных писцов¹⁰. Давая характеристику писцовым наказам, Лаппо-Данилевский пишет о «полном» наказе дозорщикам, упомянутом на Земском соборе 1619 г., отмечая, что о нем нет указаний в подлинных дозорных книгах.

Почти ничего не сообщает о дозорах и Ю.В.Готье в своем фундаментальном труде «Замосковный край в XVII в.» Он обращает внимание лишь на то, что большинство дозоров утрачено в связи с московским пожаром 1626 г. Восстанавливая ход описательных работ в Замосковном крае с конца XVI в., он коротко останавливается на вопросе о времени проведения дозоров. Он отметил, что «ряд дозоров» был произведен в 10-е гг. XVII в., причем по нескольку раз для каждой местности (наиболее ранние он относит к 1612-1614 гг.), а с 1619-1620 гг. дозоры становятся более систематическими, т.к. фиксировать степень опустошения дозорщики посылались уже почти во все уезды. Готье обратил внимание на то, что «условия составления конкретной книги

определяла ближайшая цель, которая имелась в виду в данный момент» 11 . В связи с этим интересно, что автор скептически относился к возможностям выяснения особенностей приемов работы дозорщиков 20-х гг. XVII в., т.к. книг этого периода сохранилось очень мало.

Достаточно подробно на организации дозорного дела останавливается В.Седашев в своих «Очерках и материалах по истории землевладения Московской Руси в XVII в.» Автор также, как и Лаппо-Данилевский, пытается указать причины появления дозоров в начале XVII в. Он отмечает среди основных задач, которые необходимо было выполнить московскому правительству после завершения Смуты, следующие: «землевладения. составляющего экономический базис государственного могущества, в закономерное русло» и принятие мер к «более равномерному распределению налогового бремени, тяжесть которого благодаря разорению совсем не согласовывалась со степенью благосостояния отдельных районов». Однако, как отмечает Седашев, писцовые книги конца XVI в. и первых годов XVII в. являлись «мало пригодными для целей податного обложения», поэтому было крайне необходимо составление новой описи государства. Сборами пятинных и запросных денег, составлявших значительную долю прямых налогов, смягчалась острая нужда в «производстве поземельного кадастра», который, как пишет автор, «из-за тревожных условий провинциальной жизни и общему расстройству административного механизма, мог выполняться только частично и в простейшей форме дозоpa».

Седашев подробно перечисляет посады и уезды Московского государства, полностью или частично подвергшиеся дозорам в 10-е гг. XVII в. Он обратил внимание на то, что, несмотря на «громадное количество дозоров и досмотров», едва ли они явились следствием общего правительственного плана, скорее — «частных потребностей текущей государственной жизни». В связи с этим в своем исследовании он остановился и на описании «особых» дозоров, составленных по просьбам частных лиц (в основном крупных вотчинников). Их основными целями было избавление населения от чрезмерных налогов и закрепление за феодалами незаконно приобретенных земель.

Седашев полностью соглашается с предположением Лаппо-Данилевского о том, что дозорщики сами не мерили и не межевали земель, а ограничивались сказками землевладельцев. И он особенно подчеркнул, что данное обстоятельство нельзя считать злоупотреблением дозорщиков, это было «необходимое следствие той поспешности, с которой проводился дозор, и тех требований, которые к нему предъявлялись».

В своем исследовании Седашев обращается к материалам Земских соборов 1619 и 1620 гг., которые дали резко отрицательную оценку дозорам 10-х гг., «производившихся по случайным поводам, не объединенных общим планом, единством целей и порядком исполнения». Несмотря на не очень удачные дозоры 10-х гг. и на недобросовестность их исполнителей, Собор 1619 г., как пишет автор, не мог отказаться от дозоров как от «наиболее подходящего способа описания разоренных местностей». Однако в чем именно были преимущества дозоров в этот период, Седашев не указывает. Собор принимает решение о посылке новых дозорщиков, и это был уже сплошной и для многих местностей повторный дозор. В связи с этим дозором автор упоминает и «полный наказ» (все еще не найденный), который объединял его задачи и средства исполнения. Его рассуждения о «полном» наказе дозорщикам выглядят более аргументировано, чем у Лаппо-Данилевского, т.к. он нашел упоминания о нем в указах 1620 и 1621 гг. о раздаче челобитчикам поместий, записанных не в Поместном приказе, а в дозорных книгах по раздачам. Так, в указах раздача этих поместий мотивировалась тем, что «у дозорщиков в наказе не написано таких поместий росписывать» 12. Нужно отметить, что вопрос о «полном» наказе дозорщикам в историографии более не обсуждался.

Наиболее подробно рассматривает вопрос о ходе проведения дозоров в первой половине XVII в. С.Б.Веселовский в одной из глав своей книги «Сошное письмо», посвященной обзору описательных работ Московского государства с конца XVI и в течение всего XVII в. «с той полнотой и в тех размерах, в каких это необходимо для истории сошного письма» 13. Причем в основном Веселовский интересуется вопросами источниковедения дозорных книг, выясняя, например, причины и конкретные поводы начала и отмены дозоров, их

основные черты и отличия от писцовых книг, механизмы составления дозоров и принципы работы дозорщиков, а также особенности описательных работ правительственных приказов. На данный момент фундаментальная работа Веселовского все еще является единственной, в такой полноте раскрывающей вопросы источниковедения дозорных книг. Никем из современных историков не предпринималась столь же серьезная попытка источниковедческого анализа всего корпуса дозорных книг первой половины XVII в.

Веселовский пишет, что потребность правительства в дозорах в начале XVII в. увеличивалась в связи с тем, что во время Смуты разорение захватывало все большую часть государства. Во время Смуты описания не прекращались, хотя они и не могли принять значительных размеров. Далее Веселовский последовательно в хронологическом порядке восстанавливает ход описательных работ, отмечая, что если с 1613 г. не заметно оживления дозорного дела, то уже в 1614-15 гг. дозоры принимают характер общей меры (дозрено около 40 посадов). В 1616 г. дозоры охватывают уже почти все города государства, а в некоторых местах проводятся даже вторые и третьи повторные дозоры. Нужно отметить, что из общего обзора дозорных книг (причем, в основном уездных), проделанного предыдущими историками, Веселовский отдельно выделяет дозоры посадов.

Собор 1619 г. указал на новую необходимость обновления земли дозорами и описаниями, т.к. государство опустело, «а подати всякие и ямским охотникам подмоги емлют с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным книгам, и иным тяжело, а другим легко, а дозорщики, которые после Московского разоренья посыланы, по городам будучи, дозирали и писали по дружбе за иными легко, а за иными по недружбе тяжело, от того Московского государства всяким людям скорбь конечная» 14. Московский пожар 1626 г. заставил провести повторные описания и послужил толчком для описания тех городов, которые еще не были ни описаны, ни дозрены. И, как полагает Веселовский, ко времени Смоленской войны все города (за некоторым исключением) были дозрены и описаны. Однако дозоры отдельных городов, об обстоятельствах проведения которых автор также не забывает упомянуть

(например, дозоры г. Устюга 1639 г. и г. Вязьмы 1645 г.), продолжались и после.

Веселовский обратил внимание на большой недостаток дозоров, показав, что само правительство попало в созданный им «безысходный круг», когда борьба с внутренними и внешними врагами требовала огромных средств, и в то же время продолжались разорения, требовавшие новых дозоров. «За разореньем следовали дозоры; по дозорам происходило сильное уменьшение сошных окладов, заставлявшее правительство увеличивать оклады посошных налогов; увеличенное обложение делалось непосильным, становилось само причиной разорения и вызывало новые дозоры»¹⁵ и т.д. Таким образом, многочисленные дозоры «расстраивали все сметные предположения правительства и создавали в государственном хозяйстве новые затруднения»¹⁶.

Автор выделяет следующие характерные черты дозоров, причем его точка зрения во многом совпадает с взглядами Лаппо-Данилевского и Седашева: 1) наличие многочисленных «особых» дозоров, т.е. не валовых описаний, а дозоров отдельных владений; 2) неудовлетворительность вообще всех дозоров вследствие злоупотреблений дозорщиков, их небрежности, когда они писали свои книги исключительно по сказкам, гибели многих старых писцовых и дозорных книг, т.е. недостатка приправочных материалов и т.д.; 3) быстрота и поспешность проведения дозоров, редко затягивавшихся на второй год и часто проводившихся даже зимой. Соответственно, о действительном «дозоре», т.е. личном досмотре дозорщиками описываемых земель, как подчеркивает Веселовский, говорить можно с большими оговорками.

В своем исследовании автор выделяет отличия дозоров от писцовых описаний. Во-первых, главной целью дозора был досмотр пустоты, т.е. выяснение размеров запустения по сравнению с прежним положением и определение живущего. Во-вторых, правовые задачи описания при дозорах были случайным и второстепенным элементом. Таким образом, дозор, по его мнению, был исключительно финансовой мерой. Описания же преследовали гораздо более широкие задачи: определение размеров и свойств тягла, проверка и укрепление прав собственности на земли, обмер и межевание земель, суд в земельных спорах и т.д. Поэтому Веселовский

считает, что «дозор, т.е. личный досмотр, в какой-то мере был одной из составных частей описания как совокупности работ, производимых с финансовыми и гражданскоправовыми целями»¹⁷. В связи с этим дозоры требовали гораздо меньше времени и сил, были проще и проводились быстрее описаний.

Веселовский проводит взаимосвязь между снижением посошного обложения в первой половине XVII в. и ходом дозоров и описаний. Так, приказы не спешили с дозором тех городов, которые получили льготы в податях, и описывали их только после истечения срока льготы. К тому же значительное понижение посошных налогов, в частности, и в результате дозоров, поддерживало у правительства надежду восстановить сошное письмо на старых началах, не предпринимая крупной реформы.

Ход описательных работ в первой половине XVII в. Веселовскому было удобнее рассматривать отдельно по приказам. Он достаточно подробно описывает работы всех четей, отмечая, в какие годы и какие города и уезды были дозрены, в чем были причины начала и окончания того или иного дозора, а также неутверждения дозорных книг и т.д. Веселовский пришел к выводу, что описательные работы производились четями не по определенному плану, а только по челобитьям населения и по мере необходимости. Каждая четь вела дело по-своему, и, по-видимому, лучше всех провела описания Устюжская четь, хуже всех — Галицкая.

Так же как и Лаппо-Данилевский, Веселовский, говоря о порядке проведения дозоров, отмечает, что в первые годы после Смуты, а иногда и позже производство описаний поручалось воеводам, что было проще, быстрее, а для населения дешевле. Так, рядовые воеводы и приказные люди производили описания и дозоры посадов сами, взяв с собой тех подьячих, которые были под рукой в съезжей избе, а в уезд посылали по своему выбору, «кого пригоже» 18.

Большую научную ценность в качестве очень полезного справочного аппарата представляют собой и примечания Веселовского, сделанные к этой книге. В них дается полный перечень всех писцовых, дозорных и переписных книг (известных автору) по всем городам Русского государства с конца XVI в. и за весь XVII в. с подробным комментирова-

нием обстоятельств проведения каждого дозора и описания (когда, кем, был ли утвержден и если нет, то почему).

В начале советского периода развития исторической науки, когда она переходит на позиции марксизма, главное внимание ученые уделяли изучению проблематики классовой борьбы¹⁹. Соответственно, в основном, разрабатывались исторические источники, в которых она ярко отражена: летописи, акты государственного законодательства, следственные дела, челобитные, документы вотчинных архивов и т.д. В этих условиях можно говорить в целом о недостатке внимания ученых к проблемам источниковедения документов писцового делопроизводства.

Однако в основном учебнике для высшей школы по источниковедению истории СССР М.Н.Тихомирова заметно возвращение автора на позиции дореволюционных ученых середины XIX в. Он вновь выделяет писцовые книги в качестве ценнейшего памятника по социально-экономической истории России XV-XVII вв. Тихомиров обратил внимание, что характер описания, зависевший от его задач, во многих книгах неодинаков²⁰. Дозорные книги, как и приправочные, рассматривались им в качестве книг, содержащих дополнительный материал к писцовым книгам, причем характер этих дополнительных данных им почти не оговаривался. Автор указал, что в дозорные книги дозорщики вносили исправления к уже составленным ранее описаниям.

Особого внимания заслуживает методологическое пособие А.Ц.Мерзона, вышедшее в 1956 г., в котором находим серьезное источниковедческое исследование автором писцовых и других видов книг писцового делопроизводства. У него, как и у М.Н.Тихомирова, прозвучала мысль о том, что писцовые и переписные книги имеют большую ценность как источник, несмотря на то, что их данные о населении и размерах угодий искажены или носят условный характер.

В своем пособии автор дает небольшой историографический обзор изучения писцовых книг с конца XIX в., затем рассматривает ход описательных работ в Московском государстве с XIII по XVII в., разъясняет реформу сошного письма 50-х гг. XVI в. Автор, подчеркивая, что писцовые книги являются сложным для изучения источником, затрагивает вопрос о методике их разработки и останавливается

на характеристике основных видов книг писцового делопро-изводства.

Мерзон относит дозоры к особому виду описательных работ в Московском государстве, полагая, что дозоры являлись экстренной мерой, а их основной целью была проверка посильности налогового обложения в определенной местности: после утверждения правительством дозорных книг они служили основанием податного обложения вместо устаревших писцовых книг. Он утверждает, что «работа дозорщиков должна была по существу отличаться от работы писцов»²¹. Так, дозорщики посылались правительством для проверки на месте жалоб населения о своем разорении и отсутствии средств для уплаты налогов в прежнем размере, таким образом, в результате дозоров снижались сошные оклады до нового описания данной местности. По мнению Мерзона, дозорные книги давали представление о платежеспособности населения, проживающего на разоренных территориях от военных действий, нападений крымских татар и ногайцев и других бедствий. Несмотря на то, что по форме и по содержанию дозорные книги близки к писцовым, автор выделяет и несколько различий. Во-первых, писцовые книги составлялись по инициативе правительства, дозорные же, как правило, - по челобитьям населения, требовавшего принять меры к приведению размера налогов в соответствие с изменившимися к худшему хозяйственными условиями. И, во-вторых, если писцовые книги составлялись в большинстве случаев для всей страны, т.е. речь шла о валовом описании государства, то дозирались в основном только разоренные местности. Среди особых условий проведения дозоров Мерзон указывает на их поспешность, отрицательно сказывавшуюся на достоверности данных соответствующих книг.

В 60-70-е гг. XX в. заметно возрождение и рост интереса к писцовым материалам. В этот период выходит огромное число статей ведущих советских ученых (В.Б.Павлова-Сильванского, Л.В.Милова, А.Я.Дегтярева, Л.В.Данилова, Я.Е.Водарского, О.Б.Коха и др.), посвященных источниковедению различных книг писцового делопроизводства. И определенным индикатором этого процесса может явиться появление достаточно большого раздела Л.В.Милова, посвященного

писцовому делопроизводству, в вузовском учебнике по источниковедению истории СССР, вышедшем в 1973 г.

В своей статье автор не забывает и о дозорных книгах, основная масса которых, как он подчеркивает, сохранилась от первой четверти XVII в. По его мнению, основной задачей дозорных книг было смягчение налогового бремени в тех владениях, где в силу каких-либо причин произошло резкое снижение платежности подвластного населения. Особенностями дозоров было то, что они составлялись в периоды между валовыми описаниями и в основном по челобитьям населения.

Милов подчеркивает ценность данного исторического источника. Так, дозорные книги особенно интересны, когда им предшествуют ранние (приправочные или платежные) книги, т.е. когда появляется возможность проследить эволюцию в социально-экономической сфере жизни города или уезда. Особая ценность дозорных книг заключается в отклонениях от трафарета писцовых книг, т.к. дозорщик часто был вынужден давать разъяснения изменениям, которые произошли в период, предшествующий дозору. И основной вывод автора заключается в его уверенности в том, что «на материале дозорных книг исследователь может сделать множество таких наблюдений, какие почти никогда не дают писцовые книги»²².

Начиная с середины 70-х гг. XX в. выходят немногочисленные статьи, посвященные изучению конкретных дозорных книг. В них авторами главным образом повторяются теоретические выводы, уже прозвучавшие в основных словарях и методологических пособиях этого времени по источниковедению истории России периода феодализма. Так, Ю.С.Васильев, изучавший материалы писцового делопроизводства Севера России в XVI в., дает определение дозоров как экстренных описаний, охватывающих незначительные территории²³. Им же указывается основная цель дозорных книг — определить те существенные изменения, которые происходили в экономическом положении населения той или иной территории с момента ранее проведенного общего описания.

П.А.Колесников проанализировал на основе имеющейся в его распоряжении перечневой росписи г. Устюжны Железопольской 1626 г. данные несохранившейся дозорной книги

ее посада 1619 г. Автор в рамках устоявшейся традиции отмечает, что дозорные книги составлялись по челобитью местного населения, просившего о проверке соответствия между размером ранее установленного оклада государственных налогов и платежеспособностью населения²⁴. Он обращает внимание на то, что обычно дозорные книги составлялись по отдельным уездам, и в начале XVII в. после смутного времени дозорами была охвачена значительная часть уездов центра и севера страны. Относительно ценности данного вида источника автором в основном повторяются выводы Л.В.Милова. Основной заслугой Колесникова стал проведенный им анализ и восстановление текста утраченной дозорной книги г. Устюжны Железопольской на основе данных перечневой росписи, что явилось новым приемом в историографии изучения дозорных посадских книг.

От данных работ несколько отличается статья О.Н.Вилкова²⁵, в которой автор помимо характеристики тобольских дозорных, переписных и окладных книг XVII в., пытается решить и ряд методологических проблем изучения дозорных книг, рассматривая их с точки зрения выяснения полноты, достоверности и ценности содержащегося в них материала для изучения проблем социально-экономической истории. Автор отмечает, что дозорные и переписные книги Сибирского приказа по своему значению и содержанию соответствуют писцовым и переписным книгам европейской части русского государства. Он дает характеристику единственной сохранившейся тобольской дозорной 1622/23 книге 1623/24 гг., составленной по распоряжению тобольского воеводы кн. Ю.Я.Сулешова. Интересен вывод автора об особенностях дозорных описаний Сибири. Он пишет, что если цель описаний 20-х гг. XVII в. в европейской России — облегчить податное обложение тяглого населения в связи с разорением этой части страны в результате иностранной интервенции, то в Сибири, не подвергшейся разорению, стремились, наоборот, к увеличению податных поступлений за счет включения в прямое обложение новых социальных категорий населения — тобольских посадских, не бывших до этого в тягле и отбывавших только «государевы службы»²⁶.

Вилков указывает, что дозоры сибирских городов имели совершенно иные цели в отличие от городов европейской

России. Поэтому при анализе этого источника необходимо будет учитывать данное обстоятельство, рассматривая сибирский комплекс источников отдельно.

Автор отмечал, что по материалам тобольских дозорных книг можно составить некоторое представление о географии, топографии, демографии города и уезда, о составе, занятиях, имущественном положении и повинностях тобольских жителей. Но в то же время он четко ограничивал возможности данного источника. Так, на основе его материалов нельзя точно судить о количественном составе и занятиях жителей, т.к. при составлении дозорной книги основное внимание уделялось точному учету имевшихся и предполагавшихся тобольских налогоплательщиков (только главы семей). При обозначении профессий «тяглецов» указывались лишь их основные профессии (без названия побочных), и то не всегда. Условный характер имело и описание земли, т.к. дозорщики, не имея физической возможности измерять земли, полагались на представленные им земельные акты и справки.

Таким образом, Вилков делает вывод, который можно отнести ко всем дозорным книгам, о том, что, несмотря на уникальные сведения, представляемые исследователям этими источниками, в работе с ними необходима комплексность и дополнение их данных другими материалами.

С точки зрения изучения проблемы достоверности данных дозорных книг интересны работы З.В.Дмитриевой²⁷, в которых автором предпринята попытка показать на материале крупнейшего северного вотчинника России — Кирилло-Белозерского монастыря возможные пути проверки материалов дозорных и писцовых книг за первую четверть XVII в. Автор подчеркивает, что «до сих пор для источниковедческого анализа писцовых книг мало привлекаются данные, иные по происхождению, но сходные с ними по составу информации» Вотчинные хозяйственные книги, например.

Дмитриева указывает на основные характеристики дозорных книг, отмечая, что в отличие от писцовых («письма и меры») дозорные книги («письма и дозору») охватывали отдельные территории, и, вероятно, составлялись по челобитьям местных землевладельцев или населения. Она подчеркивает, что эти книги следует отличать от дозорных («обыс-

кных»), содержащих только перепись «обойденных» прошлыми писцами и «прибылых» дворов.

Автор ставит под сомнение данные подлинной дозорной книги монастырских вотчин 1618 г. и проверяет их путем сравнения с документом, близким по времени создания и содержащим однотипную информацию — монастырским оброчником. По утверждению автора сравнение дало неожиданный результат — большинство крестьян, учтенных в оброчнике, не значилось в дозорных книгах, а многие из «убитых», «сшедших» или «умерших» уплатили оброк в полном объеме. Автор полагает, что писцы далее самого монастыря не ездили, получая сведения о живущих и пустых монастырских дворах из монастырских книг²⁹.

Дмитриева делает вывод о том, что полученные данные свидетельствуют «не о частном факте недобросовестности отдельного писца, а о последовательной политике сокрытия от государства объектов обложения, о борьбе вотчинника за снижение государственных податей» Подобные выводы еще более убеждают в необходимости возвращения к проблеме достоверности данных каждой подвергающейся анализу дозорной книги, проверяя и дополняя ее другими источниками.

Важно отметить, что Дмитриева впервые в советской историографии обратила внимание на вотчинно-монастырские дозоры, продолжив начатое еще в дореволюционные годы изучение не государственных, а частных дозоров, преследовавших, однако, одинаковые с ними цели.

Изучением специфики частных уездных дозоров начала XVII в. занимался и М.Б.Булгаков на материале Вологодского уезда³¹ на основе данных «росписи 1631 г.» о строительстве вологодской крепости, найденной им в делопроизводстве Новгородской четверти. Автором отмечены некоторые важные детали особенностей организации дозорного дела в первой четверти XVII в.

Необходимо упомянуть и об обстоятельной вступительной статье М.Ю.Зенченко к каталогу писцовых книг Русского Севера, посвященной источниковедческому анализу материалов поземельных описаний Русского Севера XVI — XVII вв.³². Автор выделяет дозор в качестве совершенно особого вида писцовой работы, отмечая сильное расхождение в

формулярах писцовых и дозорных книг, т.к. дозорщики должны были давать определенные пояснения увиденному. Дозорные книги, по мнению Зенченко, являлись оперативным документом, с помощью которого правительство могло контролировать реальную ситуацию в уезде. Автором сделано интересное наблюдение о том, что немалая часть книг середины и конца XVII в., хотя и числится переписными, фактически является дозорными, т.к. дозоры начала XVII в. «положили начало непрерывному потоку разного рода обысков, дозоров и переписей, непрерывно продолжающихся до 1719 г.» За Соответственно многие сохранившиеся дозоры еще не выявлены в архивах. Автор также останавливается на описании причин новой волны дозоров после 1614 г. сначала в 1617 г., а затем и в конце 1630-1640-х гг.

Рассмотрев изучение отечественными историками вопросов источниковедения дозорных книг первой половины XVII в., необходимо показать, при исследовании каких проблем истории России XVI — XVII вв. в основном использовались их данные.

Материалы писцовых, дозорных и переписных книг конца XVI – середины XVII вв. активно привлекал в своих «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII в.» С.Ф.Платонов. Для объяснения симптомов кризиса второй половины XVI в. и главных причин Смуты в начале XVII в. автор посчитал необходимым в первой главе своей работы представить «обзор Московского государства», показать его сложный состав, «особенности общественного устройства и быт его в разных частях»³⁴. Давая историкогеографический очерк состояния русского государства накануне и во время Смуты, автор не мог не обратиться к количественным данным книг писцового делопроизводства. Автор достаточно широко подошел к вопросу предпосылок Смуты. Он очертил границы областей Московского государства и выделил особенности развития каждой из них, изучал историю главных мест торговли и промысла, пути сообщения, формы землевладения и даже «общественную организацию, господствовавшую в крае». Однако материалами писцовых, дозорных и переписных книг Платонов пользовался только в одном отношении – для определения численности населения городов с конца XVI до середины XVII в. Причем нужно отметить, что автору были известны далеко не все сохранив-шиеся книги этого периода.

Подробно изучая в своих «Очерках по истории царствования Михаила Федоровича»³⁵ внутреннюю политику правительства, ее «финансовые затруднения и мероприятия», путаницу поземельных отношений и попытки правительства восстановить после Смуты систему обложения XVI в., Е.Сташевский дает характеристику дозорам как государственной мере по выходу из финансово-экономического кризиса. Он отметил, что дозор «становился как бы привилегией, его добивались все, но раньше всего в этом успевали крупные вотчинники» 36 . По собственной инициативе правительство дозирало только черные и дворцовые земли в «целях регистрации их фонда». Сташевский делает вывод о том, что дозоры были бессистемными, частичными, порождали злоупотребления, и вследствие этого не дали «положительных и надежных результатов». Единственной причиной, по которой правительство было вынуждено прибегать к ним, было крайне затруднительное финансовое положение государства во время и после Смуты.

Наиболее ценной в плане демонстрации возможностей и масштаба использования материалов писцовой документации, а именно данных писцовых, дозорных и переписных книг для исследования истории русского средневекового города первой половины XVII в. является фундаментальная работа П.П.Смирнова о городах Московского государства³⁷. Просмотрев почти все дозорные, писцовые и переписные книги за первую половину XVII в., автор провел сравнение их данных и проследил эволюцию изменений, произошедших в численности населения русских городов за половину века. На писцовом материале автору удалось провести учет населения русских городов, показать направления его перемещения, а также показать масштабы разорения и запустения русских городов в Смутное время.

В книге Смирнова не отражены подробности проведения описаний городов, нет там и источниковедческого анализа конкретных писцовых или дозорных книг, но автор и не ставил перед собой подобных сложных источниковедческих задач. Без внимания автора осталась и важная информация дозорных и писцовых книг об администрации, дворцовых

слободках на черных посадах, а также о торговоремесленных занятиях городских жителей этого периода. Его целью было исследование изменения численности населения русских городов и движения населения в первой половине XVII в., поэтому он использовал только количественные показатели книг.

Наиболее подробно он описывал тяглое посадское население, в основном интересуясь вопросами, сколько было тяглецов на посадах, сколько их убыло в Смутное время и в чем причины этого явления. Автор пытался провести учет и беломестному населению городов, подсчитывая, хотя и в более общем порядке, количество служилых людей в городе, ямских охотников, государевых каменщиков и кирпичников, а также население вотчинных частновладельческих дворов: патриарших, владычных, монастырских людей, жителей церковных слобод, боярских, осадных дворов дворян и детей боярских, численность гостей, торговых людей гостинной и суконной сотен и иноземцев. Причем, т.к. города определенного географического региона имели свои особенности, численность тяглого населения, количество служилых людей и ямских охотников по городам рассматривались отдельно по каждому району: города западной (от Немецкой и Литовской украин, Заоцкие, Северские), южной окраин (Приоцкий берег, Украинные, Рязанские, Польские); понизовые, на территории Казанского Дворца; Пермские, Вятские и Поморские; Замосковные (Западное и Восточное Замоскворечье).

Нужно отметить, что при подсчете населения городов Смирнов, как в свое время и Н.Д.Чечулин, учитывал в основном только тяглое население посадов, игнорируя тот факт, что жители белых слобод, которые в первой половине XVII в. составляли значительную часть населения города, в писцовые и дозорные книги, как правило, не заносились. И на основе этой неточности Смирнов сделал вывод о том, что со второй половины XVI в. происходит сильный упадок посадов, от которого города не смогли оправиться до середины XVII в. Этот «кризис», сопровождавшийся уходом из городов многочисленной боярской дворни, он объяснял ликвидацией уделов и городского боярского землевладения. Как справедливо отметил Е.А.Киселев, этот «странный вывод» — следст-

вие чрезмерного доверия $\Pi.\Pi.$ Смирнова данным писцовых книг о населении городов³⁸.

Для исследователей, занимающихся историей русского средневекового города XVI-XVII вв., особое значение имеют сводные таблицы, в которых наглядно отражены все статистические показатели, полученные автором в ходе исследования численности населения русских городов первой половины XVII в. Определенную ценность также представляет составленный Смирновым перечень опубликованных дозорных, писцовых и переписных книг, использовавшихся им в ходе работы над монографией, хотя список уже несколько устарел и требует уточнений. Так, например, не все указанные им публикации дозорных книг можно отнести к полноценным изданиям документов.

В конце XIX – начале XX в. в связи с особым интересом к истории отдельных регионов, губерний и городов материалы дозорных книг широко используются местными историкамикраеведами, составлявшими подробные исторические очерки той или иной местности³⁹. Указанная работа в основном связана с деятельностью местных научных центров – ученых архивных комиссий, научных обществ при высших учебных заведениях и краеведческих музеях. Материалы данных книг казались ученым особенно важными, т.к. дозор начала XVII в. мог являться одним из первых, а часто и единственным сохранившимся документом по ранней истории конкретного города или уезда. Соответственно источник предоставлял интересные данные не только по социальноэкономической истории, но содержал и ценнейшие сведения по топонимике и топографии этого региона.

Советские историки, осознав все богатство материала, содержащегося в документах писцового делопроизводства, смогли расширить возможности их использования. В своих исследованиях на основе писцового материала они не замыкались только на изучении достаточно традиционной для XIX в. проблематики — истории феодального землевладения средневековой Руси и ее социально-экономического быта. Данная тенденция, особенно усилившаяся в 90-е гг. XX в., стала заметна еще в 70-е. Тогда на материале писцовых, дозорных и переписных книг оказалось возможным заниматься исторической географией и демографией, исследованием

проблем генеалогии, вопросов землепользования и землевладения, эволюции типов поселений, динамики основных категорий населения, развития рентных отношений, налогообложения, истории городов, ремесла и торговли, церкви, а также развития русского языка и в целом русской культуры XVI — XVII вв. Однако сегодня дозорными книгами ученые пользуются значительно реже, предпочитая им писцовые и переписные. В этой связи можно назвать лишь несколько работ.

На материалах писцового, сыскного и воеводского делопроизводства проводили исследование борьбы посадских общин ряда городов России в первой половине XVII в. с феодалами за приписку к тяглу зависимого от них населения в своих статьях М.Б.Булгаков, Л.А.Тимошина и др. 40 Данные писцовых, дозорных и переписных книг конца XVI — середины XVII вв. анализировались авторами для описания положения русского города в этот период, выяснения динамики изменений, произошедших за половину века, в его численности и социальном составе.

В.А.Аракчеев в статье⁴¹, посвященной истории закрепощения в России, прикреплению к тяглу в конце XVI — начале XVII в., проанализировал ранние из сохранившихся наказов (1617-1622 гг.), разделив их на две группы: наказы дозорщикам и наказы писцам. Он выяснил, что в связи с поспешностью дозоров первого послесмутного десятилетия перед дозорщиками не ставилась задача сыска тяглых людей и в наказах дозорщикам 1617-1619 гг. нет упоминаний о сыске и свозе посадских людей и крестьян. Не выходит за рамки уже высказывавшихся мнений и не привносит ничего нового краткая характеристика, данная автором самим дозорам как описаниям, фиксировавшим убыль населения и масштабы разорения подвергшихся опустошению территорий.

М.С.Черкасова⁴² продолжила изучение частных монастырских дозоров, исследовав корпус писцовой документации архива Троице-Сергиева монастыря XVI — XVII вв., в котором в абсолютном преобладании имеются поземельноправовые акты и списки с государственных писцовых, дозорных и переписных книг, т.к. ими надежно обеспечивались владельческие интересы монастыря как крупнейшего корпоративного собственника земли и крестьян. Черкасова

отметила, что в источниковедческом плане обширный комплекс Троицких дозорных книг начала XVII в. совершенно не разработан. Она выделила в качестве одной из сложнейших источниковедческих задач изучения дозорных книг установление того, какими именно материалами пользовались дозорщики в 1610-е гг. и какими были приемы их работы⁴³.

М.А. Мацук совместно с И.Л. Жеребцовым, изучая историю заселения Русского Севера, широко пользовались фрагментами дозорных и писцовых книг первой половины XVII в.⁴⁴ Интересна и статья Л.А.Тимошиной⁴⁵, посвященная изучению наследования социального статуса на посаде Костромы по материалам писцового делопроизводства XVII в. В качестве основных источников автором взяты писцовая книга г. Костромы 1627/28-1629/30 гг. и дозорная книга 1664-1665 гг., составленная для учета городского населения после эпидемии чумы. В дозорной книге также содержалась и ретроспективная информация из несохранившейся костромской переписной книги 1646 г. На основе данных источников автором изучались процессы преемственности занятий в какой-либо сфере деятельности на уровне отдельно взятых и изучаемых на протяжении значительных хронологических отрезков семей городских жителей. Одновременно она рассматривала и более широкие проблемы городской жизни – социальное положение отдельных семей и его изменение с течением времени, поколенно-структурный состав посадских семей и т.д. На основе сопоставления данных писцовой и дозорной книг автором была выявлена определенная зависимость между наследственностью занятий ремеслом, торговлей или промыслами и структурно-поколенным составом посалских семей.

Появляются работы, в которых дается характеристика дозорных книг конкретной местности как исторического источника. Например, характеристику писцовой дозорной книги Ливенского уезда 1615-1616 гг. дал М.А.Мацук⁴⁶. Дозорной книге Вологодского уезда 1616/17 гг. посвящена статья Д.Е.Гневашева⁴⁷. Восстановила корпус дозорных книг по Вологодскому уезду начала XVII в. в собраниях ЦГАДА и опубликовала их перечень Н.П.Воскобойникова⁴⁸.

Отдельно нужно остановиться на вопросе издания дозорных книг первой половины XVII в. Помимо изучения пис-

цовых материалов, активная публикация писцовых, дозорных и переписных книг городов и уездов начинается еще в XIX в. Издание проводилось Московским обществом истории и древностей российских, Русским географическим обществом, Императорской Археографической комиссией, Издательством Общества Археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и другими обществами. При активной работе сотрудников Московского архива Министерства Юстиции регулярно издавались материалы для истории русских городов XVII и XVIII вв. В XIX в. плодотворная издательская работа велась и в провинции, где в основном трудились местные ученые архивные комиссии.

Несмотря на огромное значение этих публикаций для развития исторической науки в целом и источниковедения в частности и для привлечения внимания историков к таким важным источникам, как писцовые, дозорные и переписные книги, в настоящий момент современными исследователями признается их несостоятельность. Так, в XIX в. тексты печатались в основном без предварительного источниковедческого анализа и с множеством пропусков.

Всего в дореволюционный период было опубликовано 20 дозорных книг русских городов и уездов, причем некоторые из них издавались повторно (например, дозорная книга г. Ростова 1619 г.49). Среди этих дореволюционных изданий можно назвать лучшие: и полностью передававшие тексты книг, и представлявшие обширные предисловия, в которых обозначалось место данного источника среди других и его значение для истории того или иного города. Например, изданная Тверской ученой архивной комиссией под редакцией В.Н.Сторожева дозорная книга г. Твери 1616 г. 50 или опубликованная Воронежским Губернским статистическим комитетом дозорная книга г. Воронежа и Воронежского уезда 1615 г. 51 Но можно перечислить и издания, которые трудно охарактеризовать в качестве настоящих публикаций. Например, в «Материалах для истории, статистики и археологии г. Темникова и его уезда XVII и XVIII вв.» опубликованы только краткие выдержки из дозорной книги г. Темникова 1614 г.⁵² В издании не только не дана какая-либо характеристика источника, но и не указано, откуда взяты материалы для

публикации и где хранится данный источник, не имеется даже четких ссылок на документ. Тоже можно сказать и о публикации дозорной книги г. Ливны и Ливенского уезда 1615 г. в сборниках трудов Орловской ученой архивной комиссии⁵³, в которых имеются только подробные очерки Г.Пясецкого истории этого города и его уезда с первых сведений о них и до конца XVII в., составленные в основном на материалах писцового делопроизводства.

Нельзя не отметить и ценнейшей для источниковедов публикации почти всех из сохранившихся делопроизводственных документов писцового дела, предпринятой С.Б.Веселовским в изданиях «Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве» т. 1 (1587-1627 гг.) (М., 1913), т. 2 (1627-1649 гг.) (М., 1917), «Акты писцового дела (1644-1661 гг.)» (М., 1977), «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича» (М., 1908) и др. Относительно документов, касающихся проведения именно дозорных описаний первой половины XVII в., то в перечисленных изданиях их опубликовано более 100 (причем с указанием точной даты, фонда и номера дела, из которого они взяты). Здесь имеются и наказы дозорщикам, и грамоты и доклады из четей о посылке приправочных книг и дозорщиков в города и уезды, и памяти из приказов с запросами о новых окладах и т.д., т.е. на основе данных документов можно восстановить ход дозорного дела в первой половине XVII в. и попытаться выяснить особенности работы дозорщиков.

Если в дореволюционный период публикация дозорных книг шла достаточно активно, то за весь советский период не было опубликовано ни одной книги. Издания дозорных книг возобновляются только с 90-х гг., и в основном благодаря деятельности местных краеведов. Так, в краеведческих историко-литературных альманахах отдельных земель и городов⁵⁴ появляются публикации, которые вполне удовлетворяют современным требованиям, предъявляемым к публикациям этого источника с точки зрения норм русского языка XV-XVII вв. и с учетом того, что они относятся к массовым источникам по истории русского феодализма первой половины XVII в.

В связи с тем, что большинство изданий писцовых книг XIX в., а некоторые и XX в. не отвечают современным требованиям публикации массовых источников XVI — XVII вв. 55 , необходимо новое издание уже опубликованных и все еще хранящихся в архивах дозорных книг с соблюдением всех правил.

Изучение писцовой документации на современном этапе во многом связано с плодотворной работой ежегодно проводящихся Всероссийских научно-практических совещаний по изучению и изданию писцовых и переписных книг конца XV – начала XVIII в. Указанные конференции посвящены широкому кругу вопросов писцового делопроизводства: подведению итогов работы археографов, определению задач и перспектив этой работы; разработке принципов издания писцовой документации; критическому изучению массовых источников на основе комплексного использования риалов приказной документации и писцового дела; исследованию возможностей реконструкции несохранившихся писцовых книг; анализу особенностей писцовых книг, выявленных в конкретных исторических исследования x^{56} . Там же обсуждались проблемы, близкие к источниковедению дозорных книг, например, специфика приправочных книг, «вторичные» писцовые источники, организация писцовых описаний городов в 20-х гг. XVII в., частные писцовые описания 20-30-х гг. XVII в. и т.д. Однако и в рамках этих конференций дозорным книгам, а также продвижению дозорного дела в России в начале XVII в. посвящено очень мало статей.

В новом учебнике по источниковедению России, вышедшем в издательстве Российского Государственного Гуманитарного Университета⁵⁷, авторами подробно и интересно рассматриваются вопросы, связанные с теорией, историей и методом источниковедения как науки. В нем уделено много места разбору источников XVIII-XIX вв. и советского периода, причем часто с историографией вопроса. Однако анализ материалов писцового делопроизводства целиком не вошел ни в исследования, посвященные историческим источникам России XI-XVII вв., ни в раздел о массовых источниках.

В заключении хотелось бы отметить, что стоит внимательнее отнестись к призыву, прозвучавшему в одной из резолю-

ций XII Всероссийской конференции по проблемам изучения и издания писцовых книг и других массовых источников истории и культуры России XVI-XX вв., что источниковедческое исследование писцовых, переписных и других поземельных описаний нуждается в дальнейшей разработке. Достаточно остро стоит вопрос, связанный и конкретно с проблемой источниковедения дозорных книг первой половины XVII в. Несмотря на то, что их данные активно использовались отечественными учеными с последней трети XIX в. при изучении различных тем по истории средневековой России XVI-XVII вв., много проблем источниковедения дозорных книг остаются открытыми. До сих пор не выяснены вопросы терминологии. достоверности данных и особенностей этого исторического источника, его характерных отличий от писцовых описаний 20-х гг. XVII в., специфика воеводских дозоров, порядок работы дозоршиков и особенности проведения дозоров разными приказами (с уточнением сведений С.Б.Веселовского) и т.д. Применение в исторических исследованиях количественных показателей дозорных книг очень редко сопровождалось их источниковедческим анализом. В историографии работы по проблеме дозоров в источниковедческом плане и с разделением их на уездные и посадские еще не написаны. Соответственно, все еще не проведен источниковедческий анализ всего комплекса сохранившихся дозорных книг и других источников дозорного дела в России первой половины XVII в. Эта задача является актуальной для современного российского источниковедения.

Крестинин В.В. Начертание города Холмогор. СПб., 1790; Иродионов П. Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округи касающиеся. СПб., 1778; Васьков И.К. Собрание известий, относящихся до Костромы. М., 1792; и др.

² Россия. Московский Архив Министерства Юстиции. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве. Документы разрядного приказа. Кн. 5. Отд. 2. М., 1888. (Далее – МАМЮ)

³ Памятная книжка МАМЮ. М., 1890. С. 39.

⁴ Киочевский В.О. Сочинения: В 8 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1959. С. 86.

⁵ *Чечулин Н.Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889. С. 17.

⁶ Там же. С. 18.

- Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. С. 181.
- Там же. С. 182.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 191.
- ¹¹ *Готье Ю.В.* Замосковный край. М., 1906. С. 9.
- 12 Седащев В. Очерки и материалы по истории землевлаления Московской Руси XVII в. М., 1912. С. 14-15, 17-18.
- 13 Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: В 2 т. T. 2. M., 1916, C. 174.
- 14 Там же. С. 195.
- 15 Там же. С. 187.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 197.
- Там же. С. 29.
- 19 Киселев Е.А. Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской исторической литературе // Проблемы истории СССР. Вып 6. М., 1977. С. 50.
- 20 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940. С. 173.
- Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV-XVII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956.
- 22 Источниковедение по истории CCCP: Учебник / Рел. И.Д.Ковальченко. М., 1973. С. 139.
- 23 Васильев Ю.С. Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 23.
- ²⁴ *К*олесников П.А. Лозорные книги ĸaĸ источник производительной деятельности народных масс в первой четверти XVII в. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985. С. 99.
- Вилков О.Н. Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск. 1975. С. 4-13.
- ²⁶ Там же. С. 8.
- 27 Дмитриева З.В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в.: (К проблеме достоверности данных писцовых книг) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 22. Л., 1991. С. 231; Она же. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI – XVII вв. СПб., 2003. 348 с.
- 28 Она же. Сравнительно-историческое изучение... С. 236.
- 29 Она же. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря... С. 278.
- 30 Она же. Сравнительно-историческое изучение... С. 236.
- M.E. О малоизвестных частных дозорах Вологодского уезда 1616-17 гг. // Материалы научных чтений П.А.Колесникова. Вологда, 2000. С. 30-33.

- 32 Зенченко М.Ю. Материалы поземельных описаний Русского Севера XVI-XVII вв. // Писцовые книги Русского Севера: Каталог писцовых книг русского государства. Вып. 1. М., 2001. С. 3-33.
- ³³ Там же. С. 15.
- ³⁴ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937. С. 5.
- 35 Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. 387 с.
- ³⁶ Там же. С. 101.
- ³⁷ *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1, вып. 1-2. Киев, 1917-1919.
- ³⁸ *Киселев Е.А.* Указ. соч. С. 49.
- ³⁹ См., например: Исторические очерки г. Ливен и его уезда // Труды / Орловская ученая архивная комиссия. 1893. Вып. 3-5. Орел, 1893. 194 с.; Верещагин А.С. Г. Хлынов в 1615 г. по дозорной книге. Вятка, 1906.
- 40 Булгаков М.Б. Борьба посадской общины Ростова Великого с беломестцами в первой половине XVII в. // Торговля, промышленность и город в России XVII начало XIX вв. М., 1987; Тимошина Л.А. Беломестцы в Ярославле и Костроме в XVII в. // Русский город. Вып. 9. М., 1990.
- ⁴¹ Аракчеев В.А. Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в конце XVI начале XVII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 39-70.
- 42 Черкасова М.С. Корпус писцовой документации Троице-Сергиева монастыря XVI-XVII вв.: (К проблеме научной реконструкции архива лавры) // Массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI-XVII вв.: проблемы изучения и издания», посвящ. памяти В.В.Крестинина (Архангельск, 19-23 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 352-366.
- 43 Она же. Дозорные книги Троице-Сергиева монастыря 1610-х гг. // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Новгород, 1-3 сентября 1992 г.). Новгород, 1992. С. 48.
- ⁴⁴ Мацук М.А., Жеребцов И.Л. Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорных, писцовых и переписных книг Сольвычегодского уезда первой половины XVII в.) Труды / Коми институт языка, литературы и истории (Сыктывкар). Вып. 59. Сыктывкар, 1995. С. 97-104.
- 45 Тимошина Л.А. Наследование социального статуса на посаде Костромы по материалам писцового делопроизводства XVII в. // Массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв. С. 301-307.
- 46 *Мацук М.А.* Писцовая дозорная книга Ливенского уезда 1615/16 г. как исторический источник // Там же. С. 202-206.
- ⁴⁷ *Гневашев Д.Е.* Дозорная книга Вологодского уезда кн.П.Б.Волконского и подьячего Л.Софонова 1616/17 г. как ис-

- торический источник // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI-XIX вв. (Вологда, 3-4 октября 2002 г.) Вологда, 2003. С. 58-74.
- 48 Воскобойникова Н.П. Дозорные книги Вологодского уезда в собраниях ЦГАДА // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Новгород, 1-3 сентября 1992 г.). Новгород, 1992. С. 51-59.
- 49 Дозорная и переписная книги древнего города Ростова. М., 1880. С. 1-7; Ростов. Материалы для истории города XVI-XVIII вв. М., 1884. С. 1-5; Труды / Ярославская губернская ученая архивная комиссия. Кн. 6, вып. 3-4. Ярославль, 1913. С. 1-10.
- 50 Дозорная книга г. Твери 1616 г. / Сост. В.Н.Сторожев. Тверь, 1890. С. 13-39.
- 51 Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 2: Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. 296 с. С. 1-141.
- 52 Материалы для истории, статистики и археологии г. Темникова и его уезда. XVII и XVIII вв. / Сост. В. и Г.Холмогоровы. Тамбов, 1890. 138 с.
- 53 Труды / Орловская ученая архивная комиссия. 1893. Вып. 3-5. Орел, 1893. С. 47-59.
- 54 Дозорная книга г. Белоозера 1617/18 г. // Белозерье: Ист.-лит. альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 37-75; Дозорная книга посада г. Вологды кн. П.Б.Волконского 1616-1617 гг. // Вологда: Ист.-краевед. альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 333-370.
- 55 *Белоруков Д.Ф.* Дозорная книга г. Солигалича 1614 г. // Костромская земля: Краевед. альманах. Вып. 2. Кострома, 1992. С. 32-38.
- 56 Водарский Я.Е., Дмитриева З.В. Первое Всероссийское научнопрактическое совещание по изучению и изданию писцовых и переписных книг конца XV — начала XVIII в. // История СССР. 1989. 4. С. 214.
- 57 Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998. 702 с.

ВКЛАДНАЯ КНИГА ВОЛОГОДСКОГО АРСЕНЬЕВО-КОМЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Вкладные книги монастырей позволяют изучать имущественное положение и образ жизни представителей различных социальных групп. Они как источник неоднократно привлекали внимание исследователей. Одной из самых ранних, связанных с изучением вкладных книг, является работа В.Р.Апухтина о Псково-Печерском Успенском монастыре. Достаточно широко в работе о вкладах и вкладчиках северных монастырей привлекал их материалы А.А.Савич, акцентируя внимание на их правах и обязанностях. Наиболее подробно исследованы на сегодняшний день вкладные книги Троице-Сергиева, Симонова. Иосифо-Волоколамского монастырей. В этой связи следует назвать, прежде всего, статью С.В.Николаевой, в которой она показала динамику поступления вкладов в Троице-Сергиев монастырь в XVI-XVII вв., определила их состав. выявила ряд социальных групп троицких вкладчиков, показав. что подавляющее их большинство составляли представители феодальных родов. Большой вклад в изучение вкладных книг внесла Н.А.Казакова. Она выявила некоторые принципы составления такого рода источников — запись вкладов в хронологической последовательности, запись вкладчика в зависимости от его положения на социальной лестнице и др. Н.В.Левицкая и Л.Б.Сукина изучали вкладные книги Переславль-Залесских монастырей – Федоровского, Никитского и Троице-Данилова¹.

Основное назначение вкладных книг заключалось в хронологической фиксации поступавших в монастыри вкладов. В данной работе ставится задача выяснить, каковы принципы составления вкладной книги Вологодского Арсеньево-Комельского монастыря и какую содержащуюся в ней информацию можно использовать для характеристики монастырского хозяйства на протяжении второй половины XVI-XVII в.²

Арсеньево-Комельский монастырь основал в 1527-1530 гг. бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Арсений Сахарусов, позже причисленный к лику святых. Монастырь рас-

полагался в Комельской волости, приблизительно в 30 километрах к юго-востоку от Вологды при реках Лежа и Кохтыж. Он не был крупным и не входил в число степенных Российских монастырей, но просуществовал до 1904 г. как мужской, а затем с 1904 по 1916 г. как женский.

Вкладная книга Арсеньево-Комельского монастыря впервые вводится в научный оборот. Она уникальна прежде всего потому, что это единственный, сохранившийся от XVI-XVII вв. источник по истории монастыря, содержащий столь широкий объем информации о его социальной структуре и хозяйственной жизни. Книга написана на 155 листах в четверку черными чернилами. На первом листе надпись, сделанная карандашом, о том, что ее нашли в 1904 г. в Арсеньево-Комельском монастыре среди хлама. На втором листе написано вязью: «книги вкладные Арсеньевы». Надписи, сделанные по нижнему полю листов 2, 17 и 29 («первая», «вторая», «третья»), свидетельствуют о том, что источник состоит, как минимум, из трех вкладных книг или тетрадей, позже подшитых и переплетенных вместе. Первые 15 листов сильно попорчены от воздействия влаги, остальные - в удовлетворительной сохранности. Во вкладной книге содержатся 673 записи о вкладах, поступивших в монастырь с 1553 г. до конца XVIII в. В исследовании главное внимание будет сосредоточено на характеристике содержания книги со второй половины XVI до конца XVII в. За это время в ней насчитывается 577 вкладных записей.

Пометки о поступлении вкладов в указанный период делали несколько десятков людей. Это доказывает чередование различных почерков. Их удалось выделить на основе элементарных внешних признаков — написание отдельных букв, угол их наклона, расположение строк на листе и др. (всего зафиксировано около 50 почерков). Это говорит, прежде всего, о том, что перед нами подлинник, который, действительно, составлялся на протяжении многих десятков лет. Составителями вкладной книги были келари. Из наблюдений за частотой смены почерков следует, что они занимали эту должность от 2 до 3 лет, реже — до 5-8 лет.

Первая запись в книге сделана в 1616 г., о чем, в частности, свидетельствует предисловие: «лета 7125 сентября в 8 день выбрал игумен Антоней тое Арсеньевы пустыни ис

приходных казначейских, а преж того в тои пустыне вкладных книг не бывало, все писали в приходных монастырских книгах»³. Начало составления вкладной книги именно в эти годы, возможно, связано со стремлением монастырских властей восстановить и закрепить права на свою собственность после Смуты. В большей степени регулярно и аккуратно внесение записей во вкладную книгу велось в первой половине XVII в. Относительно стабильной была и смена ее составителей.

За небольшой период — с 1650 по 1660 г. записи в книге делали примерно 12 келарей. Один и тот же почерк вновь появляется в источнике через 10-20 и более листов. В отдельные годы записи в книгу не вносились вовсе, а вписывались лишь спустя несколько лет. Так, например, в 1662 г. келарь единовременно внес сведения о вкладах поступивших в монастырь за последние 6 лет (с 1657 г.). Аналогичный случай отмечен и в 1670-80-е гг. В 1683 г. были записаны вклады с 1677 по 1683 г.

Келари не придерживались четкого хронологического принципа фиксации вкладов, не писали отдельно и представителей разных сословий. Однако часто записывали группами жителей одного и того же населенного пункта, чьи вклады поступили в один год. Также, на одном листе фиксировали вклады, сделанные в разные годы одним и тем же человеком или членами его семьи. Это подтверждается не только содержанием записей и тем, что они сделаны разными почерками, но и большим количеством «порозжих» листов, оставленных для поздних дополнений.

Формуляр записей в книге также нечеткий. Смена составителя книги, как правило, сопровождалась изменением способа фиксации вклада. Для второй половины XVI — начала XVII в. характерны краткость и приблизительность сведений. Как уже было указано, данные о вкладах в этот период вносились первоначально в приходо-расходные книги и лишь в 1616 г. были перенесены во вкладную. Не исключено, что некоторые из них фиксировались по памяти составителя. Записи включали в себя, как правило, дату поступления вклада (часто неполную), имя вкладчика (если речь шла о крепостных крестьянах, то фиксировалось и имя владельца), место жительства, описание вклада. Часть записей XVI — первой половины XVII в. указывают цели вкладов и

называют монашеские имена вновь постригшихся людей. В записях после 1656 гг. подобных сведений нет. В отдельных случаях указаны имена игуменов, в период настоятельства которых поступил вклад.

По вкладным записям можно проследить отдельные стороны внутреннего устройства Арсеньево-Комельского монастыря и состав его штатов. Источник упоминает игуменов Иону, Кирилла, Дионисия, Антония, Иоасафа, Иону и др. Названы также имя келаря Марко и некоторых живших в монастыре и вновь постригавшихся монахов. Судя по записям во вкладной книге, в монастыре в разные годы жили в среднем от 10 до 20 человек.

Большинство постриженников Арсеньево-Комельского монастыря, как следует из вкладной книги, были выходцами из крестьян. Процесс постепенного превращения монастырей в крестьянские по своему составу в XVII в. был характерен для изучаемого региона. Так, большинство монахов соседнего Павлова Обнорского монастыря, перечисленных в переписной книге 1702 г., были до пострижения монастырскими крестьянами. К такому же выводу пришла и С.В.Николаева, показав, что в первой четверти XVIII в. в составе монахов крупнейшего Троице-Сергиева монастыря также преобладали бывшие крестьяне⁴.

Среди монастырской братии в мужском Арсеньево-Комельском монастыре отмечены в 1670-1680-е гг. три женщины: «180 году февраля в 20 день дала старица Пелагея корову да бычка за два рубли с полтиною»; «181 году дала вкладу старица Улья Макиева доч корову пестру за два рубли кобылу сивую на третем году корову черную да три овцы». «189 октября в 30 день дал вкладом Иван Кузмин сын Скорбиев за матерь свою старицу Анастасию божие милосердие восмь икон а за тот ево Иванов вклад дават еи старице по две четверти ржи да по две овса да по осмине солоду да по сажени дров не полененых да в том еи и вкладная дана по еи смерть»⁵.

Во вкладной книге нашла отражение деятельность настоятелей монастыря. Власти неоднократно на протяжении XVI-XVII вв. объявляли о сборе денег для приобретения колоколов или на постройку церкви. Игумен Иоасаф в 1654-1655 гг. начал строительство нового храма Ризположения Пресвятой

Богородицы. На его сооружение поступило 15 хлебных вкладов, в первую очередь, от монастырских крестьян и местных феодалов. Зафиксирован и личный вклад игумена — 4 руб. в царские двери и ряд икон, написанных его же рукой. В 1682 г. игумен Иона Кочев «дал в церковь Пресвятые Богородицы на церковное строение за писмо праотцев и пророков своих келейных денег восмь рублев да он же дал на позолоту креста осенялного сребряного три рубли десять алтын с полугривною да он же игумен дал сорок алтын да свечи да крест золотил дал за работу пятнатцать алтын»⁶.

Интересную информацию вкладная книга содержит и о другом роде деятельности настоятелей — переписке и обновлении книг в монастырской библиотеке. Помимо прочих обязанностей некоторые игумены Арсеньево-Комельского монастыря несли за ее состояние личную ответственность. Так, в 1617 г. игумен Антоний «переплетал еуангелие старое манастырское тетро в полдести да Апостол починивал и переплетал, да святцы церковные да кануник на Рождество Христово и на Крещение да Триодь постную преплетал все снова и починивал». Черный поп Иоасаф, постриженник Арсеньево-Комельского монастыря, будущий игумен Иоасаф, в 1652 г. в качестве вклада «дал книгу Обиход да перебирал церковное старую Ирмолои и листы починил а иные переписал вново да с тем же свои Обиходом вместе переплел и кожу и застешик своих положил»⁷.

Источник дает возможность выявить социальные группы вкладчиков. Большинство вкладов за рассматриваемый период сделали крестьяне (294 вклада — 50,9% от общего числа), в первую очередь, принадлежавшие местным помещикам и окрестным монастырям. Два вклада поступили из Александро-Коровиной пустыни в Шилегодской волости. Ее также основал Арсений Сахарусов в 30 километрах к северовостоку от Арсеньево-Комельского монастыря. Вклады были сделаны крестьянином Микитой Григорьевым в 1697 и 1698 гг., когда пустынь вместе с владениями уже юридически принадлежала Арсеньеву монастырю. Но, как следует из вкладной записи, население воспринимало ее по-прежнему, как самостоятельного феодала.

18 вкладов (6,7%) поступило от крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря. Вотчины двух монастырей находи-

лись в непосредственной близости друг от друга и имели общую границу. Чаще всего вклады крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря поступали из приграничных деревень Сычево и Липовики. Зафиксированы два вклада от крестьян Николо-Озерского монастыря, находившегося приблизительно в 35-40 километрах от Арсеньева. Один вклад поступил из владений Иоанно-Богословской Кохтыжской пустыни. Обе этих обители располагались в той же Комельской волости.

Местные помещики и вотчинники на протяжении рассматриваемого периода сделали в монастырь 68 вкладов, что составляет около 11,8%. Их число особенно возросло во второй половине XVII в. Некоторые светские феодалы делали вклады в монастырь неоднократно. После их смерти эту традицию продолжали жены и дети. Некоторых помещиков региона можно отнести к числу постоянных вкладчиков Арсеньево-Комельского монастыря. Во вкладной книге записаны 14 вкладов от представителей рода детей боярских Скорбеевых, пять – от Беседных, четыре – от Волоцких, а также Брянчаниновых (3 вклада), Венгерских (5 вкладов, 4 из которых сделал Федор Богданов Венгерский), Гневашевых, Конищевых и др. Часто постоянные вкладчики выступали благотворителями и финансовой поддержкой монастыря. Такие сведения, в частности, содержатся в переписной книге Павлова-Обнорского монастыря 1702 г., где указаны фамилии феодалов и зажиточных посадских людей, одалживавших монастырским властям деньги⁸.

Достаточно регулярно в монастырь поступали вклады из Вологды. Вологжанами вкладная книга называет не только посадских людей и помещиков, имевших осадные дворы в городе, но и, что наиболее интересно, крестьян подгородных сел. Всего за вторую половину XVI-XVII в. зафиксировано 89 вкладов вологжан (около 16% от общего числа). Среди них названы, по крайней мере, 14 ремесленников различных профессий — «портной мастер», «сапожник», «красник», «плотник», «оконник», «медник», «свешник», «иконник», «подъемщик» (грузчик) и др. Главным занятием многих вкладчиков была торговля. Шестеро из них имели в Вологде амбары или торговые лавки.

Некоторые горожане, как известно, занимались торговлей в разнос. Это так называемые «щепотники». Один из воло-

годских «щепотников» сделал в Арсеньево-Комельский монастырь весьма внушительный вклад — двор с местом в Новинках⁹. Специальности еще нескольких вкладчиков можно определить по составу их вкладов. Посадский человек Меншик Ворфоломеев в 1635 г. написал образ Арсения Чудотворца, положил на гробницу. Анофрий Иванов сын Новгородец дважды вкладывал в монастырь иконы собственного изготовления: «За себя написал икону местную на золоте преподобных чюдотворцев Сергия Радонежского чюдотворца да Арсения Комельского чюдотворца» и «написал настенную икону Екатерину с житием а с нею Прасковья нареченная Пятница на красках»¹⁰.

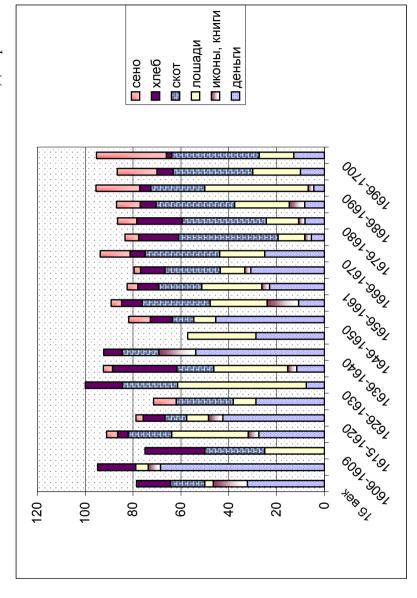
Около 6,7% вкладов поступило от монахов, монастырских священников и представителей белого духовенства (всего 39). Подавляющее большинство — 29 поступило от насельников Арсеньево-Комельского монастыря и приписной Александро-Коровиной пустыни. Зафиксированы также вклады подьячих Монастырского приказа, денежных чеканщиков, государева садовника, «государен царевен дьяка», ямщиков. Социальную принадлежность 60 вкладчиков установить не удалось.

поступления вкладов в Арсеньево-Интенсивность Комельский монастырь не была одинаковой. С 1553 г. до середины XVII в. поступало в среднем 2-3 вклада в год. Наибольшее их количество приходилось на 1650-1660 гг. Всего за эти 2 десятилетия в монастырь было сделано 234 вклада или 40,5% всех вкладов XVI-XVII вв. Вероятно, одной из главных причин, вызвавших усиленное внимание к монастырю, стала сильнейшая моровая язва середины 1650-х гг.11 В Арсеньево-Комельском монастыре в эти годы началось строительство каменной церкви. Возможно, это было как-то связано с постигшим край бедствием. С другой стороны, уже сам факт строительства новых храмов в монастырях привлекал вкладчиков. В частности, Н.В.Левицкая отметила, что количество вкладов в Переславль-Залесский Федоровский монастырь также резко возросло в годы проводимых здесь строительных работ¹². Не исключено, что на увеличение количества вкладов, по крайней мере горожан, оказала влияние и начавшаяся в стране в 1660-е гг. денежная инфляция 13. В этот период в Арсеньево-Комельский монастырь часто поступали медные рубли, которые, подобно вещевым вкладам, оценивались в серебряных деньгах. Суммы вложенных медных денег достигали в отдельных случаях 1000 руб. Некоторые вкладчики, видимо, стремились избавиться от обесценившихся денег с пользой, например, вложить «в колокол». В начале 60-х гг. отмечено 18 таких вкладов, сделанных преимущественно посадскими людьми. Во второй половине XVII в. количество ежегодных вкладов в Арсеньево-Комельский монастырь постепенно растет. В 1670-1690 гг. их поступало ежегодно около 6.

Основную долю вкладчиков монастыря, как уже отмечалось, составляли крестьяне. Вкладная книга показывает, что география их мест жительства достаточно широка. Всего записаны названия 83 селений. Это, прежде всего, деревни, расположенные в близлежащих волостях Вологодского уезда — Комельской, Обнорской, Авнежской, Шилегодской, Лоскомской и Лежском волоке, откуда происходили вкладчики. В XVI — первой трети XVII в. это были крестьяне преимущественно 18-ти окрестных деревень, находящихся в радиусе 5 километров от монастыря, которые оставались вкладчиками и в последующие годы.

К середине XVII в. постепенно увеличивается число вкладов из деревень, которые располагались в 10-15 километрах от монастыря. В 1630-1650-е годы во вкладной книге фиксируются уже 45 селений. И, наконец, во второй половине XVII в. крестьянские вклады в Арсеньево-Комельский монастырь поступали не только из деревень Комельской волости, но и соседних волостей Вологодского уезда, а также из Соли Галицкой и Костромского уезда. Около 17% вкладов в эти годы поступили от крестьян из селений, удаленных более чем на 20 километров от монастыря.

В числе наиболее активных монастырских вкладчиков были его вотчинные крестьяне. Хотя по материалам писцового делопроизводства XVII в. монастырскую вотчину составляли в $1620~\mathrm{r.}$ 3 деревни, а в $1701~\mathrm{r.}-8$ деревень с 3 починками, из них поступило $22~\mathrm{вклада}$ (7,5% от общего количества крестьянских вкладов). «Вотчинными» названы и крестьяне деревни 3аречное (зафиксировано $4~\mathrm{вклада}$ из этой деревни с $1653~\mathrm{no}$ $1662~\mathrm{r.}$). Однако жилое поселение с таким названием, принадлежащее Арсениево-Комельскому монастырю, известно лишь по вотчинной переписи $1701~\mathrm{r.}^{14}$

Келари — составители вкладной книги по-разному фиксировали деревни, из которых поступали крестьянские вклады. Те селения, которые располагались в окрестностях монастыря, а вклады из них поступали регулярно, во вкладной книге записывались только по названиям: «дал вкладу вотчиннои свои крестьянин Иван Амосов» 15. Иногда называли лишь географические ориентиры. Так, несколько крестьянских вкладов поступило «из-за болота».

При определении места жительства крестьян, принадлежавших тому или другому помещику или монастырю, вместе с названием деревни указывались их владельцы. Иногда опускалось даже само название, но имя помещика указывалось обязательно. Например: «дал вкладу Никитин крестьянин Волоцкого по дяде своем по Агафоне рубль денег» или «дал вкладу Дмитреев крестьянин Гневашева Семен Герасимов сын кобылу ковуру трех лет» 16 Для более отдаленных населенных пунктов, откуда поступали в монастырь единичные вклады, отмечались не только название и владелец, но и волость. Например, «дал вкладу Авнежскои волости Андрея Скорятинова крестьянин деревни Сватилова Егор Данилов улеи за два рубли» и др. Если вкладчик не был жителем Вологодского у., оговаривалось и это: «дал вкладом Галецкаго уезду Понизовские волости Никифора Лукича Крифскаго крестьяна Илья да Иван Сергиевы дети» 17

Содержание источника позволяет выяснить состав вкладов, поступивших в XVI-XVII вв. в Арсеньево-Комельский монастырь. Они были достаточно разнообразны: продукты хозяйства (хлеб, скот, сено, лошади), деньги, иконы, книги и др. Их соотношение показано в диаграмме (см. диаграмму).

Состав вкладов позволяет судить о занятиях вкладчиков и их образе жизни. Так, большую часть крестьянских вкладов составляли продукты сельского хозяйства — хлеб (15% всех вкладов крестьян), скот (количество таких вкладов увеличивается с 11-14% от общего числа в начале XVII в. до 37-44% в конце столетия), лошади (19%). К концу века сильно возрастает количество вкладов сеном и соломой (соответственно от 2-3% до 26%). Возможно, это отражает то, что роль животноводства в хозяйстве крестьян на протяжении рассматриваемого периода постепенно увеличивалась. Аналогичную ситуацию в вотчине Павлова Обнорского монастыря отражает его при-

ходно-расходная книга 1694 г. Почти вся земля, сдаваемая в аренду, использовалась исключительно под сенокосы или пастбища¹⁸. Большинство вкладов помещиков и вотчинников также состояло из продуктов сельского хозяйства, в первую очередь, лошадей и скота. Доля тех и других составляла около 23,5% от общего числа сделанных ими вкладов. Из вкладных записей следует, что в своих хозяйствах помещики разводили разные породы коров и лошадей. Многие из них были достаточно дорогими. Так, например, конь Андрея Михайлова сына Беседного, которого привели в монастырь в качестве вклада, стоил 30 руб. Вклады скотом и лошадями часто сопровождались вкладами сеном или соломой. Например, «дал вкладу Авнежские волости помещик Андреи Сергеевич Пересмицкои две коровы да быка да козла десят возов корму да десят рублев» 19. Это позволяет предположить, что приобретенные монастырем животные не забивались и не шли сразу же на продажу, а пополняли монастырское стадо.

Среди посадских людей г. Вологды также отмечены вклады, связанные с земледелием и скотоводством. Наряду с лошадями, скотом и хлебом, горожане вкладывали в монастырь дворы и сельскохозяйственные угодья. Так, посадский человек Петр Сергеев сын Ворошилов дал в монастырь пожню Гребешиху в Молотовском озере²⁰. Вложенный в монастырь двор в Новинках включал в себя все атрибуты земледельческого хозяйства — двои сени, два погреба с сушилами. Сушило (помещение для сушки снопов или зерна) — это необходимый элемент земледельческого хозяйства. Пчелиные ульи, мед и воск вкладывались в монастырь примерно в 1,6% случаев.

Сравнительно большую долю составляли денежные вклады (всего 24,4% от общего числа). Следует отметить, однако, что на протяжении XVII в. их доля постепенно сокращается. Денежные пожертвования были, как правило, небольшими — от нескольких алтын до 3-5 рублей. Большинство из них сопровождались вкладами продуктами, скотом и вещами.

Сравнительно немного в монастырь поступало ценных вещей, книг и произведений искусства (икон, около 4,2%). Большая часть из них принадлежала вологжанам. За рассматриваемый период они сделали 10 таких вкладов. Три достаточно крупных иконных вклада внесли местные помещики. Боярский сын Иван Кузьмин Скорбеев в 1680 г., по-

мимо денег, принес в монастырь «восмь икон обложены сребром с позолотою а икона обложена сребром венцы и гривны резные да деисус три иконы на краске»²¹

Интересен следующий случай, свидетельствующий о переходе в 1593 г. в православие одного из иностранцев. Литвин пан Иван Колтынянский дал вкладом в монастырь, помимо прочих вещей и денег, «образы путные благовещенее на кости резаны обложены серебром и позолочены. Да образ Пятница на золоте введение преподобного Сергия» Спустя 23 года, в 1616 г. он просил обратно свои «путные» образы, чтобы «к Москве с ними съездити», но образов ему не вернули²².

Среди крестьянских вкладов книг и икон обнаружено всего два. Оба они поступили из семьи монастырского крестьянина Никифора Данилова. В 1614 г. Никифор Данилов принес в монастырь икону «Воскресение Христово», а в 1653 г. его сын Прокопий дал икону «Отечество». Отсутствие других упоминаний о подобных вкладах может говорить как об относительной бедности крестьянства региона, так и об их сравнительно низком уровне образованности и культуры.

На вложенных в монастырь иконах чаще всего изображались преподобный Арсений Комельский, а также Богородица, Иисус Христос, Сергий Радонежский, св. Екатерина, Параскева Пятница и др. В библиотеку же монастыря в XVI-XVII вв. в качестве вклада поступали Евангелия, «Трефолой», «Часовники», Псалтири, «Пролог», Апостолы, «Шестоднев», Патерик Печерский, Триодь постная и др.

Большое разнообразие представляли вещевые вклады. Так, например, вологодские ремесленники приносили в монастырь изделия своего собственного изготовления: «дал вкладу вологжанин портной мастер Максим Семенов сын платье чернеческое», «дал вкладу с Вологды Кирилловского сороку Илья Галахтионов сын сапожник десятеры сапоги за пять рублев», «вологжанин посацкои человек Яков Гаврилов сын оконник зделал в дом пречистои богородице и преподобному Арсению в соборную церков восмь окончин болших, да в трапезу две окончины», «дал вкладом Арсению чудотворцу вологжанин посацкой человек Андреи Дементиев сын свешник тысечу свечей салных за два рубля»²³. Показательно, что вклады сделаны изделиями ремесленного производства, исчисленном в денежном эквиваленте. Некоторые вкладчики давали в мона-

стырь готовые строения — избы и амбары, а также материалы для строительства. Например, крестьянин из деревни Антипино Лежского волока дал вкладом «плот тесу дватцат пят кряжев», а Савва Васильев — «сто драниц». Крестьяне из деревень Низовки и Оберихи в качестве вклада привезли по 100 и 50 «скал», бересту, специально заготовленную для кровли. Боярин Илья Данилович Милославский купил «на триста рублев железа свесного триста пуд» 24

Наиболее богатыми были вклады церковной одежды и утвари. В 1662 г. посадский человек Иван Никифоров сын Киселев, помимо 30 руб. денег, икон и книг, вложил «отласу белово шесть аршин да оплечье золотное на ризы» Посадский человек Макарий Мартемьян сын Чадов дал вкладом в монастырь 174 аршина сукна на сумму в 15 руб. 25 Как вклады в монастырь поступали оружие, обувь, одежда, посуда, конская сбруя.

Из вкладной книги следует, что довольно часто в монастыре в качестве вклада использовался овеществленный труд, когда вместо продуктов, денег или вещей вкладчик работал на монастырь и получал в итоге вкладную память. По свидетельству Н.А.Казаковой, такого рода вклады имели место и в других монастырях Российского государства XVI-XVII вв. 26 По вкладной книге Арсеньево-Комельского монастыря, чаще других работали за вклад в монастыре крестьяне и монахи. Отрабатывали вклады по-разному. Одни выполняли любые повседневные работы, другие — какие-либо специальные, особые поручения по заказу монастырских властей. Исходя из этого, вкладчиков, работавших для получения вкладной памяти на монастырь, можно разделить на две группы.

Большинство подряжались, по сути дела, в монастырские служебники. Об этом прямо говорится в одной из записей: «приговорил игумен Антонеи с братьею Арсеньевы пустыни Кузму Минеева сына Отберишного и с сыном его с Трошкою жити в Арсеньеве пустыни в монастырских служебниках и тружати. И они тружали восмь годов». По истечении положенного срока Кузьма Минеев и его сын получили вкладную память на 8 руб. Сумма — 1 руб. или чуть больше за год «трудов» фиксируется и в других записях вкладной книги. Крестьянину Спиридону Иванову нужно было отработать на монастырь 4 года — «делать ему всякое дело и как отживет

четыре года дать вкладную в пяти рублев». Крестьянин Роман Кондратьев за ту же сумму работал в монастыре 3 года. Старец Мисаил для того, чтобы получить вкладную память на 3 руб., «тружался три годы. А написано во вкладную и впред ему всякие труды тружати». Черный поп Иоасаф «на крылосе тружался полтора годы и месячины не взял порядные, велел заворотит за вклад»²⁷.

Несколько иной характер носил труд второй группы. Вкладчики выполняли, как правило, срочную или квалифицированную работу, которая оценивалась гораздо выше. Мельник Евстратий Савин за вклад построил (на монастырские деньги) мельницу на реке Леже, а также «анбар поставил на подошву и трои колеса уставил на ходу и гать нагатил через Лежу реку». За свой труд он получил вкладную на 30 руб. Крестьянин из деревни Антипино трудился на монастырь в сенокос. Его работу оценили в 3 руб. Если учитывать, что сенокос мог продолжаться от одного до двух месяцев в зависимости от погоды, то полученная крестьянином сумма выглядит значительной.

Во вкладной книге содержатся сведения еще об одном, достаточно оригинальном способе внесения «трудового» вклада. В 1620 г. «по приговору брацкому отдал игумен Антонии вотчинному крестьянину Никифору Данилову сыну монастырскую вотчинную пустошь Сосунку в чищенее под сеннои покос на десять годов. Сено ему косити а берег пожни чистити, а в казну ему платить на всякои год по десяти алтын. В тое ему и память дана»²⁹. Здесь речь идет, безусловно, об аренде монастырской земли на указанный срок за определенную «кортому» — арендную плату. Однако обязательства в данном случае распространяются не только на крестьянина, но и на вотчинника, который был обязан после истечения срока аренды выдать ему вкладную память.

Большинство вкладчиков записаны в книге один раз. Однако для многих давать вклады стало семейной традицией. На материалах вкладной книги достаточно хорошо прослеживается генеалогия некоторых крестьянских семей и помещичьих родов до 2-3 поколений.

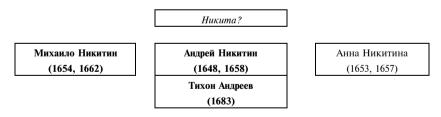
Самыми активными вкладчиками Арсеньево-Комельского монастыря, как уже было отмечено, были представители рода детей боярских Скорбеевых. Им принадлежали поместья в

Комельской волости и Лежском волоке. О наличии, по крайней мере, двух из них в Комельской волости свидетельствуют писцовые материалы. По дозорной книге 1615 г., в поместьях за Скорбеевыми находились деревни Щекутьево и Новое. Они располагались в непосредственной близости от территории монастырской вотчины и, вероятно, имели общую границу. Скорбеевым же принадлежало еще одно поместье в деревне Бардаково. «Щекутьевские» Скорбеевы имели осадный двор в г. Вологде³⁰. Записи во вкладной книге позволяют частично реконструировать три ветви их рода.

I. Владельцы поместья Щекутьево в Комельской волости¹

II. Владельцы поместья в Лежском волоке

350

Здесь и далее: жирным шрифтом выделены имена помещиков — вкладчиков Арсеньево-Комельского монастыря, обычным — имена тех, кто упоминается во вкладной книге, курсивом — имена, обнаруженные в других источниках. В скобках указаны даты упоминания имени.

III. Владельцы сельца Бардаково в Комельской волости

Никифор ?

Василий Никифоров (1681, 1682, 1689)

Михаило Никифоров (1697)

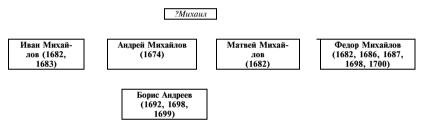
Андрей Михайлов (1683, 1698)

Первые два вклада от представителей этого рода поступили в Арсеньево-Комельский монастырь в 1601 г. из Вологды. «Дал вкладу вологжанин сын боярской Максим Иванов сын Скорбиев четыре рубля. Того же году дал вкладу Молчан Максимов сын Скорбиев три рубля денег». Спустя 11 лет последовал вклад еще одного сына Максима Иванова Скорбеева Василия: «120 году дал вкладу вологжанин сын боярскои Василеи Максимов сын Скорбиев рубль да лошадь» 31.

Следующие два вклада – Михаила и Фотия Ивановых Скорбеевых поступили в 1639 и 1646 гг. Они были братьями или внуками Максима Иванова. В 1652 г. сделал вклад еще один его внук – Козьма Еремиев сын Скорбеев. В 1650-1660 гг. зафиксированы и первые вклады Скорбеевых с Лежского волока: сына боярского Андрейко Микитина сына Скорбиева» (1652 г.) и два вклада его брата Михаила 1654 и 1662 гг.: «дал вкладу Лиского волока Михаило Никитин сын Скорбиев коня сросла леты пега за три рубля»; «дал за вклад быка редра за десять рублев». В 1682 г. отмечен первый вклад Скорбеевых - владельцев сельца Бардаково и, исходя из вкладной книги, части села Дчанниково. «Дал вкладом селца Бардакова Андреи Меншеи Михаилов сын Скорбеев нагаисково мерина сросла да быка четырех годов да четыре овина соломы яровые»³². Дети боярские Скорбеевы были фактически покровителями Арсеньево-Комельского монастыря. Причиной этого могло быть соседство их с монастырем. Однако может быть более любопытна другая версия. В житии преп. Арсения Комельского среди его посмертных чудес записан рассказ о том, что боярский сын Василий Максимов сын Скорбеев в 1612 г. попал в плен и был уведен в Литву. Находясь там, он долгое время призывал на помощь

святого Арсения и обещал после освобождения постричься в монахи в его обители. Однажды ночью свершилось чудо: пленник увидел во сне Арсения Комельского, который указал ему дорогу домой. Еще одно чудо связано с именем его сына Перфилия Васильева сына Скорбеева, который излечился у гроба святого от мучительной болезни³³. Вероятно, семейные легенды также в какой-то мере способствовали регулярному поступлению вкладов от представителей этого мелкого служилого рода.

Представителям рода Беседных в Комельской волости в XVII в. принадлежало, по меньшей мере, шесть поместий³⁴. Однако вклады в Арсеньево-Комельский монастырь поступали только из близлежащих деревень — Безхлебного, Дудкина и Туфанова.

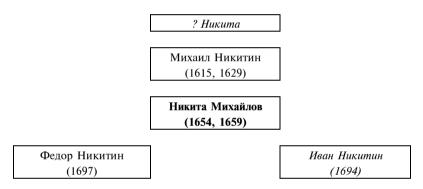
Беседные стали вкладчиками монастыря лишь с 70-х годов XVII столетия, хотя вклады их крестьян начали поступать в монастырь уже с 30-х годов. В 1674 г. поступило первых два вклада Беседных: «182 году генваря в 22 день дал вкладом Андрий Михаилов сын Беседнов коня серого за тритцать рублев Того же году и числа дал вкладом Петр Перфильев сын Беседнов коня гнеда да дватцеть четвертеи ржи, обоего за пятдесят рублев» 35. Как видим, оба Беседные сделали вклады вместе, в один день. Можно предположить, что они были ближайшими родственниками, но, к сожалению, степень их родства определить не удалось.

Для установления родственных связей Беседных представляет интерес запись 1692 г.: «Вдова Анна Михаиловская жена Беседного з детми своими с Матфеем да с Федором да с Ываном Беседными деревни Безхлебного бычка пестрова трех лет да в прошлых годех она ж вдова Анна з детми своими дали бычка ж бура трех лет да четверть ржи». Наибольшую известность в монастыре из перечисленных выше детей

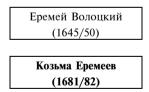
Михаила Беседного, судя по всему, имел Федор. С 1686 г. он упоминается уже как самостоятельный землевладелец. Федор Михаилов сын Беседный лично в 1698 г. дал вкладом в монастырь быка 36 . Помещики Беседные не ограничивались вкладами только в Арсеньев монастырь. Некоторые представители рода Федора Беседного записаны и в синодике Корнильево-Комельского монастыря XVII в. 37

Информация о помещиках Волоцких во вкладной книге представлена более скудно. Отмечены вклады владельцев трех поместий в Комельской (деревня Крутец), Обнорской и Авнежской волостях.

І. Владельцы села Вознесенского в Комельской волости

II. Владельцы поместья в Обнорской волости

Среди крестьян-вкладчиков зафиксировано 16 групп родственников. Чаще всего это были братья или отец с сыном (по 5 вкладов, 35,7%), в одном случае муж и жена.

Некоторые, как правило, люди не богатые приносили вклады в несколько приемов. Бобыль Федор по прозвищу Колпак давал в монастырь продукты сельского хозяйства и деньги 6 раз. После того, как он уже сделал два вклада в

1619 г. и объявил, что «хочет постричися», ему велено было «додати к тому два рубля дватцать алтын два алтына и четыре денги а постричи ему в своем платье». В 1620 г. на праздник Пречистой богородицы Ризположения (один из самых больших праздников в монастыре) Федор Колпак принес недостающие деньги. Ему разрешили постричься, напомнив, что он должен принести с собой одежду³⁸. Как видим, в данном случае, человек делал вклад в монастырь по частям из-за бедности. Он не мог сразу внести всю необходимую для пострижения и для поминовения сумму. Монастырские власти шли навстречу вкладчикам и разрешали делать это. Всего зафиксировано 30 имен крестьян, делавших вклады в монастырь неоднократно в разные годы.

Из отдельных записей о вкладах (всего 107) можно определить их цели. 61 из них предназначался на пострижение, 19— на помин души близких, 1— на погребение в монастыре. Регулярно на протяжении рассматриваемого периода поступали деньги и хлеб на «церковное строение» и «в колокола».

Информация о вкладах на пострижение содержится только в записях с 1553 по 1656 г., что составляет около 25% всех вкладов этого времени. Их стоимость составляла, в среднем, 5 руб. Часто вкладчик не мог внести всю сумму сразу. В таком случае, ему предлагалось приносить вещи, продукты и деньги постепенно или отработать необходимое время в монастыре. Источник позволяет выяснить, какую одежду должен был принести с собой человек, желающий стать монахом. Отдельные записи описывают облачение вновь постриженных людей. Чаще всего, приняв от человека небольшой вклад, монастырские власти отмечали «а постричься ему в своем платье». В 1650 г. «дал вкладу Лоскомские волости деревни Окатова Прокопья Воронова крестьянин Борис Панкратьев пять рублев да как придет в монастырь и ему принести шуба нова да кавтан зермяжнои нов да штаны сермяжные серы да онучи да рукавицы». Крестьянину Ивану Филиппьеву в 1654 г. необходимо было, помимо вклада в 8 руб., принести с собой «новую шубу да два холста». Строгих требований к одежде, судя по всему, не существовало. Только более крупные вклады давали право крестьянам получить «платье казенное». В 1629 г. «дал вкладом Еремеев крестьянин Скорбиева Фома Кондратьев мерина бура за пять рублев да того ж дни и постригся. А платье ему дано монастырское шуба братцкая да матеица болшая да свиска да клобук да матеица малая да снуженка» 39 .

Вклады на помин души родственников отмечались в источнике на протяжении всего рассматриваемого периода. Людвиг Штайндорф на материалах Иосифо-Волоколамского монастыря показал, что существовали три вида вкладов на помин души: во-первых, вклады для записи в «вечный» синодик, наиболее дешевый (25 коп.), после чего человек поминался в течение дня. При занесении имени в «повседневный» синодик (50 руб.) о вкладчике «вспоминали» на службах ежедневно. Самый дорогой способ поминовения (100 руб.) – внесение имени вкладчика в синодик «ежегодный». При этом назначались особые служба и трапеза каждый год. Вклад за «вечное поминовение» был определен и в Троице-Сергиевом монастыре в 50 руб. 40 В Арсеньево-Комельском монастыре на помин души обычно давали около 10 руб. Следовательно, оно было доступно самым широким слоям населения, тем не менее для некоторых эта сумма все же была обременительной. Доказательством этому служат записи вкладной книги поэтапной ее выплаты. Во вкладной книге указаны только вклады по родственникам и близким матери, отцу, сыну, жене, дяде и др. (всего 3% от общего числа). Вероятно, большая часть вкладов делалась за себя. Oб этом свидетельствуют, В частности, наблюдения С.Б.Веселовского и Л.Штайндорфа, изучавших вкладные книги Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей 41. Однако во вкладной книге Арсеньево-Комельского монастыря таких указаний нет. В одном случае вкладчик, точнее, вкладчица просит за вклад похоронить ее в монастыре. В 1621 г. «марта в 1 день дал вкладом Костянтин из заболотья корову да его жена Федосья дала вкладу Сорокоусту по своей душе за тот вклад как еи бог смерть пошлет погребести в монастыре и в сенадик написать и поминати»⁴².

Таким образом, вкладная книга Вологодского Арсеньево-Комельского монастыря позволяет, в первую очередь, проследить динамику поступления вкладов, их состав, количество и социальную принадлежность вкладчиков. Эти данные формируют представление об известности, степени и масштабах влияния монастыря в регионе, уровне развития его хозяй-

ства и др. Содержание вкладной книги дает возможность охарактеризовать некоторые особенности устройства и быта монастыря, определить примерное количество монахов, их социальное происхождение. Она дополняет данные других источников, в частности, по генеалогии отдельных родов мелких служилых людей Вологодского уезда, позволяет составить представление об отдельных сторонах жизни монастырских вкладчиков, оценить их материальное положение.

Апухтин В.Р. Псково-Печерский Успенский монастырь. М., 1914; Савич А.А. Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XVI-XVII вв. Пермь, 1929; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963: Ивина Л.И. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря // ВИД. Вып. ІІ. Л., 1969; Клитина Е.Н. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971; Казакова Н.А. К изучению вкладных книг // Рукописное наследие древней Руси: (по материалам Пушкинского дома). Л., 1972; Левицкая Н.В. Вкладная книга Переславль-Залесского Федоровского монастыря // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1994; Левицкая Н.В., Сукина Л.Б. Вкладные книги Переславских Никитского и Троице-Данилова монастырей: источниковедческие аспекты исследования // История и культура Ростовской земли. Ярославль, 1996; Николаева С.В. Вклады и вкладчики в Троице-Сергиев монастырь в XVI-XVII вв. // Церковь в истории России. М., 1997; Штайндорф Л. Кто ближние мои?: Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени // Человек и его близкие на западе и востоке Европы. М., 2000.

² Государственный архив Вологодской области. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Архивное название документа — «Приходо-расходная кни-га Арсеньево-Комельского монастыря Грязовецкого уезда за 1677 год». (Далее ГА ВО).

³ ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

⁴ Николаева С.В. Состав братии Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVIII в.: (по данным Ландратской книги 1715 года) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 172.

⁵ ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 78 об., 80, 87 об.-88.

⁶ Там же. Л. 91 об.

⁷ Там же. Л. 8 об., 29 об.

⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 41.

⁹ ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52, Л. 39 об. Новинковская слобода находилась на территории Нижнего посада г. Вологды.

¹⁰ Там же. Л. 19 об., 24.

¹¹ Степановский И.К. Вологодская старина. Вологда, 1890. С. 23.

- 12 Левицкая Н.В. Вкладная книга Переславль-Залесского Федоровского монастыря. С. 125.
- Ключевский В.О. Русский рубль XVI-XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VIII. М., 1990. С. 108.
- 14 Суворов Н.И. Описание Арсениево-Комельского монастыря // Вологодские епархиальные ведомости. 1869. 24. С. 894.
- 15 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 64 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 5, 13 об.
- 17 Там же. Л. 114, 89.
- 18 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 8.
- 19 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 70.
- ²⁰ Там же. Л. 42 об.
- 21 Там же. Л. 87 об.
- ²² Там же. Л. 3-3 об.
- 23 Там же. Л. 8, 39, 69, 85 об.-86.
- ²⁴ Там же. Л. 41, 51, 67, 58.
- 25 Там же. Л. 73 об, 45 об.
- ²⁶ *Казакова Н.А.* Указ. соч. С. 261.
- 27 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 20 об., 15 об., 76 об., 7, 14, 29.
- 28 Там же. Л. 54 об., 51.
- ²⁹ Там же. Л. 15.
- 30 Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 г. / Публ. И.Суворова // Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 14741.
- 31 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 5 об., 6 об.
- 32 Там же. Л. 33 об., 100.
- 33 Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местночтимых / Сост. И.Верюжский. Вологда, 1880. С. 472.
- 34 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 14883.
- 35 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 71.
- ³⁶ Там же. Л. 95, 129.
- 37 Вологодский областной краеведческий музей. 2008. Л. 217 об.
- 38 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 9-9 об.
- 39 Там же. Л. 27 об.-28, 35, 17.
- 40 Штайндорф Л. Указ. соч. С. 210-212; Николаева С.В. Вклады и вкладчики в Троице-Сергиев монастырь в XVI-XVII вв. С. 88.
- 41 Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 330; Штайндорф Л. Указ. соч.
- 42 ГА ВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 52. Л. 68 об.

ДЬЯКИ МОСКОВСКИХ ПРИКАЗОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА КАК ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ. ДОМ ДЬЯКА И.К.АЛФЕРЬЕВА

Вопрос о дьячестве XVII в. как части городского населения лежит в русле общей проблематики по истории приказной системы государственного аппарата управления в период позднего феодализма и истории особой категории служилого сословия. Одновременно он непосредственно связан с проблемами по истории русской культуры XVII в. и, в частности, по истории Москвы. Соответственно обозначенная тема имеет несколько аспектов для изучения: с одной стороны, социально-исторический, служебный аспект, с другой стороны, культурнобытовой и архитектурно-градостроительный аспект.

Хронологическими рамками для их рассмотрения избран период последних десятилетий XVII - начало XVIII в., т.е. один из важнейших в русской истории. Семнадцатое столетие занимает в истории России особое место, определяемое сменой эпох. Поэтому оценка этого периода в исследованиях неоднозначна. Медиевисты считают его последним веком, замыкающим русское средневековье и, следовательно, целиком принадлежащим ему по своим историко-культурным и социальным критериям и системе ценностей. Специалисты по Новому времени считают его подготовительным этапом петровских преобразований и определяют его как «переходный». При этом часто и те, и другие говорят о кризисе и упадке в истории России XVII века всех сфер жизнедеятельности: политической, социально-экономической и культурной. Данная оценка представляется спорной. Однако в последнее время справедливо отмечается, что самоценность и значимость XVII столетия в отечественной науке еще в должной мере не вскрыты вследствие недостатка специальных разработок с использованием широкой источниковедческой базы¹.

Социально-исторический аспект наиболее разработан в отечественной историографии с точки зрения формирования и развития централизации государственного аппарата управления. Внимание историков в основном было сосредоточено

на исследовании деятельности отдельных приказов как учреждений и их штатов 2 . Данное направление разрабатывается и в настоящее время 3 . Кроме того, предметом изучения являются приказные люди как отдельная социальная группа в целом 4 .

Основной комплекс исследований позволяет определить место дьяков московских приказов в общей социальной структуре России XVII в. Именно к этому периоду относится расцвет приказной системы и выделение приказных служащих в самостоятельную социальную группу. Бюрократизация центральных органов управления и расширение их штатов привели к созданию особой корпорации людей, занятых исключительно в этой сфере государственной службы. По данным Н.Ф.Демидовой, в течение XVII в. наблюдался ярко выраженный рост количества приказных людей. В Москве их численность увеличилась с 623 человек в 1626 г. до 2739 человек в 1698 г., в том числе дьяков соответственно с 46 до 86 человек⁵.

Эволюция формирования сословной группы развивалась в сторону усиления ограничительных барьеров для пресечения попадания в ее состав выходцев из собственно служилого сословия (детей боярских), духовенства, торгового купечества и посадского населения. Политика правительства была направлена на сохранение межсоциальных рамок. Выработалась практика выслуги дьяческого чина и назначения дьяков из состава подьячих. Из 110 человек, вновь пожалованных чином дьяка, 86 человек были подьячими⁶. Таким образом, приказные люди к концу XVII в. постепенно стали достаточно однородной социальной самовоспроизводящейся группой.

В социальной иерархии служилого сословия приказные дьяки занимали место после дворян московских (думные дьяки соответственно после думных дворян) и следовательно пользовались всеми служилыми правами и привилегиями (получение жалованья за службу, освобождение от тягла, право владения землей и крепостными крестьянами).

Получаемые ими оклады за службу представляли собой многоуровневую систему, основу которой составляли земельный, денежный и натуральный. Размер поместного оклада приказных дьяков в течение XVII в. колебался от 500 до 1000 четей⁷. Фактическое землевладение состояло из земель, находящихся в поместном и вотчинном владении. За участие

в военных походах или в дипломатических миссиях часть поместных земель дьяков переводилась в статус вотчинных. Решающую роль в материальном положении дьяков играл денежный оклад, который являлся основой их богатства. Денежное жалованье думных дьяков колебалось от 200 до 530 руб., приказных дьяков — от 52 до 215 руб. В Натуральный оклад состоял из кормового жалованья и «годового сукна». За особые заслуги дьяки жаловались также наградной серебряной посудой.

Второй аспект исследования - культурно-бытовой и архитектурно-градостроительный, который связан с определением места дьяков в городской социальной структуре. Развитие государственного аппарата имеет прямое отношение к процессу урбанизации. Приказы как органы центрального управления размещались в Москве. Столица была практически постоянным местом службы данной категории приказных людей. Только здесь они имели право владеть собственными дворами (в других городах – временных местах службы – дьяки не имели права на собственную недвижимость). Это условие делало дьяков московских приказов одной из значимых социальных групп, активно влияющих на формирование городской бытовой и архитектурной среды Москвы. Однако приказные дьяки в качестве московских жителей до сих пор еще не были предметом специального изучения. Их частная бытовая жизнь зависела от места, занимаемого ими в структуре русского социума и материальных возможностей. Одновременно она определялась с одной стороны, нормами и традициями национальной культуры, с другой стороны, новациями из западно-европейской культуры.

В отечественной историографии изучение городской бытовой культуры Москвы развивалось в нескольких направлениях: в рамках общих работ по истории русской культуры XVII-XVIII вв.9, специальных этнологических и археологических исследований по материальной культуре русского города и отдельно Москвы и работ историко-искусствоведческого характера по общей проблематике XVII-XVIII веков и по отдельным отраслям искусствознания 11.

Историко-этнографические монографии по данной тематике основаны только на опубликованных в XIX — нач. XX в. письменных источниках и на уже существующих

разработках И.Е.Забелина и Н.И.Костомарова, а также известных и атрибутированных памятниках материальной культуры по результатам данных археологии¹². Социальная база исследования была ограничена представителями посадского населения. Бытовая культура дворянской аристократии (в основном боярства) приведена фрагментарно на отдельных, известных с XIX в. примерах.

Исследования Института археологии РАН по Москве XVII в. 13 сосредоточены главным образом на культовых памятниках и на истории отдельных ремесленных слобод.

В специализированных работах крупных музеев (ГИМ и Оружейная палата) предметы быта рассматриваются как памятники декоративно-прикладного искусства, и их анализ построен на сопоставлении с известными аналогами.

Привлечение письменных источников ограничивается только документами из фонда Оружейной палаты РГАДА (Ф. 396). В последнее время среди специалистов пришло понимание необходимости комплексного использования различных видов источников при изучении истории Москвы, о чем свидетельствует книга А.В.Лаврентьева¹⁴.

Отдельный комплекс исследований, имеющий важное значение для разработки обозначенной темы, связан с градостроительно-архитектурной историей Москвы. К наиболее фундаментальным трудам обобщающего характера с анализом основных принципов формирования застройки столицы относится книга П.В.Сытина¹⁵ и коллективная монография Института теории архитектуры и градостроительства под редакцией Н.Ф.Гуляницкого 16. Каменное жилое зодчество стало предметом изучения в книге А.А.Тица¹⁷, в которой на широком спектре памятников архитектуры русских городов приведена типология внутренних планировочных структур зданий, а также отдельных элементов декора, стилистически характерных для XVII в. в целом. При этом необходимо отметить, что анализ архитектуры Москвы ограничен несколькими объектами, выявленными и поставленными на госохрану к моменту исследования. Среди них фигурируют только два дома дьяков: палаты Е.Украинцева и палаты А.Кириллова, которые до сегодняшнего дня остаются единственными известными в литературе примерами жилой застройки данной социальной группы.

Основная дискуссия в работах по изучению русской архитектуры XVII в. относится к проблеме определения стиля «нарышкинское барокко», которая продолжается до настоящего времени¹⁸. Проблемам евпропеизации в архитектуре и градостроительстве Москвы последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. посвящена новая монография В.В.Кириллова¹⁹. Автор поставил задачу показать роль Москвы в процессе формирования новых культурно-эстетических принципов в период петровских реформ. Однако реализация замысла основана на использовании предыдущих исследований и опубликованных источников без привлечения новых документов. Архитектурноградостроительный анализ проводился на известных много лет в отечественной литературе отдельных образцах церковной и гражданской архитектуры, круг которых весьма ограничен.

Таким образом, из приведенного краткого обзора историографии видно, что в настоящее время назрела необходимость значительного расширения источниковедческой базы исследований, связанных с изучением московской городской культуры.

Проблематика данной темы требует научных разработок на междисциплинарной основе с комплексным использованием источников, различных по происхождению и способу фиксации информации. Перспективность такого рода трудов продиктована спецификой самого предмета исследования. Город — сложный организм, аккумулирующий социально-культурный, интеллектуальный и экономический потенциал общества и, следовательно, является носителем во многом смыслового содержания его развития. В переходные периоды истории именно город становится индикатором взаимодействия новаций и традиций. Городская культура — субкультура, структура которой обусловлена комплексом факторов: природно-топографических, социально-экономических, политических, культурно-исторических. Для Москвы XVII в. все эти факторы являлись определяющими в наибольшей степени.

Попытка такого комплексного исследования применительно к дьяческой группе городского населения предпринята в настоящей статье. Участие автора в специализированном обследовании исторического центра Москвы в течение ряда лет, которое было построено по принципу сплошного «коврового» исследования с целью изучения городской историче-

ской архитектурной среды, а не отдельных памятников, позволило выявить в современной структуре города и атрибутировать целый ряд образцов светской жилой архитектуры XVII в., принадлежавших представителям верхнего слоя приказной администрации. Сочетание памятников материальной культуры с архивными письменными источниками позволяет реконструировать весь уклад бытовой жизни отдельной социальной группы на фоне бытовой культуры Москвы второй половины XVII — начала XVIII в.

Первое приближение к теме в рамках статьи наиболее целесообразно представляется осуществить на одном примере дома дьяка И.К.Алферьева. Исходя из этого, автор поставил перед собой несколько задач:

- 1. на примере дома дьяка И.К.Алферьева выявить основные черты бытового уклада одного из представителей верхушки приказной администрации;
- 2. показать, как имущественное положение и стиль жизни выражают социальный статус владельца;
- 3. проследить соотношение традиций и новаций в культуре повседневной жизни дьяка на рубеже XVII-XVIII вв.;
- 4. определить место домовладения дьяка И.К.Алферьева как градообразующей единицы в архитектурной городской среде Москвы XVII в., а также проанализировать особенности внутренней планировочной структуры жилых палат.

* * *

Выявление памятника архитектуры XVII в. в современной застройке Москвы часто происходит в результате ремонтнореставрационных работ того или иного объекта. В 1981 г. такие работы проводились на памятнике архитектуры периода классицизма конца XVIII в., известного в литературе как дом О.И.Бове 20 , по ул. Москвина (ныне Петровский пер.) д. 6 (охр. № 222), в ходе которых были обнаружены кладка и элементы декора XVII в. Специалистами института «Спецпроектреставрация» были сделаны зондажи, позволившие установить, что кладка стен выполнена из большемерного кирпича размером 30 х 15 х 8 см с применением способа обработки швов — затирки, характерных для второй половины XVII в. Были также обнаружены наличники окон с разо-

рванными треугольными сандриками и полуколонками, в оконных проемах сохранились остатки металлических решеток и белокаменных подоконников, на углах здания на уровне второго этажа сохранились спаренные полуколонки, междуэтажный пояс по всему периметру здания был выложен из шести рядов кирпичей и одного ряда поребрика²¹. На основе всех выявленных деталей был осуществлен проект реставрации здания с восстановлением восточного фасада на период XVII в.

Атрибуция памятника является наиболее важной и сложной проблемой, требующей привлечения письменных источников. Проводимые в 1980-1990-е гг. историко-архитектурные исследования располагают данными на XVIII-XIX вв. Актовые документы (купчие и закладные) а также материалы переписей московских дворов позволили установить владельца дома самое раннее лишь на 1716-1717 гг. 22 Им был стольник Д.П.Протасьев. Предположения и догадки некоторых исследователей, документально не обоснованные и построенные на искусствоведческом анализе декоративного оформления палат, традиционно связывают их с представителями рода Нарышкиных²³. Атрибуция данного памятника, проведенная автором настоящей статьи, является примером использования различных видов источников на взаимодополняющей основе. Среди старых публикаций начала XX в. была обнаружена опись конфискованного имущества с каменным домом в Москве дьяка И.К.Алферьева 1700 г., которая была представлена как любопытный документ старомосковского быта без привязки к конкретному объекту²⁴. Подлинник документа хранится в фондах РГАДА²⁵. По двум важным параметрам, документально зафиксированным, домовладение Алферьева совпадает с двором стольника Протасьева: приход церкви Григория Богослова на Дмитровке и размеры участка 21 х 38 саж. На плане Москвы, составленном С.М.Горихвостовым, на котором показана градостроительная ситуация на начало XVIII в., видно, что в указанном приходе каменные палаты в это время существовали только в интересующем нас владении²⁶. Наконец, решающим аргументом стали результаты сравнительного анализа сохранившейся планировочной структуры памятника архитектуры – дома № 6 в современном Петровском пер. и палат дьяка

Алферьева, приведенной в документе, позволяющие идентифицировать оба объекта и сделать вывод о владельце дома на конец XVII в.²⁷ Материалы конфискации имущества дьяка Алферьева в совокупности с другими документами, а также сам дом, в качестве источника, позволяют реконструировать повседневную жизнь одного из представителей московской приказной администрации.

Иван Кононович Алферьев начал свою службу в приказе Большого прихода в чине подьячего с 1650-х годов, его денежный оклад составлял 20 руб. в 1665 г. и 37 руб. в 1675 г., а поместный соответственно 250 и 300 четей²⁸. После слияния приказа Большого прихода с приказом Большой казны. к 1682 г. он стал старым подьячим в этом приказе с денежным окладом 40 руб. и поместным -400 четей 29 . В том же году Алферьев был пожалован в дьяки с окладами 80 руб. и 700 четей 30 . В приказе Большой казны он служил до 1695 г., а в 1697-1699 гг. – во Владимирском судном приказе³¹. Его жена Аксинья была двоюродной сестрой известного в XVII в. представителя верхнего слоя приказной бюрократии. служившего сначала в чине дьяка в приказе Тайных дел, затем думного дьяка Большого дворца, печатника Дементия Минича Башмакова. Умер И.К.Алферьев в 1700 г. 32 К этому времени он владел двумя дворами в Москве и вотчиной в Дмитровском уезде в Берендеевском стане «в 70 верстах от Москвы сельцо Калтышево да деревня Погорелое, а в них пять дворов крестьянских»³³.

Основной московский двор Алферьева располагался в Белом городе в бывшем Богословском переулке (ныне Петровский, 6) между улицами Большая Дмитровка и Петровка, которые сформировались в XV — начале XVI в. вдоль трасс старых дорог XIV в. в г. Дмитров и в с. Сущево мимо Высоко-Петровского монастыря. Указанная территория в XVI — первой половине XVII в. была заселена тяглецами Дмитровской сотни — калашниками, пирожниками, хлебниками (Богословский пер. в XVII в. назывался Хлебенным)³⁴.

Во второй половине XVII в. шел процесс вытеснения слободы в Земляной город в район улицы Малая Дмитровка. По данным переписи 1668-1671 гг. видно, что доля тяглых дворов значительно сократилась и увеличилось число «белых» дворов служилого сословия, в том числе и приказных людей

в основном Дворцового ведомства. Из 18 владений подьячих 5 принадлежало служащим приказа Большого прихода и среди них — подьячему Ивану Кононову (Алферьеву)³⁵. В его личном архиве хранились четыре купчих на дворовые земли в приходе ц. Григория Богослова на Дмитровке³⁶. Повидимому, он скупил четыре слободских участка, и на их территории была сформирована городская усадьба на пересечении Хлебенного (Богословского) и Важенского переулков. Последний шел параллельно улице Бол. Дмитровке и в XIX в. частично был застроен (сохранилась только северная часть его трассы в виде небольшого тупика). Размеры домовладения зафиксированы в описи двора. Поперечник вдоль Хлебенного переулка составлял 21 сажень, длинник вдоль Важенского переулка — 38 сажен³⁷.

Специфика усадебного городского уклада Москвы определяла организацию застройки домовладений, каждое из которых представляло собой единый полифункциональный комплекс. Номенклатура обязательных его элементов соответствовала натуральным формам хозяйства Москвы XVII в. Во владении дьяка Алферьева размещались жилые палаты, поварня, приспешная палатка, баня, все выстроенные из кирпича, а также деревянные погреба и конюшня. Часть территории была отведена под сад³⁸. Описание двора не дает возможности представить его объемно-планировочную структуру. Однако, план XVIII в. показывает постановку главного ядра этой структуры. Палаты расположены торцом к Богословскому переулку с небольшим отступом от его красной линии, относительно западной границы участка по Важенскому переулку палаты стоят со значительным отступом в глубине и развернуты вдоль нее³⁹. Данное расположение палат было наиболее типичным для средневековой Москвы.

Решение проблемы датировки палат требует рассмотрения различных факторов. Строительство каменного дома предполагает определенный уровень материального достатка, связанного с социальным статусом заказчика. Для Алферьева благоприятным в этом смысле периодом были 1680-е годы. В 1682 г. с чином дьяка он получает оклад, в два раза превышающий его прежний. Дополнительные возможности давал приказ Большой казны, ведавший торговыми налогами с купцов и ремесленников русских городов, а также таможен-

ными и кабацкими сборами, кроме того, ему подчинялись привилегированные торговые корпорации гостей, гостиной и суконной сотен. Такие приказы служили благоприятной почвой для широкого применения практики взяточничества, распространенной в приказной системе. Среди документов личного архива Алферьева были 22 заемных кабалы на выдачу ссуд представителям торгового купечества, большая часть которых относится к периоду с 1680 по 1700 г. на общую сумму 3000 руб. 40

Таким образом, материальные возможности дьяка Алферьева вполне позволяли возведение каменного дома. Кроме того, именно тогда сложились благоприятные условия для строительной деятельности в Москве. В 1681 г. вышел указ царя Федора Алексеевича, направленный на стимуляцию каменного частного строительства с целью предотвращения опустошительных пожаров. В соответствии с этим указом «всяких чинов московские жители» могли получить кирпич из приказа Большого дворца в долг по выгодной цене 1,5 рубля за тысячу в рассрочку на 10 лет⁴¹. Выплатой долгов ведал приказ Большой казны. Наиболее оперативно воспользоваться указом могли именно представители приказной администрации, в чьих руках были механизмы его осуществления (чему является свидетельством дошедший до настоящего времени в различной степени сохранности целый ряд каменных домов дьяков. относящихся к периоду 1680-1690-х гг.).

Анализ названного памятника архитектуры в качестве источника позволяет отнести время строительства к тому же периоду. Реставрационные работы не выявили клейм кирпича XVII в., дающие возможность определить датировку. Его размеры и способы обработки позволяют говорить лишь о второй половине века. Однако масштабные характеристики и планировочное решение свидетельствуют о более узких временных рамках. Палаты дьяка Алферьева представляют собой двухэтажный объем, первый этаж которого, выполнявший роль подклета, по своим пропорциям равен второму этажу. П-образная конфигурация плана здания и поэтажные планы показывают заложенную в основе его структуры определенные элементы симметрии. О назначении помещений свидетельствует описание палат⁴². Жилые покои располага-

лись в западной части здания в последовательном порядке: три палаты в капитальных стенах по второму этажу и две палаты по первому этажу с проездной аркой между ними. Хозяйственные помещения располагались в двух выступающих квадратных ризалитах по восточному фасаду: две казенные палаты на втором этаже и две кладовые палаты под ними на первом этаже с крестовыми сводами и распалубками. Центр композиции между жилой и хозяйственной зонами — узкие протяженные сени, выполняющие роль коридора, с цилиндрическими сводами. Натурные исследования в процессе реставрационных работ выявили наличие двух внешних каменных лестниц с открытыми галереями, примыкавших со стороны северного и южного фасадов жилой части здания, что подтверждается документально.

Рассмотренная планировочная структура свидетельствует о композиционном решении, характерном для переходного периода архитектуры последней четверти XVII в. Стилистика декоративного оформления фасадов, о котором говорилось выше, соответствует формам «нарышкинского барокко», распространенного в это же время. В описании дома дьяка Алферьева отсутствуют данные о наличии каких-либо деревянных надстроек — характерных элементов светской жилой архитектуры XVII в. По указу 1688 г. в Москве запрещалось возводить на каменных палатах деревянные хоромы в качестве третьего этажа и высокие деревянные чердаки⁴³.

Особенности планировочной структуры здания определили его трансформацию в главный дом усадьбы периода классицизма: внешние лестницы были разобраны и на их месте выстроены каменные пристройки, замкнувшие цельный объем, надстроен третий антресольный этаж с небольшим мезонином и вновь выполнены фасады с использованием принципа симметрии и ордера. Внутреннее расположение жилых помещений старых палат второго этажа, ставшего теперь парадным, соответствовали анфиладной системе при расположении дверных проемов на одной оси. Таким образом, в XVIII в. бывший дом Алферьева стал образцом классической архитектуры дворцового типа, сохранив основу планировки последних десятилетий XVII в.

Формы культуры каждой исторической эпохи находят свое материальное выражение и в предметах быта. Одновременно

они характеризуют личность владельца как представителя определенной социальной среды и как индивидуальность. Опись имущества дьяка Алферьева не дает сведений о внутренней отделке помещений дома. Традиционно жилые покои того времени обивались сукном. На основе имеющихся документов можно представить, как выглядела передняя палата, по-видимому, совмещавшая функции крестовой и гостевой палат. Здесь находился иконостас с 12 иконами, половина из которых была в серебряных окладах, еще 7 образов были «на полотнах писаны в рамках черных» 44. Под иконостасом в «поставе» лежали 13 книг духовного содержания. Остальное пространство палаты занимали «поставец липовой, росписан орехом», и «стол, прописан краски»⁴⁵. Среди предметов мебели в составе имущества перечислены два кожаных кресла и семь стульев⁴⁶. Украшением интерьера были настольный ковер, «опушен сукном красным», и напольный ковер персидский, «камка малиновая суконная»⁴⁷.

Как правило, поставцы служили для хранения серебряной посуды, которая выставлялась на обозрение гостей для демонстрации достатка хозяина. У дьяка Алферьева на момент конфискации было всего 37 предметов серебряной посуды: кружки, стопы, стаканы, братины, чарки, выполненные в технике чеканки, резьбы и скани⁴⁸. Для ежедневного обихода использовалась оловянная и медная посуда: блюда, тарели, миски, ендова⁴⁹.

Помимо переносной мебели в русском традиционном интерьере широко использовалась встроенная мебель. В доме Алферьева к такому типу относились лавки, которые обычно шли вдоль стен по периметру помещения. На лавки клались специальные тюфяки. В данном случае было 17 тюфяков суконных больших и 2 малых⁵⁰. Существовали лавки для сиденья и спальные лавки. Среди имущества Алферьева не было перечислено ни одной кровати. Под голову клали ларцыподголовки. Такой был и у хозяина дома, где он хранил домашний архив — купчие крепости, заемные кабалы, платежные отписки⁵¹.

При описании имущества, как правило, указывались предметы иностранного происхождения — «немецкой» работы или выполненные на «иноземный» манер. Среди мебели и утвари дьяка Алферьева таких указаний нет. По-видимому,

все они были русской работы традиционных форм и конструкций, образцы которых представлены в собрании ГИМа. Произведения мебельного искусства России второй половины XVII в. отличались монументальностью пропорций в сочетании с декоративностью барочной отделки 52 . В изделиях утвари из серебра использовались русские формы и сложная пластика рисунков растительных орнаментов, в мотивах которых прослеживается влияние искусства Запада и Востока 53 .

Для хранения так называемой «всякой рухляди», т.е. одежды, мехов, постельного белья, тканей и проч., в доме Алферьева использовались сундуки — типичные предметы старорусского быта. Их было несколько: дубовый, окованный железом, липовой, «нерпяной» (обтянутый тюленей кожей)⁵⁴.

Отдельный интерес представляет гардероб хозяина и его жены. В описи перечислены наиболее ценные вещи, подлежащие продаже. Среди мужской одежды выделяются 17 кафтанов и 4 полукафтана, тип покроя которых не указан. Но их описание позволяет судить о видах ткани и способах отделки. Большинство кафтанов были сшиты из шелковых тканей (камка, объярь, атлас), часть – из шерстяной ткани (изуфрь), один – из китайского бархата и несколько из сукна. При этом 6 кафтанов были на меху лисьем, песцовом, куньем и беличьем. Украшены они были серебряными нашивками с кистями и серебряными пуговицами. Личный вкус владельца проявился в значительном преобладании желто-лимонного цвета с дополнением оранжевого и коричневого⁵⁵. Нужно отметить, что эта цветовая гамма повторялась в отделке седел для верховой езды и принадлежностей к ним (платы, потники, покровы) 56.

Из одежды жены названы только 4 шубы и 3 телогреи. Шубы в XVII в. шились мехом внутрь и сверху покрывались тканью. Шубы Аксиньи Алферьевой были на песцовом, беличьем и куньем меху с дорогими шелковыми тканями (парча, камка, объярь) и с серебряными пуговицами⁵⁷. Кроме того, они были отделаны так называемым «серебряным кружевом» — ювелирным украшением, которое представляло собой полосы из небольших прямоугольных ажурных пластинзапон из серебра с эмалью или с драгоценными камнями. Такое украшение нашивалось на ворот, концы рукавов и подол самых парадных одежд⁵⁸. Типичный атрибут женского рус-

ского костюма XVII в. — телогрея, верхняя праздничная одежда. Перечисленные в описи выполнены из шелковых тканей (объярь, атлас) красного и оранжевого цвета с серебряными пуговицами. Отделка — нашивное «серебряное кружево». Полихромность и декоративность были характерными чертами русского костюма второй половины XVII в.

Представители служилого сословия, к которому относятся и дьяки, обязаны были владеть оружием. Поэтому в доме каждого дьяка хранилась оружейная казна. У дьяка Алферьева в составе «оружейной брони» названы наиболее ценные образцы холодного и огнестрельного оружия: сабля с клинком польским и ножнами, отделанными серебром; два лука турецких, «лубья шиты золотом»; два пистолета, «набалдашники медные чеканные золочены»; пищали, «станки с костьми». Помимо оружия здесь же перечислены пять труб ратных вороненых, «да к ним 10 завесов тафтяных», семь чехлов из тафты к копьям и шесть лядунок (пороховниц)⁵⁹.

Неотъемлемая часть московского быта — личные средства транспорта для поездок в черте города и дальних путешествий, отражавшие социальный статус владельца. Алферьевы имели две двухместные кареты, рыдван (большую дорожную карету) и возок для зимних поездок на дальние расстояния, обитые внутри красным сукном. Перечисленные экипажи свидетельствуют о смешанном характере традиционных русских и новых западно-европейских черт повседневной жизни в среде дьяков второй половины XVII в. Количество впрягаемых лошадей также играло важную роль. В распоряжении дьяка Алферьева было две лошади, которые назывались возники, буланой масти. В упряжи использовались шоры — новшество, заимствованное из Западной Европы⁶⁰.

Длительные путешествия требовали остановок в пути и использования походных палаток. В музейных собраниях образцы подобных шатров практически отсутствуют и поэтому они не изучены. Оружейная палата располагает только одним фрагментом (верхняя часть) большого шатра царя Алексея Михайловича (охр. 2107). Это все, что сохранилось от царской Шатровой палаты. Известно описание большой шатерной казны боярина князя В.В.Голицына, состоящей из нескольких шатров, палаток, наметов и специального полотняного двора с башенками и оградами⁶¹.

Опись имущества дьяка Алферьева свидетельствует о наличии у него одной походной палатки, которая сверху была из шелковой ткани (объярь), а подкладка изнутри была из кумача, расшитого травами 62 . По-видимому, использование таких переносных конструкций было довольно распространено, но их количество и разновидности зависели от социального положения владельца.

Особенности натурального хозяйства московского городского быта требовали больших территорий под огороды и сады. В XVII в. для этих нужд использовались загородные дворы. Дьяк Алферьев в 1693 г. купил такой двор у окольничего И.Д.Голохвастова за Тверскими воротами за Земляным городом около Тверской ямской слободы. Назначению загородного двора соответствовали значительные размеры: длинник вдоль Земляного вала составлял 76 сажен, а поперечник «от ворот к ямской слободе» 36 сажен. Помимо обширного сада пространство двора было занято комплексом жилых и хозяйственных построек — деревянными двухэтажными хоромами, погребами, сараями, поварней, конюшней, баней и сенным амбаром⁶³.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать некоторые выводы. Приведенные конкретные фактологические данные свидетельствуют о том, что представители верхнего слоя приказной администрации относились к привилегированной части городского населения Москвы. Основные из них следует перечислить.

- 1. Местоположение домовладения в черте Белого города, который во второй половине XVII в. стал районом заселения всех категорий служилого сословия и богатого купечества на «белых» дворовых землях, в то время как тяглое посадское население «черных» и дворцовых слобод было вытеснено в Земляной город.
- 2. Размеры участка 21 х 38 сажен позволили сформировать городскую усадьбу со всеми структурными элементами, необходимыми для особенностей натурального хозяйства Москвы.
- 3. Наличие двухэтажных каменных палат с большими кладовыми.

4. Предметы домашнего обихода (мебель, посуда, гардероб, оружие), свидетельствующие о высоком уровне материального достатка.

Сопоставление с известными по публикациям примерами городского быта отдельных представителей боярства позволяет сделать заключение о том, что основные элементы бытового уклада дьяка по своему облику приближались к формам повседневной жизни дворянской знати. Однако, по уровню и масштабам они отличались, что определялось положением дьяков в социальной иерархии русского общества XVII в.

Отдельный интерес представляет взаимодействие традиционных форм городской бытовой культуры с новыми тенденциями «переходной» эпохи в дьяческой социальной группе. С одной стороны, описание имущества дьяка И.К.Алферьева отражает смешанный характер бытовой среды, где одновременно присутствуют типично русские национальные вещи и предметы, заимствованные из западно-европейской культуры. С другой стороны, степень соотношения традиций и новаций в данном случае значительно отличается от домашнего быта бояр А.С.Матвеева и В.В.Голицына.

Более глубокие выводы возможны при проведении дальнейшего исследования данной темы, основанного на сравнительном анализе городского быта как внутри обозначенной социальной группы приказной бюрократии (с учетом всего ее спектра: думные дьяки, приказные дьяки и подьячие), так и с другими группами служилого сословия.

Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1990. С. 29.

² Белокуров С.А. О Записном приказе // Чтения ОИДР. 1900. Кн. 3. Отд. II; Он же. О Посольском приказе. М., 1906; Гурлянд И.Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1893; Соколовский М.К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб., 1904; Сперанский А.Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930; Чернов А.В. К истории Поместного приказа // Труды / МГИАИ. М., 1957. Т. 9; Шимко И.И. Патриарший казенный приказ // Описание документов и бумаг МАМЮ. М., 1894. Кн. 9.

³ *Рогожин М.Н.* Посольские книги России конца XV — нач. XVII в. М., 1994; *Беляков А.В.* Служащие Посольского

- приказа второй трети XVII в.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001
- 4 Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII в. // Исторические записки. М., 1937. Т. 1; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV первой трети XVI века // Исторические записки. М., 1971. Т. 87; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Российском государстве. М., 1961; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Волгоград, 2001.
- ⁵ Лемидова Н.Ф. Указ. соч. С. 23-24.
- ⁶ Там же. С. 76.
- 7 Там же. С. 93.
- ⁸ Там же. С. 120, 123.
- 9 Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3: (XVII нач. XVIII века); Карпов Г.М. Русская культура на пороге новой эпохи. XVII век. М., 1994; Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII нач. XIX века. М., 1983; Очерки русской культуры XVII века. М., 1978-1979. Ч. 1-2; Очерки русской культуры. XVIII век. М., 1985-1990. Ч. 1-4; Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени. М., 1990; Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2002; Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000.
- 11 Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964; От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVII-XVIII вв. М., 1984; Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV-XX вв. (территория СССР). М., 1983; Русские ювелирные украшения 16-20 веков из собрания ГИМ. М., 1984; Соболев Н.Н. Стили в мебели. М., 2000; Соколова Т.М. Художественная мебель. М., 2000 и др.
- Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- 13 *Беляев Л.А.* Архитектурная археология Москвы XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000. С. 7-22.
- ¹⁴ *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. М., 1997.
- 15 Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. М., 1950-1954. Т. 1-3.

- ¹⁶ Градостроительство московского государства XVI-XVII веков. М., 1994; Москва и сложившиеся русские города. М., 1998.
- ¹⁷ Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.
- 18 Бусева-Давыдова И.Л. Архитектура // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI-XVII века. М., 1996. Кн. 2, ч. 2; Она же. Декор русской архитектуры XVII в. и проблема стиля // Архитектурное наследство. 1998. № 38. C. 39-49; *Гуляницкий* архитектуре Н.Ф. XVII век В русской (эпоха. градостроительный метод) // Архитектурное наследство. 1998. № 38. C. 61-82; *Кириллов В.В.* Становление стиля барокко в русской архитектуре рубежа XVII – XVIII веков // Барокко в России. М., 1994. С. 58-69; Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989.
- 19 Кирилов В.В. Архитектура Москвы на путях европеизации. М., 2000.
- 20 Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 148.
- 21 Архив УГК ОИП. № І-222-6.
- ²² РГАДА. Ф. 282. Кн. 456. Л. 1109; Кн. 464. Л. 416; Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. II; Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896.
- ²³ Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 150; Данилова Л.И. Улица Москвина, 6. М., 1987. С. 15.
- ²⁴ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 1. Раздел IV (смесь). С. 27-32.
- 25 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3.
- 26 РГВИА. Ф. ВУА. № 22169.
- ²⁷ Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 150; РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 6.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 321. Л. 570-573; Ф. 210. Московский стол. Кн. 74. Л. 96.
- ²⁹ Там же. Владимирский стол. Стб. 188. Л. 33.
- ³⁰ Там же. Белгородский стол. Стб. 1186. Л. 39.
- ³¹ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII в. М., 1975. С. 20.
- 32 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 4-5, 19.
- 33 Там же. Л. 27.
- ³⁴ *Сытин П.В.* Указ. соч. М., 1950. Т. 1. С. 101; Переписная книга Москвы 1638 г. М., 1881. С. 78-83.
- ³⁵ Переписные книги Москвы 1668-1676 гг. М., 1886. С. 115-118.
- 36 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 21 об.
- ³⁷ Там же. Л. 6.
- 38 Там же.
- 39 Там же. Ф. 292. Оп. 1. №60. Л. 244-247.
- 40 Там же. Ф. 160. Оп.1. 1700 г. № 3. Л. 17 об-21.
- ⁴¹ ПСЗ. Т. II. СПб., 1830. С. 356.
- 42 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 6.
- ⁴³ ПСЗ. Т. II. СПб., 1830. С. 944-950.
- 44 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 7-8.
- ⁴⁵ Там же. Л. 8.

- ⁴⁶ Там же. Л. 25 об.
- ⁴⁷ Там же.
- 48 Там же. Л. 15 об-16 об.
- 49 Там же. Л. 22.
- 50 Там же. Л. 25 об.
- 51 Там же. Л. 17 об-21 об.
- 52 *Попова З.П.* Истоки и традиции русской мебели // Труды / ГИМ. М., 1995. Вып. 86. С. 8.
- 53 Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г. Указ. соч. С. 73.
- 54 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 15-15 об.
- 55 Там же. Л. 8-10 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 23-24.
- 57 Там же. Л. 13.
- 58 Русские ювелирные украшения 16-20 веков из собрания ГИМа. М., 1994. С. 12-13.
- 59 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 24 об-25.
- 60 Там же. Л. 26.
- 61 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 303-310.
- 62 РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. № 3. Л. 25 об.
- 63 Там же. Л. 21, 26 об.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Марасинова Е.Н. Иоганн Хемницер (Судьбы людей русского XVIII века)	4
Беляков А.В. (Рязань). Золотописцы Посольского приказа в царствование Алексея Михайловича (1645-1676 гг.) и Федора Алексевича (1676-1682 гг.)	58
Тусев А.В. Письма царя Алексея Михайловича как исторический источник	82
<i>Гуськов А.Г.</i> Особенности делопроизводства Великого посольства 1697-1698 гг.: черновой статейный список	102
Ефремова Е.Н. Социальный состав и численность населения тверского посада в 20-е гг. XVIII века (По материалам 1-й подушной переписи)	122
Иванова Е.В. Источниковедческий обзор документов Печатного приказа (1613-1649)	138
Изотова К.А. Русско-польские отношения во 2-й половине XVII века. Переговоры в Андрусово. 1674 г. (По материалам статейных списков русских послов)	150
Карандеев А.В. Боярские списки конца XVII века как исторический источник	165
Кузьмин А.В. К истории состава землевладельцев Можайского княжества в конце XIII — первой половине XV века (князья Смоленские, бояре Вельяминовы, Валуевы и Новосильцевы)	185
Лисейцев Д.В. Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа	216
Малето Е.И. В.О.Ключевский и Московское общество Истории и Древностей Российских (По материалам Научного архива ИРИ РАН)	252
Новохатью О.В. Законодательство второй половины XVII века о	282

Тимохина Е	. <i>A</i> . Изучение	дозорных книг	первой по	ловины	
XVII ве	ка в отечествен	ной историограф	ии	307	
		книга Волого			
 Шахова А.Д. Дьяки московских приказов второй половины XVII начала XVIII века как городские жители. Дом дьяка И.К.Алферьева					

Редактор-корректор *О.А.Пруцкова*

Компьютерная верстка Л.Г.Сапрыкина

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 21.10.04. Формат 60х84/₁₆. Заказ № 29 . Тираж 300 экз. 23,75 п.л. 20,57 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории; Отв. ред. П.Н.Зырянов. М.: [ИРИ РАН], 2004. 380 с.